

Ксения Власова

Чужой мир

© К. Власова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

В этом мире мало что зависит от нас. Я часто слышу: «Все в твоих руках, прояви настойчивость и получишь желаемое».

Пустое бахвальство.

Мир не вертится вокруг конкретного человека. Мы находимся в непрерывном взаимодействии друг с другом, и зачастую успех зависит не от нас самих, что было бы логично, а от тех людей, которые даже не входят в наш круг общения. Случайные знакомые, мимолетные попутчики, чужаки, ураганом врывающиеся в нашу жизнь и смерчем покидающие ее, – именно они чаще всего оказываются на посылках у Судьбы, подтаскивая той кусочки пазла – будущей картины нашего успеха или поражения.

– Прости, что так долго. – Лиди поставила передо мной поднос с заказом, и я оторвалась от наладонника, на котором печатала все это время. Подруга плюхнулась на соседний стул. – Предупреждаю, кофе ужасен. Старый поставщик отказался с нами работать, а новый задрал цены до потолка. Теперь приходится покупать плохонький товар за те же деньги.

Я улыбнулась и придвинула к себе огромную пузатую кружку с дымящимся напитком. Рассеянно сделала глоток (мыслями я все еще была не здесь) и поперхнулась – кофе явственно горчил на языке жжеными зернами.

– А я говорила... – мрачно протянула подруга и устало откинула с высокого лба каштановую челку. – Надеюсь, это временно.

– Конечно, – кивнула я и, отодвинув кружку с кофе, потянулась к сэндвичу.

– Угу, если санкции снова не продлят.

Мы обе замолчали, понимая, что продолжать бессмысленно. С тех пор как ввели санкции, разговоры о них заводили постоянно, и эти бесконечные пересуды успели порядком поднадоесть. Правительство то делало послабление, то затягивало удавку потуже – все уже привыкли к дискриминации, она не вызывала протеста, только какую-то животную усталость и желание продержаться еще немного. До лучших времен. Единственная проблема – никто не знал, когда они наступят.

Я задумчиво надкусила сэндвич (на вкус он оказался на порядок лучше кофе), слизнула с губ кисло-сладкий соус и вновь уткнулась в наладонник. На этот раз пальцы не набирали текст, а, наоборот, удаляли. Можно было очистить экран одной кнопкой, но я предпочла удалять вручную, наблюдая за тем, как буква за буквой медленно исчезали слова.

Вот так. Мои героини не должны наводить уныние на читателя. Непростые времена требуют одного – надежды.

– О чем в этот раз пишешь? – Лиди заинтересованно заглянула через плечо, но я быстро погасила экран.

– Ты же знаешь, я не даю читать, пока не допишу до конца.

– Знаю, – разочарованно протянула та. – Просто думала, что для меня сделаешь исключение.

Лиди обиженно тряхнула челкой, и я снова улыбнулась. В такие моменты она напоминала мне пони – миленькая, крепенькая, с задорным нравом. Лиди редко дулась, но если это все же случалось, то в ее позе всегда было столько обаяния, что злиться в ответ было решительно невозможно.

Карие глаза с чуть загнутыми ресничками, грива каштановых волос с непослушной челкой, которую Лиди вечно сдувала со лба, – нет, подружка и правда напоминала очаровательного пони. Если я правильно помню, как они выглядят... Все-таки семнадцать лет прошло с того момента, как я гладила последнего.

– Сделаю, – мягко согласилась я и, дождавшись, когда подруга окинет меня победным взглядом, добавила: – Но в другой раз.

Лиди одобрительно хмыкнула – ей нравились люди, не поддающиеся манипуляциям, – и перескочила на другую тему.

– А что редактор сказал насчет твоей книги?

Я чуть не поперхнулась кофе: не вовремя сделала глоток. Нет, Лиди тоже умела показывать зубки. Знала, что наступила на большую мозоль!

– Я зайду к нему после обеда. Пока не было времени.

– Поня-я-ятно, – протянула та и быстро выпалила, словно ударила наотмашь: – Они никогда не опубликуют книгу землянки. Ты же знаешь.

Знаю, но какое-то глупое упрямство, свойственное всей нашей семье, толкало меня вновь и вновь подавать заявку на публикацию. Я уже сбилась со счета, сколько раз атаковала электронный адрес редактора своими рассказами, сказками, повестями, романами. Я давно перестала систематизировать свои работы – понимала, что причины отказов, скорее всего, носят политический характер, а потому работу над ошибками можно провести лишь условно. В хаотичном беспорядке я чередовала свои работы, настойчиво подсовывая различные жанры и стили, благо любила эксперименты в творчестве. Три раза я подходила к редактору лично – все-таки я работала в издательском доме и видела своего начальника каждый день, но ни одна моя попытка не увенчалась успехом. Впрочем, Данишевские, если уж закусили удила, то шли до конца. Победного.

«Или чужого конца. Смерть врага если не означает твою победу, то немного утешает в поражении», – как говорил мой брат.

Вспомнив жесткую улыбку Алекса, всегда сопровождающую эти слова, я вздрогнула, а по спине отчетливо пробежали мурашки. Пришлось покрепче обхватить горячую кружку с кофе – захотелось избавиться от холода если не в душе, то хотя бы в теле.

– Майя, ты здесь? – Лиди защелкала пальцами перед моим лицом. – Снова связь с космосом словила?

Я очнулась и быстро моргнула.

– Прости, задумалась.

– Да ладно... Вам, творческим личностям, оно простительно. – Лиди отмахнулась, а затем замаялась. – Ты же не обиделась на то, что я сказала?

– Нет, конечно нет!

– Просто... Знаешь, я не хочу, чтобы после очередного отказа ты неделю ходила как в воду опущенная.

– Я вовсе не... – но поспорить мне не дали.

– Что вообще эти эрийцы понимают в литературе? У них же отвратительно грубый язык!

– Он просто лаконичный, – по привычке поправила я. – В алфавите всего пятнадцать символов, но их комбинации...

– Избавь меня от лекции по лингвистике! – гневно фыркнула Лиди. На ее лице читалось отвращение к предмету дискуссии. – И не оправдывай тех, кто уничтожает наше наследие. Ты знаешь, что всеобщим запретили пользоваться на улицах?

До недавнего времени никто не покушался на родной язык землян, но, видимо, даже серая полоса осталась в прошлом, и началась новая эра, окрашенная в еще более мрачные тона. Я спрятала руки под стол, сложив их на коленях. Сейчас начну теребить браслет на правом запястье, а этого делать не стоит. Сестра Алекса Данишевского не может показывать свое смятение окружающим. Даже если эти окружающие – близкие друзья, которых она знает уже лет десять.

– Я в курсе, – по возможности спокойно ответила я. – Приказ проходил через издательский дом.

Лиди какое-то время сверлила меня взглядом, словно ожидая какой-то другой реакции, затем вздохнула и отвернулась. И в этом жесте мне почудилось разочарование.

Я сглотнула. Тяжело быть пятном позора в безупречном роду Данишевских.

«Пацифистка от рождения», – кажется, именно так отозвался Алекс обо мне в одной из наших бесед. Вряд ли это было комплиментом.

– Нам запретили пользоваться нашим языком, так что едва ли твою книгу опубликуют. Даже если ты напишешь ее на эрийском и возьмешь псевдоним. – Лиди вновь повернулась. В глазах уже не было горечи, только смирение – то, что я видела каждый день вокруг себя.

Это еще хуже.

– Я же Данишевская. Я не могу прекратить пытаться. – Фраза почему-то прозвучала не оптимистично, а почти трагично. Не умею я шутить по поводу собственной фамилии.

Но Лиди неожиданно улыбнулась, словно услышала нечто забавное, и уже открыла рот, чтобы что-то добавить, но я ее опередила. Не хотелось вступать в диалог касательно своей наследственности. Сыта этим по горло.

– Сегодня так тихо, – я демонстративно покрутила головой. В зале и правда было почти безлюдно. Двое мужчин торопливо доедали свой обед. Софи неодобрительно поглядывала на них поверх очков – мама Лиди не любила, когда ее стряпне не отдавали должное.

– Десять дней до зарплаты, – передернула плечами подруга. – Людям не на что даже чашку кофе купить.

Собственный заказ встал поперек горла. Чувство вины опалило щеки и уши. Далеко не всем землянам повезло с работой так, как мне. Впрочем, разве это моя заслуга? Алекс – как всегда, дело в нем...

Лиди не заметила моего приступа самоуничижения или сделала вид, что не заметила. Кажется, в ее голове бродили другие мысли.

– В любом случае пока так тихо, можно решить кое-какие проблемы. Отец поехал разговаривать с новым поставщиком, а мама, – кивок в сторону Софи, – пересчитывает наше меню. Надо каким-то образом снизить цены, иначе к нам просто перестанут заходить посетители. Ты же знаешь, у наших, со всеми этими санкциями, деньги испаряются, как роса в жаркое утро.

Под «нашими» Лиди подразумевала землян, наших соотечественников. Впрочем, а кого еще? Не эрийцев же. Те никогда не заходили в заведения землян – брезговали, видимо. Земляне тоже никогда не заглядывали к эрийцам, но дело тут было в другом – цены кусались. Уровень доходов первых и вторых был несопоставим.

Я вздохнула. Вот так всегда. Даже в мыслях я называю эрийцев – эрийцами, а своих соотечественников – землянами. Я редко думаю такими категориями как «свои», «чужие», «мы» и «они». Может быть, в этом все дело? Поэтому я словно неприкаянная в этом мире?

Я покосилась в сторону Софи. Уткнувшись в экран старенького нетбука, видимо, привезенного еще с Земли, она задумчиво тарабанила пальцами по столешнице. Грива таких же роскошных, как и у дочери, волос, правда, ярко-рыжего цвета, была забрана в аккуратный пучок на макушке и оставляла открытым лоб, на котором пролегла глубокая складка – Софи хмурилась. Она резким движением сняла с носа очки и, похоже, хотела отбросить их, но в последний момент передумала. Вместо этого лишь устало потерла переносицу. Я поспешила отвести взгляд: быть непрошеным свидетелем чужой слабости мне казалось неприличным.

Я всегда уважала семью Лиди за упорство и смелость (чтобы вести дела с эрийцами, одного упорства было бы мало), но, похоже, даже у них заканчивалось терпение.

– Перемен требуют наши сердца, – пробормотала я полузабытую строчку из старой песни.

– Что?

– Да так, мысли вслух, – проговорила я и, посмотрев на часы, загромычала стулом – скрип ножек по чисто вымытому кафелю заставил меня поморщиться. – Спасибо за кофе, я побежала. До завтра!

Я чмокнула Лиди в щечку, помахала рукой Софи и заспешила к выходу, нервно накручивая длинный ремешок сумочки на запястье – опаздывать не хотелось, а время уже поджимало. Со мной вечно так. Я никогда не просыпала, но вот заболтаться, задуматься, увлечься чем-то и забыть, где находишься, – это было в моем стиле.

Хорошо еще, что работа находилась в паре минут ходьбы от кафетерия Лиди.

– Беги, но не упади с таких огромных каблуков!

Привычное напутствие не вызвало даже улыбки. Хорошо ей шутить! У нее-то рост метр семьдесят три. Не то чтобы слишком большой, но, во всяком случае, он позволяет не чувствовать себя козьявкой рядом с двухметровыми эрийцами.

Мне с моими метром шестьдесят об этом оставалось лишь мечтать.

На улице было привычно пасмурно. Я подняла воротник пальто, хотя дождя не было. На грязно-сером небе среди многочисленных туч холодно поблескивали два светила – бледно-оранжевое и тускло-желтое.

Я тут же вспомнила, что забыла с утра принять таблетки, и чертыхнулась.

Толку от наличия у планеты сразу двух звезд было чуть: света они давали мало. Мне, как и всем

землянам, приходилось принимать мультивитаминные комплексы, без которых появлялась острая нехватка витамина D и сопутствующая ей депрессия. Интересно, а ведь идея бесплатной раздачи лекарств принадлежала эрийцам, то есть поначалу о санкциях никто и не думал. Когда же начались притеснения и явная дискриминация землян?

Задумавшись, я ловко перепрыгнула через лужу и, балансируя на тонких каблуках, чуть не упала на эрийца. Тот развернулся и хотел было сказать в мой адрес что-то нелестное, но я быстро пролепетала извинения и юркнула за угол. Угнаться за мной было невозможно – я в совершенстве освоила искусство бега на каблуках.

Уже зайдя в здание, вспомнила о серой руке с длинными тонкими пальцами и невольно задалась вопросом: если мы проживем на этой планете один век, будет ли у наших следующих поколений такая же серая кожа? Впрочем, что за глупость! Расовые особенности индивида нельзя путать с приобретенными. Вот если бы произошло смешение генов...

Возможно, будь перспектива общего потомства реальной, я бы рано или поздно узнала ответ на этот вопрос, но гены землян и эрийцев оказались несовместимы друг с другом.

«Так же, как и их владельцы», – хмыкнула я и постаралась как можно незаметнее проскользнуть в кабинет корректоров. Это мне удалось, и, усаживаясь на свое рабочее место, я с облегчением выдохнула: «Успела!»

Раздавшийся сигнал по внутренней связи заставил меня подпрыгнуть. Я поспешно активировала окно на панели рабочего стола своего компьютера.

– Дани... – Я терпеливо переждала бульканье, обозначающее у эрийцев звук «ш». В памяти всплыла недавняя пародия Лиди на эрийцев, неспособных в силу строения речевого аппарата воспроизводить шипящие, и я с трудом подавила улыбку: лицо редактора на экране не располагало к шуткам, – ая, – с трудом закончил начальник. – Зайдите ко мне.

Экран мигнул и погас. В душе так же мигнул на мгновение свет и воцарилась темнота. Я не обладала экстрасенсорными способностями, но и без них могла сказать, что мне не стоило ждать ничего хорошего.

Я медленно встала, по возможности незаметно вытерла вспотевшие ладошки о собственный пиджак и направилась в кабинет к редактору.

– Садитесь, – приказным тоном распорядился он, как только я перешагнула порог его святилища.

Назвать эти владения иначе у меня не поворачивался язык: везде, куда падал взор, были развешены награды и фотографии моего начальника с известными людьми. Все это напоминало алтарь для поклонения самому себе. Кажется, вон в том углу висит награда за лучший костюм на карнавале в начальной школе. Впрочем, отсюда слишком плохо видно, не могу говорить наверняка.

Я молча опустила в кресло для посетителей и сложила руки на коленях. Пальцы слегка подрагивали, так что пришлось сжать их в кулачки.

– Я ознакомился с файлами, присланными вами. Со всеми десятью, – недовольно добавил он. Начальник говорил подчеркнуто нейтрально, опуская обращение по фамилии, что можно было трактовать как проявление неуважения или даже скрытой агрессии, но я уже давно не обращала на такие мелочи внимания. – К сожалению, ни одна из работ не может соответствовать понятию «эрийской литературы». Это обычный ширпотреб, не более. Издательский дом отклоняет вашу заявку.

Сердце ухнуло куда-то в колени, а затем поднялось и застряло где-то в горле: еще ни разу мне не отказывали так жестко.

– Возможно, если вы поясните, что именно не устроило вас в работах, то их изменение позволит исправить ситуацию, – я тоже опустила обращение по фамилии, предписанное по законам этикета. Сделала это осознанно, и, судя по дернувшейся щеке собеседника, мой маневр не остался незамеченным.

Не знаю, зачем это сделала. Видимо, вскипела горячая кровь Данишевских.

– Ваши работы, даже переписанные заново, не могут претендовать на высокое звание эрийской литературы. Уж вы, с вашей-то фамилией, должны это понимать.

Эта ремарка настолько выбила меня из колеи, что несколько мгновений я тупо смотрела на побледневшее (хотя куда уж больше бледнеть!) от гнева лицо начальника и совершенно не к месту размышляла, почему при относительной внешней схожести эрийцы и земляне имеют столько внутренних противоречий? Ведь сидит же передо мной классический представитель эрийской расы

– двухметровый мужчина с серой тонкой кожей, изящным, даже хрупким строением тела, с удлинёнными по сравнению с параметрами землян руками и ногами. Да, у него немного иное, чем у меня, строение ушных раковин, а волосистой покров отсутствует в принципе (включая и ресницы на глазах), но ведь в остальном он не так уж отличается от землянина. Почему же с ним невозможно договориться? Неужели враждебность идет еще на генном уровне из-за несовместимости ДНК?

– Я понимаю, – слова даются с трудом, но на ноги встаю я достаточно уверенно. – Но если вдруг я напишу что-то достойное...

– Не трудитесь. Вы можете принести пользу обществу на уровне корректуры. У вас идеальный эрийский, будто вы родились на нашей планете.

– Благодарю.

– Не стоит. Знание языка не делает вас обладателем тех сокровищ, которые он хранит. Я про культурное наследие. Вы же понимаете? Что вы, землянка, можете предложить нашей высокоразвитой расе? Ничего.

Я мысленно насчитала три оскорбления в этой короткой речи, после чего перестала ее анализировать. У меня была задача поважнее – не разреваться и не вспылить. Я даже не знала, чего мне в данный момент хотелось больше.

– Я могу идти?

– Конечно. И впредь не беспокойте меня по пустякам. Вы хорошо работаете, но на ваше место много претендентов. Не позволяйте себе отвлекаться.

Все-таки вспылить хочется больше. Пришлось больно укунить себя за язык, чтобы промолчать, а затем, кивнув на прощание, покинуть кабинет начальника.

– На вашем месте я бы подумал о том, чтобы сменить фамилию, – эти слова нагнали меня уже в коридоре, и у меня возникло чувство, что сделано это было специально: чтобы невольные зрители, если таковые найдутся, услышали, как ловко их начальник ставит на место зарвавшуюся землянку.

Я проигнорировала столь многозначительное напутствие, но перед глазами поплыл белесый туман. Медленно переставляя ноги, доковыляла до своего рабочего места и буквально упала на стул. Открыла первый попавшийся документ и уткнулась в него, не видя абсолютно ничего.

Впервые мне настолько открыто отказали, ссылаясь на мою расовую принадлежность. Впервые мне завуалированно угрожали. Впервые намекнули, что от моей фамилии сплошные беды.

Мне надо было подумать.

«Алекс, что же ты затеял на этот раз?!»

Остаток рабочего дня прошел спокойно. Я настолько увлеклась корректурой рассказов двух совершенно бесталанных, но неимоверно популярных сейчас авторов, что забыла о времени. Даже мысли о брате удалось выкинуть из головы. Наверное, я действительно люблю свою работу.

В метро, как всегда, былолюдно и шумно, но мне по счастливой случайности удалось прошмыгнуть на освободившееся сидячее место – в небольшом росте есть и свои преимущества. Во всяком случае, поднырнув под высокого эрийца, я опередила того в погоне за желанным местом.

Устроившись поудобнее и проигнорировав недовольного соперника, коршуном нависшего надо мной, я уткнулась в наладонник. Желания творить не было совершенно (хотя я частенько печатала в метро, если вдохновение настигало в дороге), поэтому я открыла новостную строку.

С детства мне внушалось, что знание – сила. В моей семье был целый ритуал, когда за утренним кофе просматривались все доступные новости. Отец тщательно анализировал разные источники, где одно и то же событие преподносили под разным соусом.

Я была еще мелкая, поэтому со мной новости не обсуждали, но вот Алекса отец нередко звал к себе в кабинет и экзаменовал на предмет того, сколько же тот сумел понять, собирая разрозненные кусочки пазла.

Иногда отец одобрительно хмыкал, но чаще я, прижавшая ухо к двери папиного кабинета, слышала совсем иное:

– Алекс, ты разочаровываешь меня. Как ты мог позволить манипулировать своим сознанием? Посмотри, если сравнить информацию здесь и здесь, становится очевидным...

Что именно становилось очевидным, я редко дослушивала. Это было уже неинтересно. Почему-то

для меня имела значение только победа брата в этом словесном поединке, и если такого не происходило, я, разочарованная, уходила к себе.

Все-таки хорошо, что Алекс старше меня на десять лет. Уверена, я бы не ответила ни на один вопрос отца. В каком-то смысле даже лучше, что он так рано покинул нас.

Я вздохнула. Мне никогда не хватало собранности, чтобы изучать новости за завтраком (да и завтрака у меня как такового не было, вместо этого я вечно как бешеная носилась по квартире в попытке собраться поскорее), но читать новости по вечерам или перед сном вошло у меня в привычку. Возможно, это была дань уважения памяти отца.

Первый же новостной сайт выдал мне огромную пафосную статью, посвященную семнадцатой годовщине со дня спасения землян от ужасной смерти:

«В тот момент, когда раса Земли погибала, достигнув своего техногенного кризиса...»

«Ядерная катастрофа, спровоцированная землянами по собственной недальновидности...»

«Непоправимый экологический ущерб...»

«Взрыв, превративший обитаемую планету в безжизненную пустыню...»

«Эрийцы, благородно предоставившие кров нескольким тысячам спасенных землян...»

«Эскадрилья эрийцев, взявшая себе на борт беженцев...»

И прочее бла-бла-бла. Каждый год одно и то же. Хоть бы обновили штампы.

Я заскользила пальцами по экрану, пролистывая бесполезную пропаганду и выискивая действительно важные новости. И нашла.

Правда, пришлось воткнуть наушники и включить видео. Текстовой информации на этот счет почему-то не было.

Эриец на чистом эрийском, настолько чистом, что даже я едва успевала анализировать его речь, лишенную характерной растянутости звуков, говорил о найденных на севере залежах полезных ископаемых, которые считались полностью использованными пару десятилетий назад. Он с излишним пафосом перечислял те преимущества, что подарит эта находка его соотечественникам, а заодно, между делом, упомянул, что тела эрийцев не могут выдержать столь аномально низких температур. Роботы, к сожалению, тоже оказались непригодны к этой работе: слишком несовершенны, а потому почетная миссия по эксплуатации новеньких шахт возложена на землян. Рабочие группы будут сформированы в ближайшее время. Естественно, всем добровольцам правительство снизит количество санкций и...

Дальше я не слушала. Рывком выдернула наушники и резко выключила наладонник.

Первой, о ком я подумала, была Лиди. Ее парень, Макс, наверняка попадет в разряд «добровольцев». Физически развитый, не имеющий проблем со здоровьем и законом, он попадет в первую же волну. Конечно, возможно, правительство пойдет менее агрессивным путем и будет добиваться своего экономическим давлением: исчезнут все вакансии, прокатится волна сокращений, люди останутся без работы. А ведь налог на тунеядство никто не отменял. Если ты не работаешь – плати штраф. Если не в силах это сделать – добро пожаловать в тюрьму. Ну а оттуда уже в колонию, поближе к залежам ископаемых, чтобы обществу польза была от твоей персоны.

Я закрыла глаза. Прав был Алекс, когда говорил, что введение подобного налога – это последний гвоздь в крышку гроба землян.

«Теперь у тебя не будет даже иллюзии права выбора. Ты будешь соглашаться на любую работу».

Я тогда испугалась, но предпочла об этом не думать. Как и большинство. Возможно, стоило воспротивиться уже тогда?

Шагая по темным улицам, я думала о Максе, о Лиди и не знала, как им помочь. К беспокойству примешивалась еще и борьба с маленьким отвратительным червячком – с чувством облегчения. У меня-то парня нет, мне не придется провожать его на север и бояться, что он не вернется, ведь если бы там было безопасно, эрийцы и сами бы занялись разработкой.

У меня же только Алекс. Ну, этот и сам сможет за себя постоять.

Последнюю фразу я чуть не произнесла вслух, когда после долгой возни с ключами оказалась в маленькой прихожей собственной квартиры.

Прихожая вела в гостиную, которая была одновременно и спальней, поэтому незваного гостя я увидела сразу – в полутьме, озаряемой лишь светом раскрытого нетбука и парой ночников в углах, на стареньком кресле уютно расположился Алекс и, скрестив стройные ноги в лодыжках, копался в уже упомянутом нетбуке.

Моем нетбуке.

– Добрый вечер, Майя, – спокойно откликнулся этот негодяй. – Ты опаздываешь. – Он бросил демонстративный взгляд на наручные часы. – На пятнадцать минут.

– В городе пробки, – мрачно буркнула я, скидывая верхнюю одежду и переобуваясь в домашние тапочки.

– Ты на метро, – педантично поправил тот.

– Ты кто, чертов Мерлин?! – Наверное, день выдался слишком тяжелым. Обычно я не позволяю так быстро вывести себя на эмоции. Впрочем, это же Алекс...

– Мерлин? – заинтересованно переспросил братец и даже оторвался от экрана нетбука. – Тот, что из легенды про короля Артура?

– Тот, что из мультика «Меч в камне», – мрачно отрезала я и выдернула из рук брата свое сокровище, весьма пафосно захлопнув при этом крышку устройства. – Тебе не говорили, что копаться в чужих вещах неприлично?

– Я помню эту лекцию. Кажется, она шла сразу после «веди себя хорошо, иначе попадешь в ад». Я считал ее нецелесообразной.

Я злобно посмотрела на Алекса, восседающего с ленивой грацией принца, и промолчала. В такие моменты мне безумно хотелось позаимствовать у него волос и сдать на анализ ДНК, чтобы проверить наши родственные связи. Снова. Предыдущих двух иногда мне мало.

– Впрочем, ты зря злишься, Майя. Нетбук лежал открытым. Если ты хотела сохранить что-то в тайне, не стоило оставлять его без пароля, да еще и в спящем режиме.

Я чертыхнулась сквозь зубы. Действительно, с утра я убежала в такой спешке, что забыла выключить нетбук, на котором работала полночи – писала рассказ для субботней встречи нашего литературного кружка. Хорошо, что утром мне не пришла в голову идея погладить пиджак – спалила бы весь дом.

– Ладно, ты прав. – Мне всегда было легче уступить Алексу, чем спорить с ним. Сложно спорить с тем, у кого IQ превышает твой собственный показатель интеллекта сразу на пару десятков пунктов. – Кофе будешь?

– Конечно, – мягко улыбнулся брат, давая понять, что конфронтация подошла к концу и мою строптивость простили.

– А его нет, – мстительно откликнулась я, но тем не менее отправилась на кухню. – Я ждала тебя только через неделю.

Алекс навещал меня раз в месяц, и к его приходу я всегда покупала хороший кофе. В обычные же дни предпочитала более бюджетный вариант – черный чай. Зеленый по стоимости равнялся кофе, и меня душила жаба приобретать его за эту цену.

– Посмотри на верхней полке шкафчика, – невозмутимо донеслось из комнаты.

Распахнула дверцы, зависла на пару секунд, потарасилась на банку элитного кофе, а затем молча достала ее.

– Мог бы просто оставить на столе.

– Во всем должен быть порядок, – равнодушно заметил Алекс, появляясь в дверях кухни с нетбуком в руках. Видимо, снова взял его, когда я вышла из комнаты. – К тому же иначе это бы выглядело как подарок. А я не делаю подношений.

Я пожала плечами. Часто я не успевала за логикой Алекса, поэтому просто принимала как неизбежное зло большинство его привычек.

Вода закипела мгновенно, и я бросила в турку пару ложек перемолотых в порошок зерен из банки, пожадничав и захватив даже больше, чем нужно. Почти сразу по маленькой кухне поплыл божественный аромат свежесваренного кофе.

- Так интересно? - Я кивнула на все еще открытый нетбук.

- Неплохо, - сдержанно похвалил тот. - Интрига имеется.

Я удивленно приподняла бровь.

- Раньше ты не отзывался столь тепло о моих работах.

- Раньше я их не читал.

- Это многое объясняет. - Несмотря на смущение, мне было приятно, что Алекс прочитал хотя бы один мой рассказ. Его мнение было важно для меня.

Я никогда не обижалась на то, что он не интересуется моим творчеством. Как вообще можно предъявлять такие претензии Алексу Данишевскому - главе земного совета, представителю оппозиции в составе парламента эрийцев? Хорошо, что у него есть время навещать младшую сестру и спать хотя бы четыре часа в сутки.

Я искоса посмотрела на брата: залежные тени под ярко-синими глазами говорили о том, что он снова пренебрегает ночным сном. И дневным заодно. И вообще снова испытывает себя на прочность.

Сердце сжалось - я переживала за Алекса. Несмотря на все наши разногласия, он был моей семьей. Он был тем, кто заботился обо мне: квартира, пусть небольшая, в не самом престижном районе, но своя - немислимая вещь для одинокой землянки; работа - та, что приносила мне деньги и чувство удовлетворения. По сравнению со многими я была хорошо устроена. Насколько это возможно в моей ситуации.

Алекс был не просто братом для меня, он... Наверное, легче рассказать с самого начала.

Мне было десять, когда в результате техногенной катастрофы бóльшая часть землян погибла и лишь несколькими тысячам удалось спастись. Тогда на помощь пришли эрийцы - союзники, недавно обнаруженные в космосе. Они предоставили убежище выжившим на то время, которое понадобится планете на восстановление ресурсов. То есть на очень-очень долгий срок.

Я мало что помнила из детства. В памяти не осталось паники, ужаса или отчаяния. Только огромный желтый взрыв, пронесшийся по планете - так выглядела катастрофа в окне иллюминатора космического корабля. Мой отец, известный политик, позаботился о том, чтобы спасти всю свою семью - маму, брата и меня. Я не знаю, страшно ли мне было, наверное да, но в воспоминаниях навсегда отпечаталось мертвенно-бледное лицо мамы и стеклянный взгляд Алекса. По его щекам тогда катились слезы, но вряд ли он понимал это. Больше я ни разу не видела брата плачущим.

По прилете на новую родину отец развил бурную деятельность. Конечно, вся его энергия была направлена на политику. Он уходил рано утром, приходил поздно вечером и постоянно что-то говорил о совете землян и общем парламенте. Но я так и не успела разобраться в его идеях - он умер, когда мне было одиннадцать.

Мама стойко перенесла случившееся несчастье, но и ее негибаемость оказалась лишь маской.

В тринадцать лет я осталась фактически сиротой - у мамы случился срыв, последствия которого оказались непоправимы. Вот уже четырнадцать лет она лежит в палате реанимации, находясь между жизнью и смертью. Каждый год мы с Алексом подписываем прошение о продлении систем жизнеобеспечения. Этот год станет последним. Если мама так и не придет в себя, врачи отключат аппараты.

При мысли об этом мне почти не больно. Я уже давно похоронила ее. Еще тогда, в тринадцать лет.

У меня остался только Алекс.

Наверное, ему было страшно остаться с младшей сестрой на руках. В двадцать три года такие вещи пугают. Да даже в двадцать семь, в моем возрасте, такая ответственность заставляет испуганно сжиматься сердце, что уж говорить про брата. Но если он и боялся, то ни слова не сказал об этом.

Я училась в пансионе закрытого типа, вместе с эрийцами - немислимое дело для землянки. Брат забирал меня лишь на выходные и тогда уделял мне столько внимания, сколько мог.

Он подолгу разговаривал со мной, ведя пространные беседы о политике, подсовывал книги по психологии и затем со сдержанным интересом узнавал, как много я подчерпнула из них. Он проверял мои домашние задания с пугающим рвением, и зачастую его беспощадная оценка моих способностей заставляла обиженно глотать слезы. Его холодные слова, привычка держаться

отстраненно и нежелание высказывать одобрение моим действиям ранили сильнее, чем чьи-то чужие хлесткие комментарии, и вскоре я отрастила толстую шкурку, позволившую относиться к любой критике весьма флегматично. Я никогда не спорила с братом – сначала попросту не находила в себе сил для отпора, а потом поняла, сколько всего на него свалилось, и не хотела стать еще одним его разочарованием.

Он упорно работал, до полной потери рассудка, до состояния, когда приходил и падал на кровать (я сама это видела). Я смутно понимала, чем он занимался, знала только, что продолжает дело отца. Этого было достаточно.

Я уважала, любила брата до беспамятства и в то же время боялась – знала, мне никогда не стать такой, как он. Уже тогда я догадывалась, к чему это приведет – к разрыву наших отношений. Эта мысль причиняла мне боль. Я старалась. Ох, как же я старалась соответствовать!

В институте, куда поступила тоже благодаря влиянию брата, я изучала те дисциплины, которые выбирал он. У меня была явная склонность к языкам, поэтому я выбрала специальность лингвиста. Конечно, с подачи Алекса. Сама я боялась и шаг сделать в сторону без его согласия.

Я не спорила, когда после окончания учебы он пристроил меня работать в межрасовый центр сотрудничества, но сбежала оттуда уже через полгода. Я просто не могла и дальше шпионить, юлить, участвовать в интригах и находиться в клубке змей, называемом политикой.

Тогда Алекс не поверил, что я могу отказаться от места в его команде. Он даже не сразу прибег к манипуляциям, уверенный, что одной его просьбы будет достаточно.

Несмотря на все его ухищрения, я так и не вернулась в центр. Напрасно братец взывал к чувству долга, к памяти предков, к ответственности, которую накладывает фамилия Данишевских...

Впервые в жизни я проявила упорство и отстояла право на жизнь. На свою собственную жизнь, какой бы бессмысленной она ни казалась.

Пожалуй, это единственный поступок, которым я горжусь. И, как мне иногда кажется, единственный, вызывающий пусть капельку, пусть совсем немного, но уважения у Алекса. Забавно, да?

Задумавшись, я упустила момент, когда кофе вскипел пенкой и ринулся на плиту. Торопливо сняла турку с огня и под неодобрительным взглядом брата разлила кофе по кружкам. Достала сахар и демонстративно положила себе два кубика. Алекс понимающе поднял уголок губ, но на провокацию не поддался – он никогда не подслащивал напитки. Эстет.

– Как мама?

Я ждала этого вопроса, но все равно вздрогнула. Поспешно пригубила из кружки, обожглась и, поморщившись, ответила:

– Все так же. Не приходит в себя. Я поменяла в вазах цветы и повесила в палате новые шторы – старые выглядели непрезентабельно.

Алекс кивнул. Я уверена, он осведомлен о состоянии мамы не хуже моего, но не подает вида. Такие расспросы стали нашим ритуалом – способом напомнить, что я тоже часть семьи Данишевских. Только я никогда не знала, кому Алекс таким образом освежает память: себе или мне?

– У отца истерлась табличка на надгробном камне. Хорошо бы поменять.

– Пришли мне счет, – тут же предложил Алекс. – Я оплачу.

В этот раз кивнула уже я, потому что если на цветы и шторы я могу найти деньги, то на новую табличку буду копить пару-тройку месяцев. Металл снова подорожал.

– Ты слышал новость об открытии месторождения на севере?

Обычно я избегаю всяких разговоров о политике, во всяком случае с Алексом, но в этот раз не удержалась: слишком сильно я беспокоилась о Лиди.

Мне думалось, братец улыбнется своей жесткой улыбкой и заверит, что у него все под контролем, возможно, выскажет два-три варианта развития событий, но вместо этого он кивнул и кратко откликнулся:

– Да, я в курсе.

Я подождала еще немного, но Алекс задумчиво пил кофе и не намеревался продолжать разговор. Вот тут я уже занервничала по-настоящему.

– И что ты думаешь предпринять? Ты же будешь что-то делать?

– Откуда вдруг такой интерес к «грязной закулисной игре»? – Алекс по памяти процитировал мое определение политических интриг и криво усмехнулся: – Ты и без меня понимаешь, что происходит.

Так, не теребить браслет, не теребить!

– Это начало конца, Майя, – он произнес это спокойно, даже обыденно, как будто делился прогнозом погоды на завтра.

Я не заметила, как в его руках появилась монетка, обычная железная монетка, привезенная с Земли и оставленная в качестве памятной вещички. Она не стояла абсолютно ничего, но Алекс бережно хранил ее. Я предполагала, что для него этот маленький кусочек металла нечто вроде талисмана. Зачем на самом деле ему эта монетка, я не могла сказать – никогда не спрашивала.

Алекс крутанул монету, и она завертелась на месте. На мелькающей серебристой стороне можно было увидеть выбитую дату выпуска – две тысячи сорок пятый, год техногенной катастрофы на Земле.

– Когда что-то запускают, Майя, остается всего два варианта: либо оно остановится само, выполнив свою задачу, либо его остановят. – Алекс резко накрыл монетку ладонью, и та замерла, застыв между его пальцами.

– Интересная лекция по движению физических тел в пространстве, – осторожно заметила я, с опаской поглядывая на Алекса. Братец к чему-то вел, и, судя по долгому предисловию, мне точно не понравится то, что он задумал.

– Тебе нужно уехать.

Вот так просто. Я исподлобья посмотрела на Алекса, тот встретил мой наверняка настороженный взгляд совершенно невозмутимо. Монетки в его руке уже не было – спрятал во внутренний карман пиджака.

– Далеко?

– Достаточно, на Цинф. Язык не забыла?

– Подожди-подожди! – Я потрясенно замотала головой. – У эрийцев с цинфийцами давняя вражда, холодная война в любой момент может перетечь в полноценное противостояние!

– Верно, – спокойно подтвердил Алекс. – У эрийцев с цинфийцами действительно не самые теплые отношения. Но какое тебе, землянке, до этого дело? Или ты снова забыла, к какой расе принадлежишь?

Я сглотнула и вцепилась в столешницу. В голосе Алекса не было ни намека на угрозу, казалось, он действительно просто напоминал мне очевидное, но почему же стало так страшно? Чертов братец с его не менее чертовой харизмой! Иногда мне кажется, что он с легкостью поведет за собой толпу в любую нужную ему сторону. Было что-то по-настоящему завораживающее то ли в его несгибаемом, почти деспотичном характере, то ли в ярко-синих глазах, в которых отражался не только ум, но и жесткая хватка.

Глаза, кстати, у нас были одинакового оттенка. От мамы достались. Пожалуй, на этом сходство между нами и заканчивалось.

Я снова искоса посмотрела на брата. Крепкий, высокий (на полторы головы выше меня), он каким-то образом внушал опасение даже тогда, когда улыбался. Улыбка у него была замечательная! Но и она вызывала ассоциации с хищником – не львом, не тигром, а скорее... с коршуном. Тонкие черты лица не могли сгладить это впечатление, наоборот, они казались излишне заостренными, а потому лишь подчеркивали едва уловимое сходство. Темно-русый оттенок волос, словно финальный мазок, завершал его образ.

Я молчала, скользя взглядом по лицу брата. Голова раскалывалась от хоровода бешено кружащихся мыслей.

– Тебе не идет этот хвост, – неожиданно ляпнула я. Тонкая, куцая косичка спускалась с затылка до середины правого плеча Алекса и заканчивалась традиционным узлом из трех разноцветных резинок – цветов всеобщего флага землян.

Такую же прическу носил мой отец, но ему она шла. Алекс же с ней смотрелся слишком вычурно. Надо же, только сейчас заметила!

– Я знаю, – пожал плечами он. – Сбрею, когда придет время. Теперь ты готова к разговору?

Алекс подался вперед и положил локти на стол, я же откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

– Зачем мне лететь на Цинф? Там опасно.

– Не больше, чем здесь, – поморщился Алекс. – Все твои знания о цинфийцах пропущены через фильтр пропаганды эрийцев. Пояснить, что это значит?

Я покачала головой.

– Зачем? – Мой вопрос можно было трактовать двояко, и я уточнила: – Зачем я тебе на Цинфе?

– Мы подошли к финишной прямой, Майя. Сейчас все завертелось с такой скоростью... – перед моими глазами вновь возникла монетка, запущенная в бессмысленный танец чьей-то рукой. Мне даже почудились блики на столе от серебристой поверхности этого металлического кругляшка, и я моргнула, приходя в себя.

– Прости, что ты сказал?

Алекс посмотрел на меня так, будто я заставила его признаться в чем-то противозаконном, но покладисто повторил:

– У меня нет больных мозолей и ахиллесовых пят, на которые можно было бы надавить. У меня одна слабость – ты, Майя.

Теплая волна, похожая на южный ветерок, пронеслась по телу и осела легким покалыванием в немного подрагивающих пальцах. Я положила ладони на колени и сжала их в кулаки. Не хотела, чтобы Алекс заметил мое волнение.

Я и в первый раз отлично все расслышала, но хотелось убедиться, что слух не подвел меня. А еще я с трудом подавила глупое, детское желание сбегать в комнату за диктофоном и попросить братца повторить свое признание. Чувствую, в следующий раз нечто проникновенное он скажет лишь на моих похоронах, а потому жаль упускать момент.

Вместо этого я кивнула:

– Продолжай.

– Я не могу допустить, чтобы тебя использовали как рычаг давления на меня. Тебе нужно скрыться.

– В городе легко затеряться.

– Нет, тебя найдут. На Цинфе будет безопаснее.

Я помолчала, обдумывая вопрос.

– Цинфийцы... Они... Ты считаешь их союзниками?

– Я еще не решил. – Алекс покосился на наручные часы. – Майя, формулируй свои мысли быстрее, у меня осталось десять минут.

Я злобно фыркнула. Десять минут на то, чтобы я могла определиться – жить мне, убегая словно крыса, или умереть героем, воспетым в национальных песнях. Ладно хоть право выбора предоставляет. Мог бы просто запихнуть на корабль и отправить посылкой на Цинф.

Постойте-ка...

Я замерла, ошарашенная догадкой. Затем сощурилась и с подозрением уточнила:

– Это все?

– Не понял.

– Мой побег на Цинф – лишь часть плана, верно?

– Наконец-то ты начала задавать верные вопросы, – удовлетворенно и даже с каким-то облегчением, словно сомневался, что до этого дойдет, откликнулся братец. – Если все пойдет, как я задумал, мы добьемся гораздо большего, чем надеемся, но и в случае пессимистичного прогноза мы выполним задачу-минимум – обеспечим твою безопасность. Эрийцы не достанут тебя на Цинфе.

– Какова же задача-максимум?

Алекс улыбнулся.

– Издать твою книгу.

Если бы я не обвила в этот момент ножки стула ступнями, то точно бы сползла под стол.

– Алекс! Издеваешься?!

– Пять минут... – со вздохом прокомментировал брат, снова покосившись на циферблат наручных часов. Вид при этом имел самый несчастный – с таким учитель начальных классов в двадцатый раз повторяет нерадивому ученику, что дважды два – четыре. – Нет, вовсе не издеваюсь. Если я смеюсь над собеседником, то делаю это более изощренно.

– Если ты не объяснишь все человеческим языком, я тебя ударю, – на полном серьезе пообещала я. Терпение было на исходе.

– Лучший способ что-то спрятать – выставить на всеобщее обозрение. Если будешь на виду, никто не посмеет на тебя покуситься.

– Отлично. При чем здесь моя книга?

– На Цинфе одной из самых востребованных отраслей считается масс-медиа. Проще говоря, в развлекательный блок вкладываются огромные деньги. Сериалы, фильмы, книги, игры – все это пользуется бешеной популярностью, каждая новинка получает свою долю внимания. Тебе достаточно вызвать интерес, а затем напоминать о своей персоне. А что может интриговать сильнее, чем книга писательницы-землянки, прилетевшей на планету с дружеским визитом? Ах да, книгу надо будет перевести на цинфийский. Ты язык помнишь?

– Я учила его в институте! – мрачно напомнила я. – Естественно, большую часть уже забыла.

– Значит, освежишь в памяти, – распорядился Алекс. Он положил на стол флешку и придвинул ко мне указательным пальцем. – Здесь информация о планете. Не могу сказать, что сведения секретные, но после просмотра лучше бы их удалить. Только извлеки языковую программу.

– Не идиотка, догадалась бы.

– Мало ли... – пожал плечами Алекс и, проигнорировав мое гневное сопение, продолжил: – Твоя задача – удержать на себе внимание цинфийцев и по возможности создать у них в головах благоприятный образ землян. Детали прописаны в инструкции. – Он кивнул на флешку. – Вопросы?

– Э-э-э...

– Я так и думал. Тогда встретимся через неделю, когда ты вспомнишь язык и познакомишься с учебными материалами, – с этими словами Алекс легко поднялся, уже стоя сделал последний глоток давно остывшего кофе и шагнул к выходу.

– Я еще не соглашалась!

– Хорошо.

– Мне надо подумать!

– Буду иметь в виду.

Алекс стоял на пороге квартиры и тянулся к дверной ручке, а я запаниковала по-настоящему.

– Я не смогу перевести книгу на цинфийский за неделю!

– Майя, – все-таки терпение покинуло братца, и он закатил глаза. – Естественно, одна ты это сделать не успеешь. Над переводом поработает моя группа. И не беспокойся, я уже выбрал книгу.

– Какую? – пискнула я.

– «Снег в июле». Она мне понравилась больше остальных.

– Но когда ты успел... – Алекс сухо чмокнул меня в щеку и вышел за дверь. Заканчивала фразу я уже в одиночестве: – Ознакомиться с моими книгами?

Минуто я таращилась на опустевшую прихожую, словно в полусне. Затем на автомате щелкнула замками и проковыляла в комнату, где рухнула на незастеленную с утра постель. Если бы у меня было домашнее животное, я бы заговорила с ним, но питомца я так и не завела.

– Все страньше и страньше, – пробормотала я и коснулась ладонью скользящей поверхности нетбука. Она была теплой – нагрелась за время работы. Не кошка, но все же... – Как же нам с тобой

поступить?

Поглаживая крышку нетбука, я думала о предложении брата. Конечно, это больше походило на приказ, но мне не впервой было поступать по-своему. Конечно, я хотела бы, чтобы мою книгу прочло как можно больше людей – земляне, эрийцы, цинфийцы, не важно. Но я четко понимала одно: книга – лишь ширма для куда более серьезных вещей. Я стану куклой, которую будут дергать за веревочки. Готова ли я к этому?

Я спустила ноги с кровати и медленно подошла к большому зеркалу в прихожей. Склонив голову набок, я задумчиво посмотрела на свое отражение.

Невысокая, стройная, но не до худобы, изящная, как говорила раньше мама.

Мама.

От нее мне достались синие глаза, такие же, как у брата, и русые волосы, которые я все собиралась остричь до плеч, согласно местной моде, но все время откладывала – казалось, что мама бы не одобрила. А вот черты лица папины: широкие дуги бровей, красиво очерченные скулы, правильной формы нос и немного тонковатые губы.

Я прислонилась горячим лбом к прохладной зеркальной поверхности. Я – Данишевская. Их плоть и кровь. Так похожая на них внешне, неужели я могу отличаться внутренне?

– Я – слабость Алекса.

Сказанная вслух, эта фраза больше не казалось приятной, наоборот, она горчила на языке, как прокисшие сливки. Я не хотела быть его слабостью.

Закрыв глаза, я снова взвесила все за и против. Да, я боялась оказаться разменной монетой в политической игре брата, но еще больше я страшилась навредить ему. Я любила Алекса гораздо больше, чем он мог себе представить.

– Никто не сможет манипулировать моим братом.

Я бы хотела стать силой, опорой Алекса, но знала – это мне не по плечу. Достаточно того, что я просто перестану отрицать очевидное: я – Данишевская, и никуда от этого не деться.

На следующее утро первым делом я позвонила на работу и сказала, что больная. Мне холодно напомнили, что, согласно последнему декрету о санкциях, отсутствие сотрудника на рабочем месте более трех дней по любой причине (уважительной и не очень) влечет за собой увольнение. Я вежливо поблагодарила за предупреждение и заверила, что склерозом не страдаю.

Что ж, в издательский дом мне уже не вернуться при любом раскладе. Ладно, не будем оглядываться на сожженные мосты – вспыхнувшее зарево может ослепить и деморализовать, а на рефлекссию сейчас совершенно нет времени.

Я сварила кофе, на секунду склонилась над любимой кружкой с едва заметной щербинкой на боку и, блаженно прикрыв глаза, полной грудью вдохнула крепкий густой аромат бодрящего напитка. Кофе – это первая ступенька на лестнице, ведущей к счастью, и если он не в силах примирить вас с действительностью, то ничто не сможет. Размышляя подобным образом и все еще держа в одной руке кружку, другой я открыла кухонный шкафчик и нащупала завалявшуюся пачку с солеными крекерами. Довольно хмыкнула и вытащила печенье. В день, когда я переборю лень и приготовлю полноценный завтрак, на город обрушится как минимум торнадо, ведь мировая гармония – штука тонкая, любая мелочь может ее нарушить. Возможно, именно так Дороти и улетела в страну Оз – из-за вовремя непогашенного приступа хозяйственности у какой-нибудь ленивой девицы с высоким творческим потенциалом и низкой социальной ответственностью.

Похрустывая крекерами, я вернулась в комнату и удобно устроилась в кресле: поджала ноги и положила нетбук на колени. Открыла крышку, потянулась к лежащему рядом пледу и не глядя нажала на кнопку «пуск». Экран мигнул, запустилась программа приветствия. Флешка Алекса уже чернела в гнезде разъема. Я быстро щелкнула мышкой, выискивая нужную папку, а затем углубилась в чтение.

Файл представлял собой сборную солянку из разрозненных сведений касательно разных областей жизни цинфийцев. Имелась и краткая справка о самой планете, которую я быстро пробежала глазами, освежая в памяти подзабытую за ненадобностью информацию.

«Цинф вращается вокруг желтого карлика HR 772883 – звезды, по своим характеристикам схожей с Солнцем. Данная звездная система находится на расстоянии почти пятидесяти миллионов световых лет от Земли, в спиральном рукаве Щита-Кентавра галактики Млечный Путь, и долгое время считалась необитаемой.

Климатические условия планеты схожи с земными и подходят для жизни человека: атмосфера полностью пригодна для дыхания, более половины суши занято водой. Цинф вращается против часовой стрелки. Полный оборот планеты вокруг своей оси составляет двадцать восемь часов. Периодичность вращений вокруг звезды – триста восемьдесят дней, равных цинфийскому году, в котором местные жители выделяют пять сезонов.

Флора и фауна достаточно разнообразны. Среди них встречаются опасные для человека виды, но таковых с каждым годом становится все меньше. Технический прогресс позволил местным жителям освоить ранее непригодные для жизни территории.

В настоящий момент численность цинфийцев постоянно растет, и в случае сохранения тенденции можно будет говорить о перенаселении планеты и недостатке природных ресурсов.

Раса цинфийцев относится к разумным гуманоидам. Параметры тела соответствуют параметрам человека. ДНК цинфийца и человека практически тождественны. Высока вероятность совместимости и появления общего потомства».

Я оторвалась от экрана и задумчиво куснула губу. Не помню, чтобы на вводных лекциях по культурологии Цинфа нам говорили о чем-то подобном. Конечно, такая информация больше относится к биологии и медицине, а с этой точки зрения Цинф мы вообще не рассматривали. Да и преподавал нам не коренной житель планеты – носитель языка, а эриец, который не поощрял проявления любопытства. Как-то я попросила побольше рассказать о местном укладе жизни – и получила выволочку и контрольный тест вне плана. Тогда меня это озадачило, но я все списала на дурной нрав преподавателя. Сейчас же подумала, что, возможно, дело не только в нем.

Я нахмурилась, отмахнулась от какой-то зудящей в голове мысли-догадки, которая пока только формировалась, и щелкнула по ссылке, открывая изображение.

С фотографии на меня смотрел типичный цинфиец. Признаться, он мало чем отличался от землянина. Разве что лицо имело немного заостренную форму с ярко очерченными скулами. Крупные острые уши вызывали легкую улыбку и навевали ассоциации с литературной трилогией Толкиена – кажется, тот в своем творчестве уделял много внимания этому мифологическому народу с симпатичным дефектом ушной раковины.

Я защелкала мышкой, извлекая все новые фотографии цинфийцев. Смуглые, кареглазые и темноволосые, они определенно имели с землянами больше общего, чем эрийцы. Я задумчиво сделала глоток и даже не поморщилась, когда холодная жидкость липко прокатилась по горлу и оставила неприятный осадок – хуже остывшего кофе может быть только неправильно приготовленный.

Закрыв вкладку с изображениями, я вновь вернулась к тексту. Краткая справка подошла к концу, и теперь на меня посыпались разрозненные сведения, с ужасающей небрежностью надерганные из разных источников, как морковка с чужих грядок, и систематизированные лишь частично.

«С каждым годом численность населения продолжает расти, что приводит к многочисленным проблемам. С этого отчетного периода введены штрафы на наличие в семьях более одного ребенка, что породило лишь новое недовольство среди взбудораженной общественности.

Все растущая конкуренция за рабочее место приводит к социальной напряженности, которая непременно выльется в организованный конфликт, если правительство не предпримет существенных шагов по решению давно наболевших проблем».

Хм. Похоже на статью, возможно, даже цинфийскую. Интересно... А здесь у нас что?

Я вновь заскользила взглядом по экрану.

«Безработица, влекущая за собой финансовые проблемы, вынуждает цинфийцев ютиться в общежитиях, предоставляемых правительством. В подобных местах можно бесплатно получить крышу над головой и минимальный набор продуктов, а также, в случае необходимости, медицинскую помощь. Общежития представляют собой многоэтажные дома с просторными комнатами, заставленными кроватями. На этаже всегда в наличии ванная комната и столовая.

Подобный минимализм развивает дух коллективизма и взаимной ответственности. Возможно, именно поэтому у цинфийцев такая активная гражданская позиция. Избирательским правом пользуется каждый совершеннолетний гражданин, явка населения на выборы всегда составляет сто процентов. Это позволяет делать выводы...»

Я не дочитала. Текст напоминал выдержку из чьей-то исследовательской диссертации – любопытно, но слишком субъективно. Ладно, поищем еще что-нибудь.

О, кажется, я нашла точку зрения эрийца. Ну-ка...

«Суровые варварские законы не делают чести этой расе. По своей природе склонные к жестокости, цинфийцы проявляют ее и в правосудии. Проблема безработицы должна была породить всплеск преступности, но этого не случилось. Любое существенное преступление: убийство, кража, изнасилование – не важно, карается мгновенной смертью. Всего несколько десятилетий назад подобная кара распространялась не только на преступника, но и на всю его семью – жену, детей, родителей. В настоящее время физическая расправа совершается лишь непосредственно над преступником, но члены его семьи подвергаются гонениям: супруг (а) получает административный штраф, сумма которого столь огромна, что выплатить его зачастую возможно лишь через несколько лет при удачном стечении обстоятельств; детям закрывается ряд возможностей, в том числе и в плане выбора профессий. Согласно закону они не могут стать врачами, юристами, политиками и военными. Подобную звериную жестокость мы можем наблюдать во многих отраслях жизни цинфийцев...»

Я сглотнула. На ум пришло что-то про кару до седьмого колена. Действительно звериная жестокость... Кажется, с фразой о том, что сын за отца не ответчик, цинфийцы не знакомы.

После прочитанного на душе стало как-то беспокойно. Я встала с кресла и бездумно направилась на кухню. Немного постояла возле буфета, то открывая, то закрывая дверцы шкафчиков. Затем спохватилась, недовольно цокнула языком от бессмысленности своих действий и присела за стол, чинно сложив руки на коленях. Не прошло и минуты, как я подскочила и подошла к окну. Браслет на правом запястье жалобно позвякивал – я вновь нещадно теребила его, даже не замечая этого.

Облокотившись на подоконник и подперев ладонками подбородок, я какое-то время молча обзревала наш двор. Обычный день в неблагополучном спальном районе. Пара смельчаков гуляет с детьми, а вон та пожилая женщина что-то кричит. Я перевела взгляд чуть левее и заметила два бегущих со всех ног силуэта с женской сумочкой в руках. Навстречу ворах шли люди, но никто даже не помыслил вмешаться в происходящее.

Надо запомнить эту картину. Едва ли она возможна на Цинфе.

Я тут же задалась вопросом о том, публичные ли у них казни, но решила подумать об этом позже.

Я не могла не признать, что немного напугана, но не хотела делать поспешных выводов. Нет ничего хуже чужих умозаключений, принятых на веру.

Немного успокоившись, я вернулась в комнату и вновь уткнулась в нетбук. Кажется, снова выдержка из диссертации.

«Цинфийцы нашли весьма любопытный способ снятия социальной напряженности. На улицах были поставлены огромные экраны, день и ночь транслирующие фильмы и сериалы. Спектр развлекательных программ так обширен, что может удовлетворить любой вкус. Возле каждого экрана собирается своя компания местных жителей, которая путем голосования решает, что именно будет смотреть.

Развитие индустрии масс-медиа обеспечило жителей новыми рабочими местами (режиссерами, сценаристами, актерами, съемочным персоналом) и частично разрядило ситуацию.

Интересно, что даже в вопросе выбора развлекательной программы цинфийцы демонстрируют активную гражданскую позицию. Проявляя живой интерес к жизни актеров и других публичных людей, они готовы на поразительную преданность кумиру, которая мгновенно испаряется, если объект восхищения совершает ошибку. Любой скандал, пятно на репутации может превратить любовь в презрение, и тогда карьере бывшего любимца приходит конец. Все проекты с ним подвергаются полному игнорированию. Изгой практически невозможно вернуть былую популярность.

Как мы видим, даже в этом вопросе четко проявляется редкое у других рас единство».

Я вздохнула. С каждым прочитанным словом я все больше понимала, что Алекс поставил передо мной крайне сложную задачу. Я не была уверена, что решу ее, поэтому иррационально злилась на цинфийцев. Чем сильнее я боялась провалить задание, тем большее раздражение у меня вызывали так называемые новые союзники землян.

– Варвары, просто варвары... – тихо пробормотала я, а потом решительно щелкнула по ярлыку языковой программы. Паниковать буду потом. На Цинфе.

Придется вспомнить цинфийский. Варвары они или нет, но язык у них, помнится, весьма любопытный.

Я недовольно косилась на экран, силясь понять, как всего одна ошибка в символе смогла безобидно-позитивное восклицание: «Какой прекрасный сегодня день!» превратить в уныло-плаксивую жалобу: «Моя любимая цапля сдохла», когда оглушительный стук в дверь заставил раздраженно

оторваться от языковой программы.

– Данишевская! Майя Данишевская!! Живая или мертвая, ты сейчас же откроешь мне дверь!

Я растерянно моргнула. Это голос Лиди или мне кажется?

– Данишевская!!!

Вряд ли это извращенная фантазия перетрудившегося мозга. До разъяренной Лиди в амплуа воинственной амазонки он бы не додумался.

Судя по ударам, подруга намеревалась снести с петель и без того не особо прочную дверь. Не то чтобы я была к ней нежно привязана (к двери, имеется в виду), но лишать свой дом хотя бы видимости защиты мне не хотелось, а потому я лихорадочно вскочила с постели. Уже на бегу окинула комнату быстрым взглядом и впервые за пять дней увидела ее без белесой пленки скачущих символов перед глазами. Покраснев, я торопливо стряхнула с незастеленной кровати крошки от крекеров и накинула сверху плед. Затем покосилась на дивизию невымытых кружек из-под кофе, которая обвиняюще выстроилась на полу, и мысленно махнула рукой. Как говорил Алекс, если не успела спрятать труп, сделай вид, что он сгнил задолго до твоего появления.

– Иду! – крикнула я и, щелкнув замками, распахнула входную дверь. Та с готовностью заскрипела, словно давно ждала повода и теперь с удовольствием ябедничала на противного хулигана. Вернее, хулиганку.

– Слава богу, живая! – с облегчением выдохнула Лиди и, перешагнув порог, сжала меня в объятиях.

– В новостях передали соболезнования родным по поводу моей внезапной кончины? – удивленно поинтересовалась я и махнула рукой в сторону кухни. – Пойдем, я чем-нибудь тебя угощу.

Память с вежливостью, смахивающей на издевку, напомнила, что после почти недельной добровольной изоляции угостить я могу разве что водой из-под крана.

– Ты хоть читала то сообщение, что отправила мне пять дней назад?

– А что с ним не так? – не поняла я, заглядывая в пустой буфет. На полке сиротливо стояла ополовиненная банка с кофе.

Подумалось, что на дверцах шкафчика вполне гармонично смотрелась бы надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Хмыкнув, я на автомате принялась переводить ее на цинфийский. Уткнувшись взглядом в пространство, я не сразу услышала обвиняющие нотки в голосе Лиди.

– «Некоторое время не смогу появляться в кафе. Не волнуйся. Дам о себе знать, как только появится такая возможность. Целую, Майя». Ты знаешь, что это ужасно напоминает прощальное письмо?

– Да, пахнет мелодрамой, – вынужденно согласилась я, мысленно дописывая последний символ. Затем тряхнула головой, возвращаясь к реальности, и привычно потянулась за туркой.

– Извини, неважно получилось. Хочешь, перепишу? – почти без иронии уточнила я. Работа корректора накладывала свой отпечаток.

Лиди посмотрела на меня с осуждением, выворачивающим душу наизнанку (она умела одной мимикой передавать столько эмоций, что актерам немного кино пришлось бы бороться с приступом острой зависти). Я тут же виновато замолчала и смущенно отвела взгляд. Смущенно еще и потому, что в карих глазах подруги отчетливо можно было различить нецензурные символы и восклицательные знаки.

Все, совсем заработалась. Надо делать перерыв...

Я с удвоенным рвением заколдовала над плитой, выставив огонь нужной температуры и помешивая в турке воду со специями.

– Ладно, главное, что ты жива и относительно здорова, – вздохнула она.

– Почему относительно? – неосмотрительно поинтересовалась я, отвлекаясь от священного процесса превращения воды в кофе.

– Потому что проблемы с головой в счет не идут, – мстительно припечатала Лиди и, кажется, окончательно успокоилась. – Я тебе мамины пирожки принесла. Она сказала, что даже если ты мертва, я обязана положить их на надгробие – помянуть, так сказать.

– О, гостинцы от Софи! – радостно воскликнула я, проигнорировав ту часть разговора, где

говорилось о смерти. Живот заурчал в предвкушении, словно поддерживая мое воодушевление.

Пару минут спустя я выставила на стол кружки с кофе и пузатую сахарницу, которую гостеприимно придвинула поближе к подруге, а затем выложила пирожки на тарелку и тут же утащила один. Лишь надкусив теплое тесто и распробовав начинку, я задумчиво спросила, обращаясь больше к себе, чем к Лиди:

– Наверное, разговоры про пирожки на надгробии должны были полностью отбить у меня аппетит?

– Это вряд ли, – хмыкнула Лиди, делая большой глоток и тоже потянувшись к тарелке. – Кого сегодня испугаешь смертью? Кстати, отличный кофе! Откуда?

– Алекс принес.

– А ты, наверное, только этим кофе все дни и питалась. Ты заметно похудела.

Я рассеянно ощупала собственную талию и отмахнулась.

– Тебе показалось. У меня был запас крекеров, я не голодала.

Лиди поперхнулась напитком, но комментировать мою фразу не стала. Вместо этого серьезно спросила:

– Почему ты вдруг исчезла?

Я бездумно заскользила указательным пальцем по столу, выводя непонятные узоры – некстати вспомнился тот символ из цинфийского алфавита, который получался у меня хуже других. Алекс не говорил, что моя поездка – тайна за семью печатями, но я и сама понимала, что о ней не стоило болтать попусту. Впрочем, Лиди – моя подруга, и я знаю ее уже десять лет...

Как же я не люблю делать выбор! Никогда не могу просчитать все вероятные последствия.

– Готовлюсь к небольшому путешествию, – наконец уклончиво ответила я.

– Куда? – удивилась Лиди. Ее брови испуганно взлетели вверх. – Майя, ты тоже бежишь с планеты?

– Что значит «тоже»? – мгновенно насторожилась я.

– Макс подался в бега, – после паузы негромко призналась она. – Приходил вчера попрощаться. Сказал, что не хочет быть рабом на рудниках. Я не знаю, куда он отправился.

– Какой ужас... – я обхватила холодную ладошку подруги и сжала ее. – Почему ты не поехала вместе с ним?

– У меня тут родители... Я не могу их бросить.

Лиди быстро опустила взгляд, но я успела заметить блеск ее мокрых глаз. Ее ладошка осторожно освободилась из моей, словно вежливо отвергая всякую жалость.

Я растерянно смотрела на молчавшую подругу. В памяти всплыло ее лицо, не такое, каким я видела его сейчас – замкнутым, хмурым, почти жестким, а счастливым, словно изнутри озаренным светом – такое волшебное действие оказывало на него присутствие Макса.

Я вспомнила, что она почти всегда смеялась в его присутствии. Макс не обладал каким-то феерическим чувством юмора, ей просто было с ним хорошо.

Они уже год считались женихом и невестой, но из-за санкций свадьба все время откладывалась, а теперь и вовсе сорвалась.

– Я понимаю, почему он решился на побег. Я сама бы поступила так же. Он достоин большего, гораздо большего, чем... чем... – Лиди сделала судорожный вдох, голос изменил ей и явственно дрогнул.

– Тебе надо было бежать с ним, – тихо сказала я, но та затрясла головой.

– И оставить родителей? Нет, я – все, что у них есть. Только из-за меня они еще пытаются бороться. Сбежать с Максом – все равно что собственноручно выбить эпитафию на их надгробии.

– Они бы поняли...

– Ты бы бросила Алекса? – Лиди смотрела прямо, в ее лице читался вызов, и я, помедлив, покачала головой.

Окажись я на ее месте, поступила бы так же, но легче от этого не становилось.

– Я буду скучать по нему, – едва слышно проговорила, почти выдавила из себя Лиди. – Знаю, что никогда больше не увижу его, но каждый день буду встречать мыслью о нем.

Я потянулась к кружке, слепо ее нащупала и пригубила кофе, чтобы сглотнуть ком в горле. Мне хотелось сказать что-то утешительное, но любые слова прозвучали бы сейчас банально и фальшиво, поэтому я решила на ответную откровенность.

– Я улетаю на Цинф.

Лиди подняла на меня расфокусированный взгляд. Пару секунд я терпеливо ждала, когда она поймет смысл моих слов. Ее брови медленно сошлись к переносице, а в глазах вместе с осмысленностью появилась напряженность.

– Зачем?

– Не могу сказать. Это связано с Алексом.

– Навсегда?

– Нет, на какое-то время.

– Вот как... – задумчиво протянула Лиди и без перехода резко спросила: – Данишевский понимает, во что он тебя втягивает?

– О чем ты?

– Цинфийцы – варвары, спроси любого! – С каждым словом подруга распалялась все больше. Каштановые пряди рассыпались по плечам, а на макушке воинственно затопорщились короткие волосы. – Он совсем головой поехал? Ему политика дороже сестры?

Я была готова к чему-то подобному, поэтому фраза про то, что Алекс подставляет меня, почти не причинила боли. Я только чуть отклонилась и облокотилась на спинку стула, тем самым увеличивая дистанцию между собой и Лиди.

– Ты видела хотя бы одного цинфийца? – терпеливо спросила я и уточнила: – Вживую.

– Конечно нет. Им же запрещен въезд на планету эрийцев.

– Правильно, а нам запрещено покидать ее, – кивнула я. – Так как же мы можем судить о том, варвары цинфийцы или нет?

Лиди молча открыла и закрыла рот. Растерянно отбила пальцами мотив какой-то популярной песенки и неуверенно возразила:

– Но ведь об этом все говорят. Ладно бы только эрийцы придерживались такого мнения (им давно веры нет), но ведь хвараны и карры тоже так считают...

Тут мне было сложно возразить, но все же, тщательно подбирая слова и обдумывая их на ходу, я попробовала.

– И первые, и вторые давно сотрудничают с эрийцами. У них тесная торговля и налаженные культурные связи. При этом и те и другие считают землян кем-то вроде домашних питомцев. Тебя это не настораживает?

– Сами они... Насекомые, – мрачно буркнула Лиди.

Хвараны и карры действительно напоминали огромных разумных насекомых. Возможно, из-за внутреннего неприятия их внешнего вида у землян с ними сложились весьма прохладные отношения.

– Иногда мне кажется, что человечество обречено на одиночество, несмотря на наличие других рас на планетах, – немного не к месту проговорила Лиди.

Я вздрогнула от этих слов, понимая, какой подтекст за ними скрывается, и вскинула на нее глаза. Она сидела, уставившись в опустевшую кружку, словно пытаясь что-то в ней рассмотреть, и напряженно кусала губы.

– Эй, Лиди... – мягко позвала я.

– А одному быть нельзя. В одиночестве лишь слабость, понимаешь? – торопливо, как будто я могла

заставить ее замолчать, проговорила она.

– Я понимаю, – тихо согласилась я.

Встав, я обошла стол и, застыв возле Лиди, несмело раскрыла объятия. Та не спорила. Уткнулась мне в плечо и неожиданно разревелась.

– Он вернется, вот увидишь, обязательно вернется. Макс не бросит тебя.

– Ты знаешь, что нет. Теперь он вне закона, и если его поймают, то отправят в тюрьму как преступника. Майя, как преступника!

Я не умела утешать. Большую часть жизни я прожила одна, а из детства помнила только, как мама гладила меня по голове, когда я плакала, разбив коленки. Моя рука неуверенно взметнулась к волосам Лиди, и я провела по ним, как когда-то делала мама. Лиди всхлипнула сильнее и понесла совсем уж бред:

– Помнишь, в тюрьмах на Земле самой строгой мерой наказания считалась одиночная камера, где нельзя было заняться не чем иным, как размышлениями? Так вот, Майя, планета эрийцев – это наша одиночная камера!

В ответ я забормотала что-то оптимистично-бессмысленное, сама до конца не понимая, что же говорю. Неожиданно Лиди отстранилась от меня и подняла заплаканное лицо.

– Они совместимы с нами?

– Что? – я не сразу разобрала сиплый шепот Лиди и ответила с опозданием. – Да, ДНК почти тождественна земной.

– Тогда оставайся там. Присмотрись к ним. Найди свою любовь и будь счастлива.

– С варваром? – мягко вернула ее же собственное определение цинфийцев.

– Так даже лучше. Варвар лучше других сможет защитить свою женщину.

Я бы рассмеялась, но побоялась обидеть Лиди. Вместо этого хитро прищурилась, пихнула ее в плечо и деловито уточнила:

– То есть я так плоха, что ни один землянин на меня не клюнет? Остаются только цинфийцы?

Лиди усмехнулась и поддержала игру.

– Кто же по доброй воле породнится с Алексом Данишевским? Нет, Майя, послушай мой совет – выходи замуж за цинфийца. А мужа знакомь с братом на самой свадьбе.

– А лучше после? – понимающе фыркнула я.

– Это был бы идеальный вариант, – одобрила она, и мы обе с облегчением рассмеялись.

Больше к теме политики и моего путешествия мы не возвращались. Просидели до вечера и проболтали ни о чем, а после Лиди ушла, не забыв взять с меня обещание звонить ей каждый день или хотя бы через день.

Я была полна решимости выполнить нашу с ней договоренность.

Братец меня убьет.

Глава 2

Алекс навестил меня ровно неделю спустя после нашего разговора. Знай я его чуть хуже, и у меня непременно бы возникло подозрение, что все это время он простоял под дверью моей квартиры с секундомером в руке – его пунктуальное появление минута в минуту невольно наводило на такие мысли, но я хорошо знала повадки брата: с любовью к театральным эффектам он успешно боролся.

Так что вряд ли он томился за порогом дольше семи минут – именно такой срок он отводил на случай непредвиденных ситуаций, способных привести к опозданию.

– Добрый вечер, Майя, – дружелюбно поздоровался он и, разувшись, прошел в комнату. Пальто при этом так и не снял.

Остановившись в паре шагов от меня, Алекс нетерпеливо поднял бровь, и я со вздохом освободила кресло, куда он тут же довольно уселся. Я уже говорила, что легче принять привычки брата как данность, чем пытаться найти в них логику?

В частности, я замечала, что Алекс никогда не садился на незастеленную постель. Врожденная брезгливость? Правила этикета, впитанные с молоком матери? Честно говоря, никогда в это не вникала.

Переместившись на кровать, я сложила ноги по-турецки и, насупившись, предупредила:

– Кофе закончился.

– В этот раз обойдемся без реверансов, – легко согласился Алекс. – Протокол надо изредка обновлять.

Пока я растерянно осмысливала, что наши встречи подчинены какому-то протоколу, он невозмутимо продолжил:

– Как прошла подготовка к заданию? Вопросы появились?

Ага, значит, поездка на Цинф позиционируется именно как задание. Мог бы хоть немного зауалировать свое отношение к происходящему.

Впрочем, это же Алекс! Он свято убежден, что выполняет важнейшую миссию, а все остальные должны исполнять роль винтиков в хорошо отлаженном механизме.

Я вздохнула и постаралась отмахнуться от неприятных мыслей. Ощущение, что меня собирались использовать как пешку в чужой политической игре, лишь обострилось.

– Мой уровень цинфийского не позволит свободно общаться с носителями языка. Мне понадобится помощник.

– Конечно, – легко согласился Алекс. – Я уже позаботился об этом. Как только ты прибудешь на планету, сразу же получишь в свое распоряжение личного переводчика.

С таким равнодушием по моей гордости давно не проходились.

– То есть ты сразу знал, что я не справлюсь? Зачем же просил вспомнить язык?

Алекс недовольно поморщился, будто ему пришлось отлеплять от своего рукава заплаканного, разобиженного ребенка и объяснять тому, что все хорошо. Такое выражение лица возникало каждый раз, когда я задавала неуместные вопросы.

Минуту братец выжидающе молчал, словно надеялся, что я сама озвучу его план, но, не дождавшись, бросил мимолетный взгляд на наручные часы и принялся объяснять то, что, по его мнению, было очевидно.

– Майя, мы не будем просвещать цинфийцев относительно твоих языковых познаний.

– Не будем? – переспросила я, надеясь, что вид при этом у меня не самый глупый.

– Конечно же нет, – терпеливо повторил Алекс, но уже с едва различимой ноткой раздражения в голосе. Я не могла его винить: наверное, тяжело жить в мире людей, значительно отстающих от тебя в умственном развитии. Мне бы тоже не понравилось общаться с пятилетками на равных. – Твое владение цинфийским – козырь в рукаве, глупо выкладывать его в самом начале игры.

Я задумчиво куснула щеку изнутри. Кажется, я начинала понимать, к чему он клонит...

– Естественно, мы не собираемся скрывать факты твоей биографии или подтасовывать их.

Угу, лучше всех блефует самый честный игрок.

– Если спросят, ты учила язык в институте, но за прошедшие годы успела основательно подзабыть его. Никто не должен догадываться о твоих лингвистических способностях. Кстати, думаю, в языковой среде ты быстро наверстаешь упущенное. Ты всегда все схватывала на лету.

В другой раз я бы зарделась от похвалы и постаралась запомнить момент, чтобы потом периодически выуживать его из памяти и любоваться своим маленьким триумфом, но сейчас мои мысли были заняты другим.

– Ты хочешь, чтобы я шпионила для тебя? Для этого выдумана сказка о том, что мне угрожает опасность?

– Шпионила... Ты, как всегда, рубишь с плеча.

– Тогда поясни мне, глупой, потому что для меня это выглядит именно так, – я откровенно злилась и уже не пыталась это скрыть.

– Тебя действительно могут использовать как рычаг давления на меня, это правда, – серьезно добавил Алекс, поймав мой взгляд. – Но также правда и в том, что, отправив тебя на Цинф, я хочу убить двух зайцев. Для этого мне нужна твоя помощь.

– Я не буду шпионить!

– Как будто ты сможешь, – хмыкнул Алекс, и я замолчала, почувствовав, что на мне только что поставили клеймо: «профнепригодна». – Слушай, в наблюдательности тебе не откажешь, а все, что мне нужно, – чтобы ты внимательно слушала и анализировала происходящее. Я не прошу тебя никуда лезть специально.

Мрачная, я рассматривала Алекса и пыталась понять, лжет он в этот раз или говорит правду.

– Ты уверен?

– Знаешь, у тебя, конечно, много недостатков, но живая ты мне в любом случае милее мертвой, – с прямой, заставившей меня закашляться, проговорил он.

– Спасибо, – хриловато откликнулась я. – Приятно, что ты меня ценишь.

Кажется, последние слова он воспринял абсолютно серьезно, потому что кивнул без малейшей иронии в глазах.

– Так что не старайся интриговать, все равно это не твое, только подставишься, а мне потом придется тебя вытаскивать. Просто делай то, что умеешь, – подмечай детали. И сообщай мне о них.

– Как именно?

– Тебе передадут нетбук. В нем будет только один контакт – мой. На этот адрес будешь каждый вечер присылать отчет. Ничего особенного, обычное перечисление фактов, которые показались тебе любопытными. В случае если таковых не сумеешь выделить, расписывай каждый свой день как можно подробнее. Я сам проведу анализ.

Склонив голову набок, я сощурилась.

– Два.

– Что «два»?

Довольная, что сумела сбить его с толку, пояснила:

– В нетбуке будет два контакта: твой и Лиди.

– Исключено.

– Жаль. Придется тебе искать другую кандидатуру для этой поездки.

– Ты же понимаешь весь риск?

Я кивнула.

– Осознаешь мелочность своего шантажа?

Я кивнула уже менее уверенно.

– И все равно настаиваешь?

– Перестань давить, – огрызнулась я. – Я выполняю все твои условия, выполни и ты хотя бы одно мое.

Алекс помолчал, что-то прикидывая. Я пожалела, что не могу заглянуть к нему в черепушку. Наверняка там сейчас цифры кружатся в заводной кадрили – процесс просчитывания вероятностей я представляла себе именно так.

– Хорошо, – наконец решил он и с великодушием, которого я от него не ожидала, спросил: – Что-то еще?

– Переводчик, – быстро вставила я. – Если это возможно... Пусть это будет кто-нибудь помоложе. Не хочу, чтобы за мной, как цепной пес, ходила какая-нибудь гримза.

– Неплохой ход, – в глазах Алекса мелькнуло одобрение. – Чем моложе будет кандидат, тем меньше у него будет опыта в слежке и наблюдении за объектом. Тем легче будет им манипулировать в случае необходимости.

Я молча открыла и закрыла рот. С этой стороны я проблеме даже не рассматривала. Мне просто было бы некомфортно под присмотром суровой пожилой дамы, вечно поджимающей губы при виде моих ошибок, – именно такой я представляла себе переводчицу.

Поправлять Алекса я не стала. Вместо этого напредила:

– Инструкция весьма расплывчатая.

– Так и есть. Тебе придется ориентироваться в ситуации самостоятельно. Первоочередная задача – вызвать интерес к своей персоне. Не забывай, что цинфийцы не прощают ошибок. Малейший ляп, и живейшее любопытство обернется игнором. А значит...

– Значит, основная часть плана коту под хвост, – понятно продолжила я.

– Да. Запомни, главное – удержаться на волне популярности. Стань их кумиром. Пока они любят тебя, ты в безопасности. Ни один эриец не пробьется сквозь это плотное кольцо фанатов. Понятно?

– Да.

– Еще вопросы?

Я запаниковала, потому что Алекс явно собирался уходить, а мне еще столько всего было неясно... В голове смерчем пронеслась сотня вопросов, и я наугад вытащила один из них:

– Почему у эрийцев такие напряженные отношения с цинфийцами?

Алекс откинулся на спинку кресла, поставил локти на подлокотники и сложил пальцы домиком, задумчиво постукивая ими друг о друга.

– Их конфликт начался задолго до нашего появления, – после паузы ответил он. – Все началось с конкуренции в торговле с каррами, а затем усугубилось обоюдным недопониманием.

– Эрийцы – мирная нация...

– Мирная, – фыркнул Алекс.

– Они спасли землян, хотя могли не вмешиваться, – напредила я.

– Все мы совершаем ошибки, – насмешливо прокомментировал Алекс, и я напряглась.

– Что ты имеешь в виду?

– Не спрашивай, если не готова принять ответ.

– Алекс...

Я замолчала, потому что в этот момент заметила в его руках монетку. То появляясь, то исчезая в его пальцах, она притягивала мой взгляд.

– За два года до катастрофы мы обнаружили, что не одни в космосе.

Я хотела сказать, что не нуждаюсь в исторической справке, но не стала. Алекс выглядел напряженным. Таким я редко его видела – настоящим.

– Помимо контакта с эрийцами, прошедшего в атмосфере полнейшего взаимопонимания (о чем мгновенно раструблила пресса), произошло знакомство с еще одной расой. Я говорю о цинфийцах.

Я не отводила глаз от лица Алекса. Его щека чуть дернулась – пробежала тень то ли улыбки, то ли ухмылки, не поймешь.

– Результаты этой встречи были настолько противоречивы, что решено было молчать об этом до принятия окончательного решения.

– Какого решения? – голос внезапно сел, вопрос больше походил на мяуканье кошки, но Алекс понял меня.

– Решения касательно статуса цинфийцев. Мы никак не могли определиться, враги они нам или друзья. Видишь ли, Майя, две трети участвующей в первом контакте группы в панике и тревоге кричало, что эта нация опасна и требует немедленного если не устранения, то игнора. Оставшаяся часть исследователей, среди которых был, к слову, и наш отец, опровергали это мнение и требовали время для анализа данных. Интересно, правда?

Я облизнула пересохшие губы. По-моему, все это звучало пугающе, но информация об отце заставила вытеснить страх из головы.

– Почему отец считал иначе?

– Потому что он умел отключать эмоции, – жестко проговорил Алекс. – Он не успел довести до конца свое исследование, мне пришлось самостоятельно копаться в этом вопросе. Я обнаружил весьма занятную вещь – ДНК цинфийцев тождественна нашей на девяносто девять и восемь десятых процента. К слову, у современного человека больше общего с цинфийцем, чем, например, с неандертальцем.

Монетка в руках Алекса засверкала с еще большей скоростью, но я уже не обращала на нее внимания.

– У цинфийцев есть рецессивный ген, проявляющийся исключительно у мужчин. Когда-то планета кишела хищниками, и, видимо, наличие этого признака позволяло отпугивать некоторых из них.

– Что за ген?

– У него пока нет названия. Как думаешь, назвать его «Данишевский» – это слишком?

– Прекрати позерничать, – потребовала я.

– Ладно, – пожал плечами Алекс. Монетка исчезла из его пальцев, а сам он весь как будто подобрался. – Этот ген дает способность воздействовать на чужое обоняние. Хищник воспринимает запах как сигнал опасности и предпочитает ретироваться. Думаю, такова и была задумка природы. С другими расами похожая история. Мы не ощущаем какого-то явного аромата, но в отдел головного мозга поступает информация об опасности. Появляются раздражение, нервозность, иногда даже паника и страх. Итог один – собеседник кажется нам врагом, мы ищем второе дно в его словах и поступках. Вот почему наши переговоры с цинфийцами были сорваны. Группа оказалась просто не готова к такому давлению.

– Эрийцы тоже восприимчивы к этому гену?

– Да. А вот хвараны и карры – не уверен. Не было возможности провести нужные исследования.

Я подавленно замолчала.

– Не волнуйся. Я провел анализ твоей крови. У тебя, как и у нашего отца, иммунитет к действию этого гена – еще одна причина, по которой лететь должна именно ты.

– А у тебя... – Я ошарашенно уставилась на Алекса, даже не спросив, когда именно он успел провести нужные манипуляции с моей кровью. Вопросом о том, как именно он ее раздобыл, я даже не задавалась.

– У меня его нет, – совершенно невозмутимо продолжил он. – Я могу быть пристрастен при оценке действий цинфийцев.

Я запаниковала. Мое внезапное путешествие все больше напоминало миссию по спасению мира.

– Прекрати, – закатил глаза Алекс, внимательно наблюдавший за моим лицом. – Майя, ты – часть плана. Конечно, не спорю, важная его часть, но не бери на себя слишком многого.

Я отчетливо представила, как Алекс в своей голове заботливо разложил кусочки пазла. Один из

них, не самый большой, носил имя «Майя», на остальных стояли знаки вопроса. Наверняка Алекс долго крутил эти кусочки в руках, прежде чем найти идеальную комбинацию...

Вместо того чтобы расстроиться, я вдруг успокоилась. Миссия по спасению мира – дело Алекса, не мое.

– В общем, твоя задача – остаться в живых. Все остальное – сопутствующие элементы игры, которые могут меняться, – подытожил Алекс и резко поднялся с кресла.

– Ты уходишь?

– У меня еще много дел. А тебе нужно лечь спать.

– В восемь вечера?!

– Как хочешь, можешь бодрствовать. Без пятнадцати три за тобой заедет машина, она отвезет тебя на космодром. Там уже будет ждать мой пилот – на Цинф полетишь с ним.

– А...

– Ничего с собой не бери. Все необходимое найдешь на корабле. Гардероб должен соответствовать легенде.

– Легенде?

– Легенде об эксцентричной писательнице-землянке. Майя, ты замечала, что твоя умственная активность каждый раз резко замедляется в момент нашего прощания?

Я проигнорировала это высказывание, но в жар меня бросило.

– Я покидаю Эрию без разрешения властей?

– Конечно. Так что не проявляй инициативы и во всем слушайся моих помощников.

– Разве цинфийцы не строгие приверженцы правил? Как они отнесутся к беглянке, нарушившей закон?

– Ты же не их закон нарушила, – пожал плечами Алекс и принялся обуваться. – К чужому правосудию цинфийцы относятся с любопытством, но без трепета. Так что на отношение к тебе это не повлияет. Разве что придаст остроты твоему образу.

Алекс выпрямился, и я растерянно посмотрела на него. Мы расстаемся на неизвестный срок. Наверное, мне стоило обнять его?

Видимо, братца терзали те же сомнения. Он неуверенно распахнул руки, словно хотел объять необъятное, и неловко обнял меня, похлопав по спине.

– Ты справишься, Майя. Ты не так глупа, как думаешь.

– Я тоже буду скучать, Алекс, – пробормотала я, уткнувшись в плечо брата. За эти годы, что знаю его, поняла одно: главное – слушать то, что он говорит, не головой, а сердцем. Зачастую это единственный способ понять его правильно.

Алекс отстранился, кивнул мне на прощание и молча вышел за дверь. А я осталась стоять в коридоре, растерянная, подавленная, но преисполненная надежды, истоки которой я не могла определить. Это смутное ощущение походило на то, что появлялось у меня в далеком детстве, когда зима на Земле сменялась весной, – неясное предчувствие чего-то светлого впереди.

Я ожидала приключений в духе классического шпионского детектива, когда в дверь твоей квартиры после условленного стука проникает таинственный незнакомец в кожаном плаще и широкополой шляпе, падающей на лицо тенью, и лихо организывает твой побег. Вздвораженная нервная система и пять кружек крепкого черного чая подряд не позволяли уснуть, и я вновь и вновь прокручивала варианты того, как это будет.

Чем ближе стрелки часов подкрадывались к трем утра, тем меньше я боялась возможной погони, пальбы из бластеров и побега через крышу с последующим запрыгиванием в кабину вертолета.

Перед глазами то появлялись, то исчезали такие яркие картинки, что адреналин шумел в крови, заставляя сердце отсчитывать удары в ускоренном темпе. В какой-то момент, не выдержав зудящего чувства в голове, я потянулась к нетбуку с намерением схематично набросать собственные фантазии – мало ли, вдруг потом пригодится для какой-нибудь книги, но звук ключа в замочной скважине меня остановил.

Раздался негромкий скрип входной двери (видимо, энтузиазм и сила кулаков Лиди не прошли для нее даром), и в прихожую шагнул высокий subtilный парень с таким непримечательным лицом, что я не запомнила бы его при всем желании. Никакого плаща, естественно, на нем не было. Обычный повседневный костюм, слегка не сочетающийся с кедами на ногах, что полностью соответствовало современной молодежной моде.

– Готова? – немногословно поинтересовался он.

Я кивнула и легко встала с кресла, на котором сидела, поджав под себя ноги. Помня слова Алекса, я ничего не стала собирать в дорогу и теперь чувствовала себя голой: даже невозмутимо перекинуть сумку через плечо, а затем незаметно вцепиться в ее ремешок не могу. Разве что спрятать руки в карманы легкого пальто.

– Свет не выключай. Слежки нет, но лучше подстраховаться.

Я снова понятливо кивнула, боясь, что голос подведет и я издам что-нибудь похожее на писк, и последовала за своим провожатым.

Ладони в карманах вспотели, но переживала, как оказалось, я совершенно зря. Жизнь лишена причудливой фантазии авторов книг, а потому большая часть моих то ли кошмаров, то ли мечтаний осталась лишь забавным и немного постыдным воспоминанием.

Мы действительно вышли через черный ход, ведущий сразу в темные дворы, а не на шумную проезжую часть, но, пожалуй, это было единственное совпадение с моими ожиданиями. Никаких перебежек украдкой, прятков за ближайшими столбами и переговоров по рации. Мы спокойно добрались до машины, припаркованной в паре десятков шагов от дома, мне учтиво открыли заднюю дверь и не очень деликатно захлопнули ее, прищемив полы пальто; после чего водитель, бросивший на меня взгляд через зеркало заднего вида, неохотно поздоровался и плавно тронулся с места. Я даже успела махнуть рукой парню в костюме и кедах – своему провожатому. Тот насмешливо коснулся пальцами виска, словно отдал честь.

Город без пробок показался каким-то опустевшим и почему-то игрушечным. До космодрома мы доехали быстро. Там нас уже ждали.

Водитель с раздражающим равнодушием передал меня с рук на руки помощнику пилота. Я все ждала, что кто-нибудь из них запросит ведомость доставки и потребует расписаться там, где галочка, но, к счастью, этого не случилось – моя гордость была частично спасена.

Поднимаясь по ступенькам трапа, я пыталась сконцентрироваться на эмоциях и почувствовать хоть что-то. Впервые за семнадцать лет я поднимаюсь на космический корабль и совсем скоро покину эту планету. Я ожидала трепета, восторга, возможно, легкого ужаса, но ничего такого не было. Ступеньки как ступеньки, корабль как корабль – в фильмах часто показывали внутреннее убранство таких летательных средств передвижения, так что удивляться и испытывать трепет не получалось – слишком буднично все выглядело. Даже темнота за окном не способствовала появлению романтического настроения.

Я разочарованно вздохнула. Ладно, когда засяду за шпионский роман, опишу все совсем иначе.

– Майя Данишевская? – поинтересовалась женщина средних лет с прилизанным в пучок волосами на макушке. Спрашивала она явно для порядка, а может, из вежливости, потому что ее блекло-серые, как будто выцветшие глаза уже просканировали мое лицо. Видимо, я была похожа на собственные фото или что там ей предоставил Алекс, потому что она осталась довольна результатом сверки.

– Да.

– Элеонора Фис. Я ваш помощник на время этого полета. Если что-то понадобится – обращайтесь.

Голос звучал четко и по-военному сухо. Я невольно выпрямила спину и подстроилась под ее интонации.

– Сколько времени займет дорога?

– Двадцать часов сорок три минуты. За два часа до прибытия я проведу инструктаж.

Я едва удержалась от того, чтобы по-гвардейски не щелкнуть каблуками. Остановило лишь отсутствие таковых. Сегодня я тоже была в кедах, единственных в моем гардеробе.

– Пожалуйста, займите место в своей каюте. Мы готовимся к взлету.

Что ж, каюта – это отлично. Будет где спрятаться и отдохнуть.

Вытянувшись на узкой кровати в небольшой, похожей на пенал комнате, я предусмотрительно пристегнулась ремнями, хотя современные правила безопасности этого вовсе не требовали. Прислушиваясь к усиливавшемуся реву мотора – мы набирали скорость перед гиперпрыжком, – я зажмурилась, а спустя мгновение расслабилась, амебой растекаясь по жесткому матрасу. Возможно, я зря так переживала? Корабль даже не досмотрели, хотя обычно проверяющие разве что не обнюхивали каждую щель. Видимо, Алекс с кем-то договорился на этот счет. Интересно, пилот – землянин или эриец? Впрочем, неважно. Главное, что все прошло гладко. Если и на Цинфе все будет так же легко, как сейчас, то я, возможно, даже получу удовольствие от поездки.

Улыбнувшись, я скосила глаза чуть вправо и тут же помрачнела. На прикроватной тумбочке, ехидно поблескивая черной лаковой поверхностью, лежал новенький нетбук как невинное напоминание того, что иллюзии – это, конечно, полезная штука, имеющая право на существование, но увлекаться ею не стоит. Вздохнув, я натянула одеяло до макушки и твердо решила поспать хотя бы пару часов. Была уверена, что не смогу вырубиться, но сказала нервотрепка – почти сразу я провалилась в густую, дружелюбно распахнувшую свои объятия темноту.

Время в полете пронеслось незаметно. Я обнаружила в каюте встроенный душ и небольшой холодильник с бутылками минеральной воды и сухим пайком. Никакого кофе, чая или сладостей – все по-военному лаконично и продуманно.

Большую часть времени я спала или читала. В нетбуке, помимо двух контактов, обнаружилась неплохая подборка электронных книг на цинфийском. Алекс, как всегда, проявлял заботу, не забывая о деле. Со скукой мне было предложено бороться посредством изучения языка и погружения в местный менталитет. Признаться, я не имела ничего против.

Краем сознания я отметила ярлык на рабочем столе для выхода в Глобальную сеть. Значит, оказавшись на чужой планете, я не буду оторвана от мира. Смогу читать новости, как эрийские, так и цинфийские, наблюдать за развитием событий и отслеживать реакцию жителей на собственную персону. Неизвестно откуда взявшийся азарт постепенно вытеснил обуревавший меня страх.

И все же, когда в иллюминаторе появились нечеткие очертания Цинфа, я занервничала. Корабль снизил скорость: мы входили в частное космическое пространство чужой планеты, где любые гиперскачки были под запретом.

Затаив дыхание, я положила руку на стекло округлого оконца и с жадностью рассматривала голубоватую дымку, окутывающую планету, как туман, заботливо стелящийся у реки. Отсюда Цинф выглядел величественно и прекрасно: темно-синие, сверкающие, как драгоценность, толщи воды расплзлись по большей части планеты и острыми гранями впились в коричневато-зеленые островки суши, похожие на зерна для посева, разбросанные неумелым фермером в той хаотичности, что рождает наиболее безумные и чарующие узоры.

– Майя Данишевская, вы готовы?

Я подпрыгнула, как мышь, испуганная криком первокурсницы в женском туалете, и настороженно уставилась на вошедшую без стука Элеонору. Возможно, она и стучала, но я, увлеченная открывшимся зрелищем, могла и не услышать.

– Готова? – переспросила я, надеясь, что голос не прозвучал слишком затравленно. Куда только подевались деловой настрой и проблески азарта?

– На маникюр, укладку и макияж у нас ровно два часа. Я предупреждала вас об этом, – строго напомнила мне она и сухо указала на кресло. – Не отнимайте мое время, его и так немного.

Я задумалась, был ли это завуалированный намек на то, что со мной придется повозиться, но почти сразу отмахнулась от этой мысли. Меня интересовал более любопытный вопрос.

– Моим... преобразованием займетесь вы?

– Предпочитаете попросить о помощи пилота?

– Нет, благодарю, – поспешно отказалась я, силясь уложить в голове образ суровой дамы с профессией стилиста. – В вас я не сомневаюсь – наверняка вы отлично справитесь с управлением кораблем, но вот познания пилота в моде вызывают некоторые опасения.

Элеонора чуть приподняла уголки губ, обозначив, что оценила мою попытку пошутить, но разговор не поддержала. Я осторожно опустилась в кресло и с любопытством покосилась на небольшой черный чемоданчик, который она все это время сжимала в руке, а сейчас положила на стол и раскрыла с такой сосредоточенностью, будто перед нами был ящик Пандоры.

– На Цинфе царит культ молодости и красоты. Макияж предпочитают делать максимально натуральный, с эффектом сияющей кожи и чуть влажных губ. Никаких темных оттенков, блесков и

нарочитой яркости. Запомнили?

Я кивнула, а Элеонора, расставляя на столе многочисленные баночки, продолжила:

– Сегодня я помогу вам с образом, но в дальнейшем вам придется справляться с этим самой. – Она окинула меня оценивающим взглядом, и, видимо, мой бледный, лишенный макияжа и укладки внешний вид не внушил ей доверия. – В случае если не справитесь самостоятельно, обратитесь к личному помощнику. Помимо синхронного перевода он обязан выполнять ваши просьбы и поручения. Найти стилиста на Цинфе не составит труда.

Я перевела эту бесстрастную ремарку как «если у вас руки растут не из того места, будьте любезны, не замалчивайте это» и вздохнула. Руки у меня и правда росли не оттуда, откуда хотелось бы.

– Закройте глаза, я нанесу основу.

Я послушно зажмурилась и внимала наставлениям уже вслепую.

– Волосы традиционно считаются символом женственности. Некоторые молодые женщины делают короткие стрижки, проявляя свой бунтарский дух, но в целом это не одобряется. Нам повезло, что вам не придется наращивать волосы. Эта длина вполне подойдет.

У меня не получилось удержаться от колкости:

– Я старалась.

– Если бы старались, родились бы блондинкой, – отбрила Элеонора. – На Цинфе блонд невероятно популярен.

Я развела руками и опасливо уточнила:

– Вы собираетесь изменить мой цвет волос?

– Нет, это лишнее. У вас он и так светлее, чем у среднестатистической цинфийки, а значит, будет привлекать внимание в любом случае.

Я с облегчением перевела дыхание. Становиться блондинкой мне совсем не хотелось.

– Откройте глаза, – скомандовала Элеонора, и я, вздрогнув, уставилась в зеркало, где встретилась с собственным, уже менее бледным отражением. – Сейчас внимательно следите за моими действиями и запоминайте. Если что-то будет непонятно, спрашивайте.

Я снова кивнула. Теперь казалось, что функция китайского болванчика включена у меня по умолчанию.

Элеонора действовала быстро и уверенно. Погрузившись в новый для себя мир (никогда не увлекалась модой и частенько пренебрегала макияжем, а замысловатым прическам обычно предпочитала высокий хвост на макушке), я с усердием ученицы-отличницы впитывала знания, разве что язык от усердия не высовывала.

Время пролетело незаметно, и я вздрогнула, когда Элеонора добавила финальный штрих в виде блеска для губ и отошла оценить получившийся результат. Судя по тому, что за все время нашего знакомства улыбнулась она впервые, увиденное ее удовлетворило.

Я перевела взгляд с нее на зеркало. Не могу сказать, что из него смотрела незнакомка, но все же отражение было мне немного чуждо.

Плиссированная прямая жемчужно-пудрового оттенка юбка в пол, того же цвета лаконичные лодочки на высоком каблуке, просторная шифоновая блуза с ярким орнаментом из птиц, небрежно стянутая на талии тонким изящным ремешком с нарочито-грубой крупной пряжкой. Переливающаяся серебристой чешуей маленькая сумочка-клатч, лимонно-желтый, вторящий оперению птиц, маникюр и уложенные волнами волосы, перехваченные на макушке широкой лентой – эта девушка сочетала в себе утонченность и какое-то естественное бунтарство, которое еще называют богемностью. Да, в этом образе определенно чувствовалась принадлежность к представителям творческих профессий.

В последнюю очередь я рассмотрела свое лицо. Освеженное макияжем, оно действительно казалось привлекательнее, чем было на самом деле. Кажется, даже глаза стали как будто ярче и больше.

– Это я оставляю вам, – проговорила Элеонора и подбородком кивнула на чемоданчик, уже снова собранный и закрытый. – Теперь гардероб.

Она подошла к изголовью кровати, быстро нажала какую-то кнопку, и постель плавно поднялась вверх, открыв под собой пространство для хранения вещей. Два огромных пузатых чемодана канареечного цвета заставили меня с удивлением приподнять бровь. Это все мне?

– Вещи уже упакованы и скомбинированы в образы. Не вздумайте экспериментировать! – строго предупредила она, впервые повысив голос. – Просто развесьте их по вешалкам. Не перепутайте аксессуары. Они вложены в пакеты с одеждой, так что будьте внимательны.

Я подавила улыбку. В голосе моего стилиста-надзирателя сквозила такая искренняя тревога, будто мне предстояло обезвредить бомбу, поэтому важно было запомнить, какой же проводок надрезать: синий или красный.

– Я постараюсь. Спасибо вам, – от души поблагодарила я.

Возможно, во мне говорил страх нового, но было откровенно жаль расставаться с Элеонорой. Несмотря на внешнюю невозмутимость, в ней чувствовался тщательно скрываемый темперамент. Не знаю, откуда я это взяла, но могла бы поспорить, что не ошибаюсь.

По лицу Элеоноры пробежала едва заметная тень удивления, словно она не ожидала благодарности и теперь была смущена. Поправив пучок на макушке, она неожиданно заметила:

– Птицы, изображенные на вашей блузке, символизируют Цинф. Они называют их ринами.

– Похожи на земных колибри.

– Да, есть немного, – легко, почти благодушно согласилась Элеонора и, посмотрев в иллюминатор, сухо добавила: – Подлетаем. Приготовьтесь к посадке.

Она шагнула к двери и, уже открыв ее, резко обернулась, царапнув пол маленькими, толстыми каблуками офисных туфель.

– Удачи вам, Майя.

– Спасибо, Элеонора.

Она кивнула и вышла из каюты. Я медленно опустилась на кровать и на ощупь пристегнулась ремнями безопасности. Корабль едва уловимо трянуло – стыковка с платформой прошла успешно. Услышав глуховатый звук, с которым пилотный «штырь» присоединился к посадочной площадке, я нервно сглотнула.

Кажется, началось.

Думала я в этот момент вовсе не о приземлении корабля.

Глава 3

Спускаясь по трапу корабля, я чувствовала себя то ли новоиспеченной Матой Хари, то ли второй Жанной д'Арк – никак не могла разобраться в противоречивых ощущениях. Меня уже ждали.

Группа из десяти человек цепочкой выстроилась по правую сторону от ступеней съемной лестницы, торжественно заканчивающейся у расстеленной по земле широкой ковровой дорожки изумрудно-зеленого цвета. Почти все встречающие были мужчинами, возраст которых я затруднялась определить. Надо сказать, что и они, затянутые в строгие костюмы мрачных оттенков – черные, серые, темно-коричневые, не стремились помочь мне в решении этой загадки. На фоне такой нарочитой официальности ярким пятном выделялась единственная, неизвестно как затесавшаяся в эту группу девушка. Ее приглушенно-коралловый костюм я использовала как ориентир, пока медленно спускалась вниз – ноги подрагивали, каблуки казались слишком высокими, перед глазами вспыхивали черные круги, сквозь которые, к счастью, я легко различала коралловый маячок. В глубине души я надеялась, что мое неторопливое шествие выглядит величественно, а не испуганно. Во всяком случае, я старалась не судорожно хвататься за перила, а непринужденно скользить по ним ладонью. Лишь ступив на ворсистую поверхность зеленой дорожки, я успокоилась и едва заметно выдохнула – теперь назад дороги точно нет.

Что ж, будем подстраиваться под новые обстоятельства.

Первой навстречу шагнула та самая девушка. Ее внешний вид подходил не чиновнице, а молоденькой секретарше, которая отчаянно стремилась выглядеть серьезной, но при этом не могла избавиться от тяги к ярким цветам. Узкая коралловая юбка обтягивала стройные, немного худосочные бедра и лишь на ладонь прикрывала колени. Легкий белый топ собирался на груди соблазнительными оборками и заканчивался кокетливым бантом, что, впрочем, не выглядело фривольно, скорее по-девичьи невинно. Возможно, такому эффекту способствовал лаконичный приталенный пиджак того же оттенка, что и юбка. Темно-коричневые волосы были забраны в сложную прическу, несколько коротких прядок игриво обрамляли сияющее улыбкой лицо.

Я буквально споткнулась о ее взгляд, преисполненный воодушевления, гордости и радости, вспыхивающей сияющими искорками в чуть расширенных от возбуждения черных глазах. Если первые два чувства я еще могла понять, то последнее вызвало легкую настороженность. Когда кто-то так беспочвенно симпатизирует тебе, это всегда заставляет усомниться в умственных способностях новоиспеченного благожелателя.

Увлечшись рассматриванием девушки, я не сразу заметила роскошный букет живых цветов в ее тонких руках с ярко-алым маникюром, так что красиво принять приветственный презент не получилось. Мне просто сунули его под нос и, пока я пыталась сдержать громкий чих, быстро протараторили:

– Госпожа Майя Данишевская, Цинф приветствует вас! Мы выражаем надежду, что полет прошел без происшествий и оказался не сильно утомительным, – с этими словами девушка приложила к груди правую руку и отвесила низкий поклон. – Меня зовут Айю Вонг, я ваш личный помощник и переводчик.

– Благодарю. Очень приятно, – пробормотала я, расплываясь в теплой, как надеялась, улыбке и лихорадочно размышляя, что делать: протянуть руку для пожатия? поклониться в ответ? проигнорировать незнакомый жест?

Айю не торопилась разгибаться, видимо, ожидая от меня какой-то реакции, так что пришлось соображать быстро и действовать интуитивно.

Я тоже поднесла правую ладонь к груди и приветливо склонила голову. Ниже кланяться не стала – слишком непривычно и раболепно выглядел этот жест, но, похоже, ответ полностью удовлетворил Айю.

Она выпрямилась, прожгла меня восторженным щенячьим взглядом и деловито обернулась к по-прежнему невозмутимой делегации мужчин.

– Госпожа Майя Данишевская, позвольте представить: Араи Тибо – консул дипломатического ведомства по работе с землянами.

Ко мне шагнул высокий мужчина с едва заметной сединой на висках и улыбчивым, лишенным морщин лицом. Возраст выдавали лишь глаза – оценивающие, обманчиво-спокойные, с хитрецей на самом донышке. Лис, черно-бурый лис.

– Счастлив лицезреть вас на Цинфе, госпожа Майя Данишевская, – с сильным акцентом и немного коверкая слова, проговорил он и протянул мне огромную связку воздушных шаров ярко-лимонного цвета. Видимо, этот цвет символизировал планету, так же как эта желтая птичка, похожая на

колибри.

Я с благодарностью приняла подношение, чувствуя себя именинницей на дне рождения: в одной руке зажаты цветы, в другой – связка шаров.

– Ваш всеобщий превосходит, – польстила я новому знакомому.

– Благодарю, – довольно улыбнулся тот, но едва уловимо мелькнувшей насмешке в глазах я поняла, что о своих познаниях в языке землян он прекрасно осведомлен и иллюзий не питает. И все же мой ответ его удовлетворил. Видимо, я играла в соответствии с местными правилами этикета.

Он поклонился, и я отметила, что поклон Айю был значительно ниже. Значит, этот жест связан не только с демонстрацией уважения, но и с обозначением социального положения. Боже, Майя, только не опозорься!

Я вновь склонила голову, на этот раз чуть подавшись вперед плечами. Краем глаза заметила одобрение в улыбке консула и едва удержалась от того, чтобы не смахнуть пот со лба: кажется, пока я все делаю правильно.

– Яно Аоки – глава межрасового политического центра Цинфа, – шустро проинформировала Айю, вставшая по правую руку от меня.

Говорила она быстро, лишь иногда ошибаясь в ударении. Либо она действительно хорошо знала язык, либо долго репетировала речь.

Консул отошел, уступив место новому лицу. Я не успела толком рассмотреть незнакомца – взгляд упал на небольшую квадратную коробочку синего цвета, перевязанную тонкой серебристой лентой. Я уже поняла, что каждый встречающий будет преподносить мне подарок, и теперь судорожно прикидывала: принимать ли их самой или попросить о помощи Айю.

Колебаться времени не было. Уверенно отдала девушке цветы и шары, которые та с готовностью приняла, будто только этого и ждала, и протянула дипломату раскрытые ладони. Я заметила, что подарки они отдают двумя руками, значит, и принимать их стоит так же.

Снова приветственный поклон, мимолетный обмен любезностями, и Яно Аоки сменил новый политик.

– Торо Кико – член Верховного парламента Цинфа.

– Сато Мирра – главный советник премьер-министра.

– Оно Куба – пресс-секретарь Кабинета министров.

После пятого или шестого знакомства я перестала запоминать имена, но старалась не упустить из вида должности. Судя по всему, встречала меня если не элита Цинфа, то ее законные представители.

Ох, как же страшно!

Я бы запаниковала, но церемония, больше похожая на ритуал, не позволяла расслабиться: улыбнуться, принять подношение, поклониться, сделать комплимент, передать презент Айю, повернуться к новому дарителю и снова по кругу. Под конец у меня с непривычки разболелась шея, а губы сводило от постоянной улыбки. Я искренне надеялась, что пока она все еще похожа на улыбку, а не на оскал загнанного хищника.

Вспомнив про хищника, невольно подумала об Алексе, и усталость как рукой сняло. Нет, я все вынесу просто ради того, чтобы взглянуть в эти бесстыжие глаза. Тоже мне инструкция, тоже мне информация о планете! Снабдили общими сведениями, а важные детали замолчали.

Или просто не знали о них?

– Госпожа Майя Данишевская, сюда, пожалуйста, – Айю, уже успевшая куда-то сгрузить подарки, вежливо указывала рукой дорогу. – Нас ждет пресса.

Удалось не споткнуться на ровном месте – уже достижение. Что ж, я же знала, что мое прибытие будет обставлено с помпой, так стоит ли удивляться?

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Мы прошли по взлетной площадке и миновали длинный коридор-трубу. Наверное, со стороны наша процессия выглядела комично: впереди, чуть сбиваясь от быстрого темпа, спешила Айю и подсказывала направление, за ней сосредоточенно цокала каблуками я, по бокам вышагивали два

высоких амбала, а за нами – процессия политиков и депутатов.

Остановившись перед полупрозрачными дверьми, Айю окликнула кого-то в толпе, и мальчик-посыльный, тащивший мои чемоданы, услужливо протянул мне забранные ранее цветы и шары.

– Нет-нет, – взволнованно шепнула она, заметив, что я тянусь за шарами левой рукой. – Наоборот.

Она сама вложила мне связку шаров в правую руку, а в левую – букет цветов, который пришлось прижать к груди – по тяжести он был сопоставим с хорошим булыжником.

Уже ничему не удивляясь, я тихо поблагодарила и обернулась к дверям. Те разъехались в стороны, и я смело шагнула вперед.

Первая вспышка ослепила, но вторую я уже встретила с улыбкой. В огромном зале, предшествующем зоне таможенного контроля, шумело и волновалось людское море – толпа журналистов, репортеров и просто любопытных зевак оживилась. Послышались щелчки камер, крики, просьбы посмотреть направо и налево, плохо различимые в гвалте вопросы и приглушенные вопли возмущения – видимо, кого-то в порыве воодушевления если не затоптали, то существенно помяли.

Стараясь выглядеть приветливой и улыбаясь с таким рвением, будто от этого зависела моя жизнь, я, следуя негромким подсказкам Айю, осторожно пробиралась сквозь обступившую меня толпу. К счастью, за руки не хватало и оторвать на память фрагмент землянки не пытались. Возможно, проявлению вежливости способствовало присутствие охраны – все те же два высоких, мускулистых парня невозмутимо вышагивали рядом и изредка разводили руками, обозначая мое личное пространство и отпугивая смелых зевак и настойчивых журналистов своим хмурым, полным грозного обещания взглядом.

Я остановилась лишь раз, уже перед самым выходом в город. Обернулась, приподняв руку с зажатыми в ней шарами, и замерла, дожидаясь пока фотографы сделают снимки. Ракурс я выбрала удачный – вполоборота, так чтобы улыбка казалась задорной и немного лукавой.

Толпа радостно взвыла и с удвоенным воодушевлением защелкала камерами. Я выждала немного, а затем, когда в зале установилось некое подобие тишины, с сильным акцентом, намеренно совершая ошибки в произношении, медленно проговорила на цинфийском:

– Благодарю вас за встречу!

На секунду воцарилось мертвое молчание, словно кто-то резко погасил экран нетбука, транслирующего фильм, а затем раздался такой восторженный писк, переходящий едва ли не в ультразвук, что я испуганно ретировалась в прозрачные двери, с готовностью разъехавшиеся в стороны.

Улица встретила ослепляющим солнцем, и я зажмурилась от неожиданности. Ведь читала же, что на Цинфе яркое светило, но все равно оказалась не готовой к встретившему меня сухому, теплomu лету.

– Госпожа Майя Данишевская, это было великолепно! Вы их покорили! – с упоением произнесла Айю. Кажется, мою маленькую победу она посчитала своей.

Это хорошо, мне нужны союзники.

– Куда теперь? – тихо спросила я.

– Сюда, госпожа Майя Данишевская, – тут же деловито засуетилась Айю, указывая путь, и цыкнула на отставших носильщиков: – Быстрее, бездельники! Госпожа торопится.

Те припустили с такой скоростью, словно им пригрозила не худенькая хрупкая девушка, а палач, поигрывающий секирой.

В сопровождении охраны и нагруженных, как вьючные животные, носильщиков мы вышли к стоянке такси. Одна из машин тут же двинулась нам навстречу.

– Что это? – спросила я, когда она поравнялась с нами. Ее дверцы приветливо распахнулись прямо напротив меня.

– Ваш личный транспорт, – откликнулась Айю. – Он предоставляется на все время вашего пребывания на Цинфе.

– Нет, я не о том, – покачала головой и немного нервно уточнила: – Мы будем... передвигаться по воздуху?

– Госпожа предпочитает наземный транспорт? – Айю выглядела обеспокоенной. В ее голосе сквозила тревога. Наверное, она боялась ошибиться и вызвать мое недовольство.

Не объяснять же, что на Эрии нет летающих автомобилей. Я еще раз покосилась на машину, замершую в паре сантиметров над землей.

– Нет, все в порядке, – наконец проговорила я.

О том, что в техническом развитии цинфийцы, возможно, опережали эрийцев, я решила подумать позже.

Айю с облегчением выдохнула и предупредительно указала на чернеющую полумраком кабину:

– Присаживайтесь, госпожа Майя Данишевская. Охрана поедет в следующей машине.

Я послушно нырнула внутрь, краем уха уловив лаконичные распоряжения насчет моего багажа. У Айю, несмотря на хрупкую внешность, оказалась железная хватка. Командовала она легко и уверенно, будто с рождения привыкла раздавать распоряжения.

Внутри было прохладно. Затемненные окна плохо пропускали свет, но глаза быстро привыкли к полумраку. Взгляд почти сразу выхватил стеклянную перегородку – водитель и пассажиры видели друг друга, но не слышали. Любопытный аспект то ли техники безопасности, то ли местного менталитета.

Айю юркнула в кабину, кивнула водителю, и тот неторопливо тронулся с места. Уже спустя пару мгновений он направил машину вертикально вверх, и та абсолютно бесшумно поднялась, вклиниваясь в общий поток.

Я старалась сохранить невозмутимое лицо и не таращиться в окно: было страшно, волнующе и безумно интересно.

– Госпожа Майя Данишевская знает цинфийский язык? – прервала молчание Айю. В ее голосе сквозила неприкрытая грусть. – В моих услугах нет нужды?

– Нет, что ты! – с жаром откликнулась я. – Цинфийский нам преподавали в институте, и признаться, за прошедшие годы я успела основательно подзабыть все то небольшое, что знала. Без тебя, Айю, я не справлюсь.

Та зарделась и, смущенно склонив голову, прижала руки к груди.

– Госпожа Майя Данишевская, я хотела поблагодарить за то, что вы выбрали меня из всех претендентов. Несмотря на отсутствие опыта работы, вы предоставили шанс именно мне.

– Ты можешь звать меня просто Майя, – рассеянно заметила я, впервые всматриваясь в лицо своей помощницы. До этого все не было возможности.

Даже при таком плохом освещении я видела, что Айю существенно младше меня. Наверное, лет на семь, если не больше. Совсем еще ребенок.

Алекс знал, кого выбирал.

– Госпожа Майя? – уточнила Айю, непонимающе нахмутив лоб.

– Без госпожи, – пояснила я, раздумывая, как тактичнее задать вопрос.

– Вы хотите, чтобы я перешла на дружеский тон? – немного испуганно, но с нотками странного трепета предположила она.

Я лихорадочно принялась вспоминать особенности цинфийского общения.

Кажется, если не ошибаюсь, в цинфийском существует три формы языка: официальный, полуофициальный и дружеский. Первый предполагает упоминание статуса и полного имени, второй – только статуса, а третий – лишь имени. Последний допустим при общении с близкими людьми, в противном случае подобная фамильярность означает прямое оскорбление.

Вот эти правила цинфийского Айю и переняла при общении на всеобщем. Думает она по-прежнему на своем языке.

– Да, – осторожно согласилась я, размышляя, не совершаю ли ошибку. – Я бы хотела подружиться с тобой.

Она какое-то время сидела молча и если и выглядела ошарашенной, то первые несколько секунд.

Затем на ее миловидном лице появилось задумчивое выражение.

– Хорошо, – наконец проговорила она, – это огромная честь для меня! Однако на людях я по-прежнему буду называть вас госпожой, чтобы избежать неудобных расспросов. Вы согласны?

Я заметила, что Айю все равно мне выкает, но решила, что Рим тоже не за один день строился.

– Отличный вариант, – кивнула я и спросила то, что не давало мне покоя: – Сколько тебе лет?

– Двадцать зим, – ответила та и затараторила: – Я быстро учусь и схватываю все на лету. Не волнуйтесь, я буду дежурить возле вас день и ночь, ни на шаг не отойду!

От такой перспективы я закашлялась, а Айю крепко вцепилась мне в руку, чуть повыше локтя, и выжидающе заглянула в глаза, словно испугалась, что я сейчас передумаю и затребую себе более опытного специалиста.

– Нет-нет, все в порядке. Меня устраивает твой возраст, – заверила я. – Просто стало любопытно...

«...Насколько цинично Алекс подошел к выбору переводчика», – мысленно закончила я и вздохнула.

Упрекать брата было бессмысленно: он в точности выполнил мою просьбу.

– Понятно, – удивленно проговорила Айю, и было заметно, что ей вовсе не понятно, но она решила не акцентировать на этом внимания. – Вы такая красивая! Я так горда, что работаю с вами!

Я снова закашлялась, уже не столько от неожиданной смены темы, сколько от странного, высказанного с придыханием комплимента. Осторожно освободив локоть от хватки Айю, я незаметно отодвинулась и опасливо осведомилась:

– Ты считаешь меня красивой?

Конечно, вероятность сразу по прилете на чужую планету наткнуться на маньяка весьма мала, но все же...

– Разве можно думать по-другому? – с искренним изумлением откликнулась Айю. – Все были восхищены вашей красотой. Да и как иначе? Светлая кожа, овальное лицо и глаза... Какие яркие, синие глаза! Никогда таких не видела! У всех землян синие глаза?

– М-м-м... Нет, но у моего брата такие же, – пробормотала я, пропуская восторженное оханье мимо ушей.

Как говорила Элеонора? На Цинфе царит культ красоты? Получается, внешняя привлекательность невероятно важна для них, и я своим видом попала «в тренд»?

– Айю, – осторожно позвала я, прервав ту на полуслове, – в моде... овальная форма лица?

– Да, как у вас, – подтвердила она. – Или круглое, как у меня. Видите?

Она поочередно повернулась левым и правым боком, чтобы я могла оценить результат.

– Разве естественная форма черепа цинфийцев не заострена к подбородку? – прямо спросила я и прикусила язык. Получилось грубо.

– Конечно, но в моде круглые лица, – безмятежно откликнулась она. – Большинство делают операции, чтобы поменять форму. Я тоже сделала, уже давно. Лет шесть назад.

Я застыла, силясь уложить услышанное в голове.

Айю сделала серьезную пластическую операцию в четырнадцать лет. Не по медицинским показаниям, а ради условностей моды.

Мне, выросшей среди толерантных к внешним недостаткам землян, было сложно принять нечто подобное. Впрочем, выбора не оставалось.

– Выглядит натурально, – выдавила я и с трудом улыбнулась.

– Натурально? – переспросила Айю. Глаза погрустнели, а уголки губ разочарованно опустились вниз.

– То есть красиво! – исправилась я. – Очень-очень красиво!

Она мгновенно просияла и тут же вновь схватила меня за руку.

– Но мне не затмить вашей красоты! Вы словно рина в весеннем саду.

Поэтичное сравнение странным образом настроило меня на деловой лад. Мельком взглянув в окно, я проявила запоздалую заинтересованность касательно собственного графика.

– Айю, какие у нас сегодня планы? Куда мы сейчас направляемся?

– О, сегодня у вас плотное расписание, – довольно откликнулась та и достала наладонник.

Я отметила, что размер устройства существенно меньше и тоньше моего. Техническое превосходство цинфийцев становилось все очевиднее.

– Через час у вас конференция и встреча с читателями.

– С читателями? – глупо переспрашивать, но не смогла удержаться.

– Да, ваша книга «Снег в июле» произвела фурор. В связи с этим будет небольшое интервью сразу с несколькими телеканалами. Вашим фанатам были обещаны автографы. Вы против?

– Нет, но для начала было бы неплохо привыкнуть к тому, что у меня вообще есть фанаты.

Айю покосилась на меня, словно не уверенная, пошутила я или говорю всерьез. Так и не определившись, как реагировать на мои слова, она облизнула губы и продолжила:

– Затем вас ждет небольшая экскурсия по нашей столице. Ориентировочное время мероприятия – два-три часа. Ожидается присутствие масс-медиа.

Я постаралась вздохнуть не слишком громко. Кажется, получилось.

– Вечером состоится прием в вашу честь, – не отрываясь от наладонника, проинформировала Айю. – В числе приглашенных лиц известные политики. Мероприятие продлится до полуночи.

– Главное – не потерять башмачок на чужой лестнице, – пробормотала я.

– Что?

– Нет, ничего. Просто забавная ассоциация.

Айю с любопытством покосилась на меня, но подробностей выспрашивать не стала. Вместо этого она выглянула в окно и довольно произнесла:

– Вот мы и прилетели. Центр искусств «Аэлла». Здесь состоится пресс-конференция для обсуждения вашей книги.

Мы пошли на снижение, и я тоже с любопытством уставилась в затемненное окно. Внизу сверкало острыми гранями грандиозное по своему масштабу сооружение: огромный лимонно-желтый треугольник, словно ради потехи перевернутый вверх ногами – узкое основание постепенно расширялось и заканчивалось плоской крышей. На ней упитанным ужом вилась посадочная площадка, на которой то и дело вспыхивали золотистые блики, но это не помешало водителю уверенно посадить машину.

Айю вышла первой и предупредительно придержала мне дверь. Я не успела ее поблагодарить – отвлеклась на невысокого мужчину с залысинами на макушке, который одновременно и суетливо кланялся, и раболепно протягивал мне связку воздушных шаров.

– Госпожа Майя Данишевская! Мы так рады видеть вас в нашем центре искусств! От лица всех сотрудников позвольте выразить...

Я умоляюще посмотрела на Айю, делая вид, что не понимаю, о чем говорит мужчина.

– Господин управляющий, – мгновенно откликнулась та и шагнула вперед, отгораживая меня от нашего встречающего, – госпожа благодарит вас за столь теплый прием, но вынуждена напомнить, что встреча с прессой состоится уже через сорок минут.

Я успела заметить, что Айю опустила мое имя, обозначив тем самым наши дружеские отношения, и на управляющего это произвело сильное впечатление: поклон, в котором он снова склонился перед моим переводчиком, в этот раз был почти таким же низким, каким он одарил меня. Моя дружба с Айю поднимала ее статус в глазах общества? Любопытно...

– Конечно-конечно! Прощу вас, идите за мной.

Мы молча двинулись следом, по обе стороны от меня уже грозно нависали два амбала: когда только

возникли рядом? Я не видела, чтобы на стоянке парковалась машина с охраной. Впрочем, новая встреча меня увлекла так, что могла и не обратить внимания на прибытие двух уже почти хороших знакомых.

Управляющий то и дело оборачивался к нам лицом, суетливо тряс подбородком и растопыренной ладонью указывал направление. Мой взгляд выхватил его узкое запястье, обмотанное яркой лентой с устремленными ввысь шарами.

– Айю, – театральным шепотом позвала я. – Разве я не должна принять подарок? Наверное, это невежливо.

День выдался безветренным, но все же здесь, на крыше, ощущалось небольшое дуновение, и огромные шары, болтающиеся за спиной управляющего, обретали причудливую, полную укора форму. В этих шарах мне виделась моська собачки, которую расстроенный хозяин тащит домой, сдерживая желание огрызнуться, выкинуть поводок, а то и пнуть мешающую псину.

– Нет, все в порядке. Он значительно ниже вас по социальной лестнице. Принимать из его рук презент вовсе не обязательно.

– Но...

– Он только возгордится, – фыркнула Айю, имея в виду управляющего. – Так что не переживайте, приветственный подарок заберет охрана.

– Понятно, – растерянно протянула я.

Конечно, хотелось поспорить, но я не стала рисковать – в местном этикете я еще не разобралась и боялась совершить досадную ошибку. Действительно, вдруг моя реакция будет истолкована как-то превратно и приведет к негативным последствиям?

Я не знала Айю, не была вполне уверена, можно ли ей доверять, но почему-то чувство, что она не будет вставлять палки в колеса, не покидало меня.

Мы по диагонали пересекли залитую солнечными лучами крышу и ступили в просторный, полностью стеклянный лифт. Его поверхность была вычищена с таким рвением, что казалась прозрачной, а рекламные плакаты, расклеенные на стенах, – зависшими в воздухе волшебными картинками.

Я с интересом уставилась на одну из них. На постере симпатичный молодой мужчина со всех ног бежал в гипотетически спасительную даль, на его широкой груди прятала лицо маленькая девочка, за спиной взлетали обломки взорванных домов и складывались у ног беглеца в причудливую вязь названия. «Город в темноте», – не без труда разобрала я и уткнулась взглядом в слоган: «Пришло время сорвать маски!»

Я хмыкнула, ни название, ни слоган не вызвали желания ознакомиться с цинфийским кинематографом, но какая-то едва уловимая мысль кольнула меня. Я нахмурилась и склонила голову набок, всматриваясь в плакат.

– Госпожа желает отдохнуть перед встречей. Ее номер готов? – при построении предложения Айю использовала вопросительные конструкции, но повелительные нотки в голосе заставили фразу звучать угрожающе.

Такую искреннюю убежденность в том, что окружающие обязаны относиться к тебе не просто с уважением, а с трепетом, невозможно привить, только впитать с молоком матери.

Кого же ты, Алекс, выбрал мне в помощники?

– Для госпожи Майи Данишевской подготовлен люкс первого класса. Мы счастливы предложить...

– Люкс первого класса? – холодно переспросила Айю, и я наострила ушки. – Я договаривалась с вами о люксе суперкласса.

– Видите ли... Произошла небольшая накладка...

– Рико Хаец, вы хотите сказать, что оказались некомпетентны?

Айю перешла с уважительного обращения по должности на пренебрежительный тон с упоминанием имени, и я поняла, что пора вмешаться. Выслушивать склоки и делать вид, что не понимаю происходящего, у меня не было ни малейшего желания. К тому же смутная идея испуганной птицей вспорхнула в голове и оформилась окончательно.

– Айю, сегодня здесь будет Дайсаке Акано?

Я беззастенчиво ткнула пальцем в постер, надеясь, что на моем лице читается если не восторг, то хотя бы радостное волнение. Я не могла с уверенностью сказать, что верно прочитала имя актера, но все же сильно исковеркать не должна была. Символы, обозначающие фамилию, напоминали мне какое-то слово, но я не могла вспомнить его значение.

Айю перестала сверлить управляющего разочарованным и как будто обиженным взглядом (так ребенок смотрит на кашу с комочками) и обернулась ко мне. На ее лице недовольство мгновенно сменилось живой заинтересованностью. Управляющий тихо выдохнул и полез в карман за носовым платком – с его лба градом катился пот.

– Вы знаете Дайсаке Акано?

Я расплылась в улыбке – имя я прочитала правильно, но Айю истолковала мою реакцию иначе.

– Вы смотрели фильмы с ним?

– Да, – с апломбом заявила я, сама не веря в то, что могу лгать так непринужденно. – Я его фанатка! Особенно мне нравится его последний фильм – «Город в темноте».

– О-о-о! – протянула она. – Вот это да! Дайсаке Акано будет очень приятно, что вы оценили его работу по достоинству. Подумать только: вы смотрели фильм с ним!

Я заметила, что Айю опускает обращение «господин» по отношению к актеру, но при этом в голосе не слышится снисхождения. Черт, какая же запутанная социальная иерархия!

– Я бы хотела сказать ему об этом лично, – мягко улыбнувшись, намекнула я.

Айю замерла, лишь длинные пушистые ресницы затрепетали – впервые видела, чтобы кто-то так быстро моргал.

– Если у вас есть такое желание, то, конечно, мы его выполним, – немного растерянно проговорила она и снова покосилась на рекламный щит, где в самом низу была приписка, которая и заинтересовала меня. – У него как раз сейчас проходит встреча с фанатами в одном из конференц-залов. До вашего мероприятия еще есть время, можно посвятить его не отдыху, а знакомству.

– Буду признательна, – довольно кивнула я, пряча за спину вспотевшие ладони. Я знала, что делала, но было откровенно страшно. Как прыгнуть в прорубь зимой.

Айю задумчиво поправила кокетливый бант на груди, и казалось, этот жест вернул ей деловой настрой. К управляющему она обратилась деловито и сухо:

– Госпожа не нуждается в отдыхе, проблему с люксом можно считать закрытой, но ваш непрофессионализм не остался незамеченным.

Управляющий снова засыпал ее извинениями, и, наверное, этот своеобразный обмен любезностями (равнодушие Айю можно было посчитать колкостью) затянулся бы, но, к счастью, лифт бесшумно остановился. Стеклопакеты дверцы разъехались, и я первой шагнула на свободу.

Айю тут же оказалась по правую руку от меня и вполголоса подсказала, куда идти дальше. Охрана уже маячила за спиной. Я обернулась и проводила завистливым взглядом отъезжающий лифт с бледным лицом управляющего за прозрачным стеклом. Для него самое страшное было позади, для меня же все только начиналось.

Холл встретил приятной прохладой и кафельным полом, по которому громко зацокали мои каблук. Этот монотонный звук казался мне пугающим отсчетом перед стартом: пять, четыре, три, два... На счет «один» мы оказались перед высокими, настежь распахнутыми белыми дверями. Заглянув внутрь, я присвистнула: длинная, какая-то бесконечная вереница людей извилистой змеей растянулась по просторному залу и замысловатым зигзагом вела в один из углов, где можно было различить небольшой письменный стол и человека, склонившегося над ним.

– Автограф-сессия в самом разгаре, – пояснила Айю. Наверное, вид у меня был растерянный.

– Займем очередь? – неуверенно спросила я, понимая, что произнесла глупость.

Айю хихикнула, кажется, искренне.

– Вы так тонко шутите!

– Да, – пробормотала я, усилием воли расправляя плечи. – У меня своеобразное чувство юмора.

– Подождите здесь. Я сейчас обо всем договорюсь.

Она цыкнула на охрану, как на цепных псов, и те послушно подошли ближе. Я почувствовала себя редкой драгоценностью, которую стерегут два волкодава, – непривычное, тревожное ощущение, и чтобы его сбросить, закрутила головой, высматривая в толпе что-нибудь интересное.

Большинство цинфийцев в этой толкучке терпеливо переминались с ноги на ногу и не замечали моего присутствия – они изредка заглядывали за плечо стоящему впереди соседу и тихо вздыхали. Лишь небольшая группка чуть справа от дверей ожесточенно перешептывалась и не сводила с меня любопытных глаз. Я помахала рукой и улыбнулась – образ приветливой землянки давался мне все легче. Те завертели головами, словно не поверили, что я адресовала этот жест именно им, а затем вспыхнули широкими белоснежными улыбками и принялись одаривать меня быстрыми, почтительными поклонами. Мысленно чертыхнувшись (шея уже начала болеть!), я под равнодушными взглядами охраны тоже склонила голову и приложила руку к груди. Я уже хотела отвернуться, но заметила, что мои новые знакомые так и продолжают кланяться, и тоже снова кивнула. Те пришли в страшный восторг и полезли за фотоаппаратами. Не разгибая спины, они сложили перед собой руки в умоляющем жесте. Я растерялась. Они хотят сфотографироваться?

Надеясь, что замешательство не отразилось на лице, я дружелюбно кивнула, соглашаясь, но фотосессию с обезьянкой (со мной) провести не позволили. Появилась запыхавшаяся Айю и нетерпеливо утянула меня за собой. Не отпуская руку моего переводчика, я обернулась и состроила извиняющуюся морщку своим новым знакомым. Их реакцию увидеть не успела – перед моим лицом сомкнулась стена: назвать иначе мощные грудные клетки волкодавов я не могла.

Я думала, придется проталкиваться через толпу, но цинфийцы, завидев моих сопровождающих, расступались, обтекая меня, словно волны крупный камень на берегу. На лицах читались восторг, интерес, иногда – испуг, но недовольства или враждебности я не заметила. Учтя, что я нагло пролезла без очереди к их кумиру, это было даже немного странно. Казалось, они относились ко мне, как к существу другого порядка, на которое не распространяются их законы и правила. Пока я не знала, хорошо это или плохо.

– Госпожа Майя Данишевская, позвольте представить вам Дайсаке Аканю. – Мужчина оторвался от очередного автографа, поднял на меня глаза, и я сглотнула. – Он благодарен и польщен за внимание к его работе и выражает надежду...

Голос Айю пробивался будто сквозь вату. Нет, я не расплылась в глупой улыбке и не позволила себе застыть. Думаю, со стороны я выглядела все так же беззаботно, но внутри словно что-то кольнуло, а затем вспыхнуло яркими красками.

Дайсаке... Дайсоке? Его нельзя было назвать красивым в полном смысле этого слова, но что-то в его смуглом, немного заостренном лице цепляло и завораживало. Наверное, дело бы в его взгляде – быстром, оценивающем, но спокойном. Так смотрит человек, внутренне собранный и готовый ко всему. Этому нельзя научиться, только приобрести, как правило, в доверок к опыту, о котором хотелось бы забыть. Я буквально утонула в глубине его карих глаз, на пару оттенков светлее, чем у Айю или охранников. На краю сознания мелькнула ассоциация – у кого-то я уже видела похожий взгляд, но мысль так быстро исчезла, что я не успела ухватить ее за хвост.

В этот момент Дайс (я мысленно называла его именно так) встал и оказался лишь немного ниже среднестатистического эрийца. На каблуках я едва доставала ему до плеча.

Что, Майя, давно не чувствовала себя козьявкой?

Дайс вежливо, но без трепета поклонился мне и обратился к Айю:

– Госпожа Майя Данишевская желает получить автограф?

Та мгновенно перевела, и я с готовностью откликнулась:

– Это доставило бы мне огромную радость!

Я чуть приподняла бровь, когда Айю интерпретировала мой ответ немного иначе:

– Да, госпожа пришла за автографом. Пожалуйста, поторопитесь.

Я продолжала улыбаться, но в голове крутился лишь один вопрос: почему она перевела не дословно? Я допустила грубую ошибку? И ведь не спросишь, придется продолжать играть свою роль.

Дайс выхватил одну из многочисленных рекламных листовок, стопками лежащих на столе, и потянулся к ручке:

– Кому именно подписать?

- Лично госпоже, - пояснила Айю, и Дайс удивленно покосился на меня, словно не ожидал подобного.

Его рука быстро и отрывисто забежала по листовке, выписывая не только автограф, но и какое-то дружеское пожелание - вверх ногами не разберешь, а затем двумя руками протянул ее мне.

- Я признателен за ваш интерес, госпожа Майя Данишевская. Знакомство с вами - приятный сюрприз.

Я приняла листовку тоже двумя ладонями и сразу склонила голову, не слушая перевод Айю.

Дайс, заметив этот жест уважения, немного растерялся, но тут же сориентировался и поклонился в ответ.

За спиной раздалось пыхтение - значит, Айю не одобряет мое поведение, но не видит причин вмешиваться. Что ж, я выбрала верное направление. Ох, как же страшно!

Я воскресила в памяти лицо Алекса и приободрилась. Брата бы только позабавили мои колебания. Ладно, назвался груздем, полезай в кузовок...

- Простите, но я бы хотела сфотографироваться на память. Это возможно? - я обращалась к Айю, но смотрела на Дайса.

В этот раз я сумела вызвать удивление у них обоих. Они переглянулись между собой, словно принимая обоюдное решение, а затем слаженно кивнули. Дайс вышел из-за стола и шагнул ко мне, на его губах появилась дежурная улыбка, она не нашла отражения в его глазах, но смягчила черты лица, сделав их по-настоящему привлекательными. Айю достала наладонник и навела его на нас, видимо, в прибор была встроена камера.

Дайс был существенно выше меня, и я нервничала не только потому, что пришло время реализовывать рискованный план, ради которого я и затеяла знакомство с актером, но и потому, что не могла отделаться от чувства, будто фотографируюсь с эрийцем, - это сбивало с толку.

Скосив глаза, я заметила, что рука Дайса замерла в паре миллиметров над моим плечом, не касаясь его, но создавая иллюзию дружеского объятия. Значит, я правильно истолковала найденные в цинфийской художественной литературе намеки - в обществе действительно царили ханжеские порядки. Физическое проявление симпатии не то чтобы запрещено, но не приветствовалось. Я подозревала, что такая политика связана с перенаселением планеты, но это уже детали.

Не давая себе времени на раздумья, я уверенно положила ладонь на талию Дайса, приобнимая его с другой стороны. Он едва уловимо вздрогнул, но не оттолкнул меня, лишь быстро посмотрел, но я не смогла верно истолковать его взгляд - была слишком занята позированием: тяжело широко улыбаться в камеру, когда внутренне трясешься от страха.

Айю щелкнула фотоаппаратом, а затем медленно опустила наладонник, и я увидела ее растерянное лицо с расширенными от потрясения зрачками.

Надеюсь, я не переборщила.

- Что-то не так? - смущенно спросила я.

- Нет, то есть да, в смысле... - Айю отчаянно пыталась нащупать ускользающую от нее мысль, а возможно, искала доступное объяснение для невежественной землянки. Все это время я не отпускала Дайса: прикосновение к нему странным образом успокаивало меня, а тот по какой-то причине не отстранялся от меня. - Объятия на публике - это... не запрещено законом, но... несколько... провокационно.

Я мысленно репетировала этот момент еще в лифте, поэтому охнула вполне естественно и убедительно. Испуганно отскочила от Дайса, в ужасе прижала ладонь ко рту, а затем затараторила извинения, не забывая присоединять к ним не очень низкие поклоны.

Параллельно фиксировала реакцию зрителей: сначала стояла мертвая тишина, затем раздалось перешептывание, а чуть позже, после демонстрации моего смущения, послышались одобрительные смешки. Если бы я была рыбкой в аквариуме, то меня бы уже облепили восторженные, расплущенные о стекло мордашки детей, умоляющих родителей завести такую.

Я боялась думать, что все получилось. Я все еще балансировала на грани, но, кажется, уже не сорвусь.

Мы с Дайсом отходили все дальше друг от друга, рассыпаясь во взаимных извинениях и поклонах. При этом он не выглядел ни смущенным, ни польщенным - полнейшее спокойствие. Глыба льда,

столкнувшись с «Титаником», проявила бы больше эмоций, чем он.

– Прос-ти-те, – по слогам, на очень скверном цинфийском проговорила я.

– Приношу свои извинения госпоже Майе Данишевской, – в свою очередь откликнулся он.

Представление затягивалось, но мы, как хорошие актеры-импровизаторы, делали вид, что так и надо. Наконец Айю пришла в себя, спрятала наладонник и вспомнила о своих обязанностях.

Встав за моей спиной, она обратилась сначала к Дайсу, затем к цинфийцам. Кратко извинилась от моего лица и пояснила, что у землян немного иные представления о приличиях. После чего мы быстро покинули зал в сопровождении охраны. Я уходила не оборачиваясь – спина буквально горела от многочисленных любопытных взглядов.

– Айю, я совершила ошибку? – в лоб спросила я, как только мы оказались в холле.

– Я бы не назвала это ошибкой, – задумчиво протянула та. – Вы не нарушили закон и не проявили неуважения к нашим традициям. Наоборот, осознав свою оплошность, вы очень мило покраснели и быстро извинились. Мой народ любит извинения...

– Ты считаешь, это было?.. – я не закончила фразу, дожидаясь, пока Айю найдет свое определение произошедшему.

– Это было экзальтировано, – подытожила она, и я выдохнула с облегчением. – Ваша смелость определенно понравится молодежи. И вызовет снисхождение у взрослого поколения.

Я расслабилась окончательно. Это был рискованный шаг, но только спонтанными, немного бесшабашными поступками я смогу удержать интерес цинфийцев к своей персоне. Об этом говорил Алекс.

– Но пожалуйста, больше никого не обнимайте! – горячо попросила Айю.

– Не буду, – легко согласилась я.

Повторяться – не в моих правилах. В следующий раз придумаю что-нибудь новенькое.

– Нужно спешить, – взглянув на наладонник, забеспокоилась Айю. – Ваша конференция начнется с минуты на минуту.

Она заспешила, и я тоже ускорила, опасаясь отстать. В голове созрел вопрос, я наконец-то поняла, на что походили символы фамилии Дайса.

– Айю, фамилия этого актера переводится как «Окаянный»? Забавное совпадение!

– Это не совпадение. Все дети преступников носят такую, – рассеянно пояснила она и буквально втолкнула меня в одну из многочисленных дверей холла. – Если мы опоздаем, папа меня убьет, – пробормотала она уже на цинфийском.

Оказавшись в зале, битком набитом прессой, я на негнущихся ногах прошагала в центр, где на небольшом возвышении, как на сцене, был установлен стол с микрофоном. Видимо, необходимость улыбаться уже отпечаталась на подкорке сознания, потому что я растягивала губы на автомате, не задействуя при этом мозг. В голове же царил полный сумбур. Мысль о том, что я всего несколько минут назад обнимала сына преступника, соседствовала с размышлениями о страхе Айю перед отцом, но времени на раздумья не было.

Первый же журналист буквально выбил почву из-под ног.

– Госпожа Майя Данишевская, как вы считаете, смогут ли цинфийцы в полной мере оценить вашу книгу? Не помешает ли восприятию пресловутая разница менталитета?

Так, Майя, вот здесь осторожно... Вопрос с подвохом.

Я дождалась суфлерского шепота Айю, а затем неторопливо, тщательно подбирая слова, ответила:

– Каждая раса уникальна. Ее неповторимость формируется за счет культуры, традиций, истории и накладывает отпечаток на особенности мышления жителей планеты. Но было бы опрометчиво считать привычную точку зрения единственно верной. Думаю, знакомство с чем-то новым даст не только толчок к дальнейшему развитию как конкретного человека, так и общества в целом, но и позволит понять, что на самом деле мы, земляне и цинфийцы, не так уж сильно и отличаемся.

Я незаметно выдохнула – речь оказалась длиннее той, что я мысленно набросала.

Несколько минут, необходимых Айю на перевод, стояла напряженная тишина. Уверена, пролети сейчас тонко попискивающий комар, и на него бы раздраженно зашикали, чтобы не мешал. Я немного расслабилась, самую чуточку, когда зал взорвался, нет, не аплодисментами, а новыми вопросами. К счастью, более предсказуемыми и лишенными политической подоплеки.

– Как вам пришла в голову идея «Снега в июле»?

– Герои имеют реальные прототипы в жизни?

– Верили ли вы в успех этой истории?

– Хотели бы увидеть экранизацию вашей книги?

Я запнулась, рассматривая невысокую симпатичную девушку в ярко-розовом брючном костюме. Будь я собой, рассмеялась бы сейчас громко и искренне. Возможно, потом методично перечислила бы минусы, неизбежные для авторов, отдавших свое творение на откуп режиссерам. Но я играла роль, а значит, собственное мнение стоит оставить при себе или, при желании, похвастаться им перед братом, который вряд ли окажется впечатлен моей логикой. Я смущенно потупилась и быстро-быстро заморгала, надеясь, что ресницы, на которые Элеонора потратила не меньше половины флакончика черной туши, сейчас нежно трепещут, размягчая суровые сердца цинфийцев, склонных к созерцанию физической красоты.

– Каждый писатель втайне мечтает об этом. Моему восторгу не было бы предела, если за осуществление подобного проекта взялся бы цинфийский режиссер. Знаете, я посмотрела несколько фильмов. Глубина мысли и эстетичность видеоряда просто поразили меня...

Судя по оживлению, прокатившемуся по залу, я попала не в бровь, а в глаз. Что ж, на планете, поработанной продуктами массмедиа, нельзя было ответить иначе.

Я с готовностью перечислила названия нескольких фильмов (подсмотренных на рекламных плакатах все в том же лифте), восхитилась актерской игрой и отметила авторскую задумку теми общими словами, которые используют, когда понятия не имеешь о предмете разговора. Удивительно, но публике пришлось по душе моя «откровенность» – взгляд то и дело выхватывал благосклонные улыбки, а слух нервно улавливал перешептывания, в которых сквозило удовлетворенное урчание сытых хищников.

Я вздрогнула, когда у самого выхода заметила смутно знакомую фигуру, прислонившуюся спиной к высокой колонне. На лоб Дайса была надвинута кепка с козырьком, поэтому я не смогла понять: хмурится он или улыбается. Скрестив руки на груди и чуть склонив голову набок, он смотрел на меня, как зритель, заинтересованно наблюдающий за ходом спектакля. Наши глаза встретились, и он кивнул, не то снова приветствуя, не то подбадривая.

Я сбилась с мысли, а потому неудачно ответила на новый провокационный вопрос.

– Как думаете, почему первый контакт землян и цинфийцев провалился?

– Не знаю. Я не имею отношения к политике.

– Но ваш брат, господин Алекс Данишевский, возглавляет оппозицию землян в эрийском парламенте...

К настойчивому журналисту, не думавшему замолкать, уже направилась охрана. Проталкиваясь сквозь ряды, они должны были вот-вот сцапать смельчака. Мощные лапы уже опустились на субтильные плечи говорившего, когда я, сконцентрировавшись, отвернулась от Дайса и выдала что-то похожее на шутливое признание:

– Мне сложно понять, почему наш первый контакт провалился. Мне цинфийцы показались располагающими и... привлекательными...

Покраснеть удалось без труда – достаточно было снова посмотреть в сторону Дайса. Сделала я это искоса, поэтому внимания к молчаливому зрителю в кепке не привлекла.

Публика с восторгом восприняла намек на мой интерес к мужчинам-цинфийцам и на некоторое время оставила меня в покое, смакуя собственные эмоции и впечатления.

– Вы – молодец! – шепнула Айю и несильно пожала мне руку под столом. – Еще парочка вопросов, и начнется автограф-сессия.

Я не застонала вслух по двум причинам: пришлось рассыпаться в восхищенных эпитетах перед журналистом, банально поинтересовавшимся моим мнением касательно погоды Цинфа; на душе появилось странное, тревожащее чувство разочарования и облегчения – широкая спина Дайса

отлипла от колонны и, мелькнув, быстро исчезла в дверях. Я моргнула и снова сосредоточилась на своей роли. Главное – дотянуть до окончания пресс-конференции, затем будет проще.

Землянка напоминала мне орлицу, попавшую в западню. Такие птицы не будут сидеть в силках, терпеливо дожидаясь охотников. Нет, они издерут тело в кровь, потеряют прекрасное оперение, но порвут сковывающие их сети.

Тем забавнее было наблюдать за орлицей, прикинувшейся вдруг волнистым попугайчиком.

Я не знал, что за игру она затеяла, но легко включился в нее. Можно было смешать все карты и оттолкнуть ее, когда она обняла меня, но я не стал этого делать. Тяжело оттеснить человека, так отчаянно стремящегося добиться своего. В этой ситуации легче бездействовать, чем необдуманном поступком подтолкнуть храбреца к пропасти.

А мне бы не хотелось, чтобы землянка разбилась, упав на острые камни. Она демонстрировала хрупкость и беззащитность, но я видел в ней силу и упорство, изрядно приправленные испугом. Первые два качества вызывали уважение, а огромные синие глаза с отравой страха на самом доньшке – желание помочь.

Я и сам не раз оказывался в ситуации, когда от блефа зависели жизнь и благополучие моих близких. Если в чем-то я и знал толк, так это в качественном блефе. Землянка делала только первые шаги в этом направлении, но она от природы была хорошим игроком. В этом я тоже разобрался.

Помочь коллеге по цеху, начинающему лицедею, что может быть естественнее?

Я лишь усмехнулся, услышав ее дифирамбы цинфийскому кинематографу. Едва ли она вообще имела о нем представление.

То, как легко она ходила во время конференции по самому лезвию бритвы, заставило меня улыбнуться – землянка была умна и очаровательна. И лишь упоминание о ее брате-политике вернуло меня к реальности.

Любопытство – не порок, но иногда цена за него слишком высока.

Я не стал досматривать разыгрывавшийся спектакль до конца, лишь мысленно пожелал его актрисе удачи и незаметно покинул место фарса.

Не думаю, что наши пути пересекутся снова.

Разные миры, как и параллельные прямые, если и соприкасаются, нарушая все законы, то лишь на короткое время.

Глава 4

На двадцатом автографе у меня заныла кисть, на пятидесятом – шея, на сто пятом читатели перестали казаться милыми людьми и превратились в моих же убийц, весьма коварных и изобретательных.

Подписывая очередную книгу, я мельком обратила внимание на тираж, указанный на первом листе, и сглотнула.

– Айю, – тихо окликнула я заскучавшую переводчицу, – ты случайно не знаешь количество напечатанных экземпляров моей книги?

– Конечно, знаю, – с уверенностью отличницы отрезала она, разве что руку вверх не вскинула.

От озвученной цифры у меня закружилась голова. В памяти всплыл старый мультик, где Скрудж Макдак купался в собственных деньгах. Кажется, я теперь смогу проделать тот же фокус. А если заменить золотые монеты на кофейные зерна, заполнить ими ванну и нырнуть... Голос Айю не сразу сумел выдернуть меня из мечтаний.

– Треть книг сразу же была выкуплена государством и передана муниципальным библиотекам, чтобы неработающее население смогло ознакомиться с вашим творчеством. Еще треть тут же раскупили, оставшаяся часть пока лежит на полках магазинов, но после сегодняшней пресс-конференции, думаю, и она окажется сметена читателями.

Я блаженно зажмурилась.

– Айю, а кофе у вас тут есть?

– Есть, конечно. Вам принести?

– Да, и побольше, побольше...

Остаток автограф-сессии пронесся быстро и ассоциировался с терпким вкусом правильно сваренного кофе.

Экскурсия по городу осталась в памяти смазанным пятном. Меня провели по основным достопримечательностям столицы, не забыв продемонстрировать достижения в сфере строительства и техники: матовые сферические дома нового поколения, огромные поверхностные и воздушные магистрали, невесомые, как будто зависшие в воздухе мосты, соединяющие один конец города с другим, поражающие своей скоростью машины... В уникальной архитектуре города не хватало только одного – природы. Как будто кто-то взял и вычеркнул ее из списка необходимых для жизни вещей. В ответ на недоумение мне вежливо пояснили, что в городе совершенно нет места для зелени, но за пределами мегаполисов существуют заповедники, и если госпожа желает...

Госпожа желала, но в следующий раз. Голова и так пухла от новых сведений, которые надо было систематизировать и отразить в отчете Алексу. Интерес мой был искренним, я не стеснялась задавать вопросы, наверное, поэтому к концу прогулки чувствовала себя как наполненный до краев кувшин, который в любой момент готов был пойти трещинами. На заявление Айю, что экскурсия завершена и мы можем отправиться в отель, я отреагировала с жадным разочарованием и трусливым облегчением – если не я сама, то мои мозги определенно нуждались в кратковременном отдыхе.

Мы приземлились на крыше современного здания модной цилиндрической формы, затем спустились на один этаж ниже и оказались перед массивными, внушающими опаску и уважение дверьми из какого-то местного мегапрочного материала. Я не запомнила названий и деталей, потому что в этот момент мечтала только об одном – поесть!

– Ваш номер, – предупредительно оповестила Айю и провела карточкой по скану на уровне ручки. Двери бесшумно разъехались, и я переступила порог своего нового убежища.

Айю шагнула следом, а охрана осталась в холле.

– В случае если обстановка не отвечает вашим требованиям, она будет немедленно изменена, – успокаивающе проговорила Айю, настороженно наблюдая за моей реакцией.

Я ошарашенно оглянулась. Мысль о смене интерьера казалась кошунственной.

Огромная, просто подавляющая размерами квартира-студия, отделанная в классической бежевой гамме с вкраплением металлика, казалась настоящим райским островом. Высокие стены упирались в прозрачный потолок – можно было рассмотреть летающие в небесах машины и неторопливо ползущие облака. Я представила, как отчетливо отсюда будут видны звезды ночью, и сглотнула.

Наверное, только из планетария вид был бы лучше.

– Стекло можно затемнить, – пояснила Айю, напряженно наблюдающая за мной. – Вот так.

Она коснулась какой-то кнопки на приборной панели возле двери, потолок мгновенно будто затвердел и приобрел неброский светло-бежевый оттенок.

– Нет, оставь. Мне так больше нравится, – попросила я.

Полностью оборудованная кухня, приятная гостиная, кабинет для работы, плавно перетекающий в спальню. А тут что? Я рывком потянула двери на себя и замерла: ванная комната, выполненная в мраморно-сиреневом цвете, служила воплощением моей девичьей мечты, слишком смутной, чтобы я могла облечь ее в слова.

Под прекрасной мозаикой с морским пейзажем величественно мерцала белоснежная ванна округлой формы, на краях которой стояли зажженные свечи и в тщательно продуманном беспорядке были разложены мелкие речные камешки. Чуть дальше я увидела стеклянную душевую кабинку с зазывно сверкающей приборной панелью. Кажется, здесь можно было не только заранее настроить температуру и мощность струи, но и выбрать подходящую по настроению музыку. Я обернулась и уткнулась в собственное отражение – всю противоположную стену занимало зеркало в серебристой оправе. Тут же стоял туалетный столик с многочисленными ящичками и мягкой банкеткой. В соседнем углу спрятался шкаф с пушистыми полотенцами, халатами и бесчисленными баночками с шампунями и гелями. Было там и что-то еще, но я не стала вникать. Так и стояла посреди ванной комнаты, то любуясь живыми цветами на столике, то переводя взгляд на причудливый узор шелковистого, как трава весной, ковра под ногами.

– Обед подан. Если вы голодны... – Айю робко заглянула внутрь. То ли опасалась увидеть разбитые зеркала и уничтоженную в порыве приступа гнева красоту, то ли мое бездыханное от свалившегося на него счастья тело – сложно сказать.

– Отлично. Я проголодалась, – с улыбкой ответила я, взяв себя в руки. На лице Айю тут же отразилось облегчение.

Видимо, она все еще боялась неверно истолковать мою реакцию, опростоволоситься и вызвать недовольство.

Глупенькая. Она просто не знала, как я жила прежде.

Впрочем, привыкать к хорошему не стоит. Сказка про Золушку в любой момент может обернуться триллером о наивной писательнице.

Именно об этом я и напомнила себе, присев за заставленный мелкими плоскими столиками стол.

– Это что?

– Я не знала, что вы любите, поэтому заказала всего понемногу. Как вы относитесь к цинфийской кухне?

– Э-э-э... – чувствуя какой-то подвох, протянула я. – Благосклонно.

– Это хорошо, – подытожила она, – потому что другой у нас нет.

Я с подозрением покосилась на обилие маленьких тарелочек с какими-то игрушечными порциями различной снеди. Не могу сказать, что выглядела она аппетитно, но урчание голодного желудка резко пробудило во мне толерантность.

– Аппетитно пахнет, – благодушно солгала я и предложила, гостеприимно указав на стол: – Присоединишься?

– Я? – округлила глаза Айю.

– Так и знала, что еда отравлена, – не смогла удержаться от шутки, но пришлось тут же прикусить язычок – вид Айю заставил устыдиться собственных мыслей.

– Если вы сомневаетесь... Я лично попробую каждое блюдо и...

– Брейк! – Я подняла вверх руки и честно призналась: – У меня отвратительное чувство юмора, прости. Ну так что, пообедаем вместе?

– В нашей культуре совместная трапеза означает доверие. Семьи обедают вместе, друзья кушают вместе... Вот почему вы не увидите еды на политическом приеме в вашу честь – не тот круг людей.

– Понятно, – удивленно протянула я. Ладонь зашарила в поиске нетбука – записать необычную традицию, и я чертыхнулась, вспомнив, что он в багаже. – Так присоединись?

Я повторила приглашение и состроила умильную моську. Айю рассмеялась и довольно выдохнула:

– Конечно!

На вкус еда показалась слишком пресной, но при попытке разбавить ее обилием представленных соусов превращалась в пряное нечто, жгущее язык и нёбо. Проблема усугублялась необходимостью каждый раз подсматривать за Айю – справа и слева лежали многочисленные столовые приборы, предназначение которых я не могла угадать. Наблюдая за тем, как ловко в руках Айю мелькают вилки с разным количеством зубчиков и разнокалиберные ложки, я подумала, что отсутствие закусок на приемах – это скорее плюс, чем минус. Меньше шансов опозориться.

– Вы уже решили, что наденете сегодня вечером?

Ни сном ни духом.

– Конечно. У меня есть прекрасный наряд на примете. Мои вещи прибыли?

– Да, они в гардеробной.

Чтобы убедиться в правдивости своих же слов, я, не теряя времени, ринулась бы в упомянутую гардеробную, но остановило присутствие Айю. Если совместная трапеза – важный ритуал, то, видимо, преждевременно прерывать его как минимум невежливо. К счастью, моя помощница сама порывисто поднялась из-за стола.

– Покажете?

Я усмехнулась, заметив ее полный предвкушения взгляд. Это было очень по-девичьи. Неужели ее и правда так интересуют наряды, или она просто стремится мне помочь?

– Да, пойдём.

В гардеробной я на мгновение растерялась. Ожидала увидеть собранный чемодан, а наткнулась на тщательно развешанные, упакованные в целлофановые накидки вещи.

Я вытянула руку и, касаясь ладонью защитного материала, задумчиво прошлась между рядами одежды. Прозрачная упаковка иногда отзывалась слегка похрустывающим звуком.

– Так что же вы выбрали? – с нетерпением спросила Айю.

Она стояла в дверях комнаты и взирала на внутреннее убранство с благоговением религиозного фанатика, попавшего на долгожданную мессу.

Выбор – дело нелегкое, наверное, поэтому его лучше делать не задумываясь. Как говорил Чеширский Кот в старой детской сказке: «Если ты не знаешь, куда хочешь попасть, то тебе все равно, куда и идти».

– Вот это! – Я решительно стащила с вешалки один из продуманных Элеонорой нарядов.

Сорвала упаковку и услышала восхищенный вздох за спиной – Айю не вытерпела и подошла поближе. Ее взволнованное, прерывистое дыхание щекотало мне затылок. Надо же, оказывается, мы почти одного роста. Я и не замечала.

– Оно прекрасно...

В этот раз я полностью разделяла мнение Айю. Платье в пол насыщенного озерно-синего цвета на свету играло бирюзовыми бликами; тончайший шелк струился по руке, лаская кожу. Закрытое спереди, оно не оставляло места для фантазии сзади – такого глубокого выреза я еще ни разу не видела.

– Наденьте! – потребовала Айю, и я молча подчинилась. Во мне тоже проснулось женское любопытство: захотелось примерить новый, пугающий и одновременно притягивающий образ.

Платье село идеально. Я даже заподозрила, что шилось оно специально для меня. Изящной волной оно спадало с одного плеча, деликатно обрисовывало грудь, закрывая ее от лишних взглядов, а затем стягивалось на талии, подчеркивая все изгибы женского тела. Длинная, узкая юбка облепила ноги, как русалку – рыбий хвост, и я боялась сделать пару шагов до зеркала – страшно было упасть, запутавшись в собственном платье.

– Это просто... Просто...

Айю искала слова, но не находила. Она заворуженно рассматривала меня, и в ее лице читалось преклонение. Не передо мной. Перед платьем.

– Тут еще аксессуары... – Я кашлянула и неуверенно втиснулась в золотистые лодочки на тонкой шпильке.

К образу прилагался золотой же браслет в виде ящерицы с высунутым языком. Он оплетал запястье и заметно оттягивал руку – тяжелый, зараза! Я кончиком пальца дотронулась до выполненных из драгоценных камней глаз родственника змея – при изменении освещения они как будто вспыхивали мистично-зеленым цветом. Необычный эффект...

Лаконичный клатч ставил жирный и финальный росчерк пера в этом произведении искусства.

– Сзади смотрится не слишком вызывающе? – с сомнением спросила я, привыкая к своему новому отражению в зеркале.

– Нет, то, что нужно! – с жаром запротестовала Айю. – На грани дерзости и невинности. Абсолютно ваш стиль!

– У меня уже и свой стиль появился... – пробормотала я, но спорить не стала. Мне действительно было все равно, в чем поражать гостей приема, лишь бы образ соответствовал легенде.

– Конечно, лучше бы, чтобы обувь была на плоской подошве, – глубокомысленно заметила Айю, обходя меня по кругу. – Но и так хорошо. Вы – землянка, у вас свои причуды...

– Думаешь, я не выдержу на каблуках весь вечер? – удивилась я и заверила: – Я всю жизнь хожу на таких, поверь, для меня это не проблема.

Айю, совершающая то ли третий, то ли четвертый круг почета вокруг меня (я сбилась со счета), озадаченно посмотрела в зеркало и встретила со мной взглядом.

– Невысокие девушки – красивые девушки. Нелогично уродовать себя каблуками, – медленно, словно маленькому ребенку, пояснила она.

Мне показалось, что вместо «нелогично» она хотела добавить более резкое слово, но вовремя спохватилась.

Я же не сразу нашлась с ответом. Открыла и закрыла рот, отчаянно пытаюсь сформулировать мысль.

Вспомнила, что за время автограф-сессии ни разу не услышала кокетливый цокот женских каблучков. Не то чтобы это было странно, но все же...

– Но у вас достаточно высокие мужчины, – растерянно заметила я. – Тот же Дайс... аке Акано очень высок.

– Ну да, мужчина и должен быть высоким и сильным, – пожала плечами Айю, смущенная моим пристальным интересом к очевидным, с ее точки зрения, вещам. – А девушка должна быть хрупкой и маленькой. Это же гармонично. Красиво.

Последний аргумент она выдала триумфально, как будто он мог все расставить по своим местам.

У меня в очередной раз начали закипать мозги от несоответствия наших представлений. Я так ярко представила, как в глазах вспыхивают язычки пламени, а из ушей валит дым, что на секунду зажмурилась и тряхнула головой, а затем улыбнулась и успокоила встревоженную Айю.

– Да, теперь я поняла. Ты права. Но другой обуви у меня нет.

– Я возьму мерки с ваших туфель, и мы изготовим нужные копии под все ваши наряды! – с воодушевлением предложила Айю. – Не волнуйтесь, обувь будет выполнена в точном соответствии с вашими образами. Правда, это займет время...

Она расстроено взмахнула рукой, словно демонстрируя размеры гардеробной и количество нарядов, обрисовывая тем самым фронт работ.

– Ничего. Сегодня сойдет и так, – решила я. В голове зрела уже новая проблема.

Я опасалась, что не смогу повторить макияж Элеоноры. А в том, что его необходимо обновить, сомнений не возникало.

Полчаса спустя можно было с уверенностью сказать, что мои подозрения полностью подтвердились. Я с раздражением рассматривала толстую стрелку на веке, с недоумением размышляя, как же

у Элеоноры получалось провести ее тонко и изящно. С румянами тоже напортила: как ни старалась, но аккуратно подчеркнуть скулы мне не удавалось, а вот поставить два ярко-розовых пятна на щеках – запросто.

– Не хочу вас торопить, – Айю вновь появилась в дверях и теперь неловко переминалась с ноги на ногу, – но мы можем опоздать. Это будет невежливо и ударит по вашей репутации.

Я чертыхнулась сквозь зубы и со злостью отбросила кисти для макияжа прочь. Я швырнула бы их на пол и с удовольствием еще бы и попрыгала по ним, но времени мыть кисти или бежать за новыми не оставалось. Да и разве виноваты они в том, что у меня руки растут не из того места?

Я протяжно вздохнула.

– Айю, у тебя есть знакомый стилист? Мне не справиться самой с укладкой и макияжем.

– Так давайте я помогу! – радостно предложила она и тут же оказалась возле туалетного столика. – Присядьте и повернитесь ко мне спиной.

Ее голос звучал сосредоточенно и уверенно, так что у меня не возникло желания спорить. В любом случае хуже, чем я, она уже не сделает.

Я закрыла глаза – сказывалась усталость, и позволила Айю колдовать над лицом и волосами. Наверное, в какой-то момент я умудрилась ненадолго отключиться от реальности, потому что довольное мурчание: «Ну вот и все. Нравится?» – застало меня врасплох.

Я сморгнула состояние полудремы и посмотрела в зеркало. Айю не стала копировать мой дневной макияж, она повторила его принцип, но добавила красок – тени стали чуть глубже, блеск для губ – ярче.

– На приеме будет много прессы. На фотографиях вы не должны выглядеть бледно, поэтому макияж требуется немного смелее, чем обычно, – пояснила она. – А завтра я сделаю такой натуральный вариант, что никто и не догадается о косметике на вашем лице! Будут лишь восхищаться вашей красотой.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я. – Но вроде это не входит в круг твоих обязанностей.

– Мне доставит удовольствие подобная работа, – улыбнулась Айю и, как мне показалось, была вполне искренна.

Я осторожно дотронулась до волос, забранных наверх и косым пробором спускающихся на открытое плечо, и не смогла сдержать восхищения:

– Ты настоящий мастер! Могла бы стать прекрасным специалистом в мире моды!

– Да ну что вы... – покраснела Айю и пробормотала уже на цинфийском, словно обращаясь к себе, а не ко мне: – К тому же папа бы мне не позволил...

Второй раз за короткое время всплывает некий строгий папа. Пожалуй, неплохо было бы о нем разузнать, но не сейчас.

– Ты будешь переодеваться?

– Сегодня мне по статусу не положен вечерний наряд.

Сегодня. Все интереснее и интереснее...

– Что ж, тогда вперед!

В ставшем уже привычным сопровождении Айю и охраны я покинула номер. Взлетая над отелем, я не чувствовала волнения, только удовлетворение от того, что пока все идет по плану. Тревога появилась позже, когда я застыла перед огромной широкой лестницей, у подножия которой уже маялись от скуки, как охотники в засаде, журналисты с фотоаппаратами наперевес. По этой лестнице спускались все приглашенные гости. Их имена громко оглашал важный низенький мужчина, лишь изредка подглядывающий в список приглашенных.

– Сейчас объявят господина Кайото, затем – семью Сайс, а следом спустимся мы. Готовы?

Я неуверенно кивнула. Почему-то страх ледяной рукой сжал сердце. Лестница представлялась чем-то пугающим, словно дорога на эшафот. Я злилась на себя за глупые ассоциации, но ничего не могла поделать. Даже на пресс-конференции, где за мной тоже наблюдали сотни любопытных глаз, я чувствовала себя спокойнее.

– Вы великолепно выглядите!

– Спасибо, Айю. Ты тоже очень милая.

Та зарделась от смущения и наострила ушки, вслушиваясь в объявленные имена.

Не мы. Слава богу!

Я представила, как по этой лестнице спустился бы Алекс – легко, немного лениво, с тем небрежным лоском, дающим понять, как сильно повезло гостям, что их удостоил вниманием такой занятой человек, как он.

«Самый занятый противник – наш страх, Майя. Нет ничего приятнее, чем бросать вызов самому себе. Но он же и самый опасный союзник. Страх загоняет нас в рамки, он и тюрьма, и убежище. И если из тюрьмы сбежать стремится каждый из нас, то добровольно покинуть убежище по плечу лишь единицам».

Фраза отчетливо всплыла в памяти. Я не могла вспомнить, к чему же Алекс это говорил, возможно, такими словами он убеждал меня остаться в межрасовом центре – не помню, совершенно не помню, но это и неважно.

Я расправила плечи и выпрямила спину как раз вовремя: Айю в волнении коснулась моего плеча. Объявили наши имена.

Шествуя по устланном широком ковром ступенькам (более верное определение нашему торжественному спуску было бы сложно подобрать), я уже не понимала, что именно напугало меня. Это напоминало встречу в аэропорту, а значит, уже носило элемент чего-то привычного, обыденного.

Улыбка. Вспышка. Поворот головы. Вспышка.

Ничего сложного. Только изматывающе скучно.

Интересно, как актеры с этим справляются? Вот, например, Дайс...

Додумать мне не дали: ступеньки подошли к концу, а заскучать внизу, у мраморного барельефа, нам не позволили.

– Госпожа Майя Данишевская, счастлив лицезреть вас снова! Вы обворожительны!

Не сразу, но я вспомнила имя восхищенно цокающего языком мужчины. Араи Тибо – консул дипломатического ведомства по работе с землянами. Конечно! Его хитрое, лисье выражение лица не так уж легко забыть. А вот стоящего рядом с ним собеседника я видела впервые.

– Позвольте выразить свое почтение, госпожа Майя Данишевская. Знакомство с вами украсило мой день.

Я, мило улыбаясь незнакомцу, терпеливо дождалась перевода Айю и вскинула бровь, когда та, немного заикаясь, добавила ремарку:

– Айкан Вонг – премьер-министр Цинфа и... мой отец.

Интересно. Чего-то подобного я и ждала, правда, в меньших масштабах. Алекс все-таки расчетливый негодяй. Не мог мне найти помощника из семьи попроще?

Раскланиваясь с Айканом Вонгом и рассыпаясь в ответных любезностях, я чувствовала на себе его пристальный взгляд и сама не скрывала вспыхнувший интерес. Дочь была совершенно не похожа на него. В высоком, статном мужчине с проседью на висках и обилием морщин-лучиков у цепких янтарных глаз не было ничего общего с забавной и милой девочкой-куколкой, так стремящейся показать себя взрослой. Разве что в нетерпении они оба рефлекторно поджимали губы, пытались скрыть то ли недовольство, то ли азарт.

– Госпожа Майя Данишевская, как вам моя дочь? Она справляется с работой? – Айкан Вонг спрашивал шутливо, но что-то в его голосе намекало на то, что в случае отрицательного ответа его дочери придется до-о-олго оправдываться, но и объяснения не избавят ее от неприятных последствий.

– О лучшем переводчике я и мечтать не могла! – с воодушевлением заверила я, и Айю приободрилась, но по-прежнему выглядела настороженной. Ее острые, худенькие плечи некрасиво ссутулились.

Мы перекинулись с Айканом Вонгом еще парочкой ничего не значащих фраз, а затем Араи Тибо

утащил меня в толпу – знакомить с другими гостями. Только тогда Айю расслабилась окончательно.

Поначалу это напоминало веселую круговерть. Лица проносились с такой скоростью, будто я кружилась на карусели, и совершенно не отпечатались в памяти. Слишком много мужчин и женщин разных возрастов и статусов – они, как матрешки, сливались в одно целое.

Беззаботно улыбаясь и мило щебеча светские условности, я старательно вслушивалась в разговоры, стараясь уловить что-то интересное, но тщетно. Одно я все же поняла (об этом твердили на всех углах) – мое платье произвело фурор. Образ эксцентричной, но очаровательной писательницы удался на славу. Ну что ж, вечер прошел не зря.

– Посмотрите, вон там, рядом с консулом, стоит Ито Кейтаро. Он только что вернулся с планеты хваранов, поэтому опоздал на прием. Правда, красавчик? – жаркий шепот Айю отвлек меня от печальных раздумий: я как раз прикидывала, будет ли невежливо покинуть торжество прямо сейчас или лучше помучиться еще часочек для проформы.

Глаза слипались, ноги устало подгибались, поэтому я склонялась к первому варианту, когда замечание Айю возродило во мне интерес к жизни. Никогда бы не подумала, что на приемах может быть так скучно. Из всех развлечений только хождение между гостями и обмен любезностями. Ни закусок, ни танцев. Оно мне, конечно, и ни к чему, но все же...

– Который? – оживилась я.

– Справа от вас. Не оборачивайтесь!

Я искоса посмотрела в указанном направлении и мысленно согласилась с Айю. Симпатичный молодой мужчина, наверное, мой ровесник или чуть старше, обладал приятными чертами лица и круглым подбородком, подаренным, видимо, не природой, а хирургом. Рост чуть выше среднего, стильная короткая прическа и немного сублинная, модельная фигура – все вместе создавало располагающий образ, но все же красавчиком я бы его не назвала.

– Да, привлекательный мужчина, – согласилась я из вежливости. Не объяснять же, что он не в моем вкусе, тем более глаза Айю заволокла мечтательная пелена, и я прозрела: – Он тебе нравится?

– Кто?! Ито Кейтаро? Он всем нравится, но... Ой! Идет сюда! Сделайте вид, будто мы не о нем говорили!

Я с улыбкой наблюдала за метаниями Айю. Раскрасневшаяся от смущения, искрящаяся от возбуждения, она казалась сейчас не просто миленькой, а настоящей красавицей.

– Госпожа Айю Вонг! – с блистательной улыбкой произнес Ито, поравнявшись с нами. – С каждым днем вы все хорошеете и хорошеете. Скоро настанет тот час, когда вы с легкостью разобьете мое бедное сердце.

Я нечеловеческим усилием воли сдержалась, чтобы не фыркнуть. Более пафосно-банального комплимента я еще не слышала, но от конфуза меня спасла любознательность. Я заметила, что к Айю все обращаются по должности – госпожа переводчик, что ниже ее настоящего статуса. Видимо, работа под моим началом, в виде наемного сотрудника, временно опускала ее на ступеньку вниз. Наверное, две госпожи не могли работать на равных – одна неизменно прислуживала другой. Занятно...

Ито же просто сделал приятное Айю, напомнив об ее истинном статусе, и та немедленно отреагировала: зарделась еще больше и облизнула пересохшие губы.

– Ну что вы, здесь я просто переводчик...

– Госпожа Айю Вонг, пожалуйста, представьте меня вашей прелестной спутнице.

Я с готовностью включилась в игру: улыбалась, расшаркивалась, отвечивала традиционные здесь поклоны и ни на минуту не сводила изучающего взгляда с лица моего нового знакомого. Он, как и все здесь, носил маску, но почему-то выбрал образ очаровательного шалопая, любимца публики и, наверное, местного сердцееда. Его черные, немного раскосые глаза улыбались вместе с тонкими губами, но ощущение легкого фарса не покидало меня. Впрочем, страха или неприязни он не вызывал, лишь любопытство.

– Наверное, долгий день и затянувшийся прием утомил госпожу Майю Данишевскую? – учтиво предположил Ито.

– Ну что вы! – не менее вежливо откликнулась я, не забывая делать паузы, чтобы Айю успевала за мной. – Мне здесь очень нравится! Но день действительно был долгим...

Если этот дамский угодник знает способ незаметного исчезновения со скучных приемов, я буду готова разделить с ним мир, дружбу и жвачку.

– Осмелюсь предложить небольшую прогулку. Со смотровой площадки открывается чудесный вид на ночное небо! Созвездие Тхэбаке особенно ярко сверкает на небосклоне, что бывает не так уж и часто. Нельзя такое пропускать.

Я прищурилась и с подозрением покосилась на Ито. Намеки я считывать умела и теперь думала, насколько рискованно было соглашаться на разговор наедине. Едва ли на меня нападут на столь роскошном приеме, где каждый второй – видный политик, а каждый третий – его влиятельный родственник.

– Не могу упустить такую редкую возможность, – наконец решила я, и Ито одарил меня широкой, белоснежной улыбкой.

На смотровую площадку мы поднимались на сверкающем лифте. Втроем.

Ито не замолкал ни на минуту, что-то пространно вещая об особенностях наблюдения за звездами именно в этот период года. Айю внимала ему с трепетом фанатки, узревшей своего кумира воочию, а я по-прежнему колебалась и пессимистично успокаивала себя тем, что Ито не похож на маньяка, но если и так, то всегда можно полететь вниз головой со смотровой башни. Врагу не сдается наш гордый «Варяг», или как там? Интересно, Алекс бы одобрил мою авантюру или бы молча покрутил пальцем у виска?

Братец, все ради тебя... Убью, если увижу снова.

Лифт бесшумно замер на последнем этаже, и Ито тепло обратился к Айю. В его голосе я различила бархатистые нотки. Ну-ну!

– Госпожа Айю Вонг, если вы позволите, мы с вашей спутницей ненадолго останемся наедине. Экскурсия – дело интимное, согласны? – И он дерзко подмигнул ей.

Краска бросилась в лицо Айю. Она несчастно посмотрела на меня и проговорила:

– Вас приглашают на прогулку. Одиночную.

– Это безопасно?

– Думаю, да. Тут везде камеры.

– Тогда не вижу повода отказывать.

Вслед за Ито я шагнула на смотровую площадку. Айю осталась в прозрачных стенах лифта. Со своей позиции она отлично видела нас, но не могла услышать. Я тут же успокоилась. Как я и предполагала, Ито просто хотел поговорить с глазу на глаз.

– Здесь достаточно ветрено. Возьмите. – Он скинул с плеч пиджак и протянул его мне.

Я не сразу поняла, что фразеу он сказал на всеобщем.

– Благодарю, – откликнулась я, тоже переходя на язык землян. Накинула на себя импровизированную накидку и перестала сутулиться – спине стало тепло. – Ночная прогулка не станет поводом для пересудов?

– Ненадолго всколыхнет общество, но серьезно не заденет. Не волнуйтесь, ваша репутация не пострадает. Я буду с трепетом петь дифирамбы вашей красоте, – он улыбнулся, и впервые за вечер его улыбка показалась мне настоящей. – К слову, даже лгать не придется. Вы действительно обворожительно-прекрасны, как лесная рина.

– Простите, не знакома с цинфийскими легендами, – холоднее, чем хотела, ответила я. В душе потихоньку зрело недовольство: меньше всего я сейчас нуждалась во флирте на фоне звездного неба. – Так, о чем вы хотели поговорить?

– Лесная рина – птица с красочным оперением, отличающим ее от собратьев. После захода солнца она может превращаться в невинную и прекрасную девушку, так уверяют старшие, – педантично закончил Ито, а затем жестом пригласил подойти к самому краю площадки. Сам он уже давно стоял вполоборота ко мне, локтями опираясь на перила. – Я пригласил вас для делового разговора. Вам не стоит меня опасаться.

– Я вся внимание.

Я тоже приблизилась к перилам, несмело посмотрела вниз, судорожно сглотнула и поспешила

перевести взгляд на темные небеса с россыпью белоснежных, как жемчуг, звезд. С губ сорвался вздох – открывающийся вид действительно впечатлял.

Ито подавил улыбку и серьезно ответил:

– Я слышал, что ваш брат сейчас активно ищет союзников среди цинфийцев. Передайте ему, что я заинтересован в сотрудничестве и в качестве доказательства чистоты своих намерений готов опекать вас.

С Ито окончательно слетела маска. Сейчас передо мной стоял деловой человек и лаконично озвучивал условия сделки. Ночь играла на его лице тенями. Сейчас он казался старше, чем можно было подумать изначально.

– Вы знаете моего брата?

– Мы пересекались однажды, но наше знакомство не задалось. Теперь я понимаю, в чем было дело. К счастью для нас, вы сможете оценить ситуацию беспристрастно.

Я запрокинула голову, наслаждаясь свежим ночным ветром. Воздух уже стал прохладным, а здесь, на высоте, казался ледяным, но меня это не смущало – взбодриться не помешает.

– Вы говорите...

– Да, о том самом гене, который обнаружил ваш брат. С его стороны было крайне дальновидно отправить на Цинф именно вас.

Я закусила губу и повернулась к Ито.

– Что именно вы подразумеваете под «опекой»?

– Все, что потребуется, – с готовностью ответил тот и пояснил, заметив мой взгляд. – Я могу продемонстрировать Цинф с той стороны, которая интересует вашего брата: заводы, фабрики, исследовательские центры, лаборатории... Словом, познакомить с наукой и промышленностью, предоставить доступ там, где он будет закрыт землянке. Я хочу, чтобы вы стали его глазами и помогли принять правильное решение.

– Звучит несколько самоуверенно.

– Все мужчины самоуверенны от природы, – пожал плечами Ито и вновь вернулся к своей маске дамского угодника, – но у меня есть неоспоримое преимущество. Хотите знать какое?

Я скептически приподняла бровь. Терпеть не могу такие игры, хотя персонаж он, конечно, занятный... Если взять за основу его образ и сделать главным героем в любовном романе...

Так и не дождавшись от меня вопроса, Ито разочарованно покачал головой и уже серьезно продолжил:

– Я честный. Вам же нравятся честные люди, верно?

– Да, пожалуй, – согласилась я. Меня не оставляло ощущение, что Ито чего-то недоговаривает, но я решила не заикливаться на этом. – Я передам ваши слова Алексу. Что-то еще?

– Не сегодня, – со странной интонацией протянул он и кивнул в сторону лифта. – Пойдемте. Мы не можем надолго оставить малышку Айю, да и сказано для первого вечера достаточно.

Наше отсутствие не прошло незамеченным, но какой-либо негативной реакции не последовало. Как сказала одна дородная матрона другой: молодежь просто заскучала в присутствии старших.

Чуть позже, в другом конце зала, я услышала немного насмешливый, но в целом одобрителный комментарий о том, что Ито Кейтаро был сражен красотой землянки и сразу же ринулся в атаку. Тут же последовала ремарка, что приличия не нарушены: общение происходило под присмотром третьего лица – Айю Вонг.

У меня сложилось двоякое впечатление о нравах цинфийцев. С одной стороны, строгая мораль буквально пропитала общество, с другой – местные считали симпатию и влечение вещами естественными и относились к этому снисходительно. Над подобным противоречием определенно стоило подумать.

Промучившись еще немного, я наконец сдалась:

– Айю, нам уже можно покинуть прием? Я так устала...

– Конечно! – удивленно кивнула она. – Это же торжество в вашу честь, никто не посмеет уйти раньше вас. Хотя некоторые уже мечтают об этом, – шепотом добавила Айю и качнула головой в сторону пожилого, сонно клюющего носом политика.

Я мысленно выругалась – только зря мучила себя и других – и поинтересовалась:

– Мне надо как-то официально попрощаться со всеми?

– Не волнуйтесь. Это не займет много времени.

Она взяла меня под руку, и мы вместе вышли в центр зала. Склонившись в низком поклоне, Айю вежливо поблагодарила всех гостей за полученное от новых знакомств удовольствие. Говорила она от моего лица; мне оставалось только улыбаться, что я и делала.

В машине первым делом скинула туфли. Вопреки собственным заверениям, под конец вечера я уже едва держалась на ногах – ступни отдавали острой болью свежих мозолей. Избавившись от неудобной обуви, блаженно откинула голову на сиденье и только тогда спросила:

– Какую должность занимает Ито Кейтаро?

– Он посланник дипломатических миссий. Из последней вернулся только сегодня.

– Да, ты что-то такое говорила... – пробормотала я и приложила ко рту ладонь, чтобы скрыть зевок.

Спать хотелось зверски. Приходилось прилагать усилия, чтобы не отключиться прямо по дороге в отель. А вот Айю выглядела бодрой, и, наверное, ей хотелось поболтать. Не дождавшись от меня новых вопросов, она, поерзав, вернулась к последнему предмету разговора.

– Ито Кейтаро – старший сын в семье дипломата. Его отец уже отошел от дел и, как говорят, гордится тем, что сын продолжил его дело. Но таким, как Ито Кейтаро, сложно не гордиться!

Я приоткрыла уже сомкнутые глаза и искоса посмотрела на Айю. Она мечтательно улыбалась. Возможно, девочке просто не терпелось поговорить о своем кумире. Я покачала головой, прислонилась лбом к стеклу, за которым, таинственно посверкивая, проносилась темнота, и поощрила ее:

– Почему же?

– Он такой... такой... – Айю сжала кулачки и прижала их к горящим румянцем щекам. – Он умный, влиятельный, состоятельный и очень-очень красивый. А еще смелый и целеустремленный! Не побоялся делать операцию на ноги три раза подряд!

– Прости, – осторожно вставила я, – а у него были покалечены ноги?

Та вынырнула из тумана фантазий и неодобрительно поджала губы.

– Конечно нет. У него все было в порядке, он вовсе не калека! Просто его рост оставлял желать лучшего. Ему пришлось выдержать три операции, прежде чем он достиг идеала.

Я растерянно заморгала. Мне по-прежнему было непонятно, как можно переделывать себя в угоду моде, но еще больше ставило в тупик то, что это вызывало восхищение.

– Сложная, наверное, операция? – спросила я, просто чтобы не молчать.

– Непростая. Я и сама такую делала, только с обратной целью – уменьшала рост. Но вытягивание гораздо более болезненная процедура, к тому же проведенная три раза подряд...

К счастью, мы приземлились на крышу отеля, что избавило меня от необходимости как-то комментировать шокирующее меня признание. Боюсь, что в этот раз не сумела бы скрыть своего замешательства.

– Я буду в соседнем номере, – предупредила Айю, открывая дверь карточкой и делая приглашающий жест рукой. – Если что-то понадобится, сообщите мне по интеркому.

– Спасибо, думаю, я тебя не потревожу. Спокойной ночи.

– И вам!

Я прислонилась спиной к закрытой двери и некоторое время так и простояла в коридоре, слепо всматриваясь в полумрак. Затем сделала шаг вперед, зажмурилась от неожиданно вспыхнувшего света и побрела в ванную, на ходу избавляясь от платья.

Уже стоя под душем, смывая струями теплой воды не только макияж, но и усталость, я прокрутила в голове разговор с Ито. Пришлось мысленно проговорить его несколько раз, чтобы воспроизвести дословно, ведь ни в коем случае нельзя было упустить что-то важное. Я решила в отчете Алексу отразить ситуацию максимально детально, а там пускай сам решает, нужен ли ему такой союзник. Если, конечно, это действительно было предложение о сотрудничестве, а не провокация. Ну да ладно, Алекс – взрослый мальчик и опытный игрок, он не позволит себя обмануть.

Я выключила воду, потянулась за мягким, пушистым полотенцем и шагнула из душевой кабинки. Накинула халат, подсушила мокрые волосы полотенцем и оставила их лежать на плечах. Мельком взглянула в зеркало и вздрогнула: после целого дня с макияжем видеть свое лицо без него было уже непривычно.

Спокойно, Майя. Главное – не заиграйся. Помни: ты просто носишь маску, не более.

Я думала, что усну сразу же, коснувшись головой подушки, но вместо этого долго вертелась, пока не зажгла свет и не выудила из прикроватной тумбочки нетбук – тот самый, что предоставил мне братец.

Окошко диалогов мигало сообщением.

«Публичные обьятия? Неплохо придумано. Алекс».

Я хмыкнула и быстро набрала ответ:

«Знала, что ты оценишь эту провокацию».

Я не успела прикрыть крышку нетбука, как негромкое треньканье заставило снова посмотреть на экран.

«Не зазнавайся. Мне понравился ход с экранизацией твоей книги. Завтра пришлю список потенциальных режиссеров».

У меня перехватило дыхание, а рука дрогнула, после чего суматошно замелькала по клавиатуре.

«Ты это серьезно? Не смей! Я против!»

«Поговорим об этом позже. Не забудь выслать отчет. Спокойной ночи».

– Вот самоуверенный индюк! – выругалась я, упала на подушки и накрылась одеялом с головой.

Меньше всего мне бы хотелось, чтобы мою историю вывернул наизнанку и искромсал своим оригинальным видением какой-нибудь режиссер. Всегда искренне считала, что любая экранизация – это тихое измышательство над творчеством писателя, прикрытое благими целями.

Садиться за отчет совершенно не хотелось, и я щелкнула по ярлыку, выходя в Мировую сеть. Посмотрим, о чем сегодня пишут в новостях.

Я перешла на цинфийские инфоресурсы, и первое, что выдал поисковик, – мою же собственную фотографию в аэропорту. Сжимая в руке воздушные шары, я стояла вполоборота к камере и сияла улыбкой. Надо же, будь здесь изображена другая девушка, подумала бы, что она действительно счастлива...

Я опустила взгляд ниже и наткнулась на кричащий заголовок:

«Прекрасная землянка покорила всех!»

Я лишь фыркнула и забегала глазами по статье, выдергивая отдельные фразы. Письменный цинфийский все еще давался мне с трудом.

«Деликатные манеры и красивое лицо в сочетании с редкостной открытостью...»

«Не проявила ни малейшего признака агрессии или подозрительности...»

«Очаровательный конфуз подтвердил расположение землянки к цинфийцам и продемонстрировал...»

Я перескочила на другую статью.

«Что стало причиной срыва первого контакта?»

Вздрогнув, быстро защелкала клавишами, открыла вкладку на весь экран и напряженно просмотрела ее.

«Прежде мы были уверены, что дипломатическая миссия, направленная к землянам, потерпела фиаско из-за иррациональной неприязни к нам этой расы. Однако сегодняшнее поведение госпожи Майи Данишевской заставило усомниться в правдивости этой теории. Неловкая и весьма забавная ситуация, случившаяся на автограф-сессии Дайсаке Акано, продемонстрировала, что у новоприбывшей гостьи нет абсолютно никаких предрассудков по отношению к нашему народу. Подтверждением могут служить эти фото».

Ниже была вложена ссылка на серию фотографий, сделанных одна за другой. Вот я с широкой улыбкой обнимаю Дайса, вот на моем лице застыло непонимание, затем мелькнул ужас, а в качестве финального аккорда краска заливает щеки. Репортаж заканчивался фотографией взаимных поклонов.

– Ну что ж, неплохо, – буркнула я и продолжила поиск.

На одном из ресурсов я увидела интервью моих случайных знакомых, жаждавших стать обладателями памятного сувенира от землянки.

«Она была очень милой! Несколько раз поприветствовала и согласилась сделать совместное фото. К сожалению, охрана не подпустила нас близко, но было видно, что это очень огорчило госпожу Майю Данишевскую. Мы тронуты ее чуткостью!»

Ладно. Так, а что у нас здесь?

«Режиссеры, срочно отзовитесь!»

Госпожа Майя Данишевская поделилась сокровенным: она мечтает, чтобы по ее книге сняли фильм. Цинфийский кинематограф мог бы реализовать желание прекрасной землянки. Наши режиссеры славятся своим смелым подходом и...»

Дочитывать я не стала. Зажмурилась, сделала вид, что этого не было, и открыла эрийские новости.

Как я и думала, правительство решило действовать методом кнута: хлынула волна сокращений и одновременно с ней появились многочисленные вакансии на северных месторождениях.

Хмурясь, я пролистала ленту до конца и лишь на одном небольшом ресурсе наткнулась на крошечную заметку:

«Алекс Данишевский был допрошен в связи с исчезновением сестры».

Что за бред? Разве они не в курсе, что я улетела на Цинф?

«Алекс Данишевский подозревается в похищении своей сестры, по предварительным сведениям, покинувшей квартиру принудительно. В настоящий момент ведется следствие».

Я несколько раз перечитала этот короткий абзац, думая, что зрение сыграло со мной шутку. Нет, все верно.

Грудь сдавило, а пальцы свело так, что короткий вопрос я набирала непозволительно долго.

«Ты в порядке?!»

Обхватила нетбук руками, прижала к себе и, казалось, целую вечность ожидала ответа.

«Абсолютно».

Выдохнула, сморгнула выступившие слезы и не смогла остановиться.

«Точно?»

«Майя, ты меня отвлекаешь. Если не спишь, займись отчетом. Я все еще жду его».

Воображение с радостью садиста подбросило картину, где Алекс набирает мне сообщение с наладонника в паузах между допросами. Почему-то представилась маленькая душная комнатуха, железный стул, орущий мужчина и Алекс с кровоподтеками на лице.

Я вздрогнула и отогнала мрачные мысли. Братец, конечно, на многое способен, но протащить в тюрьму наладонник и отвечать мне в перерывах между пытками – это уже слишком даже для него.

И все же после такой эмоциональной встряски уснуть я так и не смогла. Послушно села за отчет и провозилась с ним еще часа два. Затем сбросила короткое сообщение Лиди: «Со мной все в порядке. Завтра позвоню и расскажу подробности» – и потушила свет.

На этот раз отключилась я моментально.

Глава 5

Алекс сдержал слово: утром меня ждал коротенький список из пяти незнакомых фамилий. Рядом стояла пометка о том, что мой помощник уже в курсе дела. Мне оставалось лишь молча закатить глаза.

Спала я тревожно, часто просыпалась и по несколько минут таращилась в темноту; утренний душ немного сгладил беспокойство ночи, но к завтраку я все равно вышла в халате, с мокрой головой, красными глазами и плохо скрываемым раздражением.

– Доброе утро! – улыбка Айю так ярко озарила кухню-столовую, что мне захотелось зажмуриться.

Вместо этого я пасмурно кивнула и присела за стол, ломящийся угощением. Правда, краткий обзор лакомств и не менее быстрая дегустация ввели меня в еще большее уныние – вкус цинфийской еды по-прежнему казался довольно специфичным, а судя по урчанию желудка, еще и подозрительным. Отложив приборы в сторону, я жалобно попросила кофе.

Делая один горячий глоток за другим, я жмурилась, возвращалась к жизни и совмещала сразу две полезные вещи: мечтала о пирожках из кафе Лиди и слушала Айю.

– В ваше расписание пришлось внести некоторые изменения, – оповестила она. Одета в брючный костюм жемчужного цвета, Айю выглядела серьезной и собранной. – На сегодня запланированы пять встреч с кандидатами на место режиссера. Интервью состоятся в чайном доме. Ориентировочное время мероприятия – два с половиной часа, то есть по тридцать минут на каждого претендента. Затем...

Я мельком подумала, что Айю пошли бы очки в лаконичной оправе, из-за которых она бы строго поглядывала на меня, сверяясь с записями в наладоннике, – идеальное завершение образа, но, наверное, подобный аксессуар в мире культа красоты и здоровья был бы неуместен. Я хмыкнула и перебила:

– В чайном доме? Это что-то вроде кафе?

Та ненадолго задумалась.

– Да, можно сказать и так. Чайный дом – место деловых встреч; туда отправляются, когда необходимо выказать доверие новому знакомому. Совместная трапеза – семейный ритуал, но чаепитие вполне допускается в рамках делового этикета как жест уважения к собеседнику.

– Понятно, – растерянно кивнула я. – Ты чего не завтракаешь со мной?

– Я уже поела, – покраснела Айю и тут же, словно противореча себе, цапнула со стола ложку и быстро отправила в рот что-то с одной из небольших тарелочек. – Почему вы не кушаете марри? Очень вкусно!

Я с недоверием покосилась на упомянутую субстанцию коричневатого-желтого цвета и радушно придвинула тарелку поближе к Айю.

– Что-то не хочется, но ты угощайся.

Айю снова покраснела, будто я предложила что-то интимное, но покачала головой и даже руки спрятала за спину. Кашлянув, она продолжила:

– Затем у вас встреча с Ито Кейтаро. Он проведет для вас экскурсию по заводу летательных аппаратов. Ориентировочное время проведения мероприятия...

Я прищурилась.

– А кто составляет расписание?

Айю сбилась с мысли и удивленно воззрилась на меня.

– За ваш график отвечает мой отец. В большинстве случаев он учитывает пожелания вашего брата. Разве вы не знали?

– Нет, как-то не задавалась этим вопросом ранее, – пробормотала я.

Означал ли подобный ответ, что Алекс и Айкан Вонг – союзники? Я не знала. Но новая информация заставила иначе взглянуть на Айю. Она, как и я, выполняла поручение близкого человека – отца, и, видимо, стремилась не обмануть его ожиданий. В одном мы оказались похожи: обе, выбиваясь из сил, пытались соответствовать своей семье.

– Думаю, пора собираться. – Я залпом допила остатки кофе и двинулась в сторону гардеробной. Мне еще предстояло решить, каким же нарядом поразить Цинф сегодня.

С образом определилась быстро: пудровое платье с запахом и асимметричным кроем юбки покорило меня сразу. К нему шли изящные босоножки на тонкой шпильке темно-синего цвета и такого же цвета лаконичное летнее пальто нарочито мужского фасона. Широкие карманы, видимо, должны были компенсировать отсутствие клатча. Подобное решение меня полностью устроило.

Айю быстро привела мои лицо и волосы в порядок. Оценивая свое отражение в зеркале, я вынуждена была признать, что ее навыки стилиста ничем не уступали умениям Элеоноры. Пожалуй, в чем-то Айю даже превосходила мою недавнюю знакомую.

В чайный дом мы прибыли точно к обозначенному времени, не опоздав ни на минуту. Я бы приписала эту заслугу себе, но совесть не позволила. Если бы не организаторские способности Айю, я бы еще долго копалась то в себе, то в новом гардеробе.

Нас встретили полупустой зал и приветливый персонал. Один из официантов услужливо предложил вип-беседку: отгороженный от посторонних глаз, увитый живыми цветами закуток имел собственный выход на балкон. В его окнах, как в серебристой оправе, виднелась панорама мегаполиса. Шум проносившихся мимо машин гасила звуконепроницаемая поверхность, из-за чего огромный воздушный поток казался не пугающим, а умиротворяющим, как молчаливое мельтешение рыбок в аквариуме.

Собеседование с претендентами на место режиссера вызывало ассоциации со свиданием вслепую. Раз за разом, с одинаковой периодичностью, ко мне за стол подсаживались мужчины, учтиво называли имя и с воодушевлением расписывали свои успехи в интересующей меня сфере деятельности, затем, делая торопливые глотки чая, заверяли, что наша встреча predetermined судьбой. Финал тоже всегда был одинаков: меня просили подумать и обязательно перезвонить в случае положительного ответа. Если бы не сменяющиеся для каждого претендента чайные приборы и снующая по залу охрана, то я бы рассмеялась – до того все это походило на пародию какой-нибудь романтической комедии. Я уже всерьез подумывала ткнуть наугад в любое имя из списка (все равно не запомнила ни одного, настолько однотипно проходили наши разговоры), когда последний претендент заставил меня заинтересованно оторваться от чашки с чаем, которую я до этого изучала вот уже несколько минут подряд.

– Позвольте представиться: Игибо Майс, режиссер. Польщен интересом госпожи Майи Данишевской, но вынужден сразу отказаться от ее заманчивого предложения.

Айю впала в ступор и, видимо, раздумывала, как деликатнее перевести услышанную фразу, прозвучавшую резко и бескомпромиссно. Я же с любопытством рассматривала сидящего напротив мужчину. Немолод, никак не меньше сорока лет, но седина еще не успела коснуться черных, стянутых в длинный хвост волос. Невысокий рост, грузное тело, упакованное в яркий и модный наряд, который все равно не мог прибавить его обладателю стройности, пухлые ручки с толстыми пальцами – все это должно было бы отталкивать, если бы не хитрый взгляд умных, как у крысы, глаз-бусинок. Почему-то собеседник напоминал мне Мышиного генерала из «Щелкунчика».

– Господин режиссер говорит, что с экранизацией вашей книги могут возникнуть проблемы, – наконец определилась с формулировкой Айю.

Я растянула губы в улыбке и, сложив руки на груди, откинулась на мягкие подушки. Становилось все интереснее.

– Было бы любопытно узнать мнение режиссера более подробно.

Айю испуганно посмотрела на меня, затем обреченно вздохнула и принялась переводить, пытаясь смягчить слишком прямолинейные слова претендента, но старалась она зря: я ее почти не слушала, полностью сосредоточившись на откровенном собеседнике.

– Я занимаюсь режиссурой уже достаточно давно. Я знаю публику, ее вкусы и предпочтения, могу с легкостью предсказать, провалится тот или иной фильм в прокате или нет. Признаюсь, меня заботит только коммерческий успех, всякий арт-хаус я не снимаю, – он буквально выплюнул последнее слово, поморщился и продолжил: – Я прекрасно понимаю, что произвожу фастфуд, но, поверьте, мой фастфуд не прилипнет к зубам, не оседет камнем на желудке и не выработает у вас язву. Я делаю хороший массовый продукт, и, как человек, разбирающийся в своем деле, сразу скажу, что экранизировать вашу книгу – идея никчемная.

Надо же! Наконец-то я встретила человека, который разделяет мою точку зрения.

Я придвинулась поближе и испытующе спросила:

– Почему же? Разве книга плоха?

– Не имеет значения, хороша она или плоха. Важно то, что она чужда нам.

Я приподняла бровь, не то одобряя такой вывод, не то выказывая молчаливое осуждение. Я и сама не знала.

– Незнакомый, сбивающий с толку антураж, непривычный коктейль жанров, слишком смелая и самодостаточная главная героиня, почти полное отсутствие любовной линии и пространные диалоги, иллюстрирующие чужую культуру – это хорошо лишь на бумаге, да и то благодаря вовремя запущенной пиар-кампании. Надо сказать, что позиционировать вашу книгу как сувенир для эстетов – неплохой ход, но в кинематографе он не прокатит. На экране мы предпочитаем наблюдать более понятные и близкие нам вещи.

Краска бросилась в лицо. Не то чтобы я думала, будто успеху обязана своему таланту, нет. Я прекрасно понимала, что ажиотаж связан с политической ситуацией и не имеет отношения к отсутствию или наличию у меня дара слова, но все же слышать это из уст чужого человека было неприятно.

Стоило огромного труда подавить эмоции и спокойно поинтересоваться:

– По вашему мнению, экранизация провалится в прокате?

– С мощной рекламной кампанией она отобьет минимальные затраты, но успеха не достигнет. Так что простите, но я пас.

– Что бы вы посоветовали в моей ситуации?

Игибо Майс недоверчиво посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей. Он явно был озадачен. Видимо, он надеялся смутить и разозлить меня и теперь не знал, спрашиваю ли я искренне или тонко издеваюсь над ним.

– Я бы написал нечто новое. Нечто соответствующее менталитету Цинфа.

Я куснула губу. В его совете было рациональное зерно. Если руководствоваться целью Алекса – быть не только на виду, но и создать у цинфийцев благоприятное впечатление о землянах, то предложение Игибо Майса вписывалось в эту схему как нельзя лучше. Создав сценарий к фильму, отвечающему запросам публики, я бы продемонстрировала, что наши культуры не так уж и разнятся между собой. Кажется, именно этого добивается Алекс. Что ж...

– Например?

Айю смотрела на меня непонимающе. В ее гневно поблескивающих глазах я видела осуждение: будь ее воля, она бы давно выставила вон зарвавшегося режиссера. Я ее негодования не разделяла. Вопреки логике, мне нравился Игибо Майс. Видимо, Ито был прав: откровенность в людях действительно подкупает.

– Например, любовный роман с детективной составляющей и толикой экшена. Я бы рекомендовал мистику, она сейчас популярна, но из-за разницы в воспитании велика вероятность попасть впросак. Вы не знакомы с нашими легендами, мы – с вашими.

– Я подумаю над вашим предложением.

Игибо Майс поперхнулся и закашлялся. Айю с удовольствием наблюдала за покрасневшим режиссером, бьющим себя в грудь, и не предложила помочь даже из вежливости. К счастью, тот быстро пришел в себя и вытер выступившие слезы.

– Если госпожа Майя Данишевская действительно готова подумать, – в его голосе появились не замеченные ранее нотки уважения, – то я бы посоветовал не бояться штампов.

Я так удивилась, что не сразу среагировала.

– Штампов? – осторожно переспросила я.

– Да, их. Я знаю, вы, как все уважающие себя писатели, избегаете банальных и предсказуемых приемов, но, поверьте мне, без них не обойтись. Штампы – это указатели, подсказывающие зрителю направление и успокаивающие его возбуждение после лавины новых впечатлений. Эти уловки необходимы.

– Уловки, – задумчиво повторила я. – Вы считаете себя умнее зрителя?

– Разве родитель считает себя умнее ребенка? – с некоторой обидой отозвался Игибо Майс и тут же продолжил: – Но он никогда не даст в руки дошкольнику учебник высшей математики.

Я методично помешивала в чашке сахар. Увлечшись разговором, я сыпанула то ли третью, то ли четвертую ложку и теперь боялась сделать глоток.

– Благодарю вас за любопытную беседу. В случае положительного ответа мой помощник вам перезвонит.

Игибо Майс кивнул, тяжело встал из-за стола и уже после упрямо напомнил:

– Но работать я согласен только при одном условии: вы напишете сценарий заново.

Я молча кивнула.

Уже в машине я отрешенно постукивала ногтями по подлокотнику сиденья, игнорируя недовольное сопение Айю. Кажется, ей хотелось всласть обругать Игибо Майса за хамство, но моя реакция тормозила ее гнев – Айю не была уверена, что я разделяю его.

Я действительно не злилась. Игибо Майс цинично озвучил то, о чем я догадывалась. Возможно, он где-то задел мои чувства, но за годы отказов в эрийском издательском доме я нарастила толстую шкурку, и теперь обидеть меня – задача не из легких. Кроме того, было кое-что, заставляющее меня принять предложение бесцеремонного режиссера. Я хотела убить двух зайцев: выполнить поручение Алекса и не замарать экранизацией собственное любимое детище. При таком раскладе оптимально было бы написать нечто новое, что-то такое, к чему я изначально не буду прикипать душой, ведь есть же понятие «халтура ради куска хлеба». Кажется, в моем положении это звучит иначе: «халтура ради благой цели спасения мира».

– Вы уже определились с режиссером?

– Да, пожалуй. Перезвони Игибо Майсу, скажи, что я готова к сотрудничеству.

Я отвернулась от окна как раз вовремя, чтобы увидеть распахнувшийся от потрясения рот Айю. Наладонник выпал из ее рук и закатился под сиденье, но она не обратила на это никакого внимания.

– Вы уверены? – несчастным голосом переспросила она.

– Абсолютно, – откликнулась я. Лишь позже поняла, что полностью скопировала самоуверенные нотки брата.

Я нахмурилась и снова уставилась в окно, но ненадолго – мы уже подлетали к месту следующей встречи.

Завод летательных аппаратов разместился в огромном, массивном здании. В отличие от других виденных мною строений цинфийцев, он был напрочь лишен и намека на воздушность. Монументальность его архитектуры подавляла и внушала трепет. Я даже не удивилась, услышав о том, что передо мной закрытый объект, где вход осуществляется только по пропускам.

К счастью, мой пропуск не заставил себя ждать – припаркованная машина Ито бросилась в глаза сразу же, как я сделала пару шагов по стоянке.

Мысли витали где-то далеко, поэтому встреча прошла менее продуктивно, чем могла бы. Мне стоило большого труда сконцентрироваться на пространных рассуждениях и наглядных примерах касательно потенциала подобного производства, а Ито, заметив мою отстраненность, повторял некоторые аспекты познавательной лекции по два раза. Лишь в самом конце нашей экскурсии я сумела выкинуть из головы обрывки образов, наброски сюжетов, которые невольно возникли после разговора с Игибо Майсом, и сконцентрироваться на деле.

Моя рассеянность не осталась без внимания.

– Вы сегодня выглядите отрешенной, – заметил Ито, и в его тоне мне почудились нотки тщательно скрываемого недовольства. – Я бы сказал, что хотел бы стать героем ваших мыслей, но сдается мне, что вас одолевают мрачные думы, а не сладостные грезы.

Я уже успела привыкнуть к тому, как высокопарно временами выражается Ито, но все равно не удержалась от полуулыбки.

– Ничего такого, что оказалось бы мне не по плечу, поверьте.

– Помните, вы всегда можете обратиться ко мне за помощью. Сделаю все, что в моих силах.

Я приподняла бровь. Предупредительность моего покровителя граничила с самоуверенностью – взрывоопасный и раздражающий коктейль.

– Думаете, мне самой не справиться даже с незначительными затруднениями?

– Ну что вы, уверен, сестра Алекса Данишевского способна на многое.

Я промолчала. Меня всегда считали чем-то вроде приложения к брату, его бледной копией (в лучшем случае), и я давно приурочилась к такому положению дел, но все равно это царапало душу, как наждачка – оголенную кожу. Никогда меня не судили по собственным заслугам или поражениям – лишь по успехам или неудачам Алекса.

Ито не заметил моей реакции; двери лифта распахнулись, и мы сразу же оказались в кольце охраны – четверо его людей и трое моих: почти целая армия для нас двоих. Внутрь цепных псов не пустили, так что им пришлось топтаться на стоянке все то время, что мы потратили на экскурсию.

Меня галантно проводили до машины, где терпеливо дожидалась Айю. В ее услугах не было нужды: Ито вполне неплохо говорил на всеобщем.

Я уже распахнула дверцу, когда Ито щелкнул пальцами, подзывая кого-то из своей свиты.

– Майя, я осчастливлен нашей встречей. Позвольте в качестве благодарности вручить небольшой презент.

Не успела я и глазом моргнуть, как в моих руках оказался роскошный, кричаще-дорогой букет цветов. Удивленно покосилась на неожиданный подарок, вспомнила, что у цинфийцев свои ритуалы на этот счет, и вежливо кивнула:

– Спасибо. Чудесный сюрприз.

Ито расплылся в улыбке, подозрительно широкой для моего банального ответа, и, поклонившись, зашагал к своей машине. Я нырнула внутрь своей.

– Вы приняли файоны от Ито Кейтаро?!

Я не знала, чего в голосе Айю было больше: возмущения, удивления или женской зависти.

– Файоны?

– Ну да. – Айю нежно коснулась кончиками пальцев крупных красных лепестков. – Так называются цветы.

– Понятно. А что, есть какое-то табу, связанное с... файонами?

Айю сразу как-то смешалась.

– Нет, конечно нет. Просто... Шары – это знак уважения, цветы – внимания. А красные файоны выражают симпатию и заинтересованность.

– Вот как... – протянула я.

– Вы приняли их, значит, согласились на ухаживания, – закончила Айю и с надеждой спросила: – Но вы же не знали об этом, верно?

– Понятия не имела, – сквозь зубы процедила я.

Ай да Ито, ай да хитрый лис! Честный он, как же... Играет в собственную игру по своим же правилам. Надеюсь, он не спрятал где-то в кустах парочку папарацци для запечатления этого чудесного момента.

Захотелось плюнуть, но плевать в Айю было бы неприлично, а машина Ито уже исчезла с горизонта, поэтому я открыла окно и отправила свежеприобретенный букет в долгий полет. Падали цветы и правда красиво: рассыпаясь в воздухе багровыми лепестками, они стремительно исчезали в воздухе, как в глубоком колодце, где за темнотой не видно дна.

Айю проводила взглядом подарок Ито и вздохнула:

– Жалко. Они были такие красивые...

– Угу, – буркнула я и развела руками. – У меня, как выяснилось, на них страшная аллергия. Что поделать.

– И когда это выяснилось?

– Только что, – не без злорадства ответила я.

Больше всего меня раздражали попытки манипулирования. Их я прощала только Алексу.

Что именно задумал Ито и для чего ему надо было публично признаваться в своей симпатии (на последнем слове мне так и хотелось изобразить пальцами кавычки), я не знала и собиралась подумать об этом позже. И без того голова пухла от новых идей, а пальцы чесались от желания забегать по клавиатуре – кажется, я поняла, что можно взять за основу сценария к фильму.

С трудом выдержав автограф-сессию – еще одну (их в качестве мероприятий по продвижению моей книги было множество), я вернулась в отель.

– Айю, на ближайшую неделю меня ни для кого нет.

– Но...

– Вообще ни для кого! Скажи, что я временно умерла и торжественно воскресну ровно через семь дней.

– А если...

– При попытке досрочного реанимирования срок клинической смерти лишь возрастет!

– Как скажете.

Нетерпеливо выпроводив растерянную Айю, я потянулась к нетбуку. Быстро накатала отчет Алексу, где детально пересказала подробности нашей с Ито встречи и лаконично предупредила, что выпаду из жизни на несколько дней – буду работать над сценарием. Думала, брат начнет настаивать на посещении всех указанных в расписании мероприятий, и удивилась, получив одобрение:

«Отлично. Твори. На досуге присмотришься к Ито. У меня на него планы».

– А у меня – нет, – буркнула я и набрала Лиди.

Та взяла трубку сразу.

– Господи, Майя! Ты хоть знаешь, что я тут себе уже надумала?!

– Что меня сожгли как ведьму, прах развеяли по ветру, а сообщения тебе шлет мой мучимый виной призрак? – со смешком предположила я. Мне было совестно. Я вовсе не хотела заставлять подругу волноваться.

– Это лишь небольшая часть тех ужасов, которые я вообразила! – возмутилась она. – Давай рассказывай, что у тебя там происходит.

Всего я, конечно, поведать не могла, но кое-чем можно было поделиться.

– Офигеть! Майя, ты попала в женский рай! Значит, зажимаешь актеров в темных углах и принимаешь букеты от политиков?

– На пресс-конференции было светло, – вяло припомнила я в свое оправдание.

– Ну да, это полностью меняет дело! – фыркнула она. – Признайся, ты в прошлой жизни планету спасла, раз сейчас тебе так повезло?

Я закатила глаза.

– Какая-то сомнительная удача. Я все больше ощущаю себя канатоходцем под куполом цирка. Причем страховка то ли оборвалась, то ли отсутствовала изначально...

Мы еще какое-то время поболтали, а затем я осмелилась спросить:

– Макс не давал о себе знать?

– Нет. – Лиди мгновенно помрачнела. От ее шутливого тона не осталось и следа. – Не будем об этом.

Разговор с Лиди всколыхнул целую волну эмоций и, распрощавшись, я полезла мониторить эрийские новости. Ничего утешительного там не нашлось: о северных месторождениях кричали все громче, пафос лишь возрастал, а вместе с ним – давление, оказываемое на землян.

Я переключилась на цинфийские новости, но и они не сообщали ничего утешительного. На всех порталах первой страницей было фото, где я с улыбкой принимаю цветы от Ито. Заголовки пестрели громкими предположениями:

«Землянка ответила на чувства цинфийца?»

«Ито Кейтаро влюблен?»

«Роман или конфуз? Давайте разбираться!»

Я выругалась таким неприличным словом, что Алекс бы одобрительно прищурился – он сам любил использовать это крепкое выражение, но только когда думал, что его никто не слышит.

Рухнув на кровать, я спрятала голову под подушку, подобно трусливому страусу, зарывшемуся в песок, и несколько минут тупо разглядывала темноту. Затем сцепила зубы и вылезла наружу – творить сценарий и мечтать о том светлом дне, когда я отвечу Ито хороший подзатыльник. А лучше – хук справа.

Что этот миг настанет, я не сомневалась. Но знала, наступит он не скоро, а эмоции не должны мешать делу.

Я писала быстро, нервно, лишь изредка прерываясь на еду и еще реже – на сон.

Неделя пролетела, как черно-белый фильм на быстрой перемотке, единым мутным пятном. Кажется, Айю не давала мне голодать и усердно пичкала завтраком и ужином. Вкус я в тот момент не ощущала вовсе, поэтому послушно глотала все, что предлагали, не отрываясь от нетбука и порываясь продолжить работу грязными пальцами.

Наверное, поэтому сценарий оказался готов в рекордно короткие сроки. Еще никогда прежде у меня не получалось написать связную историю всего за неделю.

На встречу с Игибо Майсом я отправилась с чувством гордости от хорошо выполненного задания. Впрочем, весь позитивный настрой мгновенно улетучился, когда Игибо, вежливо отметив мою оперативность, принялся править сюжет, вычеркивая из него отдельные линии и целые сцены.

– Что вы делаете? – Если бы интонацией можно было убивать, то Игибо Майс уже лежал бы под столом с обморожением самой последней степени.

– Вы отлично потрудились, – делая глоток чая (мы встретились в том же заведении, что и в первый раз), отметил он. – Динамичный сюжет, прекрасная любовная линия, объемные, но понятные герои. Вот только...

– Что?

– Слишком много недомолвок и намеков, которые зритель должен додумать сам. Зрителю лучше сразу сказать, что белое – это белое, а черное – черное. Да и количество второстепенных героев можно сократить – сэкономим бюджет.

– Вы думаете, зритель не в состоянии сам различить цвета?

– Конечно, в состоянии. Но если в картине использована огромная палитра красок, то лучше подстраховаться и уменьшить яркость вдвое. Запомните, важно сконцентрироваться на одной идее. Зритель не свинья, нельзя в одно корыто свалить кучу идей и надеяться, что он послушно сжует все.

– Лучше накормить его одним листом салата?

– Мысль вы уловили верно, лист салата подойдет разве что для гурманов. Я бы посоветовал...

Я уронила голову на лежащие поверх стола локти. После бессонной недели сил спорить уже не было, да и не хотелось издеваться над Айю: та, переводя нашу перепалку, выглядела несчастной, как будто чувствовала себя виноватой, что мне попался такой непокладистый режиссер. В конце концов, напомнила я себе, это просто работа, написанная под давлением и ради выживания.

Не дослушав своего оппонента, я обратилась к Айю:

– Передай уважаемому Игибо Майсу, что я согласна со всеми его правками. Пусть приступает к съемочному процессу.

Айю наградила меня благодарной, а Игибо Майс торжествующей улыбкой, но меня уже мало волновали такие детали. Я хотела одного: поскорее закончить с делами, вернуться в отель и хорошенько выспаться.

– Мудрое решение, госпожа Майя Данишевская, – сказал он, и я вздрогнула, подумав, что Игибо Майс догадался о моем желании завалиться в манящую запахом свежего белья постельку; но нет, его слова относились исключительно к моей покладистости. – Доверьтесь моему чутью, и мы сделаем из этого сценария бомбу! Зрители останутся под сильным впечатлением, а кинокритики будут есть из ваших рук.

– Надеюсь. На премьерный показ этого фильма я приду с листом салата в руках, – мрачно пошутила я и спохватилась: – Айю, это не надо переводить.

Та хмыкнула, но послушалась.

Я оперлась ладонями о крышку стола, намереваясь резко подняться, когда Игибо Майс, тоже вставая, заметил:

– Я уже набросал предварительный список актеров. Завтра начнутся пробы. Большая просьба – не опаздывайте.

– Разве мое присутствие на пробах необходимо? – Я, приподнявшись, снова упала на мягкое кресло. Честно говоря, была уверена, что мое участие ограничится лишь написанием сценария. Зачем я нужна на съемочной площадке?

– Видите ли, – кашлянув, пояснила Айю, пока Игибо Майс отвечивал традиционные при прощании поклоны, – ваш брат настаивает на том, чтобы вы приняли непосредственное участие в самом процессе создания фильма. Это привлечет внимание журналистов.

Я машинально ответила на прощание Игибо Майса, проводила его взглядом и повернулась к Айю.

– Как же пиар-кампания по продвижению моей книги?

– О, не волнуйтесь! Мы успешно совместим эти два мероприятия.

Я недоверчиво покачала головой. Вряд ли. Скорее всего, пресса переключится на что-то одно и, учитывая степень влияния массмедиа на местное общество, этим «чем-то» окажется фильм.

В душе что-то кольнуло. Стало обидно за книгу, которую теперь не оценят по достоинству, впрочем, я быстро подавила намек на рефлексю: я здесь не ради себя, а чтобы помочь Алексу, и стратегию поведения надо выбирать, исходя не из собственных амбиций, а из интересов брата. Определенно, ему бы идея фильма показалась более перспективной.

– Не сомневаюсь, – уверенно солгала я, а затем жалобно попросила: – Айю, давай вернемся в отель. Мне нужно хоть немного поспать.

Я отключилась еще в машине. Не знаю, кто доставил меня в номер, наверное, кто-то из охраны, но сделал он это аккуратно – мой сон не прервался ни на минуту. Проснувшись я лишь на следующее утро – солнце, падающее из огромного панорамного окна, играло на лице яркими бликами, но только из-за него я бы не стала открывать глаза: просто бы накрылась одеялом с головой. К сожалению, с Айю этот фокус не проходил; ее звенящий, полный воодушевления голос ввинчивался в уши даже под толстым слоем мягкого ворсистого пледа.

– Сегодня у вас насыщенный день. Через два часа пробы актеров на главную мужскую роль. Затем презентация в книжном магазине «Литература для всех». Потом...

– А завтрак?

– Что «завтрак»? – Айю сбилась с менторского тона и оторвалась от наладонника.

– Он в расписании предусмотрен? – уточнила я, выныривая из-под одеяла.

– Конечно! Лучшие деликатесы Цинфа уже ждут вас!

Если бы не искренняя улыбка, я бы решила, что Айю издевается. Вспомнив специфический привкус местной еды, я с трудом подавила вздох и обреченно спустила ноги на пол.

– Ты позавтракаешь со мной?

– Если вы настаиваете...

Ну вот, хотя бы часть еды не придется выбрасывать. Интересно, сколько человек может голодать? Возможно, стоит намекнуть Алексу, что без гуманитарной помощи в виде тех же пирожков с кухни Лиди я долго не протяну? Должно же в нем разыграть чувство долга: если я умру, задание придется выполнять кому-то другому, а это лишние энергозатраты. Да, точно. Выдвину ему ультиматум. Пусть платит мне зарплату пирожками! Раз уж я все равно увязла в этом деле по уши и даже замарала собственное имя отвратительной халтурой, так хоть моральную компенсацию обязана получить. При таком раскладе привычная еда – вполне сносная альтернатива!

Глава 6

Съемочная площадка представлялась мне чем-то хаотичным, но, попав на нее, я поняла, что если кто-то и растерян, то только я сама. Все остальные участники процесса были собраны, деловиты и четко знали, зачем и почему носятся по залам со скоростью последней модели гоночной машины.

Я прошла мимо костюмерной, где разворачивались шекспировские страсти, поданные через призму ненормативной лексики цинфийского языка. Я бы постояла и послушала (исключительно для расширения словарного запаса), но Айю покраснела и поспешила увести меня подальше.

Мы прошли через огромный холл, где уже вовсю шла работа над сборкой декораций, и попали в небольшую комнатку без окон, но зато с небольшой сценой в центре и рядами зрительских кресел в полутьме. В одном из них уже расположился Игибо Майс. Его пальцы с поблескивающими в полумраке массивными кольцами бегали по экрану планшета, что-то выискивая. Брови были сведены к переносице, а пухлые губы изредка причмокивали, словно он пробовал что-то на вкус. Я улыбнулась. Не думаю, что он понимал, как занятно выглядел в этот момент.

Заметив меня, он, не отрываясь от планшета, отвесил приветственный поклон и кивнул на место рядом с собой.

Я присела на соседнее кресло, Айю – по правую руку от меня. Поставив большой бумажный стаканчик с кофе на подлокотник, я расправила юбку-солнце с ярким цветочным принтом. К ней в комплект шла светлая блуза с широкими рукавами и небольшим декольте. Ансамбль завершала сумочка-клатч на длинной цепочке. Шпильки мы заменили на что-то отдаленно напоминающее балетки. Комплект обуви на плоской подошве, заказанный Айю для меня, наконец-то оказался готов. Теперь я, под восхищенное цоканье Айю, в полной мере чувствовала себя то ли Дюймовочкой, то ли гномом...

– Здесь резюме и фотопробы каждого актера, – мне на колени упал планшет. Не тот, что до сих пор держал в руках Игибо Майс. Другой, но, видимо, идентичный. – Думаю, вам нужно ознакомиться с материалами.

Я кивнула и неспешно отхлебнула кофе. Честно говоря, не знаю, что тут делаю. Игибо Майс справился бы с выбором актера на главную роль и без меня.

Распахнулась дверь, впустив вместе с лучом естественного света невысокого мужчину. Тот, торопливо кланяясь, деловито направился к стоявшей напротив сцены технике, в которой я не сразу опознала камеру. Видимо, я только что познакомилась с оператором или кем-то вроде него.

– Свет! Дайте больше света! – почти тут же гневно потребовал новоприбывший гость.

Над сценой вспыхнули софиты, и я ненадолго зажмурилась, настолько резким оказался контраст. На возвышение вбежала девушка, громко объявила: «Кубо Сато. Пробы на роль Яно Наито» – и быстро скрылась где-то в портьерах, обрамляющих сцену, как шторы – окно.

Под софиты шагнул высокий молодой человек миловидной наружности – подбородок был искусно скруглен то ли пластикой, то ли гримом – и, не тратя время на любезности, начал зачитывать отрывок из сценария.

Я искоса посмотрела на Игибо Майса. Тот открыл на планшете нужный файл и теперь привередливо сравнивал фотопробы актера в образе Яно с оригиналом, декламирующим сейчас один из коротких монологов героя. Я вздохнула и последовала примеру режиссера: тоже нахмурилась, а затем принялась попеременно коситься то на претендента, то на экран планшета, изредка отвлекаясь на кофе.

Уже на пятом актере я заскучала, на десятом – загрустила, на пятнадцатом – захотела взвыть. Одни и те же слова, один и тот же набор действий, даже лица, одинаково миловидные, лишенные недостатков, слились для меня в одно пятно, что-то пафосно восклицающее с небольшого пьедестала. Игибо Майс временами склонялся ко мне и что-то довольно пояснял насчет хорошей репутации и приличной фильмографии очередного претендента, но я его не слушала. Знала, что соглашусь с любым его выбором.

Так я искренне считала, пока на сцену не вышел Дайс. Увидев его подтянутую, одетую в темные джинсы и черную кожанку фигуру, я чуть не поперхнулась кофе. Кажется, все-таки поперхнулась, потому что Айю пару раз ударила меня по спине. Не знаю, почему я так удивилась, почему замерла, встретившись с его серьезным взглядом, ведь в таком столкновении не было ничего необычного, но логика отказывалась брать верх над эмоциями. Оставалось только надеяться, что из-за яркого света софитов Дайс не заметил румянца, который (я знала!) предательски лизнул щеки.

Наверное, всему виной было чувство неловкости, возникшее тогда, на пресс-конференции, и

проснувшееся сейчас с новой силой. Все равно что встретить старого знакомого, который был не только свидетелем твоего конфуза, но и невольным соучастником преступления.

Дайс начал читать монолог, но я видела, что Игибо Майс его не слушал даже ради приличия. Кажется, он уже все решил и теперь лишь ждал окончания проб. Я нахмурилась. Что-то было не так.

Не знаю, каким актером был Дайс, но сегодня он фальшивил, это понимала даже я. Он сбивался, путал слова и неловко импровизировал, и при каждом его промахе я вздрагивала. Мне казалось, он ошибается из-за меня и поэтому старается не смотреть в мою сторону.

– Достаточно! – остановил его Игибо Майс. – Благодарю. Мы вам позвоним.

Мне стало ясно: не позвоним. Думаю, и Дайс это понял. Молча засунул руки в карманы, достал темные солнечные очки и исчез за дверью.

– Итак, госпожа Майя Данишевская, уверен, мы легко придем к единому мнению. Вы и сами понимаете, что главную роль может сыграть только...

– Дайс.

– Простите?!

– Дайсакэ Акано, – моментально поправилась я, пока Айю пыталась не только понять, но и успеть перевести ход моих мыслей для Игибо Майса. – Согласна, пробы он прошел неважно, но давайте дадим ему второй шанс. Мне нравится его внеш... фактура. Он идеально впишется в образ героя. Вы же видели его фотопробы.

Я помахала перед носом Игибо Майса планшетом с открытыми файлами. Я не кривила душой, внешность Дайса действительно полностью соответствовала требованиям. Его лицо, не тронутое пластикой, хранило на себе отпечаток чего-то живого, настоящего, несломленного. Слегка заостренные черты лица без преувеличения можно было назвать мужественными. Я с трудом представляла, как предыдущие мальчики-зайчики справятся с ролью бунтаря-одиночки, а именно таким по сценарию и был Яно Наито.

– Да, это замечательно, – отрываясь от планшета, вынужденно согласился Игибо Майс, – но пробы он провалил.

– Возможно, второй шанс позволил бы...

– Госпожа Майя Данишевская, не имеет значения, как именно он прочтет второй раз. Я не возьму Дайсакэ Акано на главную роль. Не хочу, чтобы фильм провалился в прокате!

Я замолчала, смущенная таким напором. Закусив губу, помедлила и спросила Айю:

– Есть что-то, чего я не знаю?

– Он пришел сюда только из-за ошибки моего помощника! Тот забыл позвонить ему и отказать в пробах. – Игибо Майс все еще шумел, не в силах успокоиться. Его ярко-синий шарф разматался и теперь свисал по бокам, как мишура на полуразобранной елке.

– М-м-м, Айю?

– Вчера произошел досадный инцидент. Если точнее – скандал, полностью уничтоживший репутацию Дайсакэ Акано.

Я нахмурилась и едва удержалась от желания поправить обвисший шарф Игибо Майса – раздражало неаккуратное цветное пятно. Тот немного отодвинулся и теперь поглядывал то на меня, то на Айю, пытаясь уловить суть разговора.

– Что за скандал?

– Его сестра попала в объектив папарацци вместе с молодым человеком.

– М-м-м...

– Они не женаты!

– М-м-м...

– Но шли под ручку, а возле дома он ее поцеловал!

Я судорожно пыталась сложить кусочки пазла, тыкаясь, как слепой котенок, во все углы. На Цинфе строгая мораль, не поощряющая отношения до брака. Хорошо, это понятно. Но при чем здесь Дайс? Разве гнев праведников не должен был пасть только на голову сестры Дайса? Или женщин тут камнями не закидывают, отыгрываются на их родственниках?

– Как именно это порочит имя Дайс... аке Акано? – наконец связно сформулировала я.

Айю возмущенно выдохнула, да так и застыла с открытым ртом. Видимо, я спросила о чем-то совершенно очевидном.

– Дайсаке Акано – актер, – пояснила она. – Он – пример для подражания. У него и его семьи нет права на ошибку.

– То есть если бы другую девушку застукали вместе с кавалером, это бы не стало трагедией?

– Это нехорошо, и родители бы сильно отругали ее, но в целом...

– Почему сестра Дайсаке Акано платит такую высокую цену?

– Потому что ее брат – актер, – терпеливо повторила Айю с таким выражением лица, с каким учитель повторяет детям таблицу умножения – обреченным и уставшим, оттого что малолетние идиоты не могут запомнить простейшего. – Актер – это публичная личность, а значит, нравственный образец и...

Я подняла ладони вверх. Кажется, я начала понимать. То, что позволено патрицию, запрещено плебею, только здесь это правило работало в обратную сторону. Интересно.

– Что теперь будет с Дайсаке?

– Его просто перестанут снимать. Ничего страшного.

Я вздрогнула. Некстати припомнила, что Акано переводится как «Окаянный», то есть его отец – преступник. Значит, у Дайса не так много вариантов с выбором профессии, и, возможно, этот скандал станет роковым для его семьи. Если с ним откажутся работать режиссеры...

Неожиданно пазл сложился, последний кусочек встал на свое место с приятным шелкающим звуком. Мне было неловко перед Дайсом за тот инцидент на пресс-конференции и хотелось избавиться от этого чувства. Одновременно с этим цинфийские стереотипы вызвали отторжение, в душе зрело желание хоть в чем-то пойти им наперекор. Бунтарский дух семьи Данишевских поднял голову и не собирался так просто сдаваться.

– Тебе не кажется, что то, как поступили с Дайсаке, называется двуличие? – я все же не удержалась от возмущения, несмотря на то, что понимала: Айю уж точно ни в чем не виновата.

– Двули... как? – растерянno переспросила она.

Я покопалась в памяти, выискивая подходящее слово в цинфийском, и не нашла. У них не было нужного определения. Это заставляло задуматься.

– Скажем так, мошенничеством, – подобрала я синоним.

– Какое же это мошенничество? – удивилась Айю. – Он же знает условия игры. Публика его любит до тех пор, пока он или его семья не совершают ошибок. Где же здесь обман?

На подобную постановку проблемы я не нашлась с аргументами. Помедлила и повернулась к порядком раздраженному Игибо Майсу.

– Скажите, вы же ведь уже выбрали актеров на все роли, включая второстепенные?

Он насторожился, но, услышав перевод, расслабился.

– Да, конечно. И знаете...

– Вы, конечно, не хотите тратить время на пререкания, споры, нудные обсуждения каждого кастинга, верно? – перебила я, добавив в голоса меда.

Кажется, Игибо Майс понял, к чему я веду.

– И что же вы хотите?

– Предоставьте Дайсаке Акано второй шанс. Если он хорошо справится с пробами, вы возьмете его на роль Яно, невзирая на скандал, а я молча одобрю ваш выбор в других кастингах. Если же он

провалит и вторую попытку, то я даже спорить не буду – соглашусь с любым вашим решением.

– Значит, вы считаете, что имеете право ставить мне условия? – сощурившись, уточнил Игибо Майс.

Имею ли? Я не была в этом уверена.

– Конечно имею, и вы это знаете.

Игибо Майс хмыкнул, а потом рассмеялся.

– Что ж, хорошо. Ваш брат частично финансирует проект, так что спорить с вами мне невыгодно. С инвесторами лучше не связываться, – он вдруг совершенно по-мальчишески мне подмигнул и одним рывком закинул шарф на шею. – Договорились. Если Дайсаке Акано справится с пробами, то я, так и быть, пойду на риск и возьму его на главную роль. Возможно, тот ажиотаж, что развернется вокруг фильма землянки, замнет неприятный скандал, – последнее он добавил уже тише, себе под нос, но я расслышала

Айю не стала переводить последнюю фразу, видимо, посчитав ее несущественной. Вместо этого она взглянула на наручные часы и встревоженно заметила, постукивая ноготком по циферблату:

– Презентация через час. Нам пора. Вы можете опоздать.

– Да, идем, – согласилась я и тут же обратилась к Игибо Майсу: – Когда пройдут повторные пробы?

– Скажем... Завтра утром?

– Отлично. Я обязательно на них буду, – то ли пообещала, то ли пригрозила я и вместе с Айю покинула мрачную темную комнату с тем воодушевлением, с каким птичка выпархивает из клетки.

Вслед мне раздалось замаскированное под кашель фырканье Игибо Майса. Кажется, он совершенно неверно интерпретировал мою заинтересованность по отношению к Дайсу.

Но не объяснять же ему, что он ошибся? Пожалуй, это будет выглядеть еще более подозрительно...

Я впервые так облажался. Даже на самых своих первых пробах, почти десять лет назад, я не выглядел настолько позорно, как сегодня. Наверное, сказалась бессонная, полная плача и женских истерик ночь. Лиа даже грозила покончить с собой, выпрыгнув из окна на мостовую, прямо под ноги не оставлявшим ее в покое журналистам, так что я провел почти сутки возле ее постели, успокаивая и уверяя, что скоро все забудется.

Не забудется. Мы оба это понимали. Чтобы исправить случившееся понадобится чудо, а чудеса с нашей семьей не случаются. Наверное, напротив графы «удача» в Книге судеб стоит жирный прочерк. Обидно, но сетовать бесполезно.

Поглаживая по голове Лиа и утирая ее слезы, я не злился. Сестренка поступила опрометчиво, но кто не ошибается в девятнадцать зим? А вот с ее «ухажером», исчезнувшим в неизвестном направлении сразу после скандала, требовалось поговорить по душам и разъяснить ему некоторые аспекты, касающиеся элементарной порядочности.

На пробы я пришел с гудящей и распухшей от вопросов головой. Жизнь снова менялась на сто восемьдесят градусов, как и тогда, десять лет назад, и чувство дежавю не покидало меня вместе с отвратительным пониманием того, что твердая почва под ногами снова превращается в трясины. Только в этот раз вариантов у меня еще меньше. Но как бы сложно мне ни было, я обязан найти выход.

Читая монолог, я то и дело вспоминал ревущую сестру и подавленную мать. Они обе нуждались во мне и верили, что я смогу все исправить. Их лица, полные надежды, выворачивали душу наизнанку, и, читая текст, я не мог отстраниться от этого чувства. А тут еще землянка! Не знаю, почему ее присутствие отвлекало. Наверное, всему виной эти синие глаза. Ни у кого прежде не видел такого яркого, притягательного взгляда!

По планете гуляло много слухов, почему первый контакт провалился. Я был готов вкинуть в эту копилку еще одно предположение: синеокие земляне так загипнотизировали наших парламентариев, что те не смогли выдать ни слова.

Я не удивился, услышав завуалированный отказ. Я был готов к нему. Что стало сюрпризом для меня, так это звонок со студии. Я не сразу поверил ушам, когда узнал голос собеседника. Со мной говорил не помощник, а режиссер! Неужели Святые рины услышали мамины молитвы? Сейчас я мог уверовать во что угодно.

– Дайсаке Акано, вы приглашены на повторные пробы. Завтра, в полдень. Надеюсь, вас устраивает назначенное время?

Я проигнорировал легкую насмешку в голосе режиссера (мы оба знали, что я соглашусь на любые условия) и поинтересовался:

– Вы уверены?

Прозвучало иронично. Слишком иронично и дерзко для моей ситуации. К счастью, режиссер не подумал возмутиться. Уверен, что различил хмыканье вдалеке, как будто собеседник ненадолго прикрыл динамик рукой, а затем получил ответ:

– Поверьте, сомнения меня не оставляют, но я готов пойти... на некоторый риск.

– Примите мою благодарность.

Я все еще не мог поверить в собственную удачу, но все слова застряли в глотке, когда я услышал:

– Передайте ее госпоже Майе Данишевской. Она настояла на вашей кандидатуре.

А дальше режиссер коротко попрощался и повесил трубку. Я остался один на один с растерянностью.

Землянка решила мне помочь? Зачем? Какое ей дело до меня и моей семьи?

Я отрешенно сжимал и разжимал в руках погасший наладонник.

Последний раз мне помогали... Да никогда. Никогда и никто не протягивал мне руку во время настоящей беды, а не мелких неприятностей. Никто не прыгал в яму, куда я упал, чтобы вытащить меня. Никто не стал бы отвлекать тигра, подставляясь сам, чтобы дать мне время на спасение.

Впервые я был по-настоящему сбит с толку. Это было... очень странное чувство.

На повторных пробах Дайс блистал. Он настолько вжился в образ Яно Наито, что я едва удержалась от ребяческого порыва – безумно хотелось пихнуть локтем в бок Игибо Майса и самоуверенно напомнить: «Я же говорила!»

Игибо Майс (я видела по его лицу) тоже оказался впечатлен. Вопрос о том, будет ли Дайс сниматься в фильме, отпал сразу же. Ему предложили заключить контракт немедленно.

В тот момент я ощутила прилив гордости за Дайса, будто мы играли за одну команду и он первым пришел к финишу. Странное чувство...

Я бы осталась на площадке подольше (во мне проснулось любопытство, и съемочный процесс уже не казался чуждым), но в расписании значилась очередная автограф-сессия в одной из библиотек, поэтому, попрощавшись с Игибо Майсом, мы с Айю выскользнули из комнаты, где проходило прослушивание, и заспешили по длинному холлу. Уже почти у самых дверей нас окликнул мужской голос. Я не сразу узнала его, поэтому вздрогнула лишь тогда, когда обернулась.

Дайс стоял настолько близко, насколько позволяла охрана. Оказавшись рядом с ним без каблуков, я почувствовала себя неуютно – мало кому понравится задирать голову, чтобы увидеть лицо собеседника. Впрочем, Айю, похоже, это не смущало. Она, прищурившись, тоже смотрела на Дайса снизу вверх, но умудрялась это делать так, что и слепому стало бы очевидно, кому тут должно быть неудобно.

Дайс выдержал этот взгляд и даже бровью не повел.

– Я хотел бы поблагодарить госпожу Майю Данишевскую за ту роль, что она сыграла в моей судьбе.

От такой постановки фразы я смешалась. Неуклюже застыла и затеребила браслет на правой руке – впервые за все время пребывания на Цинфе.

– Госпожа Майя Данишевская принимает вашу благодарность, – чопорно отозвалась Айю, посчитав разговор оконченным.

Я смущенно кивнула и ничего не стала добавлять: сковавшая меня неловкость не исчезала.

Дайс вновь проигнорировал показное нетерпение Айю и мягко, но настойчиво продолжил:

– Если позволите... Я бы предложил госпоже Майе Данишевской прогулку. Мне бы хотелось обсудить с ней образ Яно Наито.

Я вскинула глаза. Дайс смотрел серьезно, немного исподлобья, руки были спрятаны в карманы

темной кожаной куртки, и неожиданно чувство какого-то детского стеснения ушло, уступив место заинтересованности. Ему действительно важен образ героя и он готов работать над ним?

Кажется, последнее я спросила вслух и получила лаконичный, немного удивленный ответ: «Конечно».

– Айю, что у нас с расписанием? – Я расслабилась и поймала полуулыбку Дайса, настолько легкую, что, возможно, мне и показалось.

– У нас плотный график. – Айю покосилась на Дайса с тем недовольством, с каким вышколенный секретарь наблюдает за просочившимся вне очереди посетителем. – Но вот после семнадцати есть небольшое окно.

– Отлично. Думаю, мы договорились. Где мы можем встретиться?

– Я предлагаю прогуляться по заповеднику. Он не так далеко от города, как кажется. На машине мы быстро обернемся туда и обратно.

Я задумчиво куснула щеку изнутри. Намеренно или случайно, но Дайс выбрал то место, где я давно хотела побывать. Каменные джунгли Цинфа начали приедаться.

– Хорошо. Тогда до встречи.

– До встречи, госпожа Майя Данишевская.

Дайс склонил голову в прощальном поклоне, и я ответила ему тем же. Затем развернулась и припустила почти бегом: Айю была права, мы действительно опаздывали.

Автограф-сессия выдалась на редкость скучной и предсказуемой, поэтому я действовала на автомате: улыбалась, подписывала книги, беззаботно шутила и мило краснела, не выныривая из мыслей, которые волей-неволей возвращались к Дайсу. Ситуация со скандалом казалась мне дикой, абсурдной, и как я ни старалась, у меня плохо получалось подстроиться под мышление цинфийцев, чтобы взглянуть на нее под другим углом.

Очнулась, лишь когда один из журналистов, присутствующих на мероприятии, задал вопрос, к которому я, несмотря на все размышления, оказалась не готова.

– Госпожа Майя Данишевская, правда ли, что Дайсакэ Акано снимется в вашем фильме в главной роли?

Так, спрятать руки под стол, чтобы не видели, как они подрагивают. Вдохнуть и незаметно выдохнуть, продолжать улыбаться.

– Да. Он прекрасный актер, и я уверена, что он справится с ролью.

– Разве вас не смущает недавний скандал, связанный с его именем?

– Думаю, это недоразумение. – Я оглядела притихший зал и добавила то, что наверняка бы не понравилось Алексу: – Но даже если не так... Разве каждый из нас не имеет права на второй шанс?

Никогда не видела такого замешательства. Будто я на середине разговора вдруг обернулась птицей и защебетала на своем языке. Непонимание, растерянность и задумчивость – вот что буквально пропитало воздух. Но агрессии не было, и я с облегчением перевела дух. Лед под ногами в очередной раз треснул, но устоял. Купание в ледяной воде откладывалось.

И все же, улучив минутку, я обратилась к Айю. Постоянно везти не может.

– Я сказала что-то не то?

– Нет, просто... Даже я не уверена, что правильно поняла вас.

– Разве у вас не принято прощать?

– Прощать? – удивилась Айю. – Зачем? Предавший раз, предаст и снова, а споткнувшийся однажды до конца жизни будет припадать на больную ногу.

Я поставила кляксу вместо автографа на одной из книг и торопливо заводила рукой, стараясь это исправить. Опустив голову, чтобы распущенные сегодня волосы свободно упали, скрыв лицо, я пыталась справиться с оторопью. Сейчас я была склонна согласиться с выводами эрийцев: жестокость цинфийцев действительно пугала. Неужели Алекс всерьез рассчитывал на сотрудничество с ними? Сумасшедший!

Эта мысль отравляла всю дорогу до заповедника, расположенного за чертой города, а вернее, приютившегося между двумя мегаполисами, как маленький зеленый островок спокойствия, спрятавшийся в густонаселенном сером хаосе, но совершенно забылась, как только я вышла из машины.

Я сделала глубокий вдох и судорожно ухватилась за руку Айю – легкие, заполненные чистым свежим воздухом, сладко разрывались от переполнявшего их кислорода, который, пробежав по венам, ударил в голову, словно выпитое на голодный желудок шампанское.

Солнечные зайчики играли в изумрудной траве, сверкали в темно-зеленых кронах высоких деревьев, прятались в проблесках листьев тонконогих кустарников и заставляли щуриться от яркого сочетания теплого, струящегося с неба света и сочной, наполненной жизнью зелени.

Я ожидала увидеть что-то вроде парка, а попала в настоящий лес с аккуратно проложенными между норами дорожками. Про норы я подумала, заметив деловитого рыжего хищника, похожего на лису, тащившего в зубах зверька поменьше. Рыжий охотник не удостоил нас вниманием, словно присутствие зрителей его давно уже утомило.

– Айю, здесь и звери есть?

– Конечно. И опасные в том числе, поэтому сходить с дорожек не рекомендуется.

– Были... инциденты?

– Нет, конечно нет! Здесь повсюду камеры, в случае опасности нас предупредят по громкой связи.

Я вздохнула. И тут камеры. Понятно, почему Айю подобная прогулка не показалась интимной или неприличной – под прицелом-то чужих глаз...

Дайс ждал у первой развилки. Чуть ссутулившись, он с интересом всматривался в заросли кустарника, но при виде нас выпрямился и с достоинством поклонился.

– Госпожа Майя Данишевская.

– Что там? – не удержалась я и покосилась в зеленые заросли.

– Кукайя. Подкладывает свои яйца в чужое гнездо.

Первым моим порывом было задать вопрос: «Зачем?» – но неожиданно для себя спросила иное:

– И у нее получается?

– Сложно сказать. Блеф в самом разгаре.

– Заставлять других птиц растить чужих птенцов весьма эгоистично, – во мне подал голос педант, но как-то вяло. Почему-то душой я была на стороне неизвестной мне птицы.

– У нее нет выбора. Кукайя – самая лакомая добыча для большинства хищников. Ее запах приманивает их, поэтому эти птицы никогда не сбиваются в стаю – слишком опасно. По этой же причине она не воспитывает птенцов, предпочитая рассовать их по разным гнездам – так больше шансов выжить.

Я почти не слушала перевод Айю, предпочитая самостоятельно ловить слова Дайса. Странное дело, но мне казалось, что, говоря о птице, он подразумевал нечто большее. Он не говорил намеками, как Ито, нет. Скорее, это походило на то, как если бы он поймал себя на ассоциации и теперь пытался ненавязчиво донести ее до меня. Забавно.

– И все равно лгать нехорошо, – мягко воспротивилась я.

– Конечно. Если есть возможность, лучше говорить прямо.

При последней фразе Айю напряглась, и я обернулась: по правую руку от меня замерла Айю, на расстоянии пяти шагов – охрана. Пожалуй, обстановка не располагает к прямоте.

– Давайте обсудим образ главного героя, – вздохнув, предложила я. – У вас какие-то вопросы?

– Да, я хотел бы прояснить нюансы образа, – Дайс нахмурился и принял деловой вид. – Здесь недалеко есть лужайка со скамейками.

– Тогда пойдемте, – согласилась я на недосказанное приглашение.

Лужайка оказалась залита солнцем и окрашена яркими цветовыми пятнами – неизвестные мне

маленькие птицы, сбившиеся в разномастные группы, раздраженно о чем-то переговаривались: гвалт стоял жуткий. Я улыбнулась: при таком шуме охрана нас не услышит. Не то чтобы я собиралась секретничать с Дайсом, но, признаться, постоянное присутствие цепных псов, держащих уши на макушке, начало меня раздражать.

Втроем мы присели на одну из лавочек. Нагретая за день древесина источала тонкий сосновый аромат. Я на секунду зажмурилась от удовольствия, а потом повернулась к Дайсу и честно призналась:

– Мне кажется, образ Яно достаточно банален. Бунтарь, одиночка. Человек, воздвигший вокруг своего сердца высокие стены. При этом, как и положено главному герою, добр, смел, решителен. Не знаю, что тут можно еще добавить.

– Думаю, вы не правы. Любой прототип банален: все, что могли сказать до нас, уже сказали. Но каждый автор преподносит одни и те же вещи по-разному. В том числе и вы, а значит, герой уже оригинален. Вы пропустили героя через себя, знаете и понимаете его, и мне бы хотелось узнать ваше мнение относительно сцены с...

Я слушала Дайса, затаив дыхание и не перебивая. Никто прежде не стремился докопаться до самой сути моих сюжетов. Дайс же методично, кирпичик за кирпичиком, разбирал фасад, чтобы уловить главное – то, что скрыто от глаз, не выставлено напоказ. Следя за его рассуждениями, я ловила себя на мысли, что мне впервые попался человек, настолько верно прочитавший мои намеки и недомолвки. Он вкладывал в сцены именно тот смысл, который я задумывала изначально, и от этого меня накрывало какой-то теплой волной. Будто я встретила старого знакомого, человека, имеющего со мной один секрет на двоих. В конце концов, схожее мировоззрение – разве это не повод для секрета?

Я старалась сохранить спокойный и невозмутимый вид, но улыбка все равно то и дело играла на губах. Серьезной я становилась лишь тогда, когда развернуто отвечала на вопросы Дайса, стремясь донести до него каждый нюанс, чтобы он как можно точнее сумел понять Яно и вжиться в образ.

Увлечшись разговором, я совершенно потеряла счет времени. Напоминание Айю о том, что нас ждут другие дела, заставило очнуться и с удивлением покоситься на наладонник, казалось, цифры просто решили пошутить. Не могла же я взалхлеб проболтать с чужим человеком почти... час?!

Дайс, словно почуяв мою панику, встал первым.

– Благодарю за встречу госпожу Майю Данишевскую. Беседа многое прояснила. Это поможет лучше справиться с той работой, которую мне любезно предоставили.

– Мне тоже было очень приятно обсудить с вами детали нашего проекта, – рассеянно согласилась я.

Юбка-миди зацепилась за лавочку, и я никак не могла аккуратно вытащить ее из ловушки. Айю вместе с охраной уже отошли на пару шагов вперед и потому не заметили моих метаний.

Дайс присел на корточки и одним осторожным движением освободил тонкую ткань из плена древесины. Затем, не вставая, заглянул мне в лицо и, медленно проговаривая слова, серьезно спросил:

– Почему вы взяли именно меня?

Наверное, долгий разговор как-то расслабил меня, потому я ответила на чистом цинфийском раньше, чем успела прикусить язык:

– Потому что ситуация со скандалом нелепа и несправедлива.

Дайс слегка приподнял бровь, по губам скользнула тень улыбки, но он быстро отвернулся и легко поднялся. Я тоже подскочила со скамейки и попыталась исправить:

– Я хотела сказать... – путая окончания и добавляя в голос акцент, начала я, но тут же умолкла. Что сейчас ни скажи, все будет не то.

Да, Майя, попала так попала! Надо же было так сгруппироваться!

– Вы можете положиться на меня. Я не выдам ваш секрет.

Я недоверчиво покосилась на Дайса и едва удержалась от желания метнуться испуганным зайцем к Айю.

– Буду благодарна, – вздохнув, ответила я.

Остаток пути мы проделали молча.

Уже в машине, прислонив лоб к затемненному окну, я прикрыла глаза и обреченно признала: я подвела Алекса. Чувство вины смешивалось с раздражением: я не была профессиональным агентом, и братец это знал. Как он мог доверить такую важную миссию именно мне? На что он надеялся?

Я сглотнула отвратительный ком, появившийся в горле, и через силу улыбнулась щебечущей Айю, абсолютно не вникая в смысл ее слов.

Мне бы хотелось верить в порядочность Дайса, но я понимала, что едва ли стоит полагаться на малознакомого человека.

Никогда прежде я не испытывал такой растерянности. Землянка помогла мне абсолютно бескорыстно. Это не укладывалось в голове.

У нее не было далеко идущих планов на мой счет, она не делала каких-то сложных прогнозов и, кажется, если и участвовала в какой-то хитроумной игре, то не по своей воле. Ее решение, уверен, носило импульсивный характер.

Я бы рад списать такой порыв на чисто женский интерес к своей персоне, но нюх подсказывал, что дело в другом. На прогулке в мою сторону она смотрела безо всякого намека на флирт. Очевидно, я интересовал ее лишь как профессионал, а не как мужчина.

Это сбивало с толку: за годы работы в массмедиа я привык, что ко мне относятся либо с восторженным пиететом, либо с равнодушной небрежностью. Землянка же вела себя... естественно, словно мы с ней были на равных. Она с такой легкостью заглядывала сквозь мои маски, что мне захотелось немного приоткрыть и ее лицо. Вот почему я заговорил на цинфийском. Это был выстрел, убивший двух зайцев: так я убедился в искренности землянки и получил подтверждение своих догадок – она действительно хорошо владела нашим языком.

Еще во время проб я заметил, что иногда землянка реагировала на слова режиссера быстрее, чем помощница успевала их перевести. Это не выражалось в речи – нет, она всегда выдерживала нужную паузу, скорее в мельчайших изменениях мимики, в том, как легкая тень проскальзывала по ее лицу, а затем тут же исчезала. Если актерская профессия и учит чему-то, так это умению подмечать детали. Я проработал в этой сфере достаточно долго, чтобы распознавать, когда человек в образе, а когда, на доли секунды, становится собой. Землянка была хорошим игроком, умение блефовать заложено в ее генах, но все же она стояла в самом начале пути. Она была хороша в своей роли, но не настолько, чтобы обмануть такого плута, как я. Она была уязвима.

Взгляд, полоснувший меня болью, говорил именно об этом. Тогда, сидя на корточках и заглядывая в побледневшее лицо, я понял, что землянка вовсе не так уверена в своих силах, как стремилась показать.

В ее синих глазах плескался страх, который она скрывала ото всех, но сильнее прочих – от себя.

В тот момент чувство вины вгрызлось мне в глотку. Я почувствовал себя негодяем, воспользовавшимся чужим доверием. Не то чтобы это было в новинку – ради выживания я совершал вещи и похуже, но мысль о причинении боли землянке претила мне.

Возможно, я не так хорош, как того требует цинфийская мораль, но все же есть неписанные правила, которые мне по душе. Я никогда не оставляю долг неоплаченным. Неважно, чего именно это касается: денег или отношений.

Землянка оказала мне услугу, и теперь я не успокоюсь, пока не окажу ответную любезность. Ее страх напрасен: я не только не выдам ее тайну, но и сделаю все, чтобы ее миссия (в чем бы она ни заключалась) успешно завершилась.

И интуиция мне подсказывает, что помощь такого, как я, ей пригодится.

Глава 7

Пару минут после пробуждения я всерьез подумывала сказать больно, чтобы не ехать на первый день съемок фильма. Я не боялась встречи с Дайсом – не возопит же он на всю площадку о том, что я – обманщица (хотя, каюсь, такой поворот сюжета с упоением мазохиста я пару раз прокрутила в голове), но все же, при возможности, мне бы хотелось сократить количество встреч с ним. Как мельком бросил Алекс, самый надежный друг – это плохо проинформированный знакомый.

Алекс. Он был причиной отвратительного настроения, местами скатывающегося в меланхолию. Я так и не призналась в том, что меня раскрыли. Несколько раз порывалась написать ему, дважды вскакивала среди ночи и открывала крышку нетбука, но в последний момент гасила мерцающий синим экран. Понимала, что веду себя как маленькая девочка в ожидании родительского выговора, но справиться с собой не могла.

Мысль о том, что я подвела брата, отравляла жизнь, но делала съедобной еду Цинфа – я попросту не чувствовала ее вкуса.

– Наконец-то у вас появился аппетит! – довольно заметила Айю за завтраком.

Я, продолжая жевать, уныло кивнула, отчего замотанное тюрбаном полотенце съехало на нос.

– Вы уже решили, каким нарядом удивите сегодня?

Я выдернула себя из жерновов самоедства и решила заняться чем-то полезным: например, выбором нового образа.

Отложив в сторону приборы, которыми с грехом пополам научилась пользоваться (так уверяла Айю), промаршировала в комнату и нырнула в гардеробную.

Большую часть вешалок занимали платья и юбки разной длины и фасонов, но, изрядно покопавшись, я выудила узкие темно-синие джинсы с потертостями по краям. В комплект шел бежевый летний свитер крупной вязки, настолько просторный, что в нем могли бы поместиться две меня, а если бы кто-то из нас сильно втянул живот, то и три. Завершали образ темно-коричневый кожаный ремень и ряд тонких браслетов того же цвета на запястье. На плечо предлагалось накинуть лямки светло-голубого рюкзака.

Конечно, это не мой невзрачный эрийский костюм, но все же после многочисленных юбок и платьев было приятно снова влезть в джинсы. Внутри засвербело желание впорхнуть в привычные шпильки, но я не поддалась – не все сразу.

Затянув волосы в хвост и позволив Айю нанести на лицо минимум макияжа, я почувствовала давно забытую легкость. Только вот зеркало не дало обмануться: в отражении по-прежнему была не я, а какая-то похожая на меня девушка – богемная, чужая и незнакомая.

Уже на подлете к студии я заметила разношерстную толпу на крыше здания и напряглась.

– Айю, нас встречают?

– Конечно. Сегодня же первый съемочный день! Журналисты с шести утра тут караулят.

Отлипнув от окна, я уточнила:

– Их и на площадку пустят?

– Нет, тогда раскроется вся интрига, – фыркнула Айю. – Но вы привыкайте, теперь они будут кружить возле студии круглыми сутками в надежде нарваться на какую-нибудь сенсацию. Вокруг фильма разгорелся страшный ажиотаж, так что журналисты теперь вас не оставят.

Что ж, кажется, этого и добивался Алекс. Пожалуй, через такую толпу папарацци ни один недоброжелатель не прорвется.

Ведущая от стоянки до дверей студии дорога не была выложена желтым кирпичом, но я не могла отделаться от чувства, что направляюсь в какое-то волшебное место, куда обычным смертным вход воспрещен.

– Госпожа Майя Данишевская, один вопрос! Всего один!

– Посмотрите сюда, пожалуйста!

– Пожалуйста, подождите!

Я с улыбкой прошла сквозь толпу (грозный вид охранников сразу напоминал всем любителям панибратского отношения, что чужое личное пространство необходимо уважать), пару раз остановилась, чтобы сделать фото и приветственно поклониться.

Уже преодолев добрую часть пути, я натолкнулась на позирующего для журналистов Игибо Майса. Его круглое, лоснящееся от капелек пота лицо лучилось любовью к жизни в общем и к конкретному ее моменту в частности. Я пожалела, что не надела темные солнечные очки – смогла бы закатить глаза.

Одежда Игибо Майса, как всегда, поражала яркостью и вычурностью, будто являлась совместным творением попугая и сороки. Костюм невообразимой расцветки, в которой смешались все оттенки радуги, разбавляли белая рубашка и ярко-желтый шарф, накинутый на шею.

Интересно, у Игибо Майса некрасивая шея? Иначе почему он вечно прячет ее под шарфами?

– Госпожа Майя Данишевская, – воскликнул он и склонился в поклоне. – Присоединяйтесь! Давайте сделаем совместное фото.

Я не стала спорить (лишь вожденно покосилась в сторону входа на студию) и встала по правую руку от режиссера. Защелкали фотоаппараты, раздались одобрительные восклицания: «Режиссер и сценарист вместе! Правильно-правильно!» – и тут из-за угла вывернул никем не замеченный Дайс.

Темно-серое широкое пальто доходило до середины колен и подчеркивало его рост и ширину плеч. Черные очки скрывали лицо, а неброские джинсы в сочетании с поло придавали небрежного шарма.

Он невозмутимо преодолел разделяющее нас расстояние. Журналисты притихли. Ни одна вспышка не ослепила глаз, и, несмотря на обиду, я разозлилась. Не на Дайса. На глупые предрассудки и прессу.

Ситуацию спас Игибо Майс.

– Господа, а вот и наш главный герой! Поприветствуем его!

Он первым разразился аплодисментами, его растерянно поддержали остальные. Игибо Майс схватил Дайса за рукав и буквально втянул в обступившую нас толпу.

– Так, вставайте слева от госпожи Майи Данишевской (она должна быть в центре), я встану справа. Давайте сделаем совместное фото на память. Улыбайтесь оба! – последнее Игибо Майс прошипел сквозь зубы, практически не разжимая губ.

Я оказалась настолько близко к Дайсу, что уловила едва ощутимый аромат его туалетной воды – свежий, но чуть терпкий. Он был настолько легкий, что я затруднялась выделить в нем какие-то отдельные нотки – лишь отметила его ненавязчивость. Практически прижатая к Дайсу (нас попросили встать поближе), я касалась рукой его пальто, а наши ладони почти соприкасались.

Эта близость странным образом успокаивала, и я, расслабившись, улыбалась в камеру уже искренне. Дайс мельком взглянул на меня, и черты его лица тоже разгладились, стали мягче.

В этот момент я подумала, что доверять Дайсу я, конечно, не буду, но и подлости ждать от него тоже не стану.

– Сцена один, дубль один! – крикнула девушка-ассистент, и я поморщилась от громкого звука хлопушки.

Я ощущала себя ребенком на новогоднем утреннике: все такое яркое, незнакомое и интригующее. Вот, например, эта душевая кабина, к чему она? Что-то я не припомню такой сцены.

Прихлебнув кофе из картонного стаканчика, я подмигнула притихшей Айю и посмотрела в сторону Игибо Майса. Сосредоточенный и нахмуренный, он удивлял непривычной серьезностью. Наверное, с таким лицом саперы раньше обезвреживали мины.

Я хмыкнула и снова сделала глоток, когда облаченный в одежду героя Дайс размеренным шагом подошел к обозначенной на полу разметке, застыл возле нее, повернул голову влево, затем вправо, словно разминая уставшую шею, и, обернувшись вполоборота, принялся расстегивать на себе рубашку.

Я поперхнулась и едва не выплюнула кофе, показавшийся сразу слишком горячим и сладким.

– Этого не было в сценарии!

– Так! – рявкнул Игибо Майс, отрываясь от экрана. – Кто подал голос? Госпожа Майя Данишевская,

у вас есть вопрос?

Жалея, что не обладаю даром телепортации или хотя бы умением проваливаться сквозь землю, я, чувствуя, как пылают уши, негромко заметила:

– Вы изменили сценарий?

Айю с готовностью перевела. Все остальные участники съемки застыли, терпеливо ожидая указаний. Дайс перестал раздеваться. Расстегнутая до середины груди рубашка белела, как выброшенный кем-то флаг. Я быстро отвела взгляд. Что я, полуобнаженных мужиков никогда не видела?

Таких не видела...

– Я немного доработал его и добавил парочку сцен, – раздраженно пояснил Игибо Майс. – В частности эту. Вопросы?

– Зачем?

– Госпожа Майя Данишевская, на Цинфе секса нет, как вы успели заметить, поэтому любые любовные сцены исключены, но чем-то же надо привлекать женскую аудиторию. А чем?

Я вскинула брови, надеясь выглядеть удивленной, а не смущенной. Лишь бы тональный крем не пропустил румянец, который уже наверняка опалил щеки.

– Мужской фактурой, – не дождавшись ответа, триумфально пояснил Игибо Майс. – Да не волнуйтесь, никакой пошлости. Мы оголим только торс Дайсаке Акано. Дальше цинфийки додумают сами.

– В следующий раз предупреждайте в случае каких-то правок, – вежливо попросила я. – Не люблю сюрпризов.

– Договорились, – со вздохом согласился тот и тут же рявкнул: – Возвращаемся к работе! Итак, мотор!

Я вцепилась в стаканчик, как в спасательный круг. В сцене не было ничего вульгарного, даже в душевую кабинку Дайс забрался в свободных брюках – не было нужды раздеваться полностью, но я все равно не могла избавиться от чувства неловкости. И духоты. Почему на студии так жарко?

– Вы кофе не пьете. Невкусный?

Айю с тревогой наклонилась ко мне. Ее шепот не услышал режиссер, иначе нам обеим не удалось бы избежать его гнева.

– Остыл уже, – тоже тихо откликнулась я, откровенно пялясь на Дайса, стоящего под струями воды.

– Может, новый принести?

– Что? – переспросила я. Маленькие капельки медленно стекали по плечам и спине Дайса, и это зрелище буквально гипнотизировало.

Если бы не хмыканье Айю, я бы еще долго пялилась на сцену. Обернулась, поймала понимающую ухмылку и предложила:

– Знаешь, пожалуй, я все-таки хочу новый кофе. Сходим за ним вместе.

– Вместе? – прищурилась Айю.

– Да, не ходи же тебе одной, – нелепо оправдалась я и начала тихонечко пробираться в сторону выхода.

– Я бы еще посмотрела...

Я плохо знала Айю, но была уверена, что сейчас она меня поддразнивает.

– Нет уж, пойдем за кофе, – буркнула я.

Уже оказавшись за дверями с надписью: «Тихо! Идет съемка!», я поняла, что сглупила и поддалась на провокацию молоденькой девчонки.

– Айю... – как можно строже начала я.

– Я бы тоже не отказалась от небольшого перекуса, – перебила она и, вцепившись в мою руку,

поташила в сторону кофейных автоматов.

В этом порыве было столько ребячества, что я рассмеялась. Мне вторил сдавленный смех Айю.

Отсутствовали мы недолго, но когда вернулись, сцену с Дайсом уже закончили снимать. Ассистенты меняли декорации, а визажисты срочно поправляли макияж невысокой красивой девушке, стоявшей возле Игибо Майса и внимающей его указаниям.

– Айсан Моно, – шепнула Айю. – Она играет главную героиню.

Я с любопытством покосилась на незнакомку. Симпатичное юное личико уже, очевидно, не раз подправленное пластическим хирургом, все еще сохраняло свое очарование. И без того огромные глаза, подчеркнутые косметикой, казались еще больше и навевали поэтические ассоциации с бездонными омутами и прочими литературными штампами. Прямой носик, пухлые губки, маленькие ушки и грива черных шелковистых волос – наверное, именно так и выглядела красавица в представлении цинфийцев. Я не могла не признать, что девушка прекрасна, но что-то в ее внешности смущало.

Лишь когда включили камеры и начали запись, я поняла, что было не так. Актриса обладала статичной красотой, но оказалась совершенно лишена харизмы. В ее движениях и словах чего-то не хватало. Она была чудо как хороша, пока замирала, но стоило ей пошевелиться, и наваждение проходило. Она походила на красивую картинку, которой никогда не ожить.

Я с трудом дождалась перерыва и подкралась к Игибо Майсу.

– Вы уверены в выборе актрисы на главную роль?

Тот с неохотой оторвался от экрана монитора, где рассматривал снятую только что сцену, и отмахнулся.

– Конечно! Госпожа Майя Данишевская, вам не стоит беспокоиться. Айсан Моно молода, но ее уже успели полюбить фанаты. У нее безупречная репутация. Фильму с ее участием гарантированы хорошие кассовые сборы.

– А что насчет... – я кашлянула, подыскивая способ поделикатнее обозначить проблему. – Ее актерских способностей?

Игибо Майс наконец оторвался от экрана и раздосадованно посмотрел сначала на Айю, затем, словно спохватившись, на меня. Неприятные слова произносила Айю, но исходили они от меня, и, видимо, Игибо Майса это немного сбивало с толку. На всякий случай приходилось дуться на нас обеих.

– Они у нее средненькие, согласен, но никто не умеет улыбаться и плакать красивее, чем она.

– Сценарий требует от нее немного большего, чем просто улыбаться или плакать, – напомнила я.

– Не волнуйтесь. К тому времени она разойдется. У нее есть потенциал, и мы его вытащим.

– А если нет?

– Если нет, то люди заплатят деньги за белоснежную репутацию актрисы и ее умение красиво лить слезы. Кстати, у нее даже глаза не краснеют и нос не опухает. Профессионал!

Я с подозрением покосилась на Игибо Майса: непонятно, язвил он или говорил серьезно. Тот, догадавшись о моих сомнениях, сказал уже серьезно:

– Госпожа Майя Данишевская, вы доверились мне. Поздно пытаться переиграть. Я знаю, что делаю. Это не первый мой фильм.

Мне оставалось только развести руками и положиться на чутье Игибо Майса. Опыта в создании бестселлеров у него было побольше моего.

На съемочной площадке мы провели большую часть дня, а затем покинули это суматошное, странное место, которое уже начало мне нравиться. На вечер была запланирована встреча с Ито. Он вызвался провести экскурсию по Национальному центру научных исследований. Я с хорошей долей мстительности отказалась бы его сопровождать, но Алексу нужна была информация, а предоставить ее мог только Ито.

Проходяживаясь по высоким залам с выставленными образцами и заглядывая в небольшие лаборатории, где полным ходом кипела работа, я впервые задумалась, а зачем Алексу столько узконаправленных сведений о Цинфе? Летательные машины, оружие, научные разработки в области промышленной химии – разве эти данные нужны для заключения мирного соглашения?

Больше похоже на разведку перед боем. От таких мыслей стало не по себе.

– Не хотите взглянуть на образец нового вида огнестрельного оружия?

– Полагаю, от моих желаний тут мало что зависит.

– Верно, – согласился Ито, пряча улыбку. – Но иллюзия выбора помогает смириться с неизбежным.

– Ваше собственное наблюдение? – вяло поинтересовалась я.

– Нет. Кого-то из наших мыслителей.

Я хмыкнула. Ито умел очаровывать и роль джентльмена отыгрывал отлично. Вот и сейчас он указал рукой направление, а затем, чуть склонив голову и заложив руки за спину, пропустил меня вперед.

– Иллюзии – пища слабых, – покопавшись в памяти, выудила я. Не то чтобы стремилась продолжить дискуссию, но молчать тоже не хотелось.

Ито остановился возле лифта, ввел на панели код доступа и нажал одну из кнопок. В ту же секунду двери распахнулись, как пасть голодного зверя. Мы вошли внутрь.

– Экспериментальная лаборатория. Бункер, – скомандовал Ито. Видимо, лифт был оснащен функцией голосового управления. Интересно, меня эта система слушается или она запрограммирована на конкретных людей? – А чем же питаются сильные?

Я с задумчивостью оценила изящный профиль Ито. В нем не было ничего общего с хищной внешностью Алекса, но почему-то именно сейчас он напомнил мне его. Что-то знакомое мелькнуло в интонации и мимике.

Я тряхнула головой и весьма кстати припомнила слова братца на этот счет.

– Сильные питаются слабыми. Съедают их со всеми потрохами и иллюзиями.

– То есть сильные вынуждены питаться чужими иллюзиями, в то время как слабые имеют право на собственные?

Я замерла, удивленная таким неожиданным выводом.

– Возможно, – поколебавшись, ответила я.

Лифт бесшумно замер, дверцы разъехались в стороны, выпуская нас на свободу.

– Здесь есть что-то типа тира. Предлагаю испытать новинку там.

Я передернула плечами. Было не по себе, но я старалась не подавать вида.

Небольшая комнатка с мишенями в дальнем углу действительно напоминала тир. Какой-то молодой мужчина копошился за единственным столом с разложенными на нем мелкими деталями, но, заметив нас, тут же вышел за дверь, не забыв отвесить низкий почтительный поклон.

Ито не ответил на приветствие. Покосился на незнакомца с тем равнодушием, с которым сытый хищник лениво игнорирует присутствие жертвы, а затем шагнул к небольшой нише в стене. Набрал на панели код доступа и открыл сейф.

– Предпочтете смотреть или действовать?

Вид Ито с оружием в руках заставил быстро принять решение:

– Действовать!

Я была не настолько уверена в адекватности Ито, чтобы предоставить ему возможность стрелять в моем присутствии.

Ито одобительно улыбнулся:

– Так и думал.

Мне в руку лег бластер. Небольшой, легкий и как будто игрушечный. Я несмело обхватила его и поставила палец на курок. Моих знаний хватало, чтобы догадаться, где у такого оружия курок (спасибо Алексу!).

– Не волнуйтесь. – Ито отошел назад и теперь стоял за моей спиной. – Он заряжен. Просто наведите на мишень и выстрелите. Ах да. Вот это пригодится нам обоим.

Голову обхватили мягкие наушники. Я не стала оборачиваться, знала, что выгляжу бледной и испуганной. Подняла бластер, прицелилась и спустила курок.

Последующий за этим взрыв напугал, оглушил и откинул прямиком в объятия Ито.

– Впечатляет, – пробормотала я, рассматривая огромную дыру в стене на месте мишени.

– Да, это оружие способно изменить мир. Или его часть, – подтвердил Ито и любезно убрал руки с моих плеч. – Надеюсь, вы проинформируете об этом своего брата?

– Разумеется.

Ноги сделались ватными, ладони подрагивали, мыслями я все еще была в тире, когда мы не спеша поднимались наверх. Несмотря на это, я сумела взять себя в руки и сказать то, о чем хотела поговорить изначально:

– Мне не понравился ваш поступок с файонами.

Ито чуть приподнял брови.

– Считаете его нецелесообразным?

– Неприемлемым.

– Напомню, что в случае, если большинство цинфийцев будет уверено, что я ухаживаю за вами, мы сможем беспрепятственно находиться в обществе друг друга.

Хороший аргумент. Шах и мат. Только вот у меня был предел, была та черта, дальше которой я никогда не заходила, чтобы не сломать себя. Алекс познакомился с этой стороной моего характера, когда я сбежала с выбранной им работы. Ито предстоит узнать ее сейчас.

– И все же... – Я посмотрела прямо в глаза Ито и поджала губы. Голос звучал тихо, но бескомпромиссно. – Если вы позволите себе еще одну подобную выходку... Хоть один маленький намек...

Продолжать не потребовалось. Ито церемонно склонил голову и негромко проговорил:

– Как пожелаете, Майя. Но на вашем месте я был бы более дальновидным.

– Вы не на моем месте.

– И все же подумайте над моими словами. Возможно, нас ждет долгое сотрудничество. Ни к чему создавать лишние проблемы.

Это не прозвучало как угроза, но по спине все равно забегали мурашки. Ито вел собственную партию, и его абсолютно не волновало мое нежелание принимать в ней участие. Мне уже написали роль и теперь заставляли следовать ей.

– Я подумаю.

– Подумайте. – Ито остановился уже перед самыми дверьми, ведущими на стоянку, и улыбнулся так, что на щеках появились очаровательные ямочки. – Вы мне нравитесь, Майя. По-настоящему нравитесь, и я уверен, что мы придем к обоюдному согласию.

Я сглотнула, спрятала мокрые ладони в длинных рукавах свитера и, не опуская головы, прошла в приоткрытые двери. Спину мне жег внимательный и, как казалось, ироничный взгляд Ито.

В машине я обессиленно прислонилась лбом к стеклу окна. К счастью, на сегодня встреч больше не было, и я попросила Айю отвезти меня в отель.

Я чувствовала себя мышью, глупой, но смелой мышью, дразнящей кота. Пока что кот миролюбиво настроен к непочтительному грызуну, но надолго ли?

Впервые я встретила человека, который казался мне равным игроком для Алекса. Это пугало. Меньше всего я хотела стать разменной пешкой на доске двух сильных противников.

Глава 8

– Госпожа Майя Данишевская, какие у вас планы на завтра?

Если бы я могла самостоятельно отвечать на такие вопросы, я бы протянула: «Спа-а-ать!» – и рухнула бы на пол, свернувшись калачиком. Эта рабочая неделя настолько измотала, что вчера я уснула по дороге на интервью для одного из центральных телеканалов. Айю оказалась права: ажиотаж, поднявшийся вокруг фильма, набирал обороты. Пресса постоянно требовала новых подробностей, намеков, обещаний. Игибо Майс не мог надолго покинуть съемочную площадку (без него бы тут все встало), поэтому решил отдать на «съедение» журналистам меня.

Приходилось посещать различные мероприятия, ток-шоу (глупые и очень глупые), давать многочисленные интервью и сыпать остроумными комментариями на банальные реплики – словом, играть роль выставочного образца в роскошном магазине. Я чувствовала себя загнанным в угол зайцем, на которого наставили фоторужье и потребовали изобразить лису. Я старалась, очень старалась, но лицо горело от желания содрать маску и хотя бы ненадолго побыть собой.

Все бы отдала за один-единственный выходной день...

– У госпожи Майи Данишевской свободное воскресенье.

Ушам своим не поверила. Посмотрела на Айю (вдруг шутит?), затем на Игибо Майса и мечтательно улыбнулась. Я уже в красках представила, как буду нежиться в постели до обеда, когда последующий диалог заставил насторожиться. Если бы я действительно сжимала в руках подушку, как это виделось сейчас в мечтах, то обреченно уронила бы ее на пол.

– Отлично, тогда...

– Корпоратив?

– Вы, как всегда, догадливы.

– Благодарю. Конечно, госпожа Майя Данишевская его не пропустит. Начало?

– В девять утра. Не опаздывайте. Адрес скину позже на наладонник.

Игибо Майс деловито удалился, а я с подозрением глянула на Айю и стала ждать объяснений. Та поерзала от такого пристального внимания и начала методично излагать:

– Завтра в честь окончания первой рабочей недели съемок состоится корпоратив. Это традиционное мероприятие, призванное сплотить коллектив, – проговорила Айю и, уловив мой скептический настрой, добавила: – Это действительно традиция, ее нельзя игнорировать.

– И чем же мы будем там заниматься? – Я уже поняла, что отказаться от сомнительной чести не удастся, а потому голос звучал кисло.

– Есть, пить, участвовать в различных играх...

Так себе психологический тренинг.

– Совместная трапеза призвана продемонстрировать, что на время работы все члены съемочной группы становятся семьей. В день корпоратива общение происходит исключительно на неофициальном языке, невзирая на положение и статус.

Это все, конечно, интересно, но... Вряд ли оно стоит того, чтобы тащиться в какую-то даль в девять утра. В девять утра?!

– Айю, а мероприятие начинается вечером? – Надежда умирает последней. Перспектива появления слуховых галлюцинаций сейчас казалась приемлемой платой за возможность вдоволь поспать.

– Ну что вы! Ведь это мероприятие на целый день!

– Целый день...

– Конечно! Это же традиция. Да и разве можно сплотиться за меньшее время? А у вас не бывает таких мероприятий?

Я мрачно передернула плечами, что можно было трактовать как угодно. У эрийцев подобных ритуалов я не замечала, либо же они проводились подальше от глаз землян. У своих соотечественников, поглощенных борьбой за выживание, – тем более.

Я сама была в большей степени одиночкой, чем командным игроком, а потому мысль о каком-то там

психологическом единстве коллектива казалась смешной. Наверняка это будет скучное, протокольное мероприятие с фальшивыми улыбками и тщательно скрываемым напряжением. Будь у меня выбор, я бы осталась дома, но выбирать не приходилось.

К обозначенному времени мы с Айю прибыли на турбазу, где студия арендовала несколько коттеджей. Место находилось недалеко от заповедника, и наличие природы и чистого воздуха немного примирило с необходимостью изображать энтузиазм.

Стоявшие полукругом деревянные коттеджи образовывали площадку, где на покрытой зеленой травой земле растянулся длинный стол со скамейками по обе стороны. Размер стола поражал и успокаивал одновременно: до этого момента я сомневалась, что вся съемочная группа в количестве почти пятидесяти человек сможет пообедать вместе.

Я зацепилась за вьющийся кустарник, который оплетал стены коттеджей, и резко дернула рукав, едва не оторвав от рубашки изрядный кусок материи. Отошла подальше, на всякий случай сунула руки в карманы джинсов и покрутила головой. Чуть дальше виднелись танцевальная площадка и открытый бассейн, затем – еще одна лужайка с... Не пойму с чем. Больше всего эти строения походили на полосу препятствий, но зачем она здесь?

Я хотела спросить Айю, но не успела: звонкий голос Игибо Майса, как перезвон колокола, разнесся по территории коттеджей и вызвал страшное оживление:

– Завтрак! Все за стол!

Я, поддавшись стадному чувству, тоже поспешила занять свое место: справа от Игибо Майса. Справа от меня расположилась Айю, а напротив – Дайс.

Народ, радостно переговариваясь, передавал друг другу закуски и накладывал угощение. Царила атмосфера какого-то семейного обеда, и, соглашаясь или отказываясь от лакомых кусочков, заботливо подкладываяемых мне на тарелку, я расслабилась и начала улыбаться вполне искренне. Да, цинфийская еда не стала вкуснее от улыбок, но почему-то глотать ее стало намного приятнее.

В какой-то момент поймала задумчивый взгляд Дайса и не отвела глаз. Тоже посмотрела на него, прямо и открыто, и тот, хмыкнув, кивнул и отвернулся. Мол, намек понят.

Игибо Майс поднялся, и стук столовых приборов по тарелкам мгновенно прекратился.

– Позвольте поздравить вас, – тут он рассмеялся и исправился: – То есть всех нас с окончанием первой недели работы! Да, мы столкнулись с многочисленными сложностями, которые оказались первыми и, без сомнений, не станут единственными. – От такого «оптимистичного» настроения я поперхнулась закуской. – Тем не менее мы справились с первыми проблемами, а значит, преодолеем и последующие. Надеюсь, все успели утолить голод? Нас ждет игра в «варваров»!

По лужайке прокатилось раскатистое одобрение. Айю, не справившись с эмоциями, радостно взвизгнула и тут же стыдливо покраснела, прикрыв рот рукой, а я озадаченно потерла ухо. Что привело ее в такой восторг? Надеюсь, это не что-то вроде забега в мешках? Представила красного от натуги Игибо Майса в сером холщовом мешке до колен и спрятала улыбку. Вряд ли цинфийцам придет в голову издеваться над режиссером (считай – начальником), пусть даже и на таком неофициальном мероприятии, как сегодня.

Интуиция не подвела. Упомянутая игра, носившая многообещающее название, напоминала пейнтбол, в свое время весьма распространенный на Земле. Помнится, Алекс с отцом частенько устраивали такие «бои». Говорили, что помимо ловкости пейнтбол развивает стратегическое мышление. Ребенком меня часто брали на площадку – поглазеть, не поучаствовать, – поэтому правила игры я знала.

Отличий почти не было. Разве что защитные костюмы посерьезнее, маски, закрывающие не только глаза, но и все лицо – во избежание ненужных инцидентов, да вместо пистолетов с краской – внушительные то ли ружья, то ли винтовки, стреляющие парализующими снарядами.

Последний нюанс напугал, и я попыталась увильнуть от чести участвовать в этой бойне. Не прокатило. Заверили, что снаряды абсолютно безопасны (парализующие-то!) и действие их кратковременно, не более пятнадцати минут, поэтому для волнений нет ни малейшего повода.

– Эти игрушечные пули, как укус насекомого, совершенно безболезненны. Зато сколько драйва от них! Сразу забудешь про свои связки, или что ты там, говоришь, потянула?

Я удержалась от мрачных комментариев и отошла от Игибо Майса. Сегодня он, как и все, обращался ко мне неофициально, то есть по имени и на ты, и я была бы рада, если бы новизна впечатлений этим и ограничивалась.

– Ну что вы, это же так весело! – убеждала Айю, таща меня в сторону склада, где хранилось все необходимое вооружение. Она, в отличие от остальных, не изменила своего стиля разговора, и я не решалась спросить почему. – К тому же мы будем играть за одну команду! Разве не здорово? Вы не хотите стать капитаном?

Айю продолжала сыпать вопросами, а я, натягивая экипировку, поддакивала на автопилоте: да, здорово; нет, не хочу; да, никогда не играла.

Я никак не могла отделаться от тягостного чувства неизбежной беды. Я не любила оружие, но пользоваться им умела. Алекс называл меня пацифисткой, и я не знаю, была ли я ею в полной мере, но в одном была уверена: бегать и стрелять в знакомых и не очень знакомых людей не хочу. Возможно, во мне говорили суеверия, но, как говорится: не кликай, и не сбудется. Зачем играть в «войнушку»? Все равно что ради потехи бить в ритуальные барабаны во время засухи.

Мы разбились на две равные группы и кинули жребий, определяющий лидера. В команде синих капитаном отряда стал Игибо Майс, у красных (у нашей с Айю команды) – Дайс. Мужчины скупно поклонились и пожелали друг другу удачи, а я подумала, что лучше уж сама подставляюсь под пулю, чем буду участвовать в этом фарсе.

Целью игры было поднятие флага, к которому вела длинная полоса препятствий. На открытой местности с многочисленными укрытиями из насыпей с песком и небольших изгородей такая задача требовала не только везения, но и жертв, а потому существовала оговорка, что, если флаг так и не поднимут, игра будет идти до «победного», то есть до последнего «выжившего» бойца. Кажется, никого не смущало, что при таком раскладе пробегать мы можем и до вечера. Цинфийцы лучились таким азартом, что я невольно почувствовала себя человеком, спутавшим даты и с опозданием ворвавшимся на чужой спектакль – неловко и досадно.

– Мы разобьемся на небольшие группы. – Голос Дайса звучал приглушенно, и приходилось вслушиваться, чтобы понять, о чем он говорит. Небольшое крытое сооружение с щелями в бревенчатых стенах напоминало мне сарай и не вызвало должных ассоциаций со штабом, каким являлось по условиям игры. – Зная Игибо, могу утверждать, что он непременно захочет прорваться к флагу. Мы же не будем рисковать. Медленно, одного за другим, уберем противника. Вопросы?

В левой руке Дайс сжимал защитную маску, правой придерживал перевязь с винтовкой. Он стоял в центре, вокруг него полукругом сбилась команда, и я подумала, что к довершению образа не хватает только старого колченогого стола с разложенной на нем потрепанной картой сражения.

Высокий, статный, в облегающем защитном костюме черного цвета, Дайс выглядел как герой какого-нибудь боевика. Несмотря на ироничные мысли, я не могла не признать: этот образ гармонично сплетался с его внешностью. Казалось, он родился, чтобы стать военным.

Или играть его роль, поправила я себя.

Раздался сигнал, символизирующий начало игры. Штаб мгновенно опустел.

Айю гибкой рысью кралась от убежища к убежищу, и я старалась не отставать, дивясь дерзости, проснувшейся в спутнице. Она смело выныривала из-за углов и, пользуясь своим небольшим весом, легко уворачивалась от вражеских атак. Я бы не удивилась, если бы Айю прочертила две красные горизонтальные полосы на своих щеках. Возможно, не будь на ней защитной маски, она бы так и поступила.

Какое-то время терпение и здравый смысл заставляли не отбиваться от коллектива, и я послушно держалась рядом с Айю. Конечно, ее ловкостью я не владела, но все же безнадежной меня тоже нельзя было назвать. Я ни в кого не стреляла, но вполне сносно уходила от чужих пуль. Вот только солнце палило все ярче, в защитном костюме становилось все жарче, все сильнее хотелось стянуть маску и почесать лицо, и я поняла, что с меня хватит. Пора заканчивать эту игру.

Я завертела головой, выискивая возможную цель для атаки. Из-за невысокой деревянной изгороди испуганно высунулась Айсан и, заметив меня, тут же нырнула обратно.

Отлично. Хороший вариант.

Ломануться навстречу опасности – глупый, бессмысленный поступок, в котором даже последние альтруисты не усмотрели бы ничего безрассудно-возвышенного, но я знала, что делала.

Айсан несколько секунд медлила; я подбегала все ближе, и она, отбросив осторожность, выскочила мне наперерез. Я видела винтовку, смотрящую мне в грудь, и ждала выстрела. Помня о безвредности снаряда, я не могла отделаться от чувства, будто огромные глаза Айсан с расширенными от паники зрачками – это последнее, что я увижу в этой жизни. Как же смешно...

Стоило огромного труда не свернуть с траектории, не вильнуть в укрытие. Инстинкт буквально

кричал о том, что я – идиотка. Наверное, в этом уверилась и Айсан: винтовка в ее руках едва заметно дрогнула, а из дула вылетел парализующий снаряд.

Получив ощутимый удар в грудь, я хотела было возмутиться наглому вранью Игибо Майса, уверявшего в безболезненности пуль, но слова застряли в горле, а в глазах застыла темнота. Причина была не в парализующей составляющей снаряда, а в песке, осевшем на маске.

Я лежала лицом в земле и никак не могла сообразить, что же случилось; лишь ощущала непомерную тяжесть на спине, будто камнем придавили. В этот момент меня схватили за руку и с силой дернули куда-то наверх. Я судорожно протерла маску и увидела Дайса. Он тащил меня куда-то, прикрывая собой. Овернувшись, я заметила распластавшуюся по земле Айю, совершенно неподвижную. Маска не могла скрыть решительности, застывшей на ее лице: поджатые губы, нахмуренный лоб – все говорило о каком-то стремительном рывке, о прыжке на подлете.

Я вздрогнула. Догадка пронзила и обожгла стыдом. Айю кинулась спасать меня и сама подставилась, схлопотав обездвиживающий снаряд. Видимо, сбила с ног и вывела тем самым из зоны обстрела. Глупая, смелая девочка...

Я больно приложила макушкой о стену очередной изгороди, где мы спрятались. Стена показалась слишком мягкой, и, задрав подбородок, я поняла, что удар смягчила ладонь Дайса.

– Если задумала выйти из игры, могла сделать это более изящно. – Мне показалось, или в тоне Дайса действительно сквозила досада?

– Например? – огрызнулась я.

– Как угодно. Только не подставляй моих игроков.

Я разозлилась и почти вплотную приблизилась к Дайсу. Наши лица оказались друг напротив друга, мы оба тяжело дышали. Маска невозмутимости слетела с Дайса, и, всматриваясь в его жесткие черты, я поймала себя на мысли, что невольно отступаю под таким напором. Мне это не понравилось.

– Пусть твои игроки не изображают из себя спасителей. Мне помощь не нужна.

Боковым зрением я заметила движение возле ближайшей к нам насыпи и, прежде чем успела подумать, подскочила на ноги, выстрелила, почти не целясь, и снова присела на корточки, скрываясь от возможного ответа, но его не последовало. Ассистент режиссера рухнул навзничь, винтовка, нацеленная в нашу с Дайсом сторону, выпала из его рук. Что-то мне подсказывало: жертвой должна была стать не я.

Дайс перевел оценивающий взгляд с ассистента на меня, хмыкнул и согласился:

– Да, вижу, помощь тебе и правда не нужна.

– Спасибо не скажешь?

– Скажу. А еще предупрежу, что тебе нельзя так рано выходить из игры. Наверное, ты не понимаешь, но такое фиаско вызовет скрытые насмешки. Тебе, как одному из руководителей съемочного процесса, они ни к чему. Хорошо, если подколки не примут обобщающий характер. Ты же не хочешь, чтобы всех землян считали неудачниками и трусами?

Я молча смотрела на Дайса. В его словах была логика. Мне даже в голову не пришло подумать о происходящем с этой стороны. Алекс был бы разочарован, проколись я на столь незначительном инциденте.

– Как же мне все это надоело... – пробормотала я под нос, но Дайс услышал.

– Знаю. Потерпи еще пару часов, а затем смело подставляйся.

– Сколько?! – У меня даже дыхание перехватило.

– Это долгая игра. – Дайс сочувственно улыбнулся. – Держись рядом, я скажу, когда можно будет действовать.

Спокойная уверенность Дайса обескураживала, и я кивнула. Почему-то с ним хотелось соглашаться, и я не могла понять, что являлось тому причиной: было в нем что-то, вызывающее доверие.

– Видишь вон тот поваленный забор слева? Беги, я прикрою.

Дайс ободряюще сжал мое плечо, а затем, высунувшись наружу и проверив угол обзора, дал отмашку. Уже на полпути к цели я поняла, почему не нахожу сил с ним спорить: в его словах и

поступках неизменно сквозила забота. Это обезоруживало.

Два часа пролетели незаметно. У меня словно открылось второе дыхание: я двигалась перебежками, ползала по-пластунски, ныряла в укрытия и стреляла в «неприятеля», если не видела другого выхода. При этом я все время держала в поле видимости Дайса, старалась не отходить далеко от него – так было спокойнее. Пару раз я мельком замечала, что он «снимал» целящихся в меня снайперов, и мысленно благодарила за помощь.

Наблюдая за ним, я не могла не отметить, как он толково и непринужденно координирует группу, как легко меняет тактику и лаконично раздает приказы. Наверное, только благодаря его стратегии ведения боя мы получили численный перевес. Его широкая спина мелькала то тут, то там, и я только удивлялась скорости, с которой он перемещался по площадке.

Я стояла за импровизированным холмом из мешков с песком и сквозь небольшую брешь пыталась оценить обстановку, когда метнувшаяся тень заставила резко обернуться и обхватить винтовку крепче.

– Напугал! – Пальцы подрагивали, поэтому я поторопилась убрать их с курка.

Дайс пожал плечами.

– Думал, ты меня увидишь. Я не особо скрывался.

– Извини, опыта в таких играх у меня поменьше твоего, – хотела съязвить, но не получилось. Слишком устала.

– Знаю. Ты молодец, отлично держишься.

Я недоверчиво покосилась на Дайса. Это что, похвала?

Мои действия никогда прежде не одобряли так открыто, с ноткой гордости, и теперь я была сбита с толку. Видимо, Дайс почувствовал мою растерянность и сменил тему. Он шагнул ближе, обогнул меня и наклонился, всматриваясь в узкую щель между мешками.

– Думаю, тебе уже можно претворить свой план в жизнь. Играть осталось часа три, не больше.

Дайс распрямился, и я, чуть склонив голову, встретила с ним глазами.

– Мы победим?

– Я в этом уверен. Весь вопрос в том, с каким счетом.

Я нахмурилась, но не успела ничего спросить.

– Чем больше игроков останется «в живых», тем разгромнее будет счет.

– Понятно, – протянула я и тоже приблизилась к своеобразному «глазку» в стене. Яркий свет бил в щель, и в лучах солнца можно было рассмотреть мельчайшие пылинки, кружившие в воздухе.

Решение зрело в голове и так же нерешительно кружило, как эти белые частички, видимые лишь на просвете.

– Три часа – долгий срок, – неопределенно заметила я. – Тем более на такой жаре.

– У тебя есть предложение? – Дайс выглядел удивленным и заинтересованным. Забавное сочетание эмоций.

– Почему бы не попробовать прорваться к флагу? Численный перевес на нашей стороне. Разве ты не хочешь быстрой победы?

– Я думал, ты стремишься выйти из игры.

Я замялась. Признаться в том, что вошла во вкус, было как-то неловко, поэтому я прибегла к небольшой лжи:

– Сделаю это с наибольшим пафосом.

Дайс посмотрел на меня искоса, словно оценивая мою откровенность по шкале от нуля до десяти. Затем едва слышно хмыкнул и серьезно поинтересовался:

– И какие у тебя идеи?

– Видишь оборонительную башню слева от насыпи, где врыт столб с флагом? – Я подошла вплотную

к Дайсу и указывала направление. Тот внимательно проследил взглядом за моей рукой, вернулся к лицу, задержался на нем, а затем снова взгляделся в даль.

– Да.

– На крыше есть бойница, там виднеется трос. Если хорошенько ухватишься и пролетишь на нем, как на тарзанке, то упадешь как раз на насыпь. Пара секунд, и флаг будет поднят.

– Неплохой план, – одобрил Дайс, – но есть одно «но»: бойница слишком узка, в нее пролезет разве что худенькая девушка, а таких в нашей команде уже не осталось.

От возмущения я едва не навернулась на ровном месте. Хорошо, что Дайс вовремя подхватил за локоть.

– То есть я в качестве девушки уже не котируюсь? Или ты думаешь, я застряну на полпути?

Женская логика проснулась моментально, и я даже не знала, на что обидеться сильнее: на то, что меня не причислили к женскому полу в принципе или на то, что посчитали слишком толстой для такой сложной миссии.

– Ну, если прежний план с торжественным самоубийством забыт, то теоретически можно рассмотреть твою кандидатуру.

Дайс говорил вдумчиво, немного прищурившись, и я поняла, что меня поддразнивают, лишь заметив, как он кусает губы, сдерживая смех. Неожиданно я расслабилась, ситуация стала напоминать те далекие времена, когда на Земле я играла с мальчишками во дворе. Те тоже вечно подкалывали, словно проверяли на прочность. При этом в случае набега «чужаков» всегда защищали меня до последнего.

Ностальгия теплой волной прокатилась по душе и мурашками пробежала по спине.

– Резюме прислать? – с показной кротостью поинтересовалась я.

Мы оба фыркнули, а затем посерьезнели и вернулись к теме разговора.

– Можно попробовать, – решил Дайс. – Только одной тебе не пройти полосу препятствий, я пойду с тобой. Остальные нас прикроют. Как только Игибо поймет, на что мы нацелились, палить по нам начнут, как по птицам в период летней охоты.

Я вздрогнула. Быть подстреленной не хотелось категорически. Не верю, что это настолько безболезненно, как говорят.

– Подожди здесь. Хотя нет, лучше вон за тем забором, здесь мы и так слишком долго стоим – уже привлекли внимание. Я сейчас скоординирую ребят и вернусь за тобой.

– Договорились.

Я перебежками добралась до указанной цели и не успела даже толком отдышаться, когда рядом возник Дайс. Он опустился на землю, одну коленку подтянул к себе и, сжимая винтовку, облокотился на нее, готовый к атаке, а вторую ногу вытянул. Я посмотрела исподлобья и тут же отвела глаза: только сейчас заметила, какие у него длинные мускулистые ноги.

– План такой: пробежимся по наклонному бревну (как у тебя с вестибулярным аппаратом?), затем преодолеем болотные кочки (видишь те пеньки на лужайке? По ним нужно проскакать и не сорваться), а затем быстро пересечем ров с водой по вращающемуся мосту. Вопросы?

Вопрос был только один: как все это сделать?! С запозданием пришло осознание всей сложности задачи. Лучше поздно, чем никогда!

– Готова?

Я нервно проверила оружие и медленно кивнула.

– Тогда раз, два, три-и-и!

Мы сорвались с места. Я бежала впереди, за мной – Дайс. Позже я поняла, что он таким образом прикрывал мне спину, но тогда я просто летела сломя голову и ни о чем не думала. Было страшно. Никогда в жизни мне еще не было так страшно. А вместе с тем в крови уже закипел адреналин и азарт набатом забил в виски. И чем сильнее стучало сердце, тем свободнее становилось на душе. Все в жизни сжалось до одной-единственной цели: победить. Это и есть воспетое в балладах вдохновение битвы?

По длинным наклонным бревнам, перекинутым через небольшие углубления, мы пронеслись так, что я даже не заметила их. На кочках стало посложнее – наш маневр не остался незамеченным, и теперь в нас целились с особым старанием. Один раз я потеряла равновесие, замахала руками и едва не соскользнула вниз, но вовремя поймала ладонь Дайса и удержалась.

Очередная пуля просвистела слишком близко и лишь чудом не задела меня, но прошла насквозь и пробила дырку в защитном костюме. Произошло все так стремительно, что испугаться я не успела.

Осознала случившееся, лишь привалившись спиной к очередной деревянной изгороди – последнему укрытию перед финишной прямой, но и тогда на метания мне не оставили времени.

– У тебя есть парень?

– Что-о-о?!

Дайс на мгновение стянул маску с лица, вытер пот, струящийся со лба, и пояснил:

– Ты не пройдешь ров самостоятельно – слишком плохо держишь равновесие, а мост будет вращаться под ногами, выбирая самые неустойчивые положения. Я возьму тебя на руки. Ты не против? Парень не будет ревновать?

Сейчас выстрелы, крики и возвышающаяся перед нами башня казались намного реальнее всего того мира, что остался за чертой игры. Я уже не просто вжилась в роль, я действительно сражалась, а потому при мысли о том, что в такой ответственный момент Дайс может думать о каких-то мелочах, из горла вырвался смех, больше похожий на хрип:

– Нашел о чем беспокоиться! Нет у меня парня.

– Объятия в игре не считаются чем-то предосудительным, – зачем-то уточнил он, причем, как мне показалось, больше для себя, и подхватил меня на руки. Его пальцы легли на спину и обожгли, притом что ладони у него были холодные. Я обвила руками его шею.

– Я тяжелая.

– Неправда.

Странный, неуместный обмен репликами, это все, о чем я подумала, а дальше как будто туман опустился на сознание. Я словно зачарованная не могла отвести взгляд от лица Дайса, бежавшего так, словно я и правда ничего не весила. Балансируя, стараясь устоять на вращающейся платформе, он ни разу не выругался и не отпустил меня. Пули свистели рядом, но все мимо – страшное везение, которое должно было рано или поздно закончиться. Так и случилось.

Мост обрывался в двух шагах от дверей башни, и, когда Дайс спрыгнул с него на землю, я не сразу поняла, что произошло. Дайс внезапно дернулся, а затем начал падать, успев перед этим подтолкнуть меня в спину. Я рывком влетела в дверной проем и уже изнутри увидела, как мой спутник рухнул, полностью обездвиженный.

Зажала рот рукой, напомнила себе, что это лишь игра, и стремглав понеслась вверх по узкой лестнице, спиралью взбирающейся куда-то на чердак. Высокие ступени надсадно скрипели, но я не обращала на них никакого внимания. Бежала так, будто меня хватали за пятки. В голове билась одна мысль: «Победить, обязательно победить! Иначе мучения Дайса будут напрасны».

Оказавшись у бойницы, высунулась в узкое отверстие и тут же спряталась обратно – в миллиметре от защитной маски промелькнула метко выпущенная кем-то пуля. Выругалась, нашла глазами привязанный к крыше канат, дернула на себя, покрепче обхватила руками, ногтями впившись в жесткие толстые волокна, и, оттолкнувшись от пола, полетела вниз, пока не передумала.

С тарзанки я прыгала лишь однажды, так что опыта в таких делах у меня не было, но, видимо, Фортуна благосклонно относится к смельчакам. Или к идиотам, эти понятия часто являлись синонимами.

Я с громким криком пронзила воздух ногами и слишком поздно разжала непослушные пальцы; лишь чудом не наткнувшись на столб, свалилась так близко к нему, что потребовалось только протянуть руку и изо всех сил дернуть за рычажок – ярко-желтый флаг испуганной птицей устремился ввысь и затрепетал на ветру, возвещая о нашей победе.

Я не смогла разжать губ и издать торжествующий вопль: в лопатку будто впился изголодавшийся по крови комар, а затем все тело одеревенело. Небо упало, и мне понадобилась пара секунд, чтобы догадаться: небо вместе с солнцем на месте, а вот я лежу на земле и даже глаз прикрыть не могу – полная неподвижность, как и обещал Игибо Майс.

Желтый флаг на столбе гордо развевался над насыпью, и это единственное доступное мне зрелище напомнило, что все страдания были не напрасны. И мои, и Дайса.

Глава 9

– Вы такая храбрая! Я болела за вас! Кстати, а почему вы тогда кинулись навстречу Айсан Моно? Такое поспешное решение...

– Не помню уже, – пробормотала я, отчаянно краснея.

После игры было объявлено личное время, и большинство, включая и нас с Айю, поспешили принять душ и переодеться к ужину.

– И все-таки ты волшебница. – Мой комплимент, сделанный отчасти искренне, отчасти чтобы сменить тему, попал в цель.

Айю зарделась и тактично перевела стрелки:

– С вами одно удовольствие работать. Ничего не нужно выдумывать, лишь немного расставить акценты.

Я с любопытством изучала отражение в зеркале. Джинсы и рубашка полетели в мусорку, как вещи, не подлежащие реанимации. Их сменило фиалковое платье в пол с открытыми плечами и скромным декольте. В распущенных и уложенных волнами волосах – тонкая лента со сверкающими камнями, в руках – декоративная сумочка, настолько маленькая, что даже наладонник в нее бы не влез, на ногах – удобная обувь на плоской подошве, все равно под длинным подолом ничего не видно. Я подхватила накидку и посмотрела на Айю.

– Идем?

Та провела рукой по пышной юбке-колоколу, доходящей до колен, недовольно покосилась на черный обтягивающий топ, соблазнительно очерчивающий небольшую грудь, торопливо нацепила парочку браслетов, поправила прическу с вплетенными в нее жемчужинами и накинула себе на плечи легкое укороченное манто, в чей белоснежный мех хотелось зарыться пальцами. Вид у моей спутницы был светский и в то же время невинный.

– Вечера у нас холодные, – смутившись, пояснила Айю, заметив мой интерес.

– Новое? – понимающе уточнила я, пряча улыбку.

– Да, – честно призналась она. – Красивое, да?

– Очень. Тебе безумно идет.

Никогда не привыкну к тому, с какой радостью Айю принимает комплименты. Неужели в семье ей их не делают?

На улице сгустились сумерки. Народ разбился на небольшие компании и засел в многочисленных беседках, натканных по всему периметру территории. Мы прошли мимо бассейна, подсвеченного изнутри лампами, пересекли полупустую танцевальную площадку, где неуверенно топтались несколько человек. Насколько я поняла, танцы не то чтобы считались слишком интимным занятием, но все же вызвали многочисленные пересуды. Парные танцы лишь набирали популярность и до сих пор считались чем-то смелым и откровенным.

Мы наугад свернули в одну из крытых беседок и не промахнулись с выбором.

В центре длинного стола, по традиции уставленного едой, сидел Игибо Майс. При виде нас он расцвел:

– А вот и та, кто буквально выгрыз у меня победу в сегодняшней битве. Такой девушке не стыдно проиграть, что скажете?

Присутствующие согласно зашумели, что, мол, абсолютно не стыдно, даже почетно. Я заметила Дайса, прислонившегося спиной к одному из углов, и почему-то зарделась, вспомнив его пальцы на своей спине. Глупость какая...

Айю быстро перевела суть реплик, протараторила за меня какой-то ироничный ответ, и под добродушные смешки мы присоединились к компании.

– Во что играете? – Айю лучилась интересом, а я едва не вздохнула – снова игра. Надеюсь, хоть в этот раз без винтовок и пуль.

– В «как думаете – кто?». Объясни Майе правила, и начнем новый круг.

– Это очень простое развлечение. – Жаркий шепот зашекотал ухо, и я с трудом не рассмеялась, настолько мне импонировал энтузиазм Айю. – Кто-нибудь задает вопрос, касающийся личных дел, остальные указывают пальцем на того, на кого, как им кажется, намекает говоривший.

– Как-то сложно звучит...

– На самом деле все просто. Сейчас сами поймете. Смотрите.

– Я начну, – дождавшись окончания перешептываний, сказал Игибо Майс и, поправив изумрудный шарф, хитро улыбнулся: – Как думаете, кто по приезде домой получит свежий семейный скандал и чашу с марри на голову?

Я озадаченно наблюдала за тем, как большинство уверенно ткнули указательным пальцем в тщедушного осветителя с ранними залысинами на висках. Поколебалась и последовала общему примеру.

– Неправда! – возопил тот. – Моя Миа – домашняя кошечка, ни разу не выпустившая когти. У нас в семье... – Словно в насмешку, наладонник громко завибрировал, и мужчина, глянув на дисплей, побледнел.

– Кошечка уже точит коготки?

Я не помнила имени остряка, но тоже хмыкнула: получилось действительно забавно.

Несчастный обманщик махнул рукой, потянулся к стопке с полупрозрачной жидкостью и опрокинул ее в себя. У него тут же выступили слезы, из чего я сделала вывод, что если светлая жидкость и вода, то, очевидно, живительная.

– Айю, – тихо позвала я. – А пить обязательно?

– Конечно. В этом же весь смысл!

– И неважно, правдиво утверждение или нет?

– Не имеет значения. Главное, большинство согласилось с тем, что оно правдиво.

В этих умозаключениях снова прослеживалась злополучная цинфийская логика, которую я никак не могла понять, поэтому уточнять ничего не стала – просто приняла правила игры.

– Хорошо, – проштрафившийся мужчина вытер губы и взял инициативу в свои руки. – Кто, по-вашему, крутит тайный роман?

В этот раз мнения разделились. Большинство с укоризной указали на молоденького актера, играющего второстепенную роль. Кажется, парнишку звали Рио Мансо.

– Ложь! – возмутился тот. – У меня даже девушки нет, спросите у любого!

Но стопку он послушно опустошил.

С каждым ходом вопросы становились все более откровенными и, на мой вкус, неуместными, но, судя по оживлению, народу подобное развлечение было по душе. Шел уже не первый круг, почти все уже успели опрокинуть рюмку-другую, когда источающий сарказм вопрос заставил насторожиться.

– Как думаете, кто больше остальных жалеет об упущенных возможностях? – Молоденькая девчушка, которой, кажется, только вчера исполнилось восемнадцать, задрала нос и требовательно взирала на остальных. Едва ли в ней говорил дурной нрав, скорее – выпитые горячительные напитки.

И впервые за несколько раундов мнение игравших снова совпало: все присутствующие единогласно указали на Дайса. Я же сложила руки на коленях и безмолвно наблюдала за происходящим.

– Глупости, – равнодушно бросил он и, не оправдываясь больше, залпом выпил стопку с алкоголем.

Зрители разочарованно взвыли – так бесстрастно реагировать на обвинения было не в чести, но Дайс улыбнулся и умело перенаправил внимание толпы: – Как думаете, кто стал героем сегодняшней битвы?

Я, не раздумывая, указала на него и с удивлением увидела, как в мою грудь уперлись десятки указательных пальцев.

– Неправда, – пробормотала я. – Ничего такого я не сделала...

Я медленно оглядела тесный кружок собравшихся и решила последовать примеру Дайса. Подняла рюмку повыше, отсалютовала ею и на скверном цинфийском призналась:

– Виновна!

Раздался дружный смех и нестройные аплодисменты. Кажется, моя реакция им понравилась. Дело за малым...

Я сделала глубокий вдох и лихо опрокинула отвратительно пахнущую беловатую жидкость. Та обожгла небо и каленым железом пронеслась по пищеводу. Я закашлялась, и кто-то заботливо постучал мне по спине. Вновь послышались смешки, но в подколках чувствовался доброжелательный настрой. Я задала какой-то невинный вопрос, и игра продолжилась.

Выдержала я недолго. От выпитого закружилась голова и стало душно. Сославшись на мигрень, я предупредила Айю, что выйду на минуточку, и выскользнула из беседки.

Сумерки давно сменились ночной темнотой и ободряющей прохладой. Где-то вдалеке перекрикивались птицы и стрекотали кузнечики. На свежем воздухе мысли прояснились, дурнота ушла, но я решила не торопиться с возвращением. Натянув легкую накидку потуже у груди, я закутала в шелковистую ткань запястья и неспешно зашагала к виднеющемуся за зарослями кустарника бассейну. Площадка с ним была подсвечена не только изнутри – над головой растянулась длинная, мигающая разноцветными лампочками гирлянда. Она отбрасывала блики на светло-голубую воду и создавала замысловатые узоры.

Подойдя к самому краю бассейна, я остановилась и задумчиво посмотрела на безмолвную синеву, едва ощутимо пахнущую хлоркой. Может, намочить ноги?

– Скучаешь?

Я испуганно подпрыгнула и обернулась. Рядом со мной стоял малознакомый парень, кажется, кто-то из второстепенного состава. Он тоже участвовал в странной игре «как думаете – кто?», но как я ни старалась, не могла припомнить его имени.

Я покачала головой, надеясь, что этого будет достаточно. Одновременно с этим осторожно отошла от кромки. Мало ли.

– Ты плохо знаешь язык, поэтому, наверное, не поймешь, но... Ты мне нравишься! Очень! И уже давно!

Давно – это пара дней?

Я нахмурилась. Дело принимало неприятный оборот.

– В общем... Вот. Живых я не нашел, а этот сделал своими руками. – Не без гордости парень попытался всучить мне какой-то то ли бумажный, то ли картонный сувенир, в котором я не сразу опознала цветок, наскоро покрашенный красным фломастером.

Так, это мы уже проходили.

Я снова замотала головой, спрятала руки за спину и даже несколько раз сказала: «Нет».

Не помогло.

Видимо, выпитые стопки горячили кровь паренька и нашептывали ему мысли о собственной неотразимости. Возможно, кто-то внушил ему, что настоящие мужчины не знают отказа, – кто его разберет. Но он решил так просто не сдаваться. Подошел вплотную, больно схватил за руку и попытался вложить в ладонь порядком помятый цветок. Я струсила и с силой дернулась, нечаянно толкнув его в грудь. Тот не удержался на ногах и с громких плюхающим звуком улетел в бассейн, подняв кучу брызг.

Я инстинктивно отскочила подальше: то ли побоялась обвинений в случившемся, то ли не захотела намочить платье – мысли в этот момент путались.

– Эйкан, когда женщина говорит «нет» – это значит нет. Ты этого не понял?

За спиной стоял Дайс и, скрестив руки на груди, мрачно смотрел на барахтающегося в воде несостоявшегося Ромео.

– Откуда мне знать, что на самом деле думает землянка! Разве их поймешь?

– По-моему, все было очевидно. И не прикидывайся идиотом. Извинись перед землянкой и молись ринам, чтобы она тебя простила.

Во взгляде паренька прорезалась вся боль не раз отвергнутых неудачников, и я смягчилась. Даже слушать ничего не стала, лишь цокнула языком и направилась к вымощенной камнем дорожке – лучше бы мне поскорее вернуться к компании.

– Эйкан, еще раз увижу тебя рядом с ней...

– Да понял я, понял! Ой! По уху-то за что?

Я хмыкнула и ускорила шаг. Все-таки женщина может здесь рассчитывать на защиту. Приятно...

– Майя, подожди!

Я остановилась как вкопанная. Было что-то завораживающее в том, в какие бархатистые тона окрашивал мое имя звук его голоса.

Повертела головой, убедилась, что мы одни и спросила на цинфийском:

– Да?

– Я хотел извиниться за Эйкана. Глупый парень, но не злой. Он не хотел тебя пугать.

Я задумчиво посмотрела на Дайса. Тот, немного ссутулившись, прятал руки в передние карманы джинсов и смущенно улыбался.

– Боишься, что устрою скандал?

– Нет. – Дайс растерялся. – Просто не хотел, чтобы у тебя остался неприятный осадок от случившегося.

Я прищурилась. Кажется, искренен.

– Все в порядке. Не переживай. Я уже забыла об этом.

– Уверена?

– Да.

Дайс переступил с ноги на ногу, покосился на ночное небо, усыпанное звездами, и неуверенно проговорил:

– Почему-то я чувствую себя виноватым.

Я улыбнулась. Иногда я его не понимала, но с ним было тепло и... уютно.

– Брось! Ты-то тут при чем?

Я отвернулась и вновь зашагала к беседке, но Дайс вынырнул передо мной и заглянул в глаза, двигался он при этом спиной вперед, забавно семеня длинными ногами. Его лицо, лишенное привычной невозмутимости, приобрело мальчишеские черты. Я с запозданием припомнила, что он не намного старше меня. Надо же, часто об этом забываю.

– Давай я исправлю неловкость? Подкорректирую воспоминания?

– Это как? – мгновенно насторожилась я.

– Что бы ты хотела прямо сейчас?

– Сейчас? – Я заколебалась.

Взгляд упал на губы Дайса, и я тряхнула головой, отгоняя невесть откуда взявшиеся мысли.

– Хотела бы сбежать куда-нибудь подальше, – после паузы призналась я.

Дайс задумчиво потер переносицу, а потом кивнул.

– Это можно устроить. Ты видела океан?

– Что?

– Понятно. Возвращайся за Айю, и встретимся на стоянке через пятнадцать минут.

– Но...

Дайс исчез так быстро, что я не успела возразить. Казалось, я только моргнула, а он уже

растворился в темноте.

Несколько мгновений я обескураженно таращилась на опустевшую тропинку, а затем улыбнулась и тряхнула головой. Ну что ж, а почему бы и нет?

Айю все так же сидела в беседке, но за время моего отсутствия успела прочно завоевать мужское внимание. Навскидку я заметила троих парней, вьющихся вокруг нее, словно коты вокруг валерьянки. Айю никого не поощряла, но, судя по полуопущенным ресницам, получала удовольствие от развернувшегося представления. Мне было жаль прерывать завязывающийся флирт, но пришлось. Чувствуя себя последней эгоисткой, я наклонилась к Айю и тихонько позвала:

– Ты мне нужна. Пойдем?

Та мгновенно подобралась, спустила разутые ноги с кресла-качалки и, не глядя, впихнула их в стоявшую рядом обувь. Ничего не объясняя, мы быстро вышли на улицу, но, кажется, до нашего побега дело было разве что троим брошенным на произвол судьбы парням, но и те не задали ни одного вопроса – в спину прилетели только их разочарованные вздохи.

– Куда мы идем? – От волнения Айю едва не порвала манто, которое пыталась натянуть одной рукой, другой она крепко сжимала мою ладонь, будто боялась отпустить. – Что-то случилось?

Я тут же устыдилась: только напугала ее, вытащила, толком ничего не объяснив.

– Нет, все в порядке. Просто... Ты не против небольшой прогулки?

– Прогулки? Куда?

Мы вышли к стоянке. Она находилась на территории туристической базы, а потому, в отличие от подъездных ворот и воздушного пространства, не охранялась. Тщательно заасфальтированный пятачок окаймляли лишь высокие фонари и аккуратный бордюр с небольшими клумбами.

На звездном небе взошла полная луна, и в ее отблесках я увидела Дайса, стоявшего возле одной из машин. Передняя дверца была распахнута, из салона доносилась негромкая мягкая музыка, странным образом гармонирующая с неярким светом фонарей и темной зеленью редких кустарников.

– Так куда? – снова спросила Айю, и лишь тогда я сконцентрировалась на вопросе.

– К океану. Кажется...

Не оборачиваясь, я знала, что Айю нахмурилась – едва ли ей пришлось по душе эта идея.

– Вы уверены?

В этот момент хлопнула задняя дверца машины, и в круг света, отбрасываемый фонарями, ступил Рио Мансо. Он улыбнулся, махнул рукой и что-то сказал Дайсу. Тот обернулся и посмотрел на нас. Возможно, мне показалось, но его бровь была вопросительно приподнята, будто он спрашивал, не передумала ли я.

Мне давно никто не предоставлял права выбора. От этого и без того гулко бьющееся сердце застучало еще сильнее.

– Почему нет? Разве это неприлично? – как можно безразличнее спросила я.

Даже если бы Айю сейчас сказала, что такое поведение скандально, я бы все равно не отступила от своего намерения.

– Ну... – задумчиво протянула та. – Нас четверо, то есть теоретически мы отправляемся на прогулку шумной компанией, что исключает какую-то интимную подоплеку, так что...

– Вот и отлично! – обрадовалась я и первой шагнула к машине.

Я нырнула на переднее сиденье, за рулем расположился Дайс, сзади – Айю и Рио.

– В моей машине есть функция автоуправления, так что поведу не я, а программа. Можно не беспокоиться из-за выпитого алкоголя. – Дайс смотрел в зеркало заднего вида и обращался к Айю, но почему-то мне казалось, что пояснения звучат больше для меня, чем для кого-то другого. – К сожалению, левитировать в таком режиме она не может, поэтому отправимся к океану по земле, а не по воздуху.

– Далеко отсюда океан? – Айю все еще выглядела напряженной.

– Нет, минут двадцать в одну сторону.

– Хорошо. – Она откинулась на сиденье и неуверенно сложила руки на коленях, как прилежная ученица в ожидании начала урока. Рио улыбнулся и что-то быстро спросил. Айю задумалась и ответила что-то шутливое. Между ними завязался разговор.

Я расслабилась и уткнулась носом в окно. За стеклом проносилась высокая зеленая стена с редкими прорехами – заповедник (а мы огибали именно его) был настолько густой, что казался абсолютно непроходимой лесной чащей. Выскочи сейчас на дорогу дикий кабан, я бы не удивилась.

Я посмотрела чуть выше и замерла. Полная луна таинственно сияла на небосклоне и озаряла серое полотно дороги мерцающим светом.

Я нащупала кнопку и опустила стекло. В салон ворвался свежий ночной воздух. Пахло мокрым асфальтом, свободой и почему-то цветущей сиренью – головокружительное сочетание.

Я, наверное, и правда пьяна, потому что в негромко играющей песне различила до боли знакомые слова:

– Я свободен, словно птица в небесах. Я свободен, я забыл, что значит страх!

– Вот так и сходят с ума, – пробормотала я и поймала вопрошающий взгляд Дайса.

Быстро обернулась, убедилась, что Айю и Рио по-прежнему заняты разговором, и шепотом спросила:

– Что это за песня?

Дайс прибавил звук на дисплее, по салону разлился хриплый мужской баритон, которому нервно вторила скрипка. Странно, я помню другую версию...

– Эту песню исполняет известный цинфийский певец. Он прославился тем, что взял слова старых земных песен, перевел их и дал им новое музыкальное оформление. Слова землян, музыка цинфийцев. Интересно получилось, верно? – Дайс говорил совсем тихо, приходилось напрягаться, чтобы расслышать его, но было в этом что-то почти волшебное – заговорщицкий шепот, полутемный салон с мерцающим синим светом дисплея, рука, через опущенное стекло ловящая ветер, и слова, звучащие на цинфийском, но в душе отдающиеся эхом на всеобщем.

Я отвернулась, прикрыла глаза и принялась подпевать:

– Свободным стану я от зла и от добра, моя душа была на лезвии ножа...

Ко мне присоединился бархатистый голос Дайса, вторящий припев, и я улыбнулась. Что-то похожее на эйфорию ударило в голову и полностью опьянило.

Шурша шинами, машина выехала к длинной, усыпанной мелкой галькой косе пляжа. Я первой потянула ручку двери и, робея, выскользнула наружу – к шумящему, раскатисто приветствующему нас океану.

Ноги утопали в мелких камешках, идти было тяжело и иногда больно, но я все равно дошла (если честно, почти добежала) до буйствующей стихии. В темноте вода казалась почти черной, а волны – пугающими, и я заколебалась: разуться и походить по отмели или лучше не стоит?

Сомнения разрешила Айю. Беззаботно скинув туфли, она вступила в океан и рассмеялась, когда он окатил ее холодной белой пеной морского прибоя. В отместку она игриво взмахнула ногой, отправив брызги воды в сторону темно-синего, мрачного горизонта, но не рассчитала траекторию. Капли осели на одежде подоспевшего Рио, и тот, стряхнув их, растянул губы в коварной улыбке.

– Эй, ты чего это? – с подозрением спросила Айю и начала пятиться. – Я не специаль... – Фразу оборвал истошный девчачий визг.

Я демонстративно прикрыла уши ладонями и, слегка намочив ступни, отошла от отмели, где развернулся полноценный бой: эти двое, носясь друг за другом, как малые дети, поднимали целые фонтаны брызг.

Я повертела головой и заметила Дайса. Он сидел чуть вдалеке, на наспех брошенном пледе, вытащенном, очевидно, из машины, и задумчиво изучал нас. Подхватив намоченную обувь, я двинулась к нему. Ветер трепал волосы, и они прилипали к губам, но я не поправляла прическу. Когда свобода врывается в душу, разве есть дело до того, что происходит снаружи?

Мне вдруг стало абсолютно все равно, как я выгляжу. Намокший подол тянул к земле, холодная галька кусала ступни, накидка давно уже не согревала от промозглости ночи, но это было неважно.

Опустившись рядом с Дайсом на тонкий плед, я втянула полной грудью морской воздух с сильной примесью йода и водорослей – кончики пальцев подрагивали от восторга. Если бы могла, впечатала бы этот момент в память, чтобы он никогда не потускнел и не забылся.

– Ночи у нас холодные. – На плечи легла теплая куртка, и я благодарно зажмурилась – кожа, уже покрывшаяся мурашками, стала согреваться.

– Спасибо.

Дайс передернул плечами, мол, пустое, и чуть откинулся назад, упираясь ладонями в смесь гальки и песка. Я различила проступающие вены на его руках и длинные музыкальные пальцы, а затем смущенно отвернулась. Столь откровенное разглядывание было мне несвойственно.

– Ты сегодня очень смело играла.

Пришел мой черед пожимать плечами. Я подтянула коленки к подбородку и, обняв их, искоса посмотрела на Дайса.

– Без тебя я бы не справилась.

– Справилась бы. Я помог лишь немного.

Мы помолчали, вслушиваясь в тишину, оглашаемую ребяческими криками и рокотом прибоя, а затем я решила.

– Станный вопрос тебе достался. Про упущенные возможности.

Я тайком поглядывала на Дайса, делая вид, что любуюсь океаном, поэтому заметила, как он напрягся и как будто замкнулся от моих слов.

– Извини, если это личное...

– Едва ли можно считать личным то, что стало достоянием общественности, – криво усмехнулся он и, помедлив, пояснил: – Мой отец совершил преступление, и это событие полностью изменило жизнь моей семьи.

– И твою? – Я вздрогнула от собственного шепота.

– И мою в том числе. Меня отчислили с последнего курса престижной военной академии. Отозвали все награды, стерли любое упоминание моего имени.

Ветер играл с волосами, и я была тому рада – надеялась, что распавшиеся локоны хоть немного скрывают лицо. Значит, он хотел стать офицером? Что ж, после увиденного сегодня я понимаю его стремление. Он прирожденный лидер и тактик.

– Это несправедливо. То, как поступили с тобой...

Казалось, Дайс удивился совершенно искренне.

– Все укладывается в рамки традиций и закона, так что это нельзя назвать несправедливостью. Вполне закономерный итог.

– И тебе не жаль? – Прикусила язык, но было уже поздно.

Дайс поднял взгляд к небу.

– Я не привык о чем-то жалеть. Всегда нужно идти вперед. Мне еще повезло: физическая подготовка и хороший рост позволили стать актером боевиков.

Я с запозданием припомнила, что все трюки и опасные сцены Дайс выполнял самостоятельно, без дублеров. Тогда еще Игибо Майс сказал, что это его, Дайсаке Акано, фишка. Я не придавала значения этим словам, но теперь они обрели новый смысл.

– Думаю, твои родные гордятся тобой! Я бы гордилась...

Я смутилась, что ляпнула такую глупость, и замолкла, лихорадочно пытаюсь исправить ситуацию. Дайс тоже молчал, всматриваясь в мое лицо, а я боялась даже покоситься в его сторону.

– Спасибо, что привез меня сюда. Мне и правда была нужна эта передышка.

– Спасибо, что согласилась поехать.

Я неловко перебирала камешки, пытаюсь сложить из них пирамидку, когда ладонь Дайса накрыла

мою. Дыхание участилось, щеки опалило жаром, а Дайс, не отрывая своей руки от моей, поправил и выровнял неуклюжее строение так, что теперь оно действительно стало походить на островерхую пирамидку.

Я обернулась. Дайс наклонился, и теперь его подбородок почти касался моего плеча. Его губы были близко, очень близко...

– Эй, вы не думаете, что нам пора возвращаться?

Я с трудом вернулась в реальность и увидела Айю. Вместе с Рио она, совершенно мокрая с головы до ног, стояла в двух шагах от расстеленного пледа и с подозрением взирала на нас.

– Уже пора? – растерянно спросила я.

Дайс медленно кивнул.

– Небо светлеет. Нас могут хватиться.

– Значит, нужно ехать, – тихо решила я.

– Да, – согласился Дайс.

Мчась по трассе обратно, я старалась не обращать внимания не на недовольное сопение Айю. Дайс, не отрываясь, смотрел на стелящуюся темной змеей дорогу, хотя его навыки водителя сейчас не требовались, а я через боковое окно изучала робко просыпающийся рассвет; его лучи уже царапали мрачные тучи и причудливыми тенями падали на серый асфальт. Приподнятое настроение, охватившее меня в начале пути, исчезло, оставив вместо себя легкую тревогу и волнение, от которых щемило грудь. И я никак не могла понять, рада я этому или нет.

Майя снова удивила меня.

Майя.

Произнеся вслух ее имя один раз, я захотел повторять его снова и снова. Было в нем что-то притягательное, и если бы я верил в рин, то сказал бы – магическое.

Я наблюдал за ней весь день, стараясь не афишировать свой интерес, и то ли я все-таки неплохой актер, то ли остальные – равнодушные слепцы, но, кажется, никого не удивило, что я все время кружился рядом.

Сначала я крутился поблизости, чтобы в случае необходимости помочь: долг платежом красен, и не стоит затягивать с его возвратом. Затем... мне стало любопытно. Майя от природы обладала живой мимикой, но ситуация вынуждала скрывать свои истинные эмоции. Те моменты, когда с ее лица спадала маска, вызывали улыбку: впервые я видел человека, в котором непостижимым образом смешались отвага, осторожность, острый ум и умение сопереживать. Она будто сама не знала, на что способна, но, сомневаясь в своих силах, все равно не отступала. Такая обманчивая хрупкость буквально завораживала. Если бы Лиа услышала мои рассуждения, то помянула бы лесных рин и посоветовала сходить в храм – проверить на любовный сглаз. Будь я более суеверным, то так бы и поступил, но я давно не верю ни ринам, ни людям. И все же...

Все же есть в Майе что-то, вызывающее доверие. Возможно, виной тому прямодушие?

Я едва удержал безразличное выражение лица, когда на вопрос «кто стал героем игры?» она без колебаний указала на меня. Я чувствовал, она не позерствовала, а действительно так думала. Я запомнил тот момент, ее указательный палец, нацеленный мне в грудь, и чистые синие глаза, смотрящие открыто и доверчиво.

Оценивая чужие усилия, она неизменно принижала свои. Это было неправильно, но почему-то я радовался тому, что она приняла мою помощь не равнодушно, а с признательностью.

Встретить человека, лишённого предрассудков, – практически живое воплощение чуда, поэтому я разозлился, услышав вопрос об упущенных возможностях. По этой же причине не знал, стоит ли отвечать на него там, у океана, когда Майя бесхитростно повторила его.

Я опасался, что она поменяет свое отношение ко мне. Глупо, очень глупо, ведь, конечно же, она знала историю моего отца, пусть и без подробностей. Впрочем, попроси любого, и он с радостью выложит все реальные и мнимые детали того дела.

Я не знал, чего боялся сильнее: увидеть жалость в ее глазах или прочесть презрение в кривящихся губах. Не случилось ни первого, ни второго. Тогда я словно опьянел, потерял голову. Я на ощупь нашел ее ладонь и накрыл своей, а затем замер, пытаясь почувствовать ее реакцию.

Забыв об осторожности, о том, кто я, а кто она, я придвинулся к ней слишком близко, настолько, что слышал ее прерывистое дыхание. Ее губы были совсем рядом, и я благодарен переводчице, которая вмешалась и прервала нас. Сообразительная девочка, вовремя указала мне мое место.

И все же я был доволен, что свозил Майю к океану. В тот момент, когда у меня вырвалось приглашение, я удивился – этого не было в планах. Не знаю, почему вдруг предложил ей развеяться. Едва ли я испытывал чувство вины за Эйкана. Глупый парень, что с него взять, хотя врезал я ему с удовольствием. Просто в том, как прямо Майя держала спину, было что-то такое уставшее, надломленное, что я понял, насколько она нуждалась в передышке.

Видимо, Ито Кейтаро не оказывал ей должную поддержку (да-да, фото с цветами не прошли мимо моего внимания). Если он не видел, насколько измотана его девушка, то он последний идиот. Впрочем, едва ли она была его девушкой... Политика – слишком грязное дело, где словами кидаются так просто, будто они ничего не стоят.

Как бы там ни было, но, возвращаясь на туристическую базу, я никак не мог принять окончательного решения. Принципы требовали, чтобы я и дальше вертелся рядом с Майей (помощь в игре никак не могла сравниться с тем, что она сделала для меня во время скандала), но интуиция твердила: пора бы мне уносить ноги от землянки, и чем дальше, тем лучше.

В конце концов в битве победил голос совести: опасно было бы бросать Майю без присмотра. Она нуждалась в подсказках и поддержке, и это – то небольшое, что я обязан был ей дать.

Если бы не постоянно возвращающееся воспоминание о том, как приятно прижимать к себе ее хрупкое тело, как нежно ее руки обхватывают шею, когда ты несешь ее... Если бы не это, я бы почти поверил, что настойчивое желание быть рядом продиктовано чувством долга и благодарности. А так я чувствовал себя эгоистичной тварью, покусившейся на что-то, слишком прекрасное для него.

Эта ассоциация никак не шла из головы и изрядно отравляла мне жизнь.

– Ты влюбилась!

– Что-о-о?!

Безапелляционное утверждение Лиди вернуло меня с небес на землю: я перестала витать в облаках и впервые за сегодняшний вечер вполне осознанно уставилась в экран нетбука. Надеюсь, что гневно уставилась.

– Майя, я тебя знаю с детства. Последний раз такой отсутствующий взгляд у тебя был лет десять назад, когда ты влюбилась в того придурка, начинающего поэта. Как там его звали? Майкл?

– Михаэль, – мрачно поправила я. – И то, что он не ответил мне взаимностью, не делает его придурком.

– Конечно нет. А вот то, что он год скрывал от тебя новость о своей женитьбе, – вот это делает.

С этим сложно было спорить, поэтому я насупилась и попыталась увести разговор в сторону:

– Я просто устала. Интервью, автограф-сессии, съемочная площадка, куда я хожу каждый день, как на работу. Еще и Ито! Если бы не настойчивость Алекса, то в жизни бы не пошла с этим напыщенным лисом на прием. Уверена, завтра вся Сеть будет завалена нашими совместными фотографиями.

– И что в этом плохого?

– Люди считают нас парой! Они уже провокационно намекают на это. Один ведущий поинтересовался вчера, правда ли, будто мы...

– Разве это так уж ужасно? – снова спросила Лиди, и мне не понравились ни мурлыкающие нотки в ее голосе, ни хитрый прищур карих глаз.

Я хотела было возмутиться, но не стала. Действительно, какая разница, что думают цинфийцы?

– Возможно, ты просто не хочешь, чтобы тот актер подумал, будто у тебя есть парень, а?

– Глупости! – фыркнула я, избегая смотреть на экран. Лиди расчесывала свои длинные каштановые волосы и делала вид, что вовсе не подкалывает меня. – Какое мне до него дело? Ну, то есть... Он хороший человек и талантливый актер, но... В общем...

– Что-то ты стала подозрительно много мямлить, подруга. – Лиди, зажав шпильки в зубах, отчего ее

речь звучала невнятно, пригладила макушку, лишив ее привычных «петухов» – ее волосы никогда не были послушными. – С того самого корпоратива. А ведь прошло уже почти две недели...

– Вовсе не мямлю. – Краска бросилась в лицо. – Просто больше нечего добавить.

– Точно?

– Абсолютно! К тому же я тут ненадолго. Как только Алекс решит свои дела, я вернусь обратно.

– Было бы куда возвращаться... – мрачно пробормотала Лиди.

– О чем ты? – насторожилась я.

– Ты за новостями следишь?

Я смущенно закусила губу. Несколько последних дней выдались настолько насыщенными, что я успевала лишь отправлять отчеты Алексу и быстренько созваниваться с Лиди. О своей привычке чтения новостей на ночь пришлось на некоторое время забыть. Возможно, я просто увлеклась новой жизнью на Цинфе?

Эта мысль показалась предательской, и я поморщилась.

– Прости, я немного выпала из реальности. Что ты имеешь в виду?

– На Эрии сейчас неспокойно. – Лиди нервно обернулась, будто опасаясь, что нас подслушивают, и я поторопилась ее успокоить.

– Этот канал связи безопасен. Его практически невозможно поймать. Об этом позаботился лично Алекс, а ты знаешь, какой он перестраховщик.

– Знаю. – Лиди немного расслабилась. – В общем, в последнее время обстановка накалилась...

– Разве она была спокойной последние годы?

– Конечно нет, но теперь я не выхожу по вечерам на улицу. Какие-то спонтанные митинги, набеги на участки правоохранительных органов, мародерства в эрийских кварталах – все это заставляет правительство ужесточать меры безопасности. Начались рейды.

– Рейды?

– Да, тех, кого поймали на улице после девяти вечера, без разговоров ссылают на разработку новых залежей полезных ископаемых. Ну, знаешь, тех рудников, что на севере.

– Я поняла. А что оппозиция, почему она молчит?

«Почему молчит Алекс? Почему он ничего не предпринимает?!» – хотелось крикнуть мне.

Лиди неуклюже завозила по столу рукой, указательным пальцем выводя непонятные узоры. Вид у нее стал отстраненный.

– Возможно... Возможно, именно оппозиция и спровоцировала эти беспорядки?

Я настолько растерялась, что не сразу выдавила:

– Зачем?

Лиди по-прежнему не отрывала глаз от стола.

– Не знаю, но что-то происходит. Что-то, способное навсегда изменить нашу жизнь, только неизвестно, в какую сторону: худшую или лучшую.

Повисла пауза. Мы обе долго собирались с мыслями.

– Мне показалось, что вчера я видела на улице Макса, – тихо призналась Лиди. – Я позвала его, но он скрылся в толпе.

– Если бы это был он, то не прошел бы мимо! Обязательно бы потом разыскал тебя. Ты обозначилась, – утешила я. Думать о том, что Макс избегает Лиди, было неприятно, и я понимала, сколько боли причиняют подобные догадки подруге.

– Да, наверное...

– Так и есть. Не сомневайся в этом.

Лиди через силу улыбнулась и предпочла вернуть беседе шутливый тон:

– Так вот, насчет того актера...

– Не начинай!

Мы еще недолго попрепирались, но настроение было безвозвратно испорчено, поэтому разговор достаточно быстро закончился. Нажав на отбой, я задумчиво постучала по крышке нетбука, а затем забегала пальцами по клавиатуре.

«Что происходит?»

Как и всегда, Алекс ответил моментально. Я начинала подозревать, что он вообще не расстается с наладонником. Даже во сне.

Особенно во сне.

«О чем ты?»

«Не прикидывайся. Ты понял».

«Кто-то впервые за неделю ознакомился с новостями?»

«Алекс! Что, черт возьми, происходит?!»

В этот раз пауза затянулась. Я несколько раз проверила окно с диалогом, прежде чем получила лаконичный ответ.

«То, что рано или поздно должно было произойти».

Несколько минут я потерянно таращилась на экран, надеясь, что строчки расползутся в стороны, как вытравленные кислотой черные пятна, а затем медленно опустила крышку и положила нетбук на тумбочку.

Я знала, что значат подобные слова, и мне было страшно.

Обхватив себя руками, я забралась в кровать и решила не выключать свет – все равно не усну.

Где-то далеко, за тысячи световых лет, вот-вот разразится война.

Земляне подняли мятеж.

И зачинщиком, а также лидером оппозиции выступал мой брат. Я была в этом уверена.

Глава 10

Съемки шли полным ходом. Вся группа работала настолько слаженно и самозабвенно (зачастую в буквальном смысле живя на площадке), что мы, отсняв половину картины, семимильными шагами двинулись к финалу. Никогда не думала, что фильм можно создать в такие сжатые сроки. Впрочем, мысли о круглосуточных съемках, без всяких перерывов, тоже не приходили мне в голову.

Наблюдая за вымотавшимися актерами, я чувствовала себя владелицей хлопковой плантации в те времена, когда рабство еще было официально узаконено.

– Госпожа Майя Данишевская, прекратите, – поморщился Игибо Майс, когда я решила озвучить свои сомнения. – Мы всегда так работаем, это обычное явление. Вот на прошлом моем фильме исполнитель главной роли схлопотал инфаркт – случилось перенапряжение, но мы тогда сильно отставали от графика и вообще не спали. Сейчас же ситуация вполне стандартная, да и Дайсаке Акано здоров как бык, так что не выдумывайте.

– Но мы работаем без выходных, – предприняла я еще одну попытку достучаться до режиссера.

– Как это? А тот корпоратив, а?

Я удивленно хмыкнула. Нравы цинфийцев по-прежнему казались чужими и непонятными. Например, фанатизм в работе, доходящий до абсурда, – это следствие или причина их образа жизни? Возможно, жесткая конкуренция задает такие высокие требования тем, кому посчастливилось устроиться на работу? Или же отсутствие вакансий на рынке труда связано с тем, что настоящий цинфиец скорее умрет, чем покинет свое рабочее место? Кажется, это какой-то замкнутый круг...

– Госпожа Майя Данишевская, если вы действительно хотите оказаться полезной... – Я навестила уши. – Возможно, вы перепишите одну из финальных сцен? Мне хочется добавить изюминки, оригинальности, избежать предсказуемости.

Я подумала, что ослышалась.

– Вы серьезно? А как же «штампы – наше все» и...

Игибо Майс замахал руками, отчего шарф съехал на грудь и обнажил худую шею.

– Знаю, говорил и до сих пор так считаю, но...

– Что же заставило вас поменять решение? Вы идете на риск.

Игибо Майс насупился, а затем потер красные от недосыпа глаза и несчастно, словно обиженный ребенок, признался:

– Не знаю... Душа требует.

Он развел руками и впервые за все время нашего знакомства улыбнулся мне открыто, искренне, так, что у меня на короткий миг создалось впечатление, что я действительно знаю этого человека. Знаю Игибо, а не режиссера Игибо Майса.

– Хорошо, – скрывая ликование, согласилась я. Надо же, мне удалось научить его чему-то новому! – Давайте обсудим детали.

Разговор состоялся вчера днем, а сегодня, всего сутки спустя, я уже перечитывала начисто переписанный финал. На завтра уже были назначены съемки новых сцен, а потому времени на создание шедевра не было, но все же я действительно старалась не оплошать и придумать что-то достойное. Не знаю, получилось или нет, но хотелось бы верить, что столь героический марш-бросок без сна и пищи я совершила не зря.

Мозг, лишенный ночного отдыха (да и дневного тоже), кипел, голова гудела, а мысли путались.

Наверное, видок у меня был не хуже, чем у позвякивающего цепями кентервильского привидения, потому что Айю мягко, но настойчиво предложила:

– Почему бы вам немного не полежать? Отправьте сценарий на почту режиссеру и актерам, а сами отправляйтесь отдыхать.

– Да, я так и... – Фразу я не закончила.

Раздался щелчок, и одновременно с этим все источники искусственного освещения в комнате погасли. Айю в ужасе вскрикнула, я схватилась за нетбук, как за единственную ценность, но долго

паниковать не пришлось: почти сразу же все приборы заработали в обычном режиме.

Я с недоумением покосилась на Айю.

– Что это было? – На моей памяти еще ни разу не происходило отключения источников питания.

– Сейчас узнаю, – испуганно пообещала та и метнулась к выходу.

Я задумчиво дотронулась до браслета на правой руке, повертела его, а затем вновь вернулась к нетбуку. Сценарий необходимо было отправить сегодня, с этим нельзя затягивать. Я щелкнула на кнопку «отправить» и с облегчением откинулась на спинку кресла, но почти тут же нахмурилась и вновь потянулась к экрану. Сообщение не было доставлено.

Я попыталась еще раз, и снова тот же результат. Лишь тогда я заметила, что значок «сеть» горит красным светом. Что это значит?

– К сожалению, половина города отключена от связи. – Айю вбежала, сильно запыхавшись, и выглядела при этом, как попавший под ливень щенок, – обреченно, испуганно и несчастно. – Что-то случилось на станции. Подробности никто не знает. Остальные источники питания работают как прежде, авария коснулась лишь Сети. К сожалению, ни позвонить, ни отправить письмо нельзя.

– Да уж... – только и смогла протянуть я. Ситуация казалась настолько нереальной, что я не сразу смогла сообразить: – Подожди, но сценарий должен быть доставлен сегодня всем актерам, участвующим в завтрашней сцене!

– Понимаю... – подавленно кивнула Айю и неуверенно проговорила: – Можно скинуть файл на съемный носитель и лично сбросить копию на нетбуки нужным людям.

– Отлично! – обрадовалась я. – Тогда сейчас я оденусь и...

– Ни в коем случае!

Я замерла, так и не успев подняться с кресла. Меня озадачило даже не то, что Айю впервые повысила голос, а паника, прозвучавшая в ее голосе.

– Вы остаетесь здесь, – немного спокойнее продолжила Айю. Я успела заметить, как она спрятала в карманах пышной юбки подрагивающие ладони. – Я лично развезу копии всем участникам, а вы... отдохнете. Только, пожалуйста, не покидайте номера отеля. За дверью стоит охрана, так что ничего не должно случиться... – последнее она пробормотала уже на цинфийском.

Я ошеломленно взирала на нее. Не могла понять, ее действительно так сильно напугала сервисная поломка Сети? Согласна, случай экстраординарный, но все случается впервые...

– Хорошо, – покладисто согласилась я. Не хотелось расстраивать Айю. – Как скажешь. Но тебе необязательно мотаться самой. Попроси кого-нибудь из персонала на ресепшене.

Ну вот, Майя, дожили! Совсем скоро ты зазнаешься окончательно, заведешь себе вереницу слуг, которых можно будет гонять туда-сюда, и начнешь требовать, чтобы тебя величали не иначе как «госпожа».

– Если вы не против, я бы съездила сама, – настаивала на своем Айю. – Заодно навестила бы отца. Я так давно у него не была...

Я хмыкнула. Что ж, все понятно. Кажется, Айю, попав в нештатную ситуацию, растерялась и сейчас стремится увидеть отца и получить инструкции. Ладно, если ей так будет спокойнее...

– Конечно, навести. – Все-таки не удержалась от понимающей улыбки. – Я подожду здесь, не переживай.

Айю с благодарностью посмотрела на меня и потянулась к нетбуку – сбрасывать файл. Я зевнула и сонно потеряла глаза. Возможно, идея насчет отдыха не так уж и плоха.

– Я быстро вернусь, – пообещала Айю уже с порога. – Помните, вы здесь под охраной. Вам ничего не угрожает.

Я вздохнула. Маниакальная подозрительность помощницы стала утомлять.

– Хорошо. Я буду иметь это в виду.

Я захлопнула дверь и некоторое время постояла в коридоре, прислушиваясь. Айю наверняка отдавала четкие указания охране, но они ускользнули от моего внимания – звукоизоляция в номере была на высшем уровне.

Я устало направилась в спальню и с удовольствием нырнула в постель. Мягкая ткань приятно холодила кожу, и, наверное, я действительно провалилась в сон. Снился мне бывший начальник – редактор. Он недовольно потрясал распечатанной рукописью и говорил, что «это» недостойно звания эрийской литературы. При этом он так пафосно стучал рукописью по столу, что сначала я морщилась, затем отворачивалась, а потом проснулась.

По комнате действительно разносился глухой монотонный звук, но это была настойчивая долбежка в дверь, а не обидное отстукивание похоронного марша уголком многострадальной рукописи.

Я нехотя спустила ноги на теплые полы и, приглаживая волосы на ходу, потопала в холл. Не утруждая себя вопросами, я рванула дверь и застыла, встретившись взглядом с Дайсом.

– Здравствуйте, госпожа Майя Данишевская.

– Здравствуй, – хрипло откликнулась я. Запоздало припомнила, что на лице полностью отсутствует косметика, волосы расчесаны кое-как, а из одежды на мне домашние штаны и футболка. С трудом поборолла желание нырнуть обратно за порог и вести разговор из полутемного холла.

– Прошу прощения за беспокойство. Я насчет сценария...

Я кивнула, вовремя увидела напряженные лица охранников за спиной Дайса и с акцентом ответила:

– Конечно. Проходи. Все в порядке, – последнюю фразу я бросила цепным псам, недовольно переглянувшимся между собой, и не без злорадства захлопнула дверь у них перед носом.

Я привыкла к постоянному присутствию здоровенных, крепко сбитых теней, но это не значит, что сам факт их наличия не раздражал меня.

– Ты одна? – оставшись наедине, Дайс тут же перешел на ты, и я была этому рада. – А где твоя помощница?

– Айю уехала развозить копии сценария.

– Понятно. – Дайс выглядел удивленным и смущенным. – А я как раз пришел за ним. Подумал, раз связи нет в большей части города, легче самому дойти до тебя и скинуть электронную версию на наладонник.

Он сконфуженно спрятал руки в карманы куртки.

– Так давай я скину, – предложила я, тоже чувствуя неловкость. – Будет у тебя две версии. Не зря же ты ехал сюда. Проходи. Не разувайся.

Я, юркнув в кресло, почти моментально провела все необходимые манипуляции и, протягивая наладонник с искомым файлом владельцу, робко кашлянула:

– Может быть, кофе? Или ты голодный?

Брови Дайса взлетели вверх, а я покраснела, припомнив, как на Цинфе относятся к совместной трапезе. Наверное, хуже было бы только, пригласи я Дайса сразу в спальню.

Я застонала и спрятала лицо в ладонях.

– Прости. Эти ваши традиции... Никак не привыкну.

– Все в порядке. Я понял, что ты вовсе не то имела в виду.

Я посмотрела на Дайса сквозь раздвинутые пальцы и убрала руки от лица.

– Тогда кофе?

Дайс колебался, и я не могла понять причину. Мне не хотелось, чтобы он так быстро уходил, и я искренне обрадовалась, когда он, словно сдавшись, кивнул.

– Кофе.

Исследовав многочисленные шкафчики столовой на предмет желанного напитка, я вынуждена была констатировать, что поиски закончились провалом – кухня оказалась чиста и непорочна, как честная невеста перед свадьбой: ни крошки съестного, ни намек на зерна кофе или пакетики с чаем.

Почему-то я разочаровалась сильнее, чем того требовала логика. Закусив губу, я вернулась в гостиную и грустно проговорила:

- Знаешь, тут такое дело...

Дайс оторвался от изучения потолка, и мы оба чуть не подскочили на месте: раздавшийся звонок стал полнейшей неожиданностью.

- Разве Сеть работает? - Дайс растерянно потер острый подбородок.

- Может быть, починили? - предположила я и, заметив высветившееся имя в окне диалога, протараторила: - Я сейчас, извини. Срочный разговор.

Закрывшись в спальне, я приняла звонок и, понизив голос, удивилась:

- Лиди? Ты никогда раньше не звонила сама! Все в порядке?

- Привет. - Лицо подруги внушало тревогу: бледное, с залегшими под глазами тенями, оно говорило, что не только я не спала последние сутки. - Прости, не хотела мешать тебе.

- Ты не мешаешь. - Я беспокоилась все сильнее. Ни интонации, ни подбор слов мне не нравились. - Как ты?

Лиди криво усмехнулась:

- Нормально. Я - абсолютно нормально.

- Мне кажется...

- Лучше расскажи, чем сейчас занята, - словно взяв себя в руки, перебила Лиди. При этом она не смотрела на меня; ее пустой взгляд то и дело спотыкался обо что-то и уходил в сторону.

Я занервничала еще сильнее. Что-то было не так.

- У меня все хорошо. Дайс забежал по делу.

Лиди оживилась, и я обрадовалась. Возможно, стоит продолжить беседу как ни в чем не бывало, и она сама расскажет, что стряслось?

В том, что что-то случилось, я не сомневалась.

- Тот актер?

- Да, он самый.

Лиди снова сжалась, замкнулась, а потом тихо проговорила:

- Почему бы тебе не сходить с ним прогуляться?

- Что? - Я не смогла сдержать удивления, а потом рассмеялась: - Лиди, ты снова играешь в сваху?

Та слабо улыбнулась:

- Ты же знаешь, в этом вся я.

- Да, в этом вся ты, - согласилась я. С подругой что-то происходило, и, будь у меня побольше времени, я бы узнала, что именно.

Но в гостиной сидел Дайс, и это немного сбивало с толку. Я постоянно отвлекалась на мысли о нем и ничего не могла с этим поделать.

- Пригласи его на чашку кофе.

- В моем доме не оказалось кофе, - вздохнув, созналась я.

Лиди опустила голову и предложила:

- Так сходи с ним в кафе. Есть же на Цинфе такие места?

- Есть, - растерянно проговорила я. - Но...

- Это важно, Майя. Выберись куда-нибудь с Дайсом. Сейчас.

- Почему это важно? - Я нахмурилась и попыталась поймать блуждающий взгляд Лиди. Интуиция вопила о том, что дело нечисто.

Лиди помолчала, а затем словно собралась и улыбнулась:

– Иначе упустишь свой шанс.

Ее голос звучал так беззаботно, а подмигнула она так лихо, что я тут же успокоилась. Передо мной снова была Лиди, та Лиди, которую я знала и любила. Возможно, странности в ее поведении мне лишь привиделись?

– Если нас поймают вместе, будет скандал.

– Брось! Ты же хочешь выбраться с ним куда-нибудь.

Я заколебалась. Вспомнила шелест листьев в заповеднике и крики птиц, увидела его руку, освобождающую мою зацепившуюся юбку, почувствовала соленый ветер на губах и теплое прикосновение ладони Дайса к своей.

Хотела? Не то слово. Жаждала – вот это уже ближе к истине.

– Это опасно.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Под таким натиском свойственная мне осторожность словно испарилась.

– Он может и не согласиться.

– Если ты предложишь ему выпить кофе наедине? Тогда он последний придурок!

Я фыркнула. Идея побега уже зрела в голове, полностью захватив мои мысли.

– Майя, только флиртуй с ним не на глазах у охраны.

– Конечно нет! – возмутилась я и тихо призналась: – Я думаю улизнуть от своих молчаливых теней...

– Вот и правильно! – горячо одобрила Лиди. – Иначе испортишь всю прелесть прогулки.

Я отрешенно кивнула. Мне действительно осточертело таскаться везде с охраной, и тот вечер у океана бередил душу воспоминаниями о свободе и... Так, о свободе. Остановимся на этом.

– Хорошо, так и поступлю. Лиди, не против, если я перезвоню попозже?

– Нет, конечно нет.

– Тогда до связи!

Я почти отключила канал, когда нервный окрик Лиди заставил убрать палец с кнопки.

– Майя!

– Да?

– Ничего. Удачи тебе...

Я недоуменно пожевала губами. Определенно Лиди что-то скрывала.

– У тебя точно все хорошо?

– Я в порядке. – Улыбка Лиди показалась вымученной. – Беги. Мы еще поболтаем.

– Хорошо. Люблю тебя.

– А я – тебя.

Я помахала рукой и нажала на «отбой». Несколько секунд посидела с нетбуком на коленях, затем решила кое-что проверить, но новостной портал с эрийскими сводками не открывался.

Я задумчиво постучала указательным пальцем по губе. Получалось, ситуацию с Сетью так и не исправили. Лиди смогла дозвониться до меня только потому, что Алекс настроил связь каким-то образом в обход всеобщей Сети. Я покосилась на «аватарки» в окне диалога и убедилась в своей правоте. Зеленым горели имена Алекса и Лиди, все остальные контакты были недоступны. Что ж...

– Майя? – Дайс деликатно постучал костяшками пальцев по косяку, но в спальню не вошел. Говорил из-за закрытой двери. – Наверное, я пойду. Извини за беспокойство.

Я подскочила. Мысли о Лиди уступили место метаниям. Я боялась, что Дайс и правда уйдет.

Почему-то мне казалось, что если сейчас он развернется и покинет номер, то я потеряю что-то важное. Навсегда.

– Подожди! – Я сделала глубокий вдох, успокоилась и потянула ручку на себя.

– Что такое?

В длинном коридоре, опираясь плечом о косяк, стоял Дайс. Скрестив руки на груди, он не выглядел закрытым, скорее смущенным и озадаченным.

Я оценила и длинные ноги в черных брюках, и рубашку, с расстегнутой верхней пуговицей, так что была видна тонкая полоска кожи, и куртку, обтягивающую широкие плечи, и на секунду потеряла дар речи, но быстро взяла себя в руки. Мне не семнадцать лет, чтобы млеть, словно влюбленная дурочка.

Влюбленная?!

– Я подумала... – несмотря на решительный настрой, озвучить вполне невинное предложение было по-прежнему сложно. – Возможно... Может быть, сходим куда-нибудь? Выпьем кофе?

Я быстро выпалила и едва не зажмурилась. Захотелось спрятаться в шкафу и ждать ответа уже там.

– Ты предлагала выпить кофе здесь, – напомнил Дайс и нахмурился. Казалось, он не понимал, к чему я веду.

– Да, но кофе закончился, – беспомощно протянула я. Так глупо я давно себя не чувствовала.

Он отказывает или не понимает, на что я намекаю?

Дайс помолчал. Он так и не переступил порог спальни, и я уже была готова сгореть со стыда, когда он неуверенно предположил:

– Ты хочешь снова улизнуть от охраны?

Черт! Ну ладно, пусть будет так. Не признаваться же теперь...

– Да, – жалобно сказала я. – Не думала, что будет так тяжело постоянно находиться под пристальным наблюдением.

Почти не солгала.

Дайс сочувственно посмотрел на меня, поколебался, но покачал головой.

– Извини, это опасно. Когда я повез тебя к океану, не подумал об этом, а позже сообразил, что мог подставить тебя.

– Понятно, – протянула я. Разочарование было таким осязаемым, что горечью осело на языке. – Да, конечно, ты прав...

Я улыбнулась и постаралась держать спину прямо. Не хватало еще, чтобы Дайс понял, насколько меня задел его отказ.

– Ты сильно устала?

– Что? – Я непонимающе вскинула на него глаза. Он кусал губы и смотрел серьезно.

– Тебе нужна эта передышка?

Я видела взгляд Дайса – глубокий, напряженный, и поняла, что только от моего ответа зависит, что будет дальше. Только я решала, разойтись нам сейчас или продолжить общение.

Я не колебалась.

– Нужна.

Дайс втянул носом воздух, и было в этом движении что-то обреченное, не вяжущееся с затаенной радостью, сверкнувшей в глубине карих глаз.

– Хорошо. На соседней улице есть неплохая кофейня. Ее владелец – мой знакомый, поэтому нам предоставят приватную беседку. Нас никто не увидит: ни настырные журналисты, ни любопытные зеваки.

Я кивнула.

– Мне этот вариант подходит.

– Тогда...

– Как нам проскользнуть мимо охраны? – перебила я.

Он хмыкнул и подбородком указал на потолок.

– У тебя лучший номер этого отеля. Ты знаешь, что у тебя пентхаус?

– Ну да... И потолок по желанию становится прозрачным.

– Да, а еще есть функция полной панорамы, когда непробиваемое стекло раздвигается и ты можешь любоваться звездами без всяких преград.

– Так мы...

– Выберемся через крышу. Из-за сбоя Сети наш маневр останется незамеченным: камеры не работают.

Я рассмеялась, настолько все это походило на сцену из какого-нибудь боевика.

– Что? – Дайс тоже расслабился.

– Подумала, что наш разговор – неплохая завязка для фильма.

– И какие же жанры ты предпочитаешь?

– Арт-хаус, – ляпнула я и замолкла. Возможно, лучше было бы вспомнить про мелодрамы? Или это был бы слишком явный намек?

Мимолетная улыбка скользнула по губам Дайса.

– Что-то подобное я и подозревал, – сказал он и сменил тему: – Тебе нужно переодеться?

Я растерянно покосилась на домашние штаны, коснулась просторной футболки и только тогда вспомнила, насколько непрезентабельно сейчас выгляжу. Вспыхнула и почувствовала себя Золушкой, которой пришлось предстать перед принцем не в прекрасном платье, наколдованном феей-крестной, а в тех жалких тряпках, что составляли ее обычный гардероб.

– Да, конечно! – спохватилась я. – Подожди минутку. Я быстро.

Дайс деликатно вышел за дверь, а я ринулась к шкафу.

– Это не то, и это... Боже, тут еще что такое?! – бормотала я себе под нос, срывая одну за другой упаковки с нарядов, а затем внезапно остановилась.

Медленно обвела взглядом длинный ряд вешалок и полок и неосознанно сделала шаг назад. Все эти вещи – они не мои.

Хочу ли я играть с Дайсом, изображая кого-то другого?

Нет.

Не раздумывая больше, я потянулась к одинокому пакету, примостившемуся в самом темном углу. Только в нем хранилось то, что действительно принадлежало мне.

Я влезла в простые, немного потертые, но любимые джинсы, сверху надела лаконичную черную водолазку под горло, тоже выдавшую лучшие времена, но все еще служившую мне верой и правдой. Подошла к зеркалу и стянула волосы в конский хвост. Поколебалась, но не стала наносить на кожу ни грамма макияжа. Рука тянулась добавить хотя бы румян, но я остановила себя.

Внимательно посмотрела на собственное, кусающее губы отражение. В этих вещах я убегала с Эрии, они – это единственный кусочек меня настоящей, той, которую я уже стала забывать.

Повертела головой, рассматривая себя, будто заново знакомясь, а потом решительно окликнула Дайса. Тот не заставил ждать. Сначала в проеме показалась его голова, затем – он сам.

Он медленно прошелся по мне взглядом, подмечая, уверена, каждую деталь, остановился на лице и просто сказал:

– Хорошо выглядишь.

Я с облегчением перевела дух. Значит, он принимает меня такой. Почему-то мне было это важно.

– Ты так считаешь? – я прикусила язык. Откровенное кокетство было мне несвойственно.

– Мне так больше нравится, – лаконично ответил он и перешел к делу: – Давай активируем режим «звездное небо» на панели. Потолки высокие, но я дотянусь, не проблема, а потом помогу тебе.

Зачарованная его уверенными интонациями, я молча согласилась.

Потолок послушно сделался прозрачным, а затем неспешно разъехался в противоположные стороны, обнажив приличный клочок дневного неба с ярким, но уже не обжигающим солнцем.

Дайс легко вскочил на туалетный столик, тот под его весом недовольно задрожал, но выстоял. Дайс высоко подпрыгнул и ухватился за потолочную перекладину. Вены на его руках вздулись, и он ловко подтянулся, словно в этом не было ничего сложного. Мгновение, и он уже на крыше, откуда взирает на меня сверху вниз.

– Готова?

Я последовала его примеру и забралась на туалетный столик.

– Да.

– Тогда давай руку. Я вытащу тебя наверх.

Дайс распластался по крыше и, сильно свесившись, протянул мне раскрытую ладонь.

Я смело вложила в нее свою. Пальцы едва заметно задрожали от тепла и волнения, но длилось это секунды. Дайс резко потянул на себя, и в лицо мне ударил теплый, вибрирующий от шума машин воздух.

Видимо, движение оказалось слишком быстрым, потому что, оказавшись на свободе, я практически упала в объятия Дайса. Его руки обхватили меня, удерживая и не позволяя сползти вниз.

– Все в порядке?

– Да.

Я смотрела в лицо Дайса и не могла найти в себе силы отвернуться, несмотря на то, что понимала: подобное внимание почти неприлично. Но и он не спешил разрывать зрительный контакт. Карие глаза в лучах солнца казались почти золотыми, в них плясал какой-то незнакомый огонь, и его отблески гипнотизировали.

– Пойдем, – хрипло сказал Дайс и первым разжал пальцы, отпуская меня.

– Куда нам?

Я поднялась и теперь отряхивала джинсы. Крыша была чистая, но надо же было чем-то занять вспотевшие ладошки.

– Здесь недалеко. Нужно перебраться в соседний блок. Ты боишься высоты?

Я покачала головой. В этой жизни я много чего страшилась, но не высоты.

– Отлично. Значит, перепрыгнем вместе.

Я была настолько заинтригована, что последовала за Дайсом без каких-либо дополнительных вопросов, и, лишь приблизившись к проему, разделяющему блоки крыши, вздрогнула. Расстояние было не то чтобы большое, но и не самое маленькое: наверное, чуть больше метра. Не перешагнешь, только преодолеешь в прыжке, и лучше с разбега.

Я сглотнула и покосилась вниз. Поток машин не замирал ни на минуту. Я с легкостью представила, как с размаху падаю на одну из них и превращаюсь в кровавую лепешку. Брр-р!

Дайс заметил мои сомнения и быстро сориентировался:

– Тогда лучше подожди здесь. Моя машина припаркована в соседнем блоке. Я доберусь до нее и заберу тебя.

Я снова глянула на пространство между крышами, показавшееся сейчас бездной, и неуверенно согласилась:

– Хорошо.

Дайс сделал пару шагов назад, а затем, ускорившись, легко перескочил проем. В воздухе мелькнули длинные стройные ноги, а затем он приземлился на другой стороне пропасти, обернулся, махнул мне рукой и побежал в сторону высившейся вдалеке стоянки.

Проводив взглядом его спину, я закусила губу и подошла поближе к краю.

– Трусиха, – сказала я сама себе. – Перестраховщица.

Я снова посмотрела на удаляющегося Дайса, а затем подумала: неужели это опаснее прыжка с тарзанки? Конечно, там мною управлял адреналин, но все же... Я тряхнула волосами, отошла подальше и, разбежавшись, прыгнула. Страшно не было совершенно. Восторженный смех застрял в горле и вырвался на свободу, когда я приземлилась на другой стороне.

– Эй, меня подожди!

Дайс обернулся, шокированно улыбнулся и покачал головой.

– Ты человек противоречий, – хмыкнул он.

– И? – насторожилась я.

– И это был комплимент.

Я удивилась. Таких странных комплиментов мне еще никто не делал. Впрочем, с Дайсом многое было в диковинку: паркуром я тоже раньше не занималась и в пейнтбол не играла. И признаться, мне нравилось открывать в себе новые грани. С таким спутником, как Дайс, это выходило совершенно непринужденно.

Стоянка находилась на возвышении, и, чтобы добраться до нее, пришлось подтягиваться на руках, затем вспоминать принципы скалолазания и, ставя ноги в углубления в стене, быстро взбираться наверх. На все эти трюки, напоминающие пособия для каскадеров, я смотрела издали – Дайс оставил меня ждать внизу. Сам же он, как будто и вовсе не ощущал сложности того, что делал. Движения были быстры, выверены и точны. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что, любуясь гибким сильным телом, полностью отключилась от реальности и постаралась взять себя в руки. Нельзя же настолько терять контроль над ситуацией!

– С такими умениями дублеры ему и правда ни к чему, – пробормотала я, жмурясь от слепившего солнца.

Дайс пропал из виду, но ненадолго. Сверкающая бликами черная машина сделала круг в воздухе, а затем, мигнув фарами, вернулась и замерла напротив меня. Дверца распахнулась, и я увидела Дайса. Его глаза сияли азартом и весельем. Кажется, ему тоже пришлось по душе такое приключение.

– Не передумала?

– Смеешься? – возмутилась я и нырнула в машину.

– Бунтарка, – фыркнул Дайс и надавил на газ.

Мы так резко взмыли вверх, что дух захватило, но долго наслаждаться полетом не пришлось – почти сразу Дайс пошел на снижение.

– В чем дело?

– Если подведем к кофейне на машине, то обратим на себя внимание. Лучше добраться пешком, тут недалеко. А машину припаркуем в одном из закутков.

Я пожала плечами. Ему виднее.

Двор, где мы приземлились, вызвал давно забытые детские воспоминания о многоквартирных домах на Земле: узкий, темный и как будто заброшенный пяточок между высотками не внушал доверия. Ступив на асфальт с заметными трещинками и небольшими выбоинами, я огляделась. Не было привычной плавности линий в архитектуре, сверкающей чистоты и глянцевой красоты.

– Как странно...

Дайс поставил машину на сигнализацию и повернулся ко мне:

– Просто ты еще не знакома с настоящим Цинфом.

– И какой же он?

– Увидишь.

Дайс деликатно взял меня под локоть, смущенно пояснил: «Чтобы не потерялась» – и повел в сторону арки. В полукруглом темном проеме слышался городской гам, за его пределами кипела жизнь.

Из тихого мрачного двора мы попали на оживленную улицу. Тротуар был полон народа. Спешащая равнодушная толпа двигалась в обе стороны, и, если случалось кого-то задеть, никто не останавливался и не извинялся. Это живое море поглощало, потеряться в нем действительно было легко.

Я намертво вцепилась в Дайса. Пролети сейчас метеорит и упали между нами – и тогда бы я не отпустила его руку. Лавируя в толпе, я вспомнила о той информации, что читала перед поездкой. Признаться, сведения о перенаселении планеты казались мне немного преувеличенными. До этого момента.

Вовремя отскочив и дав дорогу куда-то мчавшейся женщине средних лет, я с облегчением перевела дыхание, когда мы оказались на небольшой площади. Здесь было тише и не таклюдно. Подняв голову, я заметила огромный экран, транслирующий какой-то боевик, и группу людей, важно рассевавшихся вокруг него прямо на земле. Они изредка перекикивались между собой и обменивались мнениями. Видимо, хорошо друг друга знали.

Я вздрогнула. Было в этом что-то... жалкое. Люди, лишенные работы, абсолютно бесцельно проводили время. Справлялись со скукой как умели. Судя по хмурым лицам, они понимали всю бессмысленность подобного существования.

– Наверное, это ужасно, – не удержалась я.

Дайс искоса посмотрел на экран и толпу вокруг него и кивнул:

– Кому-то по душе такая жизнь, но их немного. В общежитии, где мы жили после скандала, разговоры были только об этом – о работе и о том, как ее найти. Работа не панацея, но она придает определенный смысл нашему существованию.

Я склонила голову. Иногда Дайс говорил такие глубокие вещи, что я только удивлялась. Он умел анализировать, замечать детали и делать выводы. И все это на бегу, между делом.

– Мы почти пришли, – сказал Дайс. Его слова вывели меня из задумчивости. – Зайдем через черный ход.

Мы нырнули в какую-то неприметную дверь и оказались в помещении, где царил полумрак и витал божественный аромат кофе.

Нам навстречу вышел незнакомый человек; настороженное выражение его лица сразу сменилось на добродушное – он узнал Дайса. Короткий обмен любезностями, включающий ритуальные поклоны и пожелания долгих зим жизни, и нас провели по узкому коридору, а затем посадили в укрытую от посторонних глаз беседку, больше похожую на восточный шатер. Ее стены были обиты мягкой разноцветной тканью, и это многообразие оттенков не вызывало ряби в глазах, а почему-то навевало воспоминания о теплом летнем дожде и запахе мокрой скошенной травы.

Я нахмурилась, пытаясь поймать неуловимую ассоциацию. Присела на уютный диванчик и провела тыльной стороной ладони по стене.

– Радуга! – осенило меня, и я довольно рассмеялась. – Ну конечно, радуга!

– Прости? – Дайс расположился на диванчике напротив и теперь с любопытством смотрел на меня. Его бровь была вопросительно изогнута.

Я смутилась. Почему-то в присутствии Дайса я совершенно переставала следить за тем, что говорю.

– Выбор цветов напомнил мне радугу, – пояснила я. Последнее слово пришлось произнести на всеобщем, аналога на цинфийском я попросту не знала. – На Земле есть... то есть было такое природное явление. После дождя в солнечный день в небе появлялась палитра оттенков и...

– Прямо в небе? – уточнил Дайс и улыбнулся. – У нас тоже бывает такая оптическая иллюзия. Мы называем ее лэкастен.

Я повторила незнакомое определение, стараясь его запомнить. Надо же, в некоторых аспектах Цинф удивительно напоминал Землю.

– У вас тоже с радугой, – я цокнула языком и исправилась: – С лэкастеном связаны разные поверья?

– Что ты имеешь в виду?

– Говорят, что на одном конце радуги спрятаны горшочки с золотом, – заговорщицким шепотом поделилась тайной я.

Дайс рассмеялся.

– У всех народов примерно одни и те же поверья. У нас тоже есть похожая, только связана не с радугой, – он произнес это слово по слогам, и я поощрительно кивнула, – а с ринами. Мол, ее оперение в полнолуние превращается в серебро.

– Человеческая природа, – развела руками я. – Каждый мечтает о богатстве.

– И ты?

Я смешалась. Банальный вопрос был сложнее, чем казался поначалу.

– Я мечтаю о мире, – тихо призналась я. – Я устала жить в ожидании войны.

Дайс стал серьезным. Он отодвинулся от подушек, на которые облокачивался все это время, и, поставив локоть на стол, потянулся ко мне. Я, как в замедленной съемке, смотрела на то, как его ладонь медленно двигается в сторону моей. Когда она остановилась и сжалась в кулак, так и не достигнув цели, я разочарованно сглотнула.

– А у тебя есть мечты? – спросила, чтобы подавить досаду. Обычно я старалась избегать таких откровенных тем.

Дайс помрачнел. Помолчал, словно не хотел отвечать, а затем все же проговорил:

– Раньше были, но они больше отнимали, чем давали, и теперь у меня только цели.

Я задумчиво побарабанила ногтями по крышке стола.

– И какая же первоочередная?

– Забота о близких. Мама, сестра – я нужен им, и я сделаю все, чтобы они больше никогда ни в чем не нуждались.

– Им очень повезло с тобой, – после паузы негромко сказала я.

На самом деле я хотела сказать гораздо больше: что понимаю, как это, когда тебе перекрывают кислород и заставляют быть тем, кем ты не являешься. Хотела добавить, что у меня было что-то подобное, и главное в этом случае – не дать себя сломить. Все эти слова застряли в горле.

Кто я такая, чтобы говорить ему нечто подобное?

Дайс вскинул голову, и от его взгляда у меня побежали мурашки. Казалось, он прочитал между строк все то, о чем я умолчала. Поджав губы, он отрезал:

– Жалость унижает, Майя.

– Да, наверное. Если бы это была она.

– А что тогда?

– Не знаю... Восхищение?

Дайс замер, будто его с разбегу ударили в грудь и теперь ему не хватает воздуха. Он ошеломленно взирал на меня и, казалось, сомневался, не ослышался ли.

В беседку заглянул официант и прервал нас. Я с облегчением переключила внимание на маленький поднос с чашечками, который он нес в руках, низко кланяясь при этом. Признаться, я зашла слишком далеко. Не стоит говорить о таких вещах с Дайсом. Вообще-то, ни с кем не стоит, а уж с ним...

Официант водрузил кофейник на стол, наполнил чашки, поставил на стол сахарницу и небольшую вазочку со сладостями, а затем, пятясь спиной и прижимая к груди пустой поднос, выскользнул за пределы шатра. Только легкое колыхание ткани какое-то время напоминало о его присутствии.

Я обхватила чашку ладонями, привычно втянула аромат напитка, дегустируя его, а затем поднесла к губам и сделала осторожный глоток. Очень даже неплохо.

– Почему ты так любишь кофе?

– Прости? – Пришел мой черед выгибать бровь дугой.

– Такая сильная привязанность должна быть на чем-то основана, – не колеблясь, заявил он.

– А то, что он мне просто нравится, как вариант не рассматривается? – хмыкнула я.

Дайс лукаво улыбнулся, покачал головой и тоже потянулся к чашке.

Я задумчиво обвела указательным пальцем тонкую фарфоровую ручку. Изящная вещица, наверное, старинная. Мама любила такие. Мама...

– Когда я была маленькой, мама часто варила кофе. Сама она к нему была равнодушна, но папа его обожал. По вечерам, когда он приходил с работы, мама встречала его кофе, приготовленным по его любимому рецепту: с солью и перцем. Папа брал кружку одной рукой, на другой к тому моменту уже висла я, благодарно целовал маму и шел в гостиную, попутно окликая Алекса – моего брата. – Я замолчала. Почти забытые воспоминания обретали яркие краски, звуки и запахи, я как будто стряхивала пыль с заброшенной на чердак картины. – Я мало что помню из детства, но эти моменты, когда мы всей семьей сидим на диване и обсуждаем то, что случилось за день, накрепко засели в памяти.

– Теперь я понимаю, почему ты так любишь кофе, – мягко улыбнулся Дайс, и я моргнула, сбросив наваждение. Я вновь была в кафе, на Цинфе. Дверь, ведущая в самый светлый и дальний закуток моего сердца, с глухим звуком захлопнулась.

Я растерялась. Как Дайсу удастся выводить меня на откровенность снова и снова?

– Ну а ты? Какие ритуалы были в вашей семье? – Я чуть отклонилась и скрестила руки на груди. Пожалуй, с меня чистосердечных признаний достаточно. Гораздо безопаснее перевести стрелки на собеседника.

– Их, как таковых, не было, – прямодушно ответил Дайс. Он не зажимался и выглядел открытым. Казалось, он и сам хотел поделиться и был рад, что я спросила об этом. – Отец все время работал, и мы редко его видели. Не знаю, говорят ли так у вас, но на Цинфе есть поговорка: «Жена офицера вкусно готовит, много молчит и никогда не задает вопросов».

– Забавно, – пробормотала я и уточнила: – Твой отец был военным?

– Да, офицером внешней разведки.

Я постаралась удержать невозмутимое выражение лица. Когда Айю сказала, что отец Дайса совершил преступление, я подумала о чем угодно, но только не о политической подоплеке дела. Почему-то я сразу решила, что дело в мошенничестве или в чем-то подобном. Впрочем, если Дайс хоть немного похож на отца... Такой человек не мог быть обычным вором или убийцей.

– Что с ним случилось? – Голос немного дрогнул, и я кашлянула, прочищая горло.

Дайс усмехнулся.

– А ты не знаешь? Любой с удовольствием озвучит подробности того скандала.

– Я хочу все услышать от тебя.

Дайс посмотрел на меня в упор, не знаю, что он увидел, но вытягивать продолжение истории мне не пришлось.

– Отец любил свою работу, пропадал на ней сутками. В его ведомство входили дела с внешними контрагентами. Он, кстати, участвовал и в первом контакте с землянами. Думаю, он пересекался с твоим отцом.

Я сглотнула. В груди появилось странное трепетное чувство. Почему-то от упоминания того, что наши отцы работали вместе, стало тепло и... волнующе. Глупость какая, Майя! Про нити Судьбы еще вспомни.

Как там говорил Алекс: «Судьба – это четко спланированное действие, выполненное с элементами импровизации»? Да, что-то подобное он обронил однажды.

– Я знаю, что у отца были враги, как у любого принципиального человека. Он никогда не шел на сделки с совестью, ему не хватало гибкости. – Уголки губ Дайса опустились вниз. – Думаю, именно поэтому решение суда огласили так быстро. Его расстреляли на третьи сутки после ареста. Как будто заматали следы.

– Какое было обвинение? – Воображение усердно рисовало картинки смертной казни, и

я отмахивалась от них – слишком красочно, слишком страшно.

– У него нашли документы, свидетельствующие о связях с эрийцами. Его обвинили в измене Родине.

– Ты же не думаешь, что он виновен? – несмело спросила я.

– Я *не верю* в его виновность, – мрачно усмехнувшись, пояснил Дайс. – Какое-то время я был одержим идеей фикс – найти настоящих преступников. Даже изучал окружение отца, его конкурентов и недоброжелателей.

– И?

– Бросил эту затею. Что бы ни случилось, прошлое – это прошлое. Мне нужно идти вперед. Теперь я – глава семьи и должен заботиться о ней. Месть никак этому не способствовала.

Я прикрыла глаза. Подумать только, Дайс получил удар под дых, но смог удержаться на ногах и двинуться дальше. Он не озлобился, не стал искать виноватых, а выстроил свою жизнь заново. С чистого листа.

Если это не смелость, замешанная на каком-то внутреннем благородстве, то я тогда не знаю, что это.

– Ты удивительный человек! – вырвалось прежде, чем я успела остановить себя.

– Странно, но я хотел сказать то же самое о тебе.

Наши взгляды скрестились, и жар опалил мои щеки. Дайс смотрел напряженно, испытующе; его ладонь оказалась совсем рядом с моей; я буквально чувствовала, как его пальцы тянутся обхватить мои, но в следующую секунду он резко потянулся к чашке с кофе и одним глотком допил его остатки.

– Думаю, нам пора. Твоя помощница скоро вернется.

Я озадаченно моргнула, а затем уязвленно согласилась:

– Да, пойдем. Я и сама хотела предложить.

Я встала первой и стремительно направилась к выходу. Я злилась. Конечно, на себя. Все было как-то странно и запутанно. Мне казалось, что я нравлюсь Дайсу, но его действия говорили о другом. Ничего не понимаю.

Возможно, оно и к лучшему. Совсем скоро я вернусь на Эрию и...

– Осторожно!

Дайс ухватил меня за локоть и помог увернуться от столкновения со спешащей толпой школьников. Только тогда я очнулась от своих мыслей.

– У вас опасно передвигаться пешком, – буркнула я в свое оправдание. – Того гляди, затопчут.

Дайс промолчал, лишь неопределенно передернул плечами. Мой локоть он так и не отпустил.

Так, нахмуренные и задумчивые, мы преодолели площадь и оживленную улицу и нырнули в арку, но пройти ее не успели. Нам навстречу вышли трое, и высота роста незнакомцев заставила меня нервно вздрогнуть. Когда с лица одного из них слетел капюшон и обнажил бледное лицо с тонкой, как будто из пергамента кожей, сомнений не осталось вовсе: передо мной стояли эрийцы, и что-то мне подсказывало, их намерения едва ли носили дружеский характер.

Стало ясно, что обойти их не получится. Они ждали именно нас.

Дайс выставил вперед руку, которая уперлась мне в грудь, и решительно задвинул меня за спину, а сам сделал шаг вперед.

– Чем обязаны? – спросил он на цинфийском.

Эрийцы, как по команде, сбросили капюшоны. Одетые в длинные темные плащи, они казались еще выше, чем были на самом деле. Я испуганно сглотнула. Меня не обманула невозмутимость, даже равнодушие, с которым все трое смотрели на меня, словно изучали. Определенно, их интересовала именно я, и теперь они мысленно сверялись с фотографией, ища сходства или различия. Видимо, сравнительный анализ их полностью удовлетворил, потому что один из них глухо скомандовал на эрийском:

– Девчонку взять, свидетеля убрать. Только без лишнего шума.

– Дайс... – шепотом начала я, неосознанно пятясь назад.

Тот не сводил настороженного взгляда с троицы, и как только они потянулись за чем-то во внутренние карманы плащей, Дайс крикнул:

– Беги!

Чистый первобытный страх вытеснил все мысли, он тек по венам и туманил голову, так что я послушалась, не раздумывая. Рванула с такой прытью, какую, видимо, от меня не ожидали. Я успела только заметить, как Дайс ринулся наперерез противнику. Сильный удар ногой, нанесенный в прыжке, выбил оружие из рук одного из нападавших. Звук упавшего и заскользившего по брусчатке пистолета отдавался в моей голове похоронным маршем, но играл он недолго.

Я не успела добежать до оживленной улицы. Запнулась о какой-то выступ и с воплем рухнула, да так, как, кажется, подвернула ногу. Отползая, я отчаянно шарила руками по брусчатке, ища хотя бы намек на оружие: камень, ветку – все что угодно, но тщетно. С ужасом пойманного в капкан кролика я смотрела на приближающегося эрийца. С двумя другими боролся Дайс, но силы были неравны. Несмотря на всю ловкость Дайса, справиться с такими мощными противниками ему могла помочь лишь небывалая удача.

Эриец молча наклонился ко мне, заглянул в лицо и, как показалось, брезгливо ухватился за ворот моей водолазки. Я пискнула и задержала ногами, как недовольный котенок, которого взяли за шкирку. Эриец едва заметно хмыкнул и обернулся к своим:

– Я ее поймал.

Полы его плаща распахнулись, и я увидела блеснувший во внутреннем кармане пистолет, которым он так и не удосужился воспользоваться. Видимо, посчитал добычу слишком легкой.

Алекс всегда говорил, что врага нельзя недооценивать.

Я не колебалась.

Решение было принято на уровне инстинктов и выполнено так быстро, что я даже не успела его осмыслить. Моя рука выхватила оружие и уверенно направила его в лоб эрийца, а пальцы смело нажали на курок, пока мозг все еще анализировал ситуацию.

Выстрел прозвучал глухо, почти бесшумно, но эриец, качнувшись, рухнул как подкошенный, и это уже не осталось без внимания. Его приятели отвлеклись, и ошибка дорого им стоила. Дайс каким-то совершенно немыслимым образом запрыгнул на одного из эрийцев сзади и обхватил его за шею согнутой в локте рукой. Раздался странный хруст, и я не сразу поняла, что именно с таким звуком ломаются позвонки. Я медленно опустилась на землю и уже оттуда увидела, как последний нападавший бросился бежать. Дайс кинулся к так и оставшемуся лежать оружию и, прицелившись, пустил несколько выстрелов, но опоздал: эриец нырнул во двор, где мы оставили машину.

Дайс выругался и обернулся. Его зрачки испуганно расширились, когда он увидел меня, распластавшуюся на холодной брусчатке.

– Майя!!!

Я не сопротивлялась, когда меня приподняли и аккуратно поставили на ноги, только поджала больную конечность, как цапля. Позволила разжать онемевшие пальцы и, не споря, отдала пистолет Дайсу.

– Как ты? Что с ногой?

– Не знаю. Наступить не могу, – отрешенно ответила я, с трудом фокусируя взгляд на Дайсе. На его виске нервно дергалась жилка.

– Перелом или вывих?

– Я убила человека, – совершенно невпопад сказала я.

– Майя! – Дайс легонько встряхнул меня за плечи. – Ты убила врага! И сделала это очень вовремя.

– Да? – механически переспросила я.

– Да, – кивнул Дайс и жестко добавил: – И сделаешь это снова, если твоя жизнь снова окажется в опасности, поняла?

Я промычала что-то невнятное, но Дайс принял это за согласие. Он чуть расслабился, но напряжение не покинуло его.

– Нам надо уходить. Во двор возвращаться не будем – опасно, да и на крыше нас могут ждать. Придется проникнуть в отель через парадный вход.

– Хорошо, – равнодушно сказала я. Перед глазами все еще стояла картина убийства: маленькая дырочка в центре лба эрийца, постепенно наливающаяся кровью.

– Майя, сосредоточься! – настойчиво позвал Дайс. – Если нас увидят вместе, то, возможно, разразится скандал, но в данной ситуации он предпочтительнее смерти, как думаешь?

– Согласна.

– Ты все поняла?

– Да.

Какое-то время я ощущала на себе сверлящий взгляд Дайса, затем меня отпустили, и я едва устояла на одной ноге. Почти тут же меня подхватили, а на спину накинули плащ и хорошенько укутали.

– Вот так, – пробормотал Дайс и бережно водрузил мне на голову капюшон. – Не снимай его, он спрячет лицо и позволит сохранить инкогнито. Хорошо?

Его пальцы трепетно коснулись моей щеки, убрали прилипший к ней волос и нежно мазнули по скуле, на мгновение замерев там. Его глаза встретились с моими, и по спине пробежала теплая волна мурашек.

– Хорошо, – шепнула я.

Дайс кивнул и, ненадолго отлучившись, вернулся со вторым плащом. Наблюдая за тем, как он натягивает его на себя, я поморщилась: это был трофей, снятый с трупа, так же, как и тот, что сейчас на мне.

Подумаю об этом позже. Намного позже.

Мы быстро покинули арку. То и дело оглядываясь, пересекли площадь и свернули к парадному входу отеля. Я шла, не поднимая головы и опираясь на Дайса. Его рука, придерживающая меня за поясницу, согревала и успокаивала.

В роскошном холле отеля на нас сразу обрушилась целая лавина заинтересованных взглядов. Некоторые комментарии, отпущенные негромко скабрёзным тоном, могли бы заставить покраснеть. В любой момент, но только не в этот. Сейчас я просто хотела оказаться в безопасности. Как побитый зверек, я стремилась в норку, чтобылизать раны.

– Кто за тебя отвечает? – Дыхание Дайса опалило мне ухо, и я вздрогнула.

– Прости?

– Кто твой опекун? Кто заботится о тебе?

Я не сразу поняла, что он имеет в виду.

– Брат.

– У тебя есть связь с ним? Я позвоню ему.

Я искоса посмотрела на Дайса, набирающего комбинацию для вызова лифта. Лица за капюшоном не было видно, но интонация выдавала решительный настрой.

– Зачем? – осторожно уточнила я.

– Я подверг тебя риску. Я обязан ответить. Случившееся – моя вина.

– Это вряд ли... – пробурчала я. Почему-то мне хотелось услышать другой ответ, но какой, я не знала. – Я сама с ним свяжусь.

– И все же...

Я подробно представила все детали общения Алекса и Дайса и, мысленно содрогнувшись, перебила:

– Правда. Я сама все улажу. Не вмешивайся.

Реакцию Алекса на звонок незнакомого человека я представляла очень хорошо. Сколько помню, братец вечно мониторил мое окружение, и, если в поле зрения появлялись подозрительные, по его мнению, личности, задерживались они ненадолго. Хватало одной беседы с Алексом – короткой, но, очевидно, душевной, чтобы новый друг, без объяснений исчезал с горизонта.

Нет уж, Дайса я и близко к Алексу не подпущу.

Двери лифта бесшумно распахнулись, и мы, по-прежнему провожаемые перешептываниями, шагнули внутрь. Следя за панелью, где высвечивались номера этажей, я молила, чтобы нам позволили добраться до цели без происшествий. Не знаю, сработал или нет мой жалобный призыв, но в коридоре нас никто не ждал. Только моя охрана скучаяще подпирала двери и неохотно перекидывалась между собой ничего не значащими репликами.

При виде нас они подобрались и потянулись к оружию.

– Все в порядке, – бросила я на цинфийском, стягивая с головы капюшон. – Это я.

– Госпожа Майя Данишевская? – недоверчиво переспросил один из них. – Но вы же...

– Не спрашивайте ни о чем, – устало попросила я, уже не скрывая своего знания языка. Не до того. – Дайсак Акано пройдет со мной.

Дайс тоже сбросил капюшон и, не переставая поддерживать меня за спину, лаконично приказал:

– Проверьте номер. В спальне активирован режим звездного неба, крыша открыта.

К моему удивлению, они послушались. Один остался охранять нас, двое других проскользнули за дверь.

Видимо, было что-то в голосе и выправке Дайса, что заставляло подчиняться ему в экстренных ситуациях не только меня.

– Сеть восстановили? – сухо спросил Дайс.

– Пару минут назад.

– Свяжитесь с ее помощницей. Пусть немедленно едет сюда. Скажите ей, что госпоже Майе Данишевской нужна медицинская помощь.

– Как скажете.

Я наблюдала за этим кратким разговором отстраненно, в голове уже прокручивала то, что скажу Алексу.

– В номере все чисто!

Двое охранников вернулись в коридор. Мне казалось, что еще немного, и они отдадут честь Дайсу. Забавно...

– Отлично. Ждите здесь.

Переступив порог и оказавшись в дышавшем прохладой длинном холле, я с облегчением перевела дух, напряженные лопатки расслабились и заныли. Вспомнив, что оставила нетбук прямо на тумбочке в спальне, я испуганно встрепенулась и заскакала по скользкому полу.

– Где? – понимающе спросил Дайс.

– В спальне, – пропыхтела я.

Я ойкнула, когда Дайс подхватил меня на руки.

– Береги ногу, – тихо попросил он.

В его объятиях было так уютно, что я притихла и прижалась лбом к его плечу.

Дайс легко пересек холл, миновал кухню и ванную комнату и толкнул дверь спальни. Постояв немного, он неохотно посадил меня на кровать. Его руки задержались на моей пояснице чуть дольше положенного.

Заметив нетбук там, где оставила его, я возликовала и возблагодарила Небеса за помощь. Потянувшись к небольшому кусочку металла черного цвета, в котором сейчас заключалась вся моя жизнь.

– Мне выйти?

– Да, пожалуйста, если не сложно, – рассеянно согласилась я и спохватилась: – Только не уходи совсем!

– Я подожду в гостиной.

Дайс деликатно прикрыл дверь спальни, оставив меня в одиночестве. Запустив пальцы в рассыпавшиеся по плечам волосы, я нервно перекинула их на одно плечо, глубоко вздохнула и вызвала Алекса.

– Майя? – Экран бесстрастно показал чуть осунувшегося с нашей последней встречи Алекса. Его косичка воинственно торчала, а губы были обветрены и искусаны. – Что-то случилось?

– Случилось, – опуская приветствие, сказала я и решила выложить на стол все карты сразу. – На меня напали эрийцы.

– Где? – Алекс потянулся к монитору. Теперь его лицо стало еще ближе. Я увидела, как его щека дернулась, но, возможно, показалось. – В отеле или на студии?

Этого вопроса я страшилась. Я знала, что беспричинно подвергла себя риску, и понимала, насколько глуп мой поступок по мнению брата.

– На улице, – выдавила я.

– Что ты там делала?

– Вышла прогуляться.

– Одна?!

– Нет, с Дайс... аке Акано.

– Значит, с Дайсаке Акано? – ровно уточнил Алекс, и от его холодного тона меня бросило в дрожь.

– Да, но он тут ни при чем... Послушай, мне жаль, что...

– Сколько было нападавших? – перебил Алекс.

– Трое. – Я выпрямила спину. Не буду оправдываться. Бесполезно.

– Где они сейчас?

– Двое мертвы. Один сбежал.

Алекс заинтересованно оторвался от наладонника, в котором уже что-то набирал.

– Дайсаке Акано справился с обоими?

– Нет. – Я вздрогнула. – Одного убила я...

Алекс замер от моих слов, наладонник в его руках едва заметно дрогнул.

– Хорошо. Не зря я учил тебя владеть оружием.

– Алекс, я...

Мне снова не дали продолжить:

– Они что-нибудь говорили? Озвучили требования?

– Нет. Ты думаешь, они хотели убить меня?

– Вряд ли, – лаконично проговорил брат. – Скорее похитить и использовать как метод давления на меня.

Я заледенела. Представила, как моей жизнью шантажируют Алекса, и испуганно оттянула ворот водолазки, обернувшейся вдруг удавкой вокруг шеи.

– И ты бы... Ты бы согласился на их условия? – вопрос сорвался с губ сам собой, я не успела его осмыслить.

Алекс посмотрел на меня, как на маленькую девочку (он часто на меня так смотрел), но смягчился.

– Это не имеет значения, Майя. От заложников всегда избавляются. Выполни я их требования или нет – итог один.

– То есть...

– К тебе уже едут Айю Вонг и Ито Кейтаро, – спокойно продолжил Алекс. – Теперь за твою безопасность отвечает он.

– Что-о-о?!

– Присмотрись к нему, Майя. Мы нашли с ним общий язык.

– На что ты намекаешь? – Это был не вопрос, а шипение разозленной змеи.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать, – пожал плечами Алекс. К нему вернулась невозмутимость. – Больше не допускай таких досадных ошибок. С последствиями я разберусь.

Я ошарашенно взидала на Алекса, готового попрощаться и развить бешеную активность, и не могла понять: можно ли его реакцию считать нормальной? Ведь у него едва не похитили сестру...

Сердце сжала обида. К ней примешивалась злость: я догадывалась, к чему вел Алекс, приплетая в наш разговор Ито Кейтаро.

– Даже не надейся!

– Ты о чем?

– О твоём дурацком плане! Я не кукла, и веревочек у меня нет.

– Я не сомневаюсь в этом. – Брови Алекса взлетели вверх. – Постарайся отдохнуть. Ты слишком устала.

Я уже хотела в сердцах захлопнуть нетбук, когда услышала пожелание, больше похожее на просьбу:

– Береги себя, Майя.

Что-то в голосе братца задело меня, рука дрогнула на полпути, и крышку нетбука я прикрыла медленно и мягко.

Я огляделась: комната была прежней – те же светлые стены, высокое окно, залитое лучами солнца, мягкое покрывало на кровати, но что-то изменилось.

Я изменилась.

Я убила человека. К этой мысли надо было привыкнуть.

Я покрылась гусиной кожей, хотя в номере было тепло, и обхватила себя за плечи. Меня начало потихоньку потряхивать; мозг отключился еще не полностью, и я разозлилась: только истерики сейчас не хватало!

– Можно?

Стук в дверь показался раскатами грома, и я испуганно клацнула зубами.

– Входи, Дайс.

Он легонько толкнул дверь и, перешагнув порог, замер напротив меня. Руки спрятаны в карманах джинсов, плечи немного сутулены; но у меня перед глазами стояла иная картина: ноги, наносящие молниеносные удары, руки с выступившими венами, берущие противника в захват, чужая шея, изгибающаяся под нереальным углом...

– Как ты?

– Жить буду. Возможно, даже долго, – выдавила я и спохватилась: – А что с тобой? Ты не ранен?

Дайс усмехнулся:

– Бывали передраги и похуже. – Уловив молчаливое недовольство, поднял вверх руки. – Я в порядке, правда. Я живучий.

– Хорошо. Я бы не хотела, чтобы ты из-за меня пострадал.

– Ты не должна из-за меня переживать, – сказал Дайс и сменил тему: – Как отреагировал твой брат?

– Выдал мне индульгенцию, но обещал все припомнить, – мрачно пошутила я и раздраженно попросила: – Ты не мог бы сесть? Устала смотреть на тебя снизу вверх.

Дайс искал стул, не нашел и после короткой заминки неуверенно опустился на кровать рядом со мной. Матрац под его тяжестью прогнулся.

– Почему ты назвала меня Дайсом?

В другой раз я бы смутилась, но сейчас я все еще была там, в подворотне, поэтому ответила спокойно и даже немного равнодушно:

– Я давно тебя так называю. В мыслях. Это сокращенно от твоего имени. – Повисла пауза, и я все же опомнилась: – Ты против?

– Нет, мне нравится. – Он покачал головой. – Я тоже зову тебя по имени. Это не совсем... правильно.

– К черту правила, – меланхолично огрызнулась я. – От «госпожи Майи Данишевской» меня уже тошнит. Назовешь меня так еще хоть раз, и я... пристрелю тебя.

Угроза вырвалась сама собой и показалась настолько отвратительно-реалистичной, что я поморщилась, а затем закрыла лицо ладонями. Я никак не могла восстановить утраченное равновесие.

– Майя... – Дайс мягко убрал мои руки и приподнял подбородок. Его карие глаза вспыхнули золотистым светом в темноте, куда я медленно падала, и я уцепилась за этот свет, как утопающий хватается за соломинку. – Я был там. Я все видел. У тебя не было другого выхода.

– Выход есть всегда.

– Неправда, и ты это знаешь.

Дайс смотрел прямо, открыто, и от его взгляда ледяная стена, возникшая вокруг сердца, дала трещину и рассыпалась осколками, царапающими грудь. Из глаз полились слезы, но я поняла, что плачу, лишь когда образ Дайса затуманился, а на губах появился солоноватый привкус.

– Теперь это навсегда останется со мной. То, что я сделала. От этого не отмыться.

К своему стыду, я разревелась уже по-настоящему. Уткнулась в плечо Дайса и позволила темноте обступить себя.

– Да, это станет частичкой тебя, – хрипло согласился Дайс. Его рука трепетно коснулась моей спины, притянула к себе и заключила в теплое, крепкое объятие. Его ладонь прошла по моим волосам и пропустила сквозь пальцы несколько прядок. – Это то, что сделает тебя сильнее. Уже сделало. Ты справишься, Майя.

– Я так не думаю. Я не уверена... – промямила я, комкая его рубашку.

– Зато я уверен. Я уверен в тебе. – Его дыхание щекотало мне шею и ласкало кожу, как теплый солнечный ветер в погожий весенний день. Хриловатый голос проникал в душу и изгонял из нее темноту. Жизнь медленно обретала краски, ароматы и звуки.

Дайс отстранился, и без его поддержки, без объятий на меня снова навалилась пустота – секундное чувство почти сразу растаяло и оставило после себя едва уловимое разочарование. Дайс с благоговением коснулся моих щек, пальцами убрал слезинки.

– Не плачь, – тихо попросил он. – Ты слишком красива, чтобы плакать...

Кожу пронзали иголочками там, где ее касались подушечки пальцев Дайса. Я казалась себе оголенным проводом, который вот-вот замкнет. Близость Дайса туманила голову, посылала по телу короткие вспышки, спина покрылась мурашками. Все исчезло, отступило назад, и в завертевшейся картине отчетливо проступило лицо Дайса. Его губы были приоткрыты и так близко от моих... Я втянула носом аромат его туалетной воды, смешанной с запахом пота, и потянулась к нему.

Правильно или нет – неважно. Уже неважно.

– Госпожа Майя Данишевская!

Я дернулась, отклонилась и едва не упала с кровати. Хорошо, что Дайс вовремя подхватил. Только второй покалеченной ноги мне и не хватает для полного комплекта.

В спальню влетела Айю, и я, не удержавшись, скрипнула зубами. Почему бы ей не прийти на пять минут позже? Тогда бы губы не саднило разочарованием.

– Вы в порядке? – встревоженно спросила она. Легкое пальто распахнулось и обнажило коралловую блузку с развязавшимся бантом. Прическа растрепана, дыхание сбито, как будто она бежала.

– Абсолютно, – заверила я и вздохнула. Айю обладала даром обламывать любой намек на поцелуй, но вряд ли в этом была ее вина. Не думаю, что она делала это специально.

Представив, как Айю стоит под дверью и ждет нужного момента, чтобы своевременно и эффектно вмешаться, я хихикнула. Почему-то воображение подсунило Айю в парике восемнадцатого века. Кажется, именно тогда в чести были дуэны.

Айю быстро окинула взглядом комнату и поджала губы. Она посмотрела на нас в упор, и я покраснела, а Дайс поспешно встал и отошел к окну, и вовремя: в холле раздался голос Ито Кейтаро, а спустя пару минут появился он сам в сопровождении поджарого высокого мужчины средних лет.

– Госпожа Майя Данишевская. Дайсакэ Акано. – Нас поприветствовали поклонами, отвесив мне, по традиции, более низкий, чем Дайсу, и я поморщилась. Эти церемонии стали утомлять. – Позвольте представить господина Ярроу Хати. Он лечащий врач нашей семьи.

Я кивнула, Дайс поклонился.

– Он осмотрит вас на предмет травм, – на всеобщем пояснил мне Ито и продолжил уже на цинфийском: – Давайте оставим госпожу Майю Данишевскую с лекарем. Не будем ее смущать.

Я нервно хмыкнула. Смутить меня становилось все более сложной задачей.

Как только гости покинули комнату, врач потянулся к небольшому черному чемоданчику, который все это время держал в руке, открыл его, проверил инструменты и медленно, как будто я читала по губам, попросил на цинфийском:

– Покажите, что вас беспокоит.

Я бесцеремонно выставила больную ногу. Врач присел возле меня на корточки, деликатно, но тщательно осмотрел предмет разговора и быстро определился с диагнозом:

– Небольшое растяжение и сильный ушиб. Ничего страшного. Пару дней постельного режима и холодные компрессы.

Я с облегчением выдохнула. Конечно, я понимала, что при переломе ноги не смогла бы так бодро скакать, но все же мне было спокойно.

– Сейчас я позову вашего жениха и объясню ему ситуацию. Господин Ито Кейтаро!

Улыбка на губах заledenела, и я не обратила внимания, что в спальню снова вошел Ито, а за ним – Айю.

Жених?!

Врач повторил все то же самое, что сказал мне, вытащил какие-то пузырьки из чемоданчика и принялся давать подробные инструкции Айю. Та внимала с самым серьезным лицом и часто-часто кивала.

– А где Дайс... аке Акано? – Я встревоженно заозиралась.

– Он уже ушел, – с готовностью откликнулся Ито. – Ему еще готовиться к завтрашним съемкам.

– Ну да... – растерянно согласилась я. – Я его не поблагодарила за помощь.

– Не переживайте. Я сделаю это за вас. Думаю, сумма, перечисленная на его счет, избавит нас от дальнейшего недопонимания.

Ито держал лицо и выглядел непринужденно, но в нем чувствовалась какая-то настороженность, а слова звучали двусмысленно, будто он что-то недоговаривал.

– Я не думаю, что...

– Вам нужно поспать, Майя, – перебил Ито и сверкнул сочувствующей улыбкой. – Вы многое пережили сегодня. Ваша нервная система нуждается в перезагрузке. Сейчас господин Ярроу Хати сделает вам укол снотворного, и вы отдохнете.

Я хотела запротестовать, но поняла, что это бесполезно. Поджала губы, прищурилась и произнесла с нотками угрозы:

- Хорошо. Но когда я проснусь, нам придется кое-что обсудить. Наедине.
- Буду счастлив в ожидании этого момента, – заверил тот и жестом подозвал врача.
- Вы можете не волноваться! – зашептала Айю, встав у моего изголовья. – Теперь я от вас не отойду! Свернусь клубочком у вашей постели, но не оставлю.
- М-м-м... Спасибо, – неловко поблагодарила я. – Это очень мило.

Айю затрясла головой, но ее образ уже расплывался, превращаясь в неяркое пятно. Внутреннюю сторону локтя кольнуло, словно комар укусил, и почти сразу веки налились тяжестью. Я зевнула и с разбегу упала в объятия Морфея, пахнущие туалетной водой Дайса и весенним ветром.

Я злился. Злился по-настоящему. Дело было не в том, что сказал мне Ито Кейтаро, в конце концов, я не услышал для себя ничего нового. Мне лишь деликатно (вполне деликатно, я ожидал более жесткого подхода) намекнули: мое присутствие рядом с Майей нежелательно. Если я сам не уберусь с дороги, меня уберут. Ничего нового. Вполне предсказуемый расклад.

- Будьте умнее вашего отца, Дайсаке Акано. Гибкость и умение лавировать – весьма похвальные качества, не имеющие ничего общего с трусостью и слабостью. Запомните это.

После этих слов мне захотелось ударить по самоуверенному лицу Ито Кейтаро. Меня раздражало в нем все: хитрость, настойчивость, хорошо подвешенный язык и ум, лишенный сердца. Он был как машина и, поставив цель, шел к ней, не оглядываясь. Я знаю, вся его семейка такая.

Вот еще одна причина ему врезать: наши отцы никогда не ладили, а между нами какое-то время было соперничество, закончившееся моим поражением.

Логичный исход, когда твоего отца обвиняют в измене Родине и предают скорому суду.

Жизнь научила меня сдержанности, поэтому я не стал ввязываться ни в спор, ни в драку. Сжал чesавшиеся кулаки и молча развернулся. Признаться, брошенная в спину угроза заставила ухмыльнуться – не так уж уверен в себе Ито, раз говорит нечто подобное:

- Я серьезно! Не путайся под ногами. У меня договоренность с ее братом.

Я не стал останавливаться, не стал спрашивать: «А с ней самой?»

Я и так знал ответ.

Майю втянули в политическую игру, сделали пешкой. Никто не спрашивал ее мнения, и от этого становилось мерзко, как от воняющей пепельницы в чисто убранной комнате.

Возвращаясь домой, я то и дело вспоминал наше недолгое свидание. Без мишуры и блеска гламурных нарядов Майя казалась трепетной и нежной птицей, которую нельзя сжимать в руках, лишь отпустить в небо и любоваться ее полетом. Ее хотелось защитить, хотя сегодня она снова доказала, что в состоянии сама за себя постоять. Многогранность ее натуры, где смелость и отвага смешались с ранимостью и хрупкостью, все больше притягивали меня, и я ничего не мог с этим поделать. Я все чаще думал о ней. Ведь мне вовсе необязательно было приезжать за сценарием, но я задержался (поломка Сети – случай в каком-то смысле уникальный) и решил навеститься, узнать, не нужна ли моя помощь.

Идиот. В итоге я только навредил ей. Согласился на прогулку, потому что слишком сильно желал этого сам, потому что синие глаза смотрели с мольбой и у меня попросту не хватило духу на отказ.

Я злился. Злился на собственную слабость, на страх, который теперь не отпускает – жизни Майи может снова угрожать опасность, а я слишком далеко, чтобы защитить ее.

Злился из-за того, что хотел быть рядом и понимал: мне не место рядом с ней.

Майя – птица не моего полета. Возможно, если бы не положение сына преступника...

Хватит. Думать об этом – только душу рвать. А она и без того вся в заплатках.

И все же злость не отпускала. Я даже включил автопилот, опасаясь не справиться с управлением машиной. Тупо уставился в окно и вспоминал нежность ее кожи, цветочный аромат волос и прерывистое дыхание, когда ее губы были так близко от моих... Вместе со сладостью пришла и горечь. Я снова увидел ее слезы, намочившие рубашку, и тело, сотрясающееся от рыданий, захлебывающееся в своем горе...

Злость объяснялась просто: самое лучшее, что я мог сделать для Майи, – отойти и не путаться под ногами у Ито Кейтаро. Он действительно сможет ее защитить. Сделать ее жизнь счастливой вряд ли, а вот безопасной – легко. Его связей хватит.

Эта мысль резала по живому и заставляла бессильно скрипеть зубами не только от раздражения, но и от... боли?

Глава 11

Я проснулась резко, как будто меня толкнули. Распахнула глаза и испуганно уставилась в темноту. Какое-то время не могла сообразить, где я, а потом сердце, пропустив удар, снова забилося в прежнем ритме. Я вспомнила, где нахожусь и почему мне приснился кошмар.

Я села в кровати и потянулась к ночнику. Неяркий свет разогнал призраков над головой, но отбросил пугающие тени на стены. Одежда была вся мокрой от холодного липкого пота, видимо, я металась во сне. Деталей кошмара я уже не помнила, и интуиция подсказывала, что оно и к лучшему.

Я привстала и едва не вскрикнула: в ногах, свернувшись калачиком, дрых монстр. Чуть позже я опознала в монстре потешно сопевшую Айю, но было уже поздно: сердечный приступ определенно замаячил на горизонте и пообещал вернуться попозже. Давно я так не пугалась...

Я осторожно, чтобы не разбудить Айю, выскользнула из постели и скрылась в ванной. С удовольствием содрала с себя одежду и встала под теплые струи душа. Вода стекала по коже, смывала пот, уносила ночной кошмар и затягивала душевные раны. Подставляя лицо колким водным иголочкам, я ловила капли ртом и с каждой минутой все отчетливее понимала: ничего страшного не произошло. Все позади. Бояться нечего.

Я намылила мочалку какой-то вкусно пахнущей жидкостью и начала тереть себя. Поначалу ожесточенно, будто сдирая кожу, а затем все спокойнее. Не сразу, но поняла: я и без того чистая, мне не от чего отмываться.

Дайс прав. У меня не было выбора.

Воспоминания о Дайсе заставили улыбнуться. Впервые я встретила человека, настолько самоотверженного, внимательного, заботливого. Ведь не бросил меня, проводил в отель, да еще и подумал о мерах предосторожности вроде плащей с капюшонами. Безропотно сидел со мной в ожидании Айю и бровью не повел при виде моей истерики. Он...

Я запнулась. Слишком много определений подходило ему. В карусели мельтешащих слов я выцепила то, что согрело сильнее прочих: надежный. Да, Дайс именно такой – надежный.

Я ослабила напор, а затем и вовсе выключила воду. Ступила мокрыми ногами на мягкий коврик, вытерлась полотенцем и запахнула длинный, безразмерный халат. Чуть подсушила волосы и на цыпочках вернулась в спальню, где на ощупь стянула нетбук и все так же бесшумно проскользнула в гостиную.

Четыре пятьдесят пять. Понятно, почему Айю спит так крепко – самое сладкое время для сна.

Я присела на диван, поджав босые ноги к груди и держа в руках нетбук. В голове звенела пустота.

Собравшись с мыслями, я открыла крышку, активировала работу программы и вызвала Лиди. Подруга наверняка с ума сходит. Ее нужно успокоить.

Десять гудков подряд – и молчание. Ладно.

Я сбросила и вызвала снова. Разбудить Лиди я не боялась: учитывая разницу во времени, на Эрии как раз раннее утро.

Молчание.

Я нахмурилась. Возможно, собирается на работу и не слышит? Вызову еще раз.

Когда на экране появилось изображение, я с облегчением перевела дух и горячо начала:

– Лиди! Слава богу! Я уж думала... – Фраза оборвалась, слова замерли на губах.

Передо мной был Алекс. Немного потрепанный, в помятой одежде, бледный от недосыпа и переутомления, но это был он.

– Доброе утро, Майя, – спокойно сказал он. – Ты рано встала.

– Выспалась, – сипло проговорила я. Нехорошее предчувствие змеей сжало сердце. – А Лиди... Она...

Алекс вздохнул, ненадолго отвел взгляд, а затем ровно продолжил:

– Мне нужно кое-что сказать тебе. Вряд ли ты сможешь объективно посмотреть на вещи, но постарайся.

- Что происхо...

- Я закончил расследование. - Брат никогда не позволял себя перебивать, поэтому мне оставалось лишь молча слушать. - Мне не хочется тебя огорчать, но ситуация такова, что смысла тянуть с этим я не вижу. На Лиди вышли эрийцы. Шантажируя ее жизнью Макса (того глупого и невезучего паренька, ты помнишь), они заставили ее выманить тебя из номера отеля. Временный выход из строя Сети - тоже их рук дело. Цинфийцы обещали усовершенствовать защиту сервера. С точки зрения безопасности...

- Что с Лиди? - Губы не слушались, язык будто онемел, и я сама не узнала свой голос.

- Она призналась во всем, и я ее отпустил.

- Что-о-о?!

- К сожалению, за территорией нашего посольства ее уже ждали эрийцы. - Алекс помолчал и жестко закончил: - Она мертва, Майя. Мне жаль.

- Нет. - Я не верила. Этого просто не могло произойти. - Зачем ты ее отпустил?!

- Я не могу оказывать содействие предателям.

- Она не предатель! Она - моя подруга!

- Она сделала свой выбор. - Я, заледенев, смотрела на Алекса и не понимала, о чем он говорит. В груди разрывалось на части и кровоточило истерзанное сердце. Видимо, это отразилось на лице, возможно, я побледнела, потому что братец поторопился продолжить: - Майя, она предала тебя. Она знала, что своим звонком поставит тебя под удар, понимала, что тебя похитят, но все равно сделала это.

- Она переживала за своего парня! Ее поставили перед нереальным выбором: моя жизнь или жизнь Макса. Наверное, пообещали, что мне не сделают ничего плохого.

- По статистике...

- Как бы ты поступил на ее месте?! - Я просто захлебывалась. Злость, боль, обида и непонимание душили, вырываясь наружу беззвучными слезами.

- Я бы не предал друга. По статистике заложников не возвращают в девяносто девяти процентах случаев. На тот момент, когда эрийцы связались с Лиди, Макс был уже мертв. Она ничем не могла ему помочь, но в ее силах было навредить тебе.

- Ты просто бездушная машина... - Я не слушала Алекса, в ушах звенела его фраза о статистике. - Все время подсчитываешь вероятности! Кто, кроме тебя, станет думать о статистике в момент, когда близкому человеку плохо?

- Любой разумный индивид, - отбрил Алекс. - Майя, успокойся и постарайся понять...

- Ненавижу! - Меня уже трясло. - Ты отпустил ее, отправил на верную смерть...

- Да! - сорвался Алекс. - И знаешь почему? Потому что идет война. Я не могу покрывать предателей, пусть даже тех, кто совершил преступление по глупости. Сейчас не время для всепрощения. Мои люди должны знать, что верность поощряется, а трусость наказывается. Все просто, понимаешь?

Я хватала ртом воздух, легкие разрывало. Наверное, именно так ощущают себя рыбы, лишенные родной среды.

Перед внутренним взором стояла Лиди. Веселая, искрометная, неунывающая. В карих глазах сверкает ирония, каштановая челка падает на лоб, большой рот кривится - она сдерживает смех. Она часто смеялась. Говорила, что пока улыбаться не запретят законом, она будет это делать.

Лиди...

Неунывающая девочка, похожая на пони, с которой я дружила почти десять лет. Девочка, ставшая мне сестрой. Девочка, всегда принимавшая мою сторону.

Лиди...

- Я ненавижу тебя, Алекс. - Меня еще продолжало трясти, но слез больше не было. Голос почти не дрожал. - Тебя, твою политику, твои игры и непонятные мне законы морали.

– Майя...

– Не хочу больше иметь ничего общего с тобой. Никогда не прощу тебя.

– Майя!

Я нажала на отбой и с силой запустила нетбуком в стену. Тот, жалобно звякнул, впечатался в препятствие, но, кажется, остался цел. Вещи Алекса, видимо, перенимали манеру поведения хозяина – выживали при любых обстоятельствах.

В отличие от обычных людей...

Я опустилась на пол и свернулась в позу эмбриона. Тело сотрясала дрожь, но это было неважно. Крепко зажмурившись, я уткнулась лицом в коленки и просто ждала. Ждала, когда режущая боль отступит. Я знала, придется набраться терпения, но рано или поздно станет легче.

Хотя бы настолько, чтобы вдох не казался глотком расплавленного олова.

Я, следуя рекомендациям врача, провела в постели два дня. Боль в ноге отпустила быстро, но сил встать все равно не было – душевные раны затягивались гораздо хуже телесных. Как ребенок, захлебывающийся в собственном крике, я полностью погрузилась в то глухое одиночество, называемое пустотой, и даже нашла в нем какое-то изматывающее удовольствие. В таком состоянии чувство потери не грызло, а лишь покусывало: с ним можно было ужиться.

Я ходила как сомнамбула и при возможности старалась обходиться без слов. Кажется, Ито выдохнул с облегчением: наш с ним разговор отложился на неопределенный срок. Ни на секунду не выпадая из роли, он деликатно не стал утомлять меня своим присутствием, но при этом не забывал звонить Айю три раза в день и узнавать о моем состоянии. Это не ускользнуло от внимания, но абсолютно не задело сердца: так же, как и корзинки с фруктами, букеты цветов и визиты врача, организованные, несомненно, им же. Я не отказалась от намерения поговорить с Ито и расставить все точки над «i», но решила немного подождать. С Ито нельзя было действовать спонтанно, а при попытке анализа мозг просто отключался: воспоминания, всплывающие в памяти, неизменно вызывали его перезагрузку.

Краем сознания я отмечала, что Айю ни на минуту не отходила от меня. Передвигаясь на цыпочках, она охраняла мой сон, пичкала едой, как самая терпеливая сиделка, и не пыталась завести никаких душеспасительных бесед, за что я была особенно благодарна. Любые утешения сейчас казались слишком фальшивыми и несвоевременными.

На третье утро я неохотно сползла с кровати и подошла к окну. Вгляделась в яркое летнее небо, которое солнце пронзило своими лучами, и поняла, что пора вытягивать себя из этого болота. Лиди бы не хотела видеть меня сломленной.

Я распахнула дверь спальни и позвала Айю. Надо было видеть ее реакцию, когда я сказала, что мы едем на студию: удивление, растерянность, восхищение, радость – калейдоскоп чувств вспыхнул, как фейерверк, запущенный темной холодной ночью. И неожиданно мне стало немного легче. Я не знала наверняка, искренне ли относится ко мне Айю или же я для нее лишь работа, но почему-то мне казалось, что я для нее значу чуть больше, чем просто задание.

Правда, возможно, ее трепет объяснялся тем, что я – ее первое задание, но мне не хотелось об этом думать.

Я позволила Айю выбрать мне наряд и послушно залезла в узкое, длинное темно-синее платье без рукавов с немного расклешенным низу подолом. Накинула сверху джинсовую куртку, распустила волосы и предоставила лицо в полное распоряжение Айю. Когда час спустя я в сопровождении новой охраны (видимо, людьми Ито) вышла из номера, то ни за что бы не узнала в красивой, холодной девушке себя. Оно и к лучшему: ни видеть, ни слышать себя сейчас я не могла.

В студию вошла невозмутимо, привычно покачивая стаканчиком с кофе, и приподняла брови под темными круглыми очками – творческий процесс сопровождался небывалой суматохой, граничащей с паникой. На площадке никогда не царило спокойное умиротворение, но степень хаоса говорила, что в этот раз случилось что-то из ряда вон выходящее.

– А-а-а! Госпожа Майя Данишевская... – Игибо Майс вытер пот со лба концом пестрого шелкового платка и небрежно повязал его на шею. Уставший и нервный, он не сразу поприветствовал меня поклоном, но быстро спохватился и коротко извинился за заминку.

– Все в порядке, – отмахнулась я и перешла к сути: – Что тут происходит?

Игибо Майс злобно фыркнул в сторону одного из костюмеров, так что бедняжка испуганно подскочил и поторопился обратиться с недовольных очей начальства подальше. Возившийся с

аппаратурой осветитель предусмотрительно замер, изобразив необычный предмет интерьера – видимо, спародировал домашнюю пальму в горшке, а вот оператор, настраивавший камеру, замешкался, за что получил в спину ободряющую угрозу увольнения и спонтанный анализ его родственных связей. Лишь после этого Игибо Майс повернулся ко мне и раздраженно объяснил:

– План съемок полетел к злым ринам! Мы отстаем от графика. Пришлось менять очередность сцен. Сейчас будем снимать разговор главной героини с отцом.

– А как же финальное прощание героев?

– Снимем завтра, когда Дайсаке Акано (неразборчивое ругательство) выйдет на работу.

Сердце встрепенулось пойманной в силки птиц. Впервые за два дня волнение кольнуло тело и пробежало на спине мурашками.

– А что случилось с Дайсаке Акано? – Губы слушаются, уже хорошо. Возможно, говорю не так четко, потому что Айю пришлось переспросить, прежде чем перевести, но это уже мелочи.

– Заболел! – Игибо Майс выплюнул это слово, как дракон, фыркающий огнем. Разве что дым из ноздрей не пошел. Впрочем, возможно, это дело поправимое...

В легких сразу появился воздух. Надо же, даже не поняла, что все это время стояла, затаив дыхание. Заболел. Ничего страшного, все болеют.

Кажется, я сказала последнюю фразу вслух, причем на цинфийском, потому что Игибо Майс снова гневно содрал с шеи платок. Я непроизвольно шагнула назад. Было ощущение, что этим платком меня сейчас попытаются задушить. Но нет. Скомканный шелк вновь оказался водружен на прежнее место – на покрывшуюся красными пятнами шею режиссера.

– Госпожа Майя Данишевская, – с вежливостью, граничащей с издевкой, проговорил Игибо Майс. – Болеть можете позволить себе вы. Или ваша многоуважаемая помощница. Возможно, даже с температурой и соплями свалится кто-то из вашей охраны. Но мои актеры не болеют! Болеть они могут после окончания съемок столько, сколько их душе угодно. Даже если им захочется умереть, я не буду протестовать, но только *после* завершения работы над фильмом.

Мы с Айю переглянулись. На ее лице я прочла то же желание поскорее смыться от разгневанного режиссера, что испытывала сама.

– Не разделяю вашу позицию, но понимаю ее, – осторожно сказала я и быстро ретировалась под предлогом неотложных дел.

– Разве мы не будем присутствовать на съемках? – удивилась Айю, когда я потащила ее к выходу.

– Нет, не сегодня, – пробормотала я, раздумывая о том, как незаметно обойти журналистов на выходе.

– У нас другие планы?

– Угу. Навестим Дайсаке Акано. – Я не хотела в этом признаваться, но при мысли, что Дайс заболел, мне становилось беспокойно. Хотелось убедиться, что это действительно обычная простуда, а не что-то серьезное.

– Это не понравится Ито Кейтаро...

– Верно. – Я остановилась и посмотрела на Айю. Слова прозвучали жестко, но иначе было нельзя. Мне надоело ходить вокруг да около. – Слушай, я знаю, что ты выполняешь поручение отца и приглядываешь за мной. Также понимаю, что у моего брата с твоим отцом какая-то договоренность и к этому славному дуэту недавно присоединился еще и Ито. Не знаю, какие планы у этой троицы, но пешкой быть не хочу. Понимаешь?

Айю сглотнула и опустила ресницы:

– Да.

– Отлично. Тогда все просто: либо ты со мной, либо с ними. Выбирай. – Я скрестила руки и напряженно застыла. Знала, что рискую: кто я такая, чтобы требовать от Айю подобного? Но все же решила попытаться. Не могла иначе.

– Я с вами! – Айю подняла голову и лихорадочно сжала мою ладонь. – Быть незначительной фигурой в мужской игре, знать, что тобой могут пожертвовать, – это ужасно! Я вас понимаю. Потому что...

Айю запнулась и закусила губу. На ее лбу пролегла глубокая складка, которая сразу же сделала ее старше. Я пожала ее руку в ответ:

– Я знаю, знаю...

Пропать, лежавшая между нами, как будто стала меньше. Мы и до этого маленькими, почти незаметными шажочками сокращали расстояние, но теперь как будто кто-то перекинул мостик. Мы с Айю выросли в схожем окружении и оказались в почти идентичном положении. Сложно не сочувствовать человеку, на долю которого выпали те же испытания, что и тебе.

– Я действительно шпионю за вами. – Айю некрасиво шмыгнула носом. – Мне это не нравится, но... Когда отключили Сеть, я запаниковала, не знала, что делать, и поехала к отцу за инструкциями. Вот тогда, в машине, мне стало так мерзко на душе... Я, верный цепной пес, сама побежала за новым поводком...

Айю замолчала, и я не стала развивать тему. Откровенный разговор посреди коридора и спящей толпы – это слишком странно. Впрочем, возможно именно такая атмосфера и сделала признание более искренним?

– Так ты поедешь со мной к Дайсу? – уточнила я.

– Да. И ничего не скажу Ито Кейтаро, но он все равно узнает: в охране сейчас работают его люди.

– Но слушаются они тебя?

– Да, конечно. Ведь именно я за вас отвечаю.

– Отлично, – я выдохнула с облегчением. Мысль о том, что охрана воспротивится моей поездке пугала. В то же время бесшабашные идеи улизнуть от амбалов мелькнули на периферии сознания, но не задержались надолго: слишком свеж был недавно полученный опыт. Повторения не хотелось. – Значит, едем. А с Ито я поговорю сегодня вечером.

Айю слегка кивнула и предложила выбраться через черный ход: у парадного все еще дежурили журналисты (как и говорил Игибо Майс, интерес к фильму не угасал), а этим любопытным товарищам вовсе ни к чему было знать, куда я направляюсь.

– Как думаешь, у дома Дайса будет засада из прессы? – спросила я уже по дороге.

– Интересно вы к нему обращаетесь... – Айю прищурилась, а я покраснела. К счастью, она не стала развивать тему: – Нет, вряд ли. Новость о болезни Дайсаке Акано уже разнеслась по городу, поэтому вряд ли папарацци подпирают там двери. Понятно же, что Дайсаке Акано проведет дома весь день. К ужасу Игибо Майса. – Она произнесла последнюю фразу с явным удовольствием. Видимо, ее неприязнь к режиссеру не прошла окончательно.

– Не знаешь, что с ним случилось? – Все-таки не удержалась. Слишком волновалась, хотя это и было странно: так переживать из-за чужой болезни.

– Наверное, подхватил простуду. – Пожала плечами Айю. – Вчера снимали сцену на естественной локации, а на улице лил дождь, да еще и северный ветер поднялся. Продуло, видимо. Завтра уже будет как новенький.

Я едва не забыла выдохнуть. Гнев на мгновение застил разум рваным туманом, а затем отпустил.

– Они что... Снимали при таких отвратительных условиях?! Странно, что кроме него никто не заболел!

– А кроме него и массовки никто и не снимался. У него же была сцена погони в лесу, где он босиком и в изодранной одежде убегает из укрытия и...

– Я помню сюжет, – мрачно перебила я. – Только вот ливня там не было и в помине.

– Наверное, Игибо Майс решил, что время поджидает.

– Угу, или подумал, что для большего драматизма можно пожертвовать и здоровьем актера. – Я легко представила, как Дайс, согласно сценарию, бежит по холодной траве, ныряет в мокрые кустарники, падает в грязь и ползет, стиснув зубы. Я вздрогнула: – Изверг...

– Простите? – Айю отвлеклась от рассматривания пейзажа за окном и рассеянно добавила: – Надо будет сделать круг над домом и убедиться, что нас никто не заметит.

– Что у вас принято дарить больным? – Увидела, как Айю непонимающе нахмурила брови и пояснила: – Что обычно приносят с собой в виде гостинца?

– М-м-м... – Она основательно зависла, и я забеспокоилась, не нарушила ли случайно очередное неписаное правило этикета. – Ничего. У нас болезнь считается чем-то постыдным, поэтому выздоравливают очень быстро. Если, конечно, это не связано с периодом восстановления после пластической операции.

Я покачала головой. Все на этой планете вверх дном: болеть неприлично, а делать себе пластику – похвально. Нет, никогда я не пойму этих цинфийцев...

Саднящее чувство одиночества царапнуло душу. Я нигде не была своей: ни среди землян, ни среди эрийцев, а теперь, похоже, еще и для цинфийцев навсегда останусь чужой.

– Так что приносят хозяину дома в виде небольшого презента?

Айю задумчиво пожевала губами:

– Корзинку с чаем?

– Отлично, – обрадовалась я. – Где ее можно купить?

Айю вздохнула и опустила стекло, чтобы дать водителю нужные указания.

Полчаса спустя мы уже переминались с ноги на ногу возле одной из дверей многоквартирного подъезда. Высотка, где жил Дайс, располагалась в спальном районе, но считалась элитной: длинный, тщательно вылизанный холл с картинами на стенах, зеркальный, натертый до блеска потолок, небольшие ниши с уютными креслами и высокими раскидистыми растениями в кадках. В какой-то момент мне подумалось, что не хватает лишь классической музыки, негромко звучащей из динамиков, для завершения идиллического, но с нотками претенциозности интерьера.

Айю внимательно осмотрела пустой коридор:

– Кажется, нам удалось избежать внимания зевак, все-таки разгар рабочего дня...

– Я думала, работа – это привилегия, и большинство ее лишено, – рассеянно прокомментировала я. Тяжелая корзинка с чайным набором и сладостями оттягивала руку, но кончики пальцев подрагивали не по этой причине.

– Чтобы оплатить квартиру в таком доме необходимо иметь хорошую работу. Бездельникам это место не по карману, – рассудительно ответила Айю и сделала знак охране.

Те послушно отошли на несколько шагов назад, а я несмело потянулась к звонку. Раздалась мелодичная трель, мурашками пробежавшая по позвоночнику.

Дверь распахнулась, и я застыла с глупой улыбкой на лице. На пороге стояла высокая стройная женщина средних лет. Ее лишенное косметики лицо хранило отпечаток молодости, к которому осторожными мазками прибавилась зрелая красота. Длинные черные волосы были собраны в тугий пучок на затылке; прическа открывала лебединую шею и подчеркивала горделивую осанку незнакомки. Светло-карие глаза смотрели прямо и немного удивленно, но во взгляде читалось терпение, и это напомнило мне Дайса.

– Добрый день! – Айю не выглядела растерянной, словно она и не думала, что Дайс может жить один. – Вас приветствует госпожа Майя Данишевская – сценарист фильма, в котором снимается Дайсаке Акано. Я ее переводчик – Айю Вонг.

По лицу женщины пробежала тень любопытства; передо мной с достоинством склонились в поклоне, и я поспешила ответить на приветствие.

– Айлин Акано – мать Дайсаке. Счастлива, что госпожа Майя Данишевская почтила присутствием наш дом. Прошу вас, проходите.

Она отступила назад и сделала приглашающий жест рукой. Мы с Айю последовали за ней; охрана осталась дожидаться в коридоре.

– Это вам, – почему-то оробев, пробормотала я на всеобщем и неловко протянула презент матери Дайса. Та с поклоном приняла подарок и посмотрела на меня еще более внимательно, чем раньше, будто приглядывалась к неизвестному зверьку: хочется погладить, но вдруг укусит?

– Госпожа Майя Данишевская изъявила желание навестить Дайсаке Акано и лично осведомиться о состоянии его здоровья, – невозмутимо продолжила Айю. Если ее что-то смущало, то только то, что нас до сих пор не пригласили в гостиную. Об этом можно было легко догадаться по тому, как многозначительно она оглядывала стены коридора.

Я же была готова сгореть на месте от конфуза: нагрянув в гости без приглашения, я меньше всего

рассчитывала познакомиться с матерью Дайса. Странно, почему они живут вместе?

Между тем ситуация становилась все более анекдотичной.

– Мама, кто там?

В коридор, шлепая босыми ступнями, заглянула высокая, худощавая девушка. Она была ровесницей Айю, возможно, даже немного младше. Короткая майка на бретельках обнажала хрупкие, выступающие ключицы, просторные домашние штаны не могли скрыть стройные длинные ноги, и вся ее фигура казалась изящной, легкой, стремительной. Почему-то в голову сразу пришли ассоциации с тонконогими оленятами. Но взглянув в лицо девушки, я сразу же выбросила поэтическое сравнение из головы. Оленята так насупленно и хмуро не смотрят.

– Лиа, познакомься: госпожа Майя Данишевская и переводчик Айю Вонг. Они пришли навестить твоего брата. Завари чаю, а я покажу нашим гостям, где ванная комната.

Черты лица Лиа заострились при упоминании моего имени. Вся она как будто распушилась, как кот, готовящийся к прыжку, но поклонилась и молча ушла на кухню. Айлин проводила ее неодобрительным взглядом и вежливо улыбнулась:

– Прошу вас, сюда.

Она сопровождала нас в просторную ванную, оформленную в сине-зеленых тонах, и деликатно оставила одних:

– Вам, наверное, нужно вымыть руки с дороги. Я пока разбужу сына.

Я встрепенулась: мне не хотелось будить Дайса, но возразить не успела – Айлин уже вышла, ее прямая спина мелькнула в дверном проеме и исчезла за поворотом извилистого коридора.

– Так странно, что Дайс живет с мамой и сестрой... – кажется, я сказала это вслух.

Айю повернула кран и намылила руки.

– Почему странно? – Не поняла она, смывая пахнущую цветами пену. – Все незамужние девушки и неженатые мужчины живут с родителями. Жить одному – неприлично. Могут появиться слухи.

Она потянулась к пушистому полотенцу и освободила раковину. Я на автомате выдавила жидкое мыло и подставила ладони под струи воды.

На Цинфе отношения до брака не одобряли, так что подобное негласное правило морали вполне вписывалось в их систему ценностей. Возможно, мне это кажется непривычным, но с точки зрения цинфийцев все логично.

Неудивительно, что моя поездка к Дайсу не вызвала у Айю вопросов. Конечно, это было немного странно, но что-то неприличное усмотреть в ней сложно. Слишком много чужих глаз.

И все же в неожиданном знакомстве с его семьей было что-то... интимное.

Я задумчиво вытирала руки полотенцем, когда в ванную заглянула Айлин.

– Мой сын проснулся. Если позволите, я провожу вас.

Она, так же как и Дайс, обращалась к Айю, но смотрела на меня. На ее губах то появлялась, то исчезала мягкая улыбка, и я, смущенно спрятав руки за спину, несмело улыбнулась в ответ.

Мы прошли по коридору до конца и уперлись в закрытую дверь из светлого дерева. Айлин легонько постучала.

– Дайсаке, к тебе гости. – Затем она обернулась к Айю и склонилась в низком поклоне: – Госпожа Айю Вонг, не могли бы вы подсказать, как правильно заварить принесенный вами чай? Боюсь, я не знакома с этим сортом.

Я покраснела. Несмотря на всю деликатность, намерение Айлин оставить нас с Дайсом наедине было очевидным. Чувство благодарности и искренней симпатии пробежало по венам и согрело сердце. Я искоса посмотрела на Айлин, но та не поднимала головы, терпеливо дожидаясь ответа Айю.

Айю вздохнула, но отказать в такой просьбе не смогла.

– Конечно, Айлин Акано. Сочту за честь.

Словесно расшаркиваясь друг перед другом, они оставили меня одну. Немного поколебавшись, я переступила порог спальни. То, что это спальня, стало очевидно сразу: разобранная кровать не оставляла никаких сомнений. Жалюзи на окнах были полуопущены, но солнце так ярко било в просветы между планками, что по стенам комнаты все равно прыгали солнечные зайчики. Они мелькали на корешках книг, стопкой стоящих на письменном столе, отражались в зеркальной поверхности новенького нетбука, лежащего на тумбочке, скакали по поверхности старомодного шкафа и прятались на смятой постели, где, подперев спину подушкой, сидел Дайс.

– Привет, – негромко поздоровалась я.

– Привет, – хриплым со сна голосом откликнулся он.

– Извини, я не подумала, что ты спишь. – Я виновато поискала, куда можно присесть. Увидела стул и подтащила его к кровати. – Я ненадолго. Просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

Дайс устало улыбнулся. Растрепанные волосы топорщились на макушке, и мне стоило большого труда подавить желание дотронуться до них и пригладить.

– Я рад, что ты приехала, пусть это и неправильно.

Я не стала переспрашивать, что он имел в виду. Сейчас меня гораздо больше волновала его нездоровая бледность.

– Как ты себя чувствуешь? Чем лечишься? – Я взглянула на пустую тумбочку и нахмурилась: в моем понимании на ней должна была высидеть гора медикаментов.

– Я в порядке, правда. Ты не должна пережи...

– Это еще что? – перебила я и бесцеремонно потянула за его полурасстегнутую рубашку, обнажив перебинтованное плечо.

Дайс вздохнул и виновато отвел глаза.

– Зачем при простуде делать перевязку? – непонимающе спросила я, а потом с подозрением покосилась на него и потребовала, по-прежнему не выпуская его рубашку из рук: – Рассказывай!

– Это не совсем простуда... – кашлянув, признался Дайс и осторожно освободился из моей хватки. – Вообще не простуда, если честно.

– Зачем соврал?

– Так было проще.

Дайс смущенно мямля и явно хотел сменить тему. Я закусила губу и дернулась от неожиданно пришедшего прозрения. Ну, конечно!

– Ты повредил плечо во время драки с эрийцами?

– Нет! – возмутился Дайс, но я не торопилась ему верить. Под моим взглядом он ступешался. – Я потянул связки тогда, ничего страшного.

– И? – не отставала я.

– И на мне бы все зажило, как на собаке, у меня и болевой порог высокий, но через сутки пришлось играть напряженную сцену погони.

– Ты порвал связки, – мрачно предположила я.

– Нет! – снова воскликнул Дайс, как будто я уличила его в слабости, но потом неохотно добавил: – Целостность связок сохранена, но сухожилия частично порваны. Ничего страшного, завтра уже буду как новенький.

Я в изнеможении прикрыла глаза. Бить больного – это страшный грех или не очень?

– Дайсакэ Акано, – строго проговорила я, сделав глубокий вдох для успокоения, – со всей ответственностью заявляю: ты псих! Ты действительно собрался завтра работать? Да тебе положен постельный режим минимум на неделю! И если ты попробуешь встать раньше времени, я лично...

Я буквально захлебнулась в собственном раздражении и никак не могла придумать внятной угрозы, поэтому обрадованно замолчала, когда мою ладонь накрыла теплая ладонь Дайса. Впрочем, не только поэтому.

– Майя, у нас отличная медицина. Процесс ускоренной реабилитации наши медики изучили вдоль и поперек, а иначе пластика никогда не стала бы настолько популярной. Врач уже провел все необходимые манипуляции с моим плечом и оставил лекарства со снотворным эффектом, чтобы сухожилия как можно быстрее восстановились. Обещаю, завтра я уже буду полностью здоров.

– Хорошо, – шепнула я. – Но ты все равно должен побережиться.

Дайс смотрел неотрывно, и я впервые рассмотрела, насколько красиво очерчены его губы. Его рука сжимала мою, его пальцы пускали разряды тока по моей коже в тех местах, где касались ее. Я боялась пошевелиться и упустить волшебство момента.

– Я уже говорил, ты не должна беспокоиться обо мне.

– А что, если я хочу это делать? – Слова вырвались прежде, чем я успела прикусить язык.

– Почему? Почему это так важно для тебя?

Дайс подался вперед; я ощутила его дыхание на своей щеке. Оно пахло травами с горькой примесью каких-то лекарств.

Я сглотнула и сказала вовсе не то, о чем подумала:

– Потому что я не хочу, чтобы из-за меня пострадал кто-то еще.

Дайс резко откинулся на подушки, по его лицу пронеслась тень, но почти тут же он встревоженно вскинул голову:

– А что, кто-то уже пострадал?

Я отвернулась. Плечи ссутулились, и я никак не могла их распрямить, как будто кто-то водрузил на них каменные глыбы.

– Майя... – мягко позвал Дайс и осторожно развернул меня к себе. – Расскажи мне. Ты знаешь, на меня можно положиться. Я вовсе не болтун.

Я мелко-мелко закивала и укусила себя за внутреннюю сторону щеки – снова подкатывали слезы, а позорно реветь, как в прошлый раз, я не хотела.

– Лиди. Моя подруга Лиди...

Делая частые паузы, дыша ртом, чтобы унять спазмы в горле, я поделилась с ним всем. Наверное, я неосознанно стремилась к этому разговору с самого начала, поэтому так рвалась увидеть Дайса. Мне казалось, что именно он сможет смягчить боль, рвущую грудную клетку.

– Ты должна отпустить ее. Она ушла, а ты осталась жить дальше.

– Не могу. Я так виновата перед ней! Это я пообещала поддерживать связь, убедила брата... Если бы не я, то никто бы не стал ее шантажировать!

– Ты тут ни при чем. – Дайс нежно заправил выбившуюся прядь мне за ухо. – Это лишь стечение обстоятельств.

– Мне так не кажется!

– Майя, послушай, каждый из вас сделал свой выбор. Просто ее оказался самым неудачным.

– Ты хочешь сказать, что она сама во всем виновата? – Я отбросила руку Дайса и гневно воззрилась на него.

– Она не должна была тебя предавать, – терпеливо пояснил он. Его ладонь чуть подрагивала, и он сжал ее в кулак.

– Ты говоришь, как мой брат! – едко заметила я.

– Я не знаю, был у него выбор или нет, но в чем-то я его понимаю: предавший раз, предаст снова.

– Странно слышать это из уст сына «предателя», вкусившего все прелести скорого суда. – Слишком поздно я поняла, что перешла все границы допустимого. Я в испуге зажала рот ладонью, но сказанного уже не воротишь.

Дайс молчал, его взгляд что-то изучал за моей спиной, перескакивая с места на место. На меня он не смотрел.

– Может быть, поэтому я могу судить беспристрастно? – глухо заметил он.

– Прости. – Я виновато коснулась его плеча и отдернула руку, опасаясь задеть перевязку. – Я не должна была так говорить.

– Я тот, кто я есть, – равнодушно сказал Дайс, но в его глазах я увидела мелькнувшую боль. – И мое прошлое навсегда останется со мной.

– Мне все равно, кем ты себя считаешь. – Голос дрогнул, и я перешла на шепот: – Я знаю тебя. Настоящего тебя.

Дайс вздрогнул. С его лица медленно уходила отчужденность, и оно уже не казалось заледеневшим. Дайс спрятал руки, словно боялся, что они его предадут, и проговорил:

– А я знаю тебя. Тебе так больно не только потому, что ты потеряла подругу, но и потому, что твое сердце разрывается надвое. Ты боишься простить брата, боишься, что это будет означать забвение для Лиди.

Я приоткрыла рот и в изумлении посмотрела на Дайса. Хотела возразить, но вдруг поняла, что он говорит правду. Как он может понимать меня лучше, чем я сама?

Сглотнула и едва слышно спросила:

– И что же делать?

– Жить дальше. И простить брата.

– Никогда этого не сделаю, – упрямо повторила я.

– Рано или поздно сделаешь. Ты удивительный человек, Майя. Ты обладаешь гибким мышлением, умеешь поставить себя на место другого человека и сопереживать ему. Ты сможешь понять брата – этого потребует твоя сущность. И прощение вовсе не будет означать, что ты забыла Лиди. Она навсегда останется с тобой: станет болью, опытом, частицей тебя. Ты не сможешь забыть ее, как ни старайся.

Каменные глыбы медленно исчезали с моих плеч, а на душе зияющая пустота постепенно рассасывалась. Да, пройдет много времени, прежде чем я буду спокойно говорить о Лиди, но после слов Дайса мне стало легче.

Я качнула головой, оторвалась от изучения рисунка наволочки и замерла. Взгляд Дайса, бродивший по моему лицу, ласкал, согревал подобно солнцу, и я вся потянулась к нему, как закрытый цветок к рассветным лучам.

– Дайсаке, время принимать лекарства. – В комнату без стука вошла Лиа. Поднос в ее руках грозно позвякивал, ноздри раздувались, как у породистой лошади.

– Лиа, оставь. Я выпью их попозже, – с досадой ответил он.

– Ну уж нет! Врач сказал принимать строго по часам и не нарушать режим сна.

Они раздраженно уставились друг на друга, и я поторопилась вмешаться:

– Твоя сестра права: тебе действительно нужно отдыхать. – Лиа сощурилась, услышав, как я быстро говорю на цинфийском, но от комментариев воздержалась. – Я лучше пойду.

– Глупости, – буркнул Дайс, затем шикнул на сестру и повторил: – Майя, ты можешь остаться. Я буду только рад.

– Нет, правда, мне пора. – Под пристальным вниманием Лиа я сбивалась и начинала бормотать: – Отдыхай, тебе нужно набираться сил.

Лиа громыхнула подносом, водрузив его на тумбочку, а я поспешила ретироваться. Обернулась лишь возле самого порога:

– Не вздумай завтра выходить на работу! Я поговорю с Игибо Майсом, чтобы он дал тебе отлежаться.

– Я в порядке, – запротестовал Дайс, но я уже выскользнула за дверь.

На кухне священнодействовали Айлин и Айю. Назвать иначе их причудливые манипуляции над заварочным чайником было сложно. Они о чем-то негромко переговаривались, и Айю время от времени с уважением кивала. Ее лицо выглядело мягче, как будто младше, чем обычно, а сама она

расслабилась. Кажется, Айлин оказывала благоприятное впечатление на своих собеседников. Я вздохнула. Не хотела показаться невежливой, но...

– Прощу прощения за беспокойство. Пожалуй, мы пойдем.

Айю с трудом сохранила невозмутимость и быстро перевела мою фразу, снабдив ее комментарием о моей занятости. Меня бросило в краску. На самом деле я просто робела в присутствии Айлин и боялась сказать что-то не то. Легче было сбежать.

Уголки губ Айлин разочарованно опустились, но она с пониманием склонила голову:

– Ничего, возможно, в следующий раз...

Глаза Айлин встретились с моими, и мне показалось, что она видит меня насквозь. Видит, понимает и не осуждает. Наоборот, как будто мягко журит, не без легкой, теплой иронии, присущей... матери?

Я сглотнула. Так вот кого напоминала мне Айлин – маму. Неожиданно расхотелось уходить, но слова уже были сказаны, и было бы глупо разворачиваться на пороге и говорить, что я передумала. Наверное, я и так смотрелась эксцентрично, не стоило усугублять ситуацию.

Провожая нас, Айлин проговорила:

– Я благодарна госпоже Майе Данишевской за помощь, которую она оказала нашей семье.

– Ну что вы... – пробормотала я. – Мне это ничего не стоило. А получила я куда больше, чем рассчитывала, – последние слова я пробормотала себе под нос, и Айю деликатно не стала их переводить, но Айлин как будто все равно поняла, что я хотела сказать.

Она мягко удержала меня за локоть и, смотря так же серьезно, как умел только Дайс, шепнула:

– Вам всегда будут рады здесь. Что бы ни случилось, вы можете рассчитывать на нас.

– Спасибо, – беззвучно, одними губами сказала я.

Айлин кивнула, отпустила мою руку и улыбнулась.

– Никогда не знаешь, где встретишь свою семью, – мимолетно заметила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Что? – переспросила Айю, услышав эту фразу. – Что вы имеете в виду?

– Это просто старая присказка моего рода. Почему-то вспомнилась, – ни капли не смущаясь, объяснила Айлин и снова посмотрела на меня долгим задумчивым взглядом.

Айю пожала плечами. Мол, интересные у вас поговорки. Я же вспыхнула и тряхнула волосами, чтобы они упали мне на щеки и немного скрыли румянец. Айлин вызывала у меня робость, но вместе с тем прощаться с ней совсем не хотелось.

Щелкнул входной замок, выпуская нас на свободу. Мы еще раз поблагодарили Айлин за уделенное время и шагнули в холл, где уже успела заскучать охрана. Парни подскочили с дивана, где резались в какую-то игру, и вновь натянули на лица невозмутимые маски. Я покачала головой. Оказывается, нормальные ребята, но, видимо, работа накладывает на них свой отпечаток. Иногда рассматривая их непрístupные мордашки, хотелось огреть их чем-нибудь тяжелым. Просто чтобы убедиться в том, что они живые.

– Наверное, надо было остаться на чай, как думаешь? – спросила я у Айю, пока мы направлялись к стоянке.

– Это не выглядело невежливым, – успокоила Айю и добавила: – Вы же землянка, можете позволить себе странности.

Я поперхнулась воздухом и цокнула языком. Меня только что признали чудачкой?

Айю заметила мою реакцию, но и не подумала смешаться:

– Не переживайте. Айлин Акано все поняла. Вы так мило краснели и трепетали, как пойманная птичка, что ваши мотивы стали очевидны.

– И какие же у меня мотивы? – настороженно уточнила я.

Айю вежливо открыла мне заднюю дверцу машины, и я нырнула в салон. Айю присела рядом, но

ответить не успела. Ее ладонь, потянувшуюся к ручке, перехватили чьи-то цепкие пальцы и не позволили захлопнуть дверцу. В проем заглянула запыхавшаяся Лиа и решительно водрузила мне на колени корзинку с чаем.

– Вот. Заберите. Подачки нам не нужны, – чуть задыхаясь от быстрого бега, заявила она.

Айю буквально оторопела от такой наглости и бессильно взидала на смутьянку, очевидно, раздумывая, убить ту на месте или немного выждать. Подскочившая охрана попыталась вытащить Лиа из машины, но я велела им отойти.

– Это подарок, не подачка, – терпеливо пояснила я. Лиа меня озадачивала, но неприязни к ней я не испытала. Только любопытство.

– Тем более! – отрезала она. – Я вам благодарна за помощь, за то, что предоставили Дайсаке работу, но знаете... Держитесь подальше от моего брата. Вы наиграетесь и бросите его, выйдете замуж за своего политика, а он будет страдать!

– Я вовсе не...

– Держитесь от него подальше! – повторила она и выпрыгнула из машины, громко хлопнув дверцей.

– Нет, подумать только... – Айю отмерла и теперь начала закипать, как чайник, поставленный на огонь. – Это же настоящее хамство! Да я ее... Да я ей...

– Не надо. – Я перехватила руку Айю на полпути, не позволив выскочить из салона следом за беглянкой. – Все в порядке.

– Разве?! Вас только что унизили, и кто? Тот, кто ниже вас по статусу. Это нарушает все нормы и правила, и...

– Она сделала это ради брата, – тихо ответила я. – Она его так защищает.

– И вы это одобряете?! – Айю зашипела, как змея; ее глаза метали молнии.

– Окажись я на ее месте, поступила бы так же.

Айю непонимающе хлопнула ресницами, затем насупилась и, бурча себе что-то под нос, недовольно распорядилась взлетать.

Я отвернулась к окну и какое-то время изучала перистые облака, но при этом перед внутренним взором то и дело всплывало раскрасневшееся лицо Лиа, а в ушах набатом звучал ее гневный крик: «Вы наиграетесь и бросите, а он будет страдать!»

Я так сильно закусила губу, что почувствовала соленый металлический привкус во рту. Возможно, мне действительно стоит прекратить общение с Дайсом? В конце концов, чего я хочу этим добиться?

– Какие у вас планы? – Я вздрогнула и нервно покосилась на Айю, подумав, что она читает мои мысли. Лишь пару секунд спустя я поняла, что она имеет в виду расписание на день.

– А что у нас запланировано? – вяло поинтересовалась я.

– Только посещение студии и небольшое интервью журналистам в конце рабочего дня, – пояснила Айю, сверяясь с наладонником. – У вас пока щадящий режим. На этом настаивал ваш брат.

Ни один мускул не дрогнул, хотя спина покрылась липким потом. С Алексом я пока не готова разговаривать, хотя рано или поздно это придется сделать. А вот с Ито Кейтаро необходимо расставить все точки над «i» как можно скорее.

– Айю, созвонись с Ито Кейтаро, договорись с ним о встрече, – ровно попросила я.

Та удивленно подняла брови, но вопросов задавать не стала. Спустя пять минут переговоров она выключила наладонник и доложила:

– К сожалению, Ито Кейтаро приносит свои искренние извинения: сегодня он очень занят. Он выражает надежду, что в ближайшее время его график станет свободнее, и вы сможете увидеться.

– Понятно, – сквозь стиснутые зубы ответила я.

Ито решил меня избегать. Чует лис, что наш разговор ничего хорошего ему не принесет, вот и юлит. Ладно, мы еще посмотрим, кто кого...

Я откинулась на сиденье и задумчиво побарабанила пальцами по стеклу. Возвращаться на студию совершенно не хотелось, как и общаться с журналистами, вопросы которых раз от раза становились лишь банальнее. Решение созрело моментально, и я улыбнулась. В душе поднялась волна чистого детского восторга, как тогда, когда занятия в школе отменяли из-за погодных условий. Прелесть зрелого возраста в том, что ты больше не нуждаешься в чем-то разрешении, чтобы творить всякие глупости. В том числе и прогуливать «школу».

– Айю, давай устроим себе выходной?

– Выходной?

– Да, полностью свободный день.

– М-м-м... Это несколько странно...

Но меня сейчас невозможно было смутить. Проигнорировав ее сомнения, я настойчиво спросила:

– Как бы ты хотела провести свой идеальный день?

– Я?!

– Да. – Честно говоря, я знала, как хотела бы провести свой, но это было невозможно. А потому я бы с легкостью согласилась исполнить чужие фантазии.

Айю замялась. Она сложила ладони на коленях, затем спрятала их за спину, а потом стыдливо призналась:

– Я бы долго выбирала ткань для платьев, а остаток дня провела, закрывшись в мастерской. Негромкое жужжание швейной машинки, шуршание ткани, звук ножниц, резко разрезающих первые наметки... – Ее голос с каждым словом становился все более мечтательным, нежным. Она избегала смотреть на меня, но я все равно увидела ее светлую улыбку, адресованную не мне, а скорее направленную внутрь себя.

Я потрясенно покачала головой. Кто бы мог подумать, что Айю может так страстно отдаваться своему увлечению?

– По-моему, замечательная идея, – решила я и подмигнула Айю. Та уже пришла в себя и теперь отчаянно краснела из-за своей откровенности. – Куда полетим за тканью?

Она еще некоторое время покомкала край своей юбки, а затем распрямила его и подняла голову.

– Я знаю одно хорошее местечко, – заговорщицки проговорила она и задорно рассмеялась.

Я улыбнулась. Хорошее настроение Айю передавалось буквально по воздуху, как какая-нибудь инфекция, и заряжало позитивом. Глубокомысленные размышления о Дайсе и Лиа постепенно потускнели и отошли на второй план.

Летели мы недолго. Приземлились в одном из старых спальных районов. Одноликие серые высотки, лишенные любых элементов дизайна и радующей глаз зелени, наводили уныние.

Я неприязненно повела плечами и оглянулась в поисках яркой вывески торгового молла, но не обнаружила таковой.

– Айю, мы точно не ошиблись адресом? – осторожно поинтересовалась я.

– Нет, мы на месте, – отмахнулась та. – Вы не представляете, какие сокровища скрываются за этим непрезентабельным фасадом...

Она нырнула в одну из арок, пересекла двор, а мы с охраной старались не отставать. На панели одного из подъездов она набрала код и нетерпеливо обернулась, укоризненно подгоняя нас взглядом. Я хмыкнула, но ускорила шаг.

Внутри пахло молотой корицей и почему-то свежее испеченным хлебом. Желудок моментально отреагировал и, жалобно забурчав, прилип к позвоночнику. Я сглотнула слюну и завертела головой: увы, но выпечки в небольшой комнате, погруженной в полумрак, не наблюдалось. Естественное освещение было довольно тусклым (одно-единственное окно под потолком не справлялось со своей функцией), поэтому на стенах висели лампы, но сейчас они не горели, видимо, из соображений экономии. К темноте мы привыкали недолго: почти сразу же к нам вышел пожилой сутулый мужчина с приветливой улыбкой и благородной сединой. Шарма ему придавала длинная узкая борода, именуемая в народе «козлиной», но ему она странным образом шла. Вслед за спешащим хозяином нас торопились поприветствовать и лампы: одна за другой они загорались, будто бежали вслед за широко шагающим мужчиной.

– Госпожа Айю Вонг! Как я счастлив вас видеть! – Он отвесил низкий поклон, а затем близоруко прищурился. – Позвольте, вы не одна. Это же...

– Госпожа Майя Данишевская, – не без гордости кивнула Айю.

Я тоже поклонилась и смущенно поморщилась, когда меня одарили серией уважительных поклонов.

– Безмерно рад! Польщен... Очарован... – бормотал хозяин лавки, поглядывая в сторону скучающей возле порога охраны. Затем, посчитав церемонии оконченными, он распрямился и воодушевленно заметил: – Я надеялся, что вы вспомните о старике, госпожа Айю Вонг! Буквально на днях пришла новая партия. Весьма, весьма любопытная...

– Я хочу на нее взглянуть! – Это походило на требование. Голос Айю дрожал от возбуждения, и я снова хмыкнула. Интересно, я выгляжу так же забавно, когда чем-то увлечена?

Нас торжественно усадили на старый, но мягкий и уютный диван и принесли небольшой альбом, обрамленный в тисненую кожу. Айю с благоговением приняла его из рук хозяина и трепетно дотронулась до страниц. Даже мне было сложно сдержать вздох восторга: увидеть нечто подобное в наш полностью оцифрованный век – большая редкость и удача. Я старалась впитать это впечатление, чтобы затем, оставшись в одиночестве, посмаковать его.

На страницах альбома были представлены образцы тканей, и я заскучала. Не знаю, что я хотела увидеть. Наверное, книгу. Прошло много времени с тех пор, как я держала отпечатанную на бумаге книгу, и я бы многое отдала за возможность снова почувствовать этот запах, услышать шелест чуть слипшихся между собой страниц, вспомнить тепло и приятную тяжесть тома, сулящего головокружительное путешествие.

– Посмотрите вот на этот образец, – подсказал между тем хозяин, и Айю согласно склонила голову над клочком ткани. – Удивительная фактура, полностью натуральный состав (согласитесь, это уже раритет по нашим временам!) и нежный оттенок, который освежит лицо и зажжет искру в глазах. Эту ткань контрабандой вывезли с Эрии.

– Она эрийская? – удивилась Айю. – Разве они изготавливают ткань вручную?

– О нет, госпожа Айю Вонг. На Эрии не делают штучный товар, все давно монополизировано и отдано на откуп сетевым компаниям-гигантам, так что ткани все однотипные, эксклюзива вы там не найдете.

Я невольно кивнула. В эрийских магазинах никогда не было дефицита одежды, но вот фасоны и ткань везде были одни и те же. Меня это мало смущало: я спокойно ходила в тех же костюмах, что и все женское население планеты, но я помню, как это злило Лиди. Она мечтала выделяться из толпы не только харизмой, но и внешним видом.

Лиди...

– Тогда откуда эта ткань?

– С Земли.

Я дернулась, рефлексия закончилась, не успев начаться. Что он сказал?

– Простите? – шепотом спросила я.

Хозяин лавочки чуть склонил голову и пояснил:

– Ткань была вывезена на Эрию незадолго до катастрофы на Земле. Предполагаю, что она входила в первичную партию для торговли, но, к сожалению, обстоятельства... – Он замешкался и смущенно посмотрел на меня. – Думаю, эрийцы просто не смогли оценить уникальность образца и бездумно забросили ткань на склад, где она и пролежала все это время.

– Как печально! – в ужасе произнесла Айю. В ее глазах плескался гнев от подобного рода святотатства.

– Да, безумно печально, – поддакнул хозяин. – Но вы только посмотрите на качество! Столько лет прошло, но цвет не поблек, а сама ткань как новая. Удивительная вещь, – выдохнул он и с уважением покосился на меня.

Я неосознанно дотронулась до вклеенного кусочка ткани. Нежный оттенок (кажется, он называется айвори) пленял, но еще больше очаровала легкость, мягкость материала, оседающего на кончиках пальцев лаской морского бриза. Неожиданно меня накрыла теплая волна, показалось, что через эту вещичку я заново соприкасаюсь с домом, который так отчаянно пыталась забыть все это время.

Я скучала по Земле. Так же, как и Алекс. Только вот свою боль мы прятали по-разному: я старалась сделать вид, что той жизни не было вовсе, а брат делал все, чтобы ее вернуть.

Кто знает, какой вариант лучше?

К горлу подступил комок, и я сглотнула его, лишь услышав вопрос Айю:

– Сколько у вас этой ткани?

– Достаточно, чтобы сшить, например, платье.

– Отлично. Я беру ее.

В тот момент я выдохнула. Не знаю почему, но я была рада, что кусочек Земли останется с Айю. Лучше, чем отдать его в чужие руки.

Майя, это просто ткань!

Я покачала головой. Надо же, как не вовремя проснулась сентиментальность!

Хозяин еще о чем-то пошептался с Айю, а затем с довольной улыбкой скрылся за прилавком. Я какое-то время поизучала стены, завешанные полками со всякими побрякушками – лавочка напоминала заброшенный магазин старьевщика, и вынужденно признала, что, несмотря на тесноту и непрезентабельность, в этом месте была какая-то своя атмосфера. Сюда хотелось вернуться, в отличие от бездушных сетевых отделов.

Я снова повела носом. Аромат корицы становился все отчетливее.

– Скажи, ты тоже чувствуешь этот запах?

Айю принялась, как кошка, и кивнула:

– Конечно. Его жена любит экспериментировать в кулинарии. Готовит блюда разных народов.

Я сделала стойку. Неужели повезло?

– А ты можешь попросить владельца лавочки продать нам сегодняшний экспромт его жены?

– Зачем? – озадачилась Айю.

Затем, что я до смерти хочу поесть пирогов или любой другой нормальной пищи!

– Хочу попробовать что-то новенькое, – нейтрально ответила я.

Расставались мы невероятно довольные друг другом. Айю сжимала бумажный пакет с отрезом ткани и светила от счастья; я, не веря в такую удачу, прижимала к груди контейнер со сладкими булочками, а хозяин магазина, польщенный нашей радостью и довольный приличной денежной суммой (очень приличной, к слову), искренне просил заходить к нему почаще. Мне казалось, что еще немного – и дело закончится дружескими объятиями, но обошлось: верх взял цинфийский менталитет, подчиненный строгим правилам этикета.

– Куда теперь? – Все мысли были только об одном: как бы поскорее запихнуть в рот булочку, но я пока сдерживалась.

– В мастерскую. Тут недалеко.

Мы зашли в неприметный подъезд соседней высотки и поднялись на лифте на последний этаж. Оставив охрану дожидаться нас за дверью, переступили порог квартиры, которую Айю гордо именвала мастерской. Я бы назвала ее иначе – логовом. Разбросанные там и тут обрезки тканей, выкройки, эскизы и недоработанные вещи навевали ассоциации именно с логовом, куда волчица стаскивает свою добычу.

Айю ринулась к столу, достала из ящика планшет и, так и не присев, с упоением принялась что-то в нем чертить. Я обошла небольшое жилище по периметру и, стряхнув образцы тканей, опустилась в одинокое кресло, примостившееся в углу.

– Ты голодна?

– Что? – рассеянно переспросила она. – А, нет, кушайте! Я не буду.

Я эгоистично обрадовалась такому ответу и, не медля, впила зубами в мягкое теплое тесто. Языка коснулась сладость топленой карамели, и я блаженно замычала. Даже вкуснее, чем в кафе у Лиди!

Утолив первый голод, я запасливо оставила часть булочек на потом и дипломатично заметила:

– А у тебя тут мило.

– Спасибо. Честно говоря, это мой островок спокойствия. – Айю разложила ткань на столе и теперь что-то размечала. – Мне приятно думать, что здесь меня никто не найдет. Даже отец.

– А он не знает об этом месте?

– Он знает все, – усмехнулась она, ненадолго отвлекаясь от работы. – Но великодушно разрешает мне прятаться. Время от времени.

Я пожевала губами.

– Звучит не очень оптимистично.

– Знаю, – согласилась Айю и выпрямилась. Теперь она смотрела на меня. – Поэтому я восхищаюсь вами. Вы смогли доказать своей семье, что достойны права на собственный путь.

– Не уверена, что доказала, – нервно хихикнула я. – Я просто сбежала, не забыв показать средний палец всем планам брата на мой счет.

– Это смело... – выдохнула Айю. – Я так никогда не смогу...

Я отвела взгляд. Смело? Возможно, но это как посмотреть. Можно расценить и как трусость. Айю упрямо тащила взваленную на нее миссию, что тоже по-своему похвально, а я... Я попыталась пойти собственным путем, но едва ли преуспела. К тому же, кто знает, возможно, не противясь я амбициям брата, стань его послушной марионеткой, и Лиди бы осталась в живых...

Так кто же прав: я или Айю?

Пожалуй, это не так уж и важно...

Вероятности судеб вспыхнули яркими красками, как в детском kaleidoscope, сложились в узор, а затем снова распались, чтобы образовать новую фигуру.

Иногда важнее сам проделанный путь, а не финишная ленточка.

– Что бы ни выбрала... Ты все равно поступаешь правильно. – Я легонько коснулась плеча Айю, и она вздрогнула.

– Спасибо. Мне бы так хотелось в это верить, – мы обе вздохнули и какое-то время помолчали.

Затем я вернулась в кресло и достала наладонник, предоставленный мне Ито. После нападения в подворотне, он выдал мне его и попросил не расставаться с игрушкой – внутри был датчик слежения, а сбоку – кнопка экстренного вызова. Достаточно было нажать ее, чтобы послать сигнал SOS.

– Что ты хочешь сделать с этой покупкой? – спросила я, устраиваясь поудобнее.

– Сюрприз! – Айю хитро улыбнулась. – Попозже сами увидите. Но не сегодня.

– Хорошо, – важно согласилась я.

– Не заскучаете со мной?

Я демонстративно фыркнула и уткнулась в наладонник.

Под мурлыканье Айю я открыла файл и начала медленно набирать абзац. Слова давались тяжело, и неожиданно я поняла, что хочу записать вовсе не сцену для нового романа, а нечто более личное.

Во мне росла потребность написать письмо Лиди.

Да, она его никогда не прочитает, но у меня было так много того, что я не успела ей сказать...

Тишина мастерской, нарушаемая лишь бормотанием Айю и треском ткани под ножницами, навечно отпечатались в памяти вместе с теми горькими признаниями, что появлялись на экране наладонника. Грудь сдавливала жесткая рука, но по мере того, как возникали строчки, она все больше ослабляла хватку. Чувство вины и потери, отравляющее кровь, переросло в сожаление и светлую грусть, а затем прорвалось беззвучными слезами, которые я и сама не сразу заметила. Наверное, именно тогда, под негромкий, но ритмичный треск швейной машинки, я окончательно отпустила Лиди.

Айю, изредка поглядывала на меня, но помалкивала, и я, стыдливо вытирая мокрые щеки, была благодарна ей за тактичность.

Прошло двенадцать дней с того момента, как Майя навестила меня и познакомилась с моей семьей. Ровно двенадцать. Да, я считал каждый.

Честно говоря, не думал, что она осмелится прийти ко мне домой. Впрочем, это же Майя... Я еще не встречал человека сильнее, чем она. Это отметила и мама, когда осторожно завела разговор о ее визите. Тогда я отмолчался. Я не был готов обсуждать ни Майю, ни мое отношение к ней.

А вот с Лиа я молчать не стал и устроил сестре настоящую трепку. Кто бы мог подумать, что этот ершистый комок может вести себя так глупо? Как ей пришла в голову идея вернуть подарок? И наверняка же наговорила колкостей! Я люблю Лиа, но иногда хочется, как в детстве, оттащить ее за волосы, чтобы не лезла не в свое дело. Тож же мне защитница...

Конечно, на следующее утро я отправился на съёмочную площадку, чем изрядно порадовал Игибо Майса и раздосадовал Майю. Пришлось напомнить себе, что она просто переживала за меня, потому и злилась. К этой волнующей мысли я не мог привыкнуть, как ни старался. Честно говоря, до сих пор она кажется абсурдной. Разве Майя может что-то испытывать к такому, как я?

Все эти дни я внимательно наблюдал за Майей. Больше мы ни разу не остались наедине, и я все чаще ловил себя на том, что выдумываю дурацкие (один другого хуже) предлоги, чтобы постучать в ее дверь. Приходилось сжимать кулаки и раз за разом напоминать себе, что лучше держаться от Майи подальше. Прежде всего – ради нее самой. Ей не место рядом с сыном преступника. Не место... рядом со мной.

Но я позволял себе вспоминать. Тот момент, когда она, словно солнце, вошла в спальню, я прокручивал так часто, что боялся затереть его до дыр, смазать краски многочисленными повторами. Возможно, так было бы лучше: лишенный яркости, он превратился бы в старую фотокарточку, которую можно спрятать в пыльный альбом. Но этого не происходило. Я помнил улыбку Майи, дрожь ее голоса, тепло рук, коснувшихся моей кожи, и аромат ее духов. Легкий, цветочный, едва уловимый – я услышал его, когда она наклонилась, чтобы получше рассмотреть повязку. Ее чуткие пальцы на бинтах заставили мое сердце пропустить удар. Плевать, насколько это было неприлично. Тогда я хотел только одного: чтобы она оказалась еще ближе. Почувствовать ее руки, губы, зарыться ладонью в волосы... Поцелуями заставить забыть о той ноше, что она несла, забрать ее себе. Майя не должна оставаться с проблемами один на один.

Вместо этого я утешил ее словами. Как смог. Не знаю, преуспел ли, но, надеюсь, снял хоть какую-то часть груза с ее души.

Сладко-горькие воспоминания и голодные фантазии – все, что мне осталось. Я кружил рядом с Майей, но не подходил близко. С облегчением замечал, как постепенно горечь уходит из ее синих глаз, остается тонким инеем в самой глубине. С долей раздражения и отчаяния провожал ее домой, стараясь не особо отсвечивать перед охраной. Конечно, мои маневры не остались без внимания, но санкций не последовало. Думаю, охрану лишь позабавил мой энтузиазм. Впрочем, все равно. Мне просто было важно знать, что с Майей все в порядке.

Пару раз мне попадалась машина Ито Кейтаро, и тогда я не сдерживал ревнивого злорадства. Кажется, «жених» не решался поговорить со своей нареченной, и так же, как и я, выжидал и приглядывался. Я знал, что радуюсь впустую – этот хитрый выродок добьется своего, и, честно говоря, от этого все выиграют. Даже Майя, потому что Ито Кейтаро привык защищать то, что считал своим. С ним она будет в безопасности.

Проиграю только я.

Впрочем, если сердце разрывается, а душа умирает, уместно ли говорить о проигрыше?

Надо же, никогда не думал, что могу выражаться так высокопарно! Наверное, любовь делает меня лучше.

Любовь?

Видимо, она...

Глава 12

Ито по-прежнему избегал меня, и если поначалу это казалось забавным, то теперь откровенно злило. Я все-таки не выдержала и сама позвонила ему. Сочащимся патокой голосом мягко предупредила, что если сегодня он наконец не освободит в своем плотном графике крошечное окошко, то может больше не переживать на мой счет. Не удержалась и с затаенной угрозой дипломатично намекнула: еще хотя бы один букет красных цветов, доставленных мне под дверь, и я торжественно выкину новоприобретенный алый веник прямо под ноги журналистам. Для наглядности. Кажется, Ито проняло, потому что меня тут же заверили: сегодняшний вечер – наилучшее время для встречи. Я отказалась и от совместного ужина (любоваться на собственные фото в Сети мне вовсе не хотелось), и от прогулки и сухо предложила встретиться в моем номере. Миндальничать я не собиралась. Никогда не посылала мужчину лесом, но, думаю, справлюсь.

От Алекса не было вестей почти две недели, и я начала волноваться. Новости с Эрии не радовали: мятежи и беспорядки продолжались, а я никак не могла понять, чего же добивается брат. В том, что у него был план и парочка запасных, я не сомневалась, но не могла разгадать его суть. Чего он хочет? Эрия – чужая планета, и мы на ней навсегда останемся гостями. С нами могут поделиться правами, но надолго ли? До следующего бунта? Как ни рассуждай, а проблема требовала какого-то кардинального решения, которого я не видела, хотя, не сомневаюсь, оно лежало у меня под носом. Причем в нем как-то фигурировали цинфийцы и их оборонная промышленность...

Я не простила Алекса, но все же была готова сдаться и позвонить первой. Просто чтобы убедиться: он жив. Сам он не объявлялся. Возможно, его тоже задела наша ссора, а может быть, он давал мне время остыть. С Алексом никогда не знаешь, что у него на уме.

И все же его молчание выглядело подозрительно хотя бы потому, что цель моего визита на Цинф подходила к своему логическому завершению. Фильм был почти снят (немыслимая скорость, но, как объяснил Игибо Майс, предельно короткие сроки и работа на износ – норма для поставленного на поток цинфийского кинематографа). Оставалось доснять финал.

– Итак, все готовы? – Игибо Майс в предвкушении потер руки и тут же потребовал: – Попрошу не смущать актеров и удалиться с площадки всех лишних! Не мешайте творческому процессу!

По толпе помощников, реквизиторов, визажистов и участников второстепенного состава каста прокатился шепот, раздалась нервная смешка. Кто-то из молоденьких девочек покраснел и прижал ладошки к вспыхнувшим румянцем щекам.

Я покачала головой. Забавно, что такое волнение вызвала, по сути, невинная сцена. Наблюдая за нетерпеливым волнением, охватившим площадку, можно было подумать, что мы снимаем постельную сцену. Очень-очень откровенную.

– Мы уйдем или останемся? – шепотом спросила Айю. Ее глаза горели азартом, почти таким же, как во время игры в «варваров», когда в руках она сжимала оружие.

– Останемся, – успокоила я. Мне и самой было любопытно.

Айсан Моно в красном платье в пол пленяла и очаровывала. Облегающий верх обтягивал хрупкую фигурку и соблазнительно подчеркивал все ее достоинства, а асимметричная юбка до колен с разрезом до бедра удлиняла и без того идеально стройные ноги. Волосы были уложены в творческом беспорядке и зачесаны на одну сторону, открывая красивую линию шеи. Даже мне потребовалось усилие, чтобы отвести от нее взгляд, стоило ли говорить о мужчинах? Заметив, как Дайс что-то негромко сказал Айсан, я почувствовала укол ревности, но почти сразу забыла о собственных чувствах – Айсан улыбалась слишком напряженно. Она вся была как натянутая струна, и это немного удивляло: неужели так сильно волновалась перед началом съемок?

Долго думать об Айсан я не смогла. Мысли вновь вернулись к Дайсу. Облаченный в свободную рубашку и узкие брюки, он выглядел настолько естественно и сексуально, что сердце забилось громко и быстро. Я даже покосилась на Айю: не услышала ли она его стук?

– Итак, танец под дождем, – громко напомнил Игибо Майс, когда все зеваки покинули помещение. – Начинаем прогон!

К танцам на Цинфе относились неоднозначно, а потому включить подобную сцену в финал – риск и своего рода провокация. К тому же элементы танца мы разрабатывали сами, во многом заимствуя у земного танго. В итоге получилось нечто новое, страстное и пылкое, что должно было стать завершающим аккордом и символизировать глубину чувств героев. Музыку писали специально для этой сцены, и, признаться, она получилась до дрожи прекрасной: надрывной, эмоциональной, резко обрывающейся в конце росчерком скрипки – идеальная иллюстрация трагической истории любви.

Думаю, такая аллюзия даже лучше прямолинейного объяснения и прощания с неизменным

поцелуем. Тем более что на Цинфе за подобный тривиальный ход меня все равно бы забросали камнями – нормы морали не позволили бы поступить иначе. А вот идея с танцем могла выстрелить. Не зря в нее так вцепился Игибо Майс; у него на такие вещи срабатывало чутье.

По залу разлилась музыка. Она вступала резко, сильно, не давала времени на прелюдию. Ее ритм будоражил и нервировал, заставлял задыхаться от предвкушения; в нем звучали сила упрямства и неизбежность скорой драмы.

Дайс оказался за спиной Айсан. Его ладонь пробежалась по плечу партнерши и опустилась вниз, коснулась ее пальцев и взяла их в плен, чтобы затем потянуть на себя. Теперь они стояли друг напротив друга. Мгновение, и рука Дайса уверенно обхватила тонкую талию, другая по-прежнему не отпускала ладонь Айсан, заводя ее все выше.

Не отрываясь, я смотрела на то, как Дайс прижимает к себе девушку, как влюбленно изучает ее лицо, как нежно и порывисто ведет в танце, и сердце болезненно сжималось. Когда раздался окрик Игибо Майса, оборвалась мелодия и Айсан отпрыгнула от Дайса, как испуганная кошка, я с облегчением перевела дух и перестала нервно закусывать губу.

– Стоп! Дайсакэ Аканэ – хорошо. Айсан Моно, в чем дело? Почему ты трясешься, как лист на ветру? Тебе нужно показать отчаяние влюбленной девушки, а не ужас несчастной жертвы. Понятно?

– Да. – Айсан виновато склонила голову. – Простите.

Игибо Майс разочарованно цокнул языком и дал знак снова включить музыку. В этот раз я заставила себя сконцентрировать внимание не на Дайсе, а на его партнерше. Айсан механически выполняла все элементы, ее тело казалось застывшим от напряжения, а на лбу, если приглядеться, выступили капельки пота. Но больше всего смущал взгляд: абсолютно пустой, как у куклы. В сочетании с фальшивой улыбкой он откровенно пугал.

– Стоп! – снова рявкнул Игибо Майс. – Айсан Моно, да что с тобой?!

– Я... Простите...

Игибо Майс в бессильном раздражении развел руками, а затем смягчился (я видела, каких трудов ему это стоило) и постарался успокоить актрису:

– Послушай, эта сцена не будет выглядеть непристойно. Да, немного на грани, но в рамках. Твое агентство одобрило такое решение. Твоя репутация не пострадает, наоборот, этот эпизод разбавит образ пай-девочки нужной крупинкой чувственности.

Я склонила голову набок и наблюдала за Айсан. Ни один мускул на ее лице не дрогнул. Она по-прежнему напоминала кролика, застывшего под взглядом голодного удава. Что-то было не так.

– Я поняла. Простите.

Айсан извинилась уже третий раз за пять минут, словно готовилась к тому, что дальше будет только хуже. Странно...

И снова прогон, и снова неудача. Игибо Майс уже не старался подавить гнев. Его слова резали, как скальпель тело пациента на столе у хирурга, а полосатый шарф он содрал с шеи, скомкал и метко запустил им в зазевавшегося осветителя. Тот на автомате поймал шарф и теперь не знал, что с ним делать. Так и застыл, держа его, как опасного зверька, кончиками пальцев и на расстоянии вытянутой руки.

– Айсан Моно, да что такое?! У вас было несколько репетиций, и хореограф заверял, что вы справляетесь!

– Хореографом была женщина, – попыталась оправдаться Айсан.

– И что?!

– Элементы я отрабатывала с ней, – совсем тихо, почти шепотом пояснила та и уткнулась взглядом в пол.

Что-то в голове щелкнуло. То ли я читала о таком случае, то ли где-то слышала, а может, просто интуитивно догадалась, но, кажется, я поняла, в чем дело.

Я дернула Айю за рукав и потянула за собой. Она удивилась, но послушно последовала за мной.

Конечно, я могла бы не вмешиваться. Сложно сказать, что именно заставило меня подняться с кресла и направиться к Игибо Майсу, сквозь зубы сыплющему ругательства. С одной стороны, мне чисто по-женски стало жалко Айсан, ведь если то, о чем я думала, правда, ей и так пришлось

несладко. С другой стороны, это был мой сценарий, и я хотела, чтобы фильм был доснят в соответствии с ним. Да, его нельзя назвать моим творением в полном смысле этого слова, но все же... Это тоже моя работа, пусть и не самая удачная. В ней заложена частичка меня.

Алекс говорил, что предавать можно других, но никогда – себя.

Поэтому я не могла позволить запороть одну из самых перспективных сцен этой истории.

– Господин Игибо Майс, оставьте меня наедине с актерами. Я исправлю ситуацию.

Айю с сомнением поджала губы, но перевела фразу. Режиссер перестал гневно фыркать, прекратил комментировать очередное неудачное па (спина Айсан заметно подрагивала, как будто в ожидании удара) и с подозрением воззрелся на меня:

– И что же госпожа Майя Данишевская планирует предпринять?

– Это неважно, – не стала вдаваться в подробности я. – Просто дайте мне немного времени.

Игибо Майс задумчиво потерел кончик острого уха и после паузы неохотно согласился:

– Хорошо. Будем считать, что вся съемочная группа отправляется на перерыв, а ваша троица остается репетировать. У вас двадцать минут.

– Сорок.

Режиссер набрал в легкие побольше воздуха, очевидно собираясь спорить, а затем махнул рукой:

– Хорошо. Вам виднее.

Я подождала, пока за последним участником съемочной группы захлопнется дверь. Несмотря на невнятные протесты Айю, я выставила даже ее. Оставшись наедине с актерами, я некоторое время помолчала, выбирая слова, а затем спросила в лоб:

– Айсан, тебе неприятны мужские прикосновения?

– Откуда вы... – Она смутилась и инстинктивно сложила руки на груди, как будто отгораживаясь, и с опозданием удивилась: – Вы знаете цинфийский?

– Немного, – лаконично ответила я и покосилась в сторону Дайса.

Тот, спрятав руки в карманы брюк, отрешенно поглядывал на нас, в разговор не вмешивался, но я знала, что он внимательно слушает.

– Я... У меня есть проблема с тактильным контактом, – после долгой заминки призналась Айсан. – Просто однажды... Впрочем, это неважно! – мгновенно оборвала она себя и немного виновато добавила: – До сегодняшнего дня это были только мои трудности, которые мешали в личной жизни, но никак не отражались на работе. В прежних фильмах мне доводилось играть только платоническую любовь, поэтому, прочитав сценарий, я решила, что справлюсь. Но ошиблась.

Она спрятала лицо в ладонях. Ее голос подрагивал, так же, как и руки, и я отвела глаза. Переглянулась с растерянным Дайсом и вздохнула. Не нужно было знать деталей, чтобы понимать: подобная фобия не могла возникнуть на пустом месте.

– Айсан, – я мягко позвала девушку и, приблизившись, коснулась ее плеча. – Ты готова частично преодолеть свой страх и снять эту сцену?

Та тихо всхлипнула и открыла покрасневшее лицо.

– Да.

– Хорошо. Тогда давай попробуем.

Я не знала наверняка, но предполагала, с чего можно начать. Когда-то давно, с подачи брата, я изучала книги по психологии, и, видимо, в голове что-то отложилось. Возможно, я ошибалась, но другого выхода все равно не видела. Осторожно положила ладонь на локоть Айсан и проговорила:

– Видишь, мое прикосновение тебя не пугает.

– Вы же женщина. – Айсан вымученно улыбнулась. – Как вы можете пугать?

– Хм... – Я попыталась найти аргумент: – Но я же землянка! Если тебя не настораживает прикосновение землянки, представителя чужой расы, то почему должен пугать твой соотечественник?

Айсан сразу помрачнела.

– Нет, вы женщина. Неважно, нашей расы или нет. Я вам доверяю.

– Хм... – снова выдала я, раздумывая, как поступить дальше.

– И потом, какая же вы чужая? Вы уже наша... – тихо добавила Айсан, а я сбилась с мысли.

Подняла глаза и сначала посмотрела на сконфуженную девушку, а затем перевела взгляд на серьезного Дайса. Тот улыбнулся уголками губ и едва заметно кивнул.

Сердце затрепетало в груди, и я закашлялась, пряча замешательство. Меня только что признали своей?

Жар опалил щеки и прояснил голову. Стратегия оформилась окончательно.

Я медленно подняла руку и положила ее на плечо Дайса. Тот едва заметно вздрогнул, но мою ладонь не сбросил, лишь приподнял бровь, словно спрашивая, что я делаю. Если бы я сама знала...

– Посмотри, Айсан, – проговорила я, не разрывая зрительного контакта с Дайсом, – я такая же, как и ты. Это твои слова, верно? И я сейчас дотронулась до Дайс... аке. Ничего страшного не произошло, видишь?

По кончикам пальцев там, где они коснулись широких плеч Дайса, пробежала дрожь, но Айсан знать об этом не стоило. Я с трудом отвела взгляд от золотисто-карих глаз Дайса, в которых мне чудились язычки разгорающегося пламени, и повернулась к Айсан. Та, скрестив ноги в лодыжках и спрятав руки за спину, задумчиво смотрела на меня. На ее лбу залегла глубокая складка.

– А сейчас, – негромко продолжила я, – он тоже дотронется до меня, и снова ничего не произойдет.

Дайс чуть склонил голову, словно уточняя, и я кивнула. Его большая теплая ладонь легла мне на талию и обожгла своим прикосновением даже сквозь одежду.

– Видишь, – с трудом выговорила я и сглотнула: – Ничего не происходит...

Хорошо, что на мне закрытое платье. Мне казалось, мурашки, пробежавшие по спине, можно разглядеть невооруженным глазом.

– Он не прижимает вас к себе, – мрачно прокомментировала Айсан. – Держится с вами уважительно.

– Действительно, – пробормотала я и вдруг добавила, вкладывая в слова дополнительный смысл: – Иногда это становится проблемой.

Наверное, это был завуалированный вызов, и Дайс его понял. Его глаза чуть потемнели, он облизнул губы и решительно притянул меня к себе, как того требовали элементы танца. Левая ладонь уже не покоилась на талии, а сжимала ее, словно имела на то полное право. Пальцы правой руки он сплел с моими и поднял их выше, принимая классическую позу танго. Его грудь, прижатая к моей, заставила задыхаться чаще. Мимолетно я порадовалась, что сегодня почему-то надела каблуки. Как чувствовала. С большой разницей в росте затруднительно было бы танцевать.

Танцевать? Так, Майя, ты вовсе не собираешься делать что-то подобное. Ты просто спасаешь сцену. Точка.

– Вот видишь, – хрипло сказала я, избегая смотреть на Дайса. – По-прежнему ничего особенного... Ничего страшного.

– Да, это правда, – колеблясь, согласилась Айсан.

– Попробуешь?

Та кивнула, как если бы ей резко отказали голосовые связки.

Оказавшись на свободе, лишенная объятий Дайса, я почувствовала себя одинокой и замерзшей. На студии было тепло, да и летнее солнце за окном не позволило бы замерзнуть, но я все равно быстро пробежалась ладонями по рукам и плечам, словно разгоняя кровь по застывшему телу.

Айсан робко встала на мое место.

– Готова? – спросил Дайс, и та снова кивнула.

Мне стоило большого труда не отвернуться, когда руки Дайса легли на талию Айсан. Я понимала,

того требовал танец, но не могла отделаться от чувства острой обиды, полоснувшей живот и грудную клетку.

Первые элементы были сделаны удачно. Айсан поначалу была напряжена, и я подошла поближе, намекая своим присутствием, что она в безопасности. После этого дело пошло лучше, но как только мы преодолели завязку, Айсан снова испугалась и зажалась.

– В чем дело? – удивилась я.

– А вы... Вы, госпожа Майя Данишевская...

– Можно обойтись без церемоний, – немного раздраженно откликнулась я.

– Вы дальше мне не показывали. Только первые элементы. – Айсан обхватила себя руками. Ее ссутуленные плечи снова подрагивали, а взгляд был виновато опущен.

Тут я растерялась:

– Что ты предлагаешь?

– Мы могли бы отрепетировать танец вместе с вами, – негромко предложил Дайс. – Возможно, это поможет.

Айсан с надеждой вскинула голову, а я, наоборот, замерла:

– Вообще-то, я не учила движения, – промямлила я, сгорая от желания попробовать и в то же время страшась этого.

– Я помогу.

– Я оттопчу тебе все ноги.

– Неправда.

Мы смотрели друг на друга не отрываясь. В глазах Дайса, в его полуулыбке, подчеркнувшей скулы, я прочитала вызов. Тот же, что недавно сама бросила ему. Ох, Майя, ты нарвалась...

– Хорошо, давай рискнем, – выдохнула я. Это «рискнем» вырвалось внезапно. Вообще-то, я хотела сказать «попытаемся», но почему-то произнесла совсем другое слово, с другим подтекстом.

Я подошла к Дайсу поближе и остановилась, повернувшись к нему спиной. Вздрыгнула, когда раздалась высокая, бьющая по нервам аккорды (Айсан включила музыку и теперь сосредоточенно наблюдала за нами). Затылком я ощущала взгляд Дайса; тело как будто пронзил разряд тока, когда на мое плечо скользнула ладонь Дайса, а другая переплела свои пальцы с моими и потянула к себе. Я резко развернулась и обняла Дайса, как того требовал танец, и мы закружились в вихре чувственных движений.

Оказалось, чтобы танец удался, достаточно, если хотя бы один из партнеров знает, что делает. Дайс знал.

Он прижимал к себе импульсивно, лихорадочно, но вместе с тем его объятия не душили, а поддерживали и обещали защиту. Говорят, танго – это танец-соперничество. Я этого не ощущала. Не было желания уязвить, обыграть напарника, лишь стремление стать ближе, слиться воедино, несмотря на многочисленные препятствия. Его руки дарили тепло, стремительные движения вели за собой, а глаза... В их огне можно было сгореть заживо.

Я охнула, когда земля ушла из-под ног: Дайс закружил меня, оторвав от пола, и я пронзила вытянутыми стопами воздух. Его дыхание зашепотало шею, из-за чего я совсем потеряла голову. Все исчезло. Остались только мы: я, Дайс и наш молчаливый диалог, ведущийся посредством танца.

Я прогнулась слишком низко; забранные вверх волосы рассыпались и коснулись пола. Я в испуге вцепилась в плечо Дайса, и тот легко подтолкнул меня ладонью, помогая подняться. Моя нога скользнула по его бедру – чистая импровизация, такого в сценарии не было. На самом деле я просто пыталась удержаться, но, наверное, со стороны это выглядело несколько иначе. Губы опалило горячее дыхание Дайса. Мы были так близко, что между нами нельзя было бы провести и монету ребром. Он потянулся ко мне; носа снова коснулся аромат его туалетной воды, казавшийся теперь запахом солнца, лета и теплого косого дождя, в каплях которого можно рассмотреть себя. Я инстинктивно прикрыла глаза, погружаясь в водоворот эмоций, и потянулась следом; в этот момент музыка оборвалась.

Мы стояли, не разжимая объятий, и тяжело, отрывисто дышали. Первым очнулся Дайс. Отвел взгляд, отпустил меня и сделал пару шагов назад.

– Думаю, прогон завершен, – хрипло сказал он.

– Да, – согласилась я и откашлялась: голос внезапно сел. Мне с трудом удалось вспомнить, где я, что делаю и для чего вообще все это затевалось. – Айсан, попробуешь преодолеть свой страх?

– Хорошо, – неуверенно откликнулась та.

На негнущихся ногах я отошла из центра зала и как можно мягче опустилась на один из стульев. Хотелось рухнуть на него и спрятать горящие щеки в ладонях, но я держалась и старалась не подать виду, как взволновал меня этот танец. Дайс украдкой поглядывал на меня, когда думал, что я не вижу, и это будоражило и пронзало сердце сладкой болью. Я сглотнула и попыталась сосредоточиться на деле.

У Айсан получалось гораздо лучше, чем прежде, но все еще недостаточно хорошо для того, чтобы сыграть светлые чувства. Я закусила губу и задумалась. Наблюдая за Дайсом и Айсан, я больше не испытывала уколов ревности. Теперь я могла отличить его по-настоящему влюбленный взгляд от наигранного. Разница была слишком велика, чтобы спутать.

– Айсан, расслабься. Тебе ничего не угрожает, – я оказалась рядом с девушкой и успокаивающе положила ладонь ей на спину.

Так мы сделали несколько па – втроем. С каждым движением Айсан становилась все увереннее, а ее осанка – более прямой. Постепенно уходила скованность, страх все еще чувствовался, но теперь его можно было выдать за трепет. Оговоренное с Игибо Майсом время еще не вышло, но я уже знала: у нас получилось.

Если бы не напряжение, появившееся между мной и Дайсом, недосказанностью повисшее в воздухе, моя радость была бы более полной и искренней.

Заняв место рядом с вернувшейся Айю, я не без гордости смотрела на кружащихся в танце Дайса и Айсан. Страстные движения, порывистая музыка, капли искусственно созданного дождя на лицах и отчаяние в каждом жесте: если Игибо Майс и переборщил с пафосом, то самую чуточку. Сцена получилась потрясающе красивой.

– Прекрасное завершение истории, – шепнула Айю, и я рассеянно согласилась.

Только сейчас мне пришла в голову мысль, что я бы не хотела такого завершения для нашей с Дайсом истории. Ведь она же у нас есть, верно?

Глава 13

Игибо Майс пару раз громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание публики:

– Съемка окончена! Всем спасибо! Вы отлично потрудились. – К моему удивлению, строптивый режиссер подкрепил фразу низким поклоном, который был встречен овациями. – И не забудьте, завтра вечером состоится небольшое торжество в честь завершения работы над фильмом. Журналисты тоже будут, так что не ударьте в грязь лицом.

Я хмыкнула. Ну вот, Игибо Майс не был бы собой, если бы не пригрозил чем-нибудь напоследок. Встав со стула и продвигаясь к выходу вместе с Айю, я не могла поверить, что все закончилось. Конечно, еще предстоит монтаж, но, в целом, мы пересекли финишную прямую и сорвали ленточку. И осознание этого почему-то сдавливало грудь и отдавало холодком в желудке.

Поравнявшись с режиссером, я, как и все, склонила голову в прощальном жесте. Игибо Майс, занятый разговором с Дайсом, ответил на автомате, не прерываясь на полуслове. Уже отвернувшись, я спиной почувствовала долгий взгляд Дайса, но сделала вид, что не заметила. Я не знала, как отреагировать. Фильм снят, на съемках мы больше не увидимся. Означало ли это, что мы больше не встретимся?

Я осадила себя. Майя, кто ты такая, чтобы чего-то от него требовать? Да, возможно (только возможно!), он тебе симпатизирует, но разве это к чему-то его обязывает?

– Куда направимся? – голос Айю прервал размышления, оседающие горьковатым привкусом на кончике языка, и за это я была ей благодарна.

– В отель, – пожалала плечами я. – Ито обещал навестить меня вечером. Буду с нетерпением ждать «свидания».

Последнее слово я сопровождала таким кислым выражением лица, что Айю прыснула в кулак:

– Вы так говорите, будто он – худшая партия из всех.

Я с неудовольствием покосилась на Айю и вознамерилась прочесть ей лекцию о том, что не собираюсь замуж, а если соберусь, то имя Ито будет стоять последним в списке кандидатов, но не успела – моего локтя деликатно коснулись, но сделали это настолько неожиданно, что я едва не подпрыгнула на месте.

Я повернула голову и встретила глазами с Айсан.

– Госпожа Майя Данишевская, – по-прежнему придерживая меня за локоть, негромко проговорила она. – Я хотела поблагодарить вас за помощь. Без вас я бы не справилась.

Я оглянулась, убедилась, что рядом нет чужих ушей, а Айю тактично ушла вперед, и ответила:

– Не стоит, Айсан. Я помогла лишь немного. С остальным ты справилась сама. – Айсан зарделась, а я продолжила, на всякий случай, понизив голос: – Но твою проблему нельзя решить за один раз. Ты не думала обратиться к... специалисту?

– К психологу?

– Да.

– Это так стыдно. – Она прижала ладошки к покрасневшим щекам и вся как будто сникла.

– Неправда! – возмутилась я и смягчилась, увидев отчаяние Айсан. – Здесь нет ничего, достойного порицания. В общем, просто подумай об этом, хорошо?

Она кивнула, слабо улыбнулась и ускорила шаг, исчезнув за одним из поворотов коридора.

Я нагнала Айю, и мы вместе вышли на стоянку автомобилей.

– Вы не будете против, если сегодня я вас оставляю? – спросила она уже в машине и добавила, словно оправдываясь: – Я обещала отцу вечером быть дома.

Я лукаво приподняла бровь:

– Отправляешься за новой порцией инструкций?

– Нет! – Айю вспыхнула. – У отца сегодня планируется небольшой прием. Я обязана на нем присутствовать, – совсем робко проговорила она.

Я покачала головой:

– Ты не обязана передо мной отчитываться, а тем более извиняться. Конечно, поезжай! И не волнуйся, я проведу этот вечер максимально благопристойно и невероятно скучно. Скакать по крышам больше не буду.

Воспоминания о Дайсе, протягивающем мне раскрытую ладонь, живо встали перед глазами и затуманили зрение. Я рефлекторно затеребила браслет на запястье и поняла, что снова поддалась привычке, лишь на полете к отелю. Досадливо цокнула языком и сцепила пальцы в замок, сложив их на коленях, как ученица какого-нибудь пансиона для благородных девиц. Глупая поза, зато не выдает волнения. Научиться бы еще спокойно думать о Дайсе...

Оказавшись в номере, первым делом я смыла косметику, рассудив, что вид моей естественной «красоты» поубавит прыти у Ито, а если нет, послужит неплохой мезетью за нервотрепку, которую он создал. Я заплела самую простую косу, облачилась в просторные домашние штаны и футболку, подмигнула своему отражению в зеркале и в ожидании гостя устроилась на диване в гостиной. Заняться было особо нечем, поэтому я, поджав под себя правую ногу и вытянув левую, открыла нетбук и бездумно нырнула в Сеть. Читать новости с Эрии мне не хотелось, поэтому я открыла вкладку с цинфийскими информационными ресурсами. Лента пестрела моими интервью, фотографиями и весьма громкими обещаниями относительно нашего с Игибо Майсом фильма. Что ж, режиссер должен быть доволен: с ролью яркой вывески, к которой будут тянуться покупатели, я справилась отлично.

Взгляд мазнул по неприметной заметке, и я уже было отправилась бродить дальше, когда какая-то фраза заставила вернуться и прочесть внимательно. В крошечном кусочке текста сухо сообщалось, что в одном из цинфийских городов прошла акция протеста. Беспорядков она не породила (насколько помню, правосудие здесь скоро на расправу), но внимание общественности привлекла. Организованная по всем правилам акция вызвала волнение среди населения. Впервые за долгое время цинфийцы открыто выступили с требованием решения проблемы безработицы и перенаселения планеты. Интересно...

Эта заметка вернула меня к мыслям об Алексее. Я открыла окно диалогов и уже подумывала вызвать брата, когда мелодичная трель интеркома прервала мои колебания. Я прошла в холл и активировала экран, установленный справа от двери.

– Госпожа Майя Данишевская, к вам пришел Дайсакэ Акано. Пропустить?

– Да, – каркнула я, а затем ответила более отчетливо: – Пропустите.

О своем внешнем виде я вспомнила слишком поздно, поэтому времени на переодевание уже не было. Все, что я успела: пригладить волосы и поправить футболку.

Я распахнула дверь и замерла, когда Дайс перешагнул порог. В руках он неуверенно сжимал какой-то сверток.

– Ты забыла на студии куртку.

Я опознала в свертке джинсовую ветровку, в которой была сегодня. День выдался настолько жарким, что я сняла ее почти сразу, а в помещении повесила на спинку стула в одной из комнат.

– Растяпа! – повинилась я и приняла находку. – Спасибо, что привез ее.

– Не за что, – рассеянно ответил Дайс.

Мы потоптались в холле, смущенные и неловкие, как два подростка.

– Может быть, зайдешь? – предложила я.

Он заколебался, но прошел в гостиную и неуклюже опустился на диван. Я, с курткой в руках, последовала за ним и присела рядышком.

Напряжение, возникшее между нами во время танца, не исчезло, и я никак не могла подобрать слова или хотя бы тему для разговора.

– Ты сегодня замечательно отыграл сцену, – начала я, чтобы не молчать. Тишина врезалась в уши и била по вискам отбойным молотком.

– Майя... – хрипло перебил Дайс, и я сразу заткнулась. – Я не знаю, зачем пришел...

Я смотрела в его бледное, заострившееся лицо и видела муку. Он как будто сопротивлялся из последних сил и боялся оступиться. Золотисто-карие глаза покраснели и лихорадочно блеснули, волосы топорщились на макушке, а на губах от постоянного закусывания появились маленькие

ранки.

Меня что-то толкнуло под руку. Я придвинулась ближе и положила ладонь на его щеку, указательным пальцем коснувшись нервно бьющейся жилки на виске.

– Знаешь. Ты знаешь... – прошептала я, с нежностью погружаясь в его взгляд, сказавший мне больше слов.

Зрачки Дайса удивленно расширились, сквозь стиснутые губы вырвался тихий стон, и он притянул меня к себе. Его раскрытая ладонь легла мне на шею, а губы обрушились на мои. Я так долго ждала этого момента, что ответила сразу же, не думая о том, как подобная порывистость выглядит со стороны. Его губы двигались мягко, но настойчиво; язык вторил танцу, в котором мы сегодня кружились, и я целиком отдалась этому ритму.

Дыхание Дайса слилось с моим и сделало нас одним целым. Сердце разрывалось от восторга, от необъяснимо прекрасного чувства единства. Пальцы Дайса скользнули по моим волосам и замерли на затылке, притягивая к себе еще ближе. Рука легла на талию, не оставляя мне выбора, но я и не думала противиться. Дайс углубил поцелуй и, словно в оправдание своей требовательности, сделал его нежным, полным обещания. Все окончательно пропало. В круговороте остались только мы. В глаза будто брызнуло солнце, и я прикрыла их, отчетливо ощущая на коже ласку весеннего ветра.

Первым отстранился Дайс. Он отпустил меня медленно, неохотно и еще какое-то время держал в объятиях, прижавшись лбом к моему лбу и тяжело дыша. Растерянная и счастливая, я сидела с глупой (не сомневаюсь в этом!) улыбкой на лице. Пальцы сжимали ворот рубашки Дайса, которая угрожающе затрещала, когда он судорожно подскочил с дивана.

– Это неправильно, – очень тихо сказал он.

Я распахнула закрытые до этого глаза и непонимающе спросила:

– Прости?

– Ты и я – так не должно быть.

С любовью выстроенный мир рухнул. Исчезли радуга, солнце и весенний ветер. На меня обрушилась пустота, с каждой секундой закрадывающаяся все глубже в сердце, оставляющая на нем червоточины.

– Тогда зачем ты пришел? – голос звучал так глухо, что я сама едва расслышала себя.

– Я... Не справился с собой. Извини. Больше такого не повторится.

Дайс пятился от меня, как от опасного хищника, но смотрел так виновато, с таким отчаянием, что, если бы не холод, льдом сковавший не только душу, но и тело, я бы попыталась с ним поговорить. Вместо этого я молча смотрела, как он медленно уходил, не отрывая от меня взгляда, словно пытался продлить этот момент, навсегда оставить в памяти.

Звук захлопнувшейся двери разбил смерзшийся комок пустоты внутри, и он рассыпался острым крошевом. Я неожиданно для себя громко всхлипнула и, зажав ладонью рот, кусая пальцы, спрятала лицо в диванных подушках.

Меня отвергали и до этого, но никогда прежде отказ не сопровождался такой сильной болью. Я самой себе казалась вещью, собранной без инструкции, а потому лишенной парочки неприметных, но очень нужных винтиков. Эти винтики навсегда остались в руках равнодушного сборщика, который спешно покинул мою жизнь.

И от этого было так горько, что даже глаза оставались абсолютно сухими. Спазм сдавливал горло, но облегчить его слезами я не могла.

Из этого состояния меня вывел новый звонок интеркома. Пошатываясь, я дошла до холла, включила экран и нервно рассмеялась, увидев улыбающееся лицо Ито.

– Пропустите, – разрешила я охране и нажала на отбой.

Ито обладал редким даром – он определенно умел приходить вовремя. В тот момент, когда соперник слаб и беспомощен.

– Добрый вечер, Майя! – Ито чуть склонил голову в традиционном приветствии, а затем театрально посетовал: – Неудобно появляться в вашем доме без подарка, но после столь резких слов насчет цветов, я не был уверен, что невинный презент не полетит мне в голову.

Это он цветы называет невинным презентом? Хитрый лис... Делает вид, будто не понимает, почему

я так остро реагирую.

– И что бы вы принесли? – флегматично спросила я.

– О, я долго думал об этом! Выбор колебался от чайной корзины до драгоценностей. А каковы ваши предпочтения?

– Оружие. Я бы предпочла огнестрельное, полностью заряженное оружие, – мрачно отозвалась я, с удовольствием отмечая, как беззаботное лицо Ито вытянулось, а губы сложились в беззвучное «о», правда, всего лишь на мгновение.

Он тут же взял себя в руки:

– Весьма достойный и практичный выбор. Полностью вас одобряю.

– А я вас – нет.

Вот и начало долгожданного разговора. Кажется, я напала первой. Что ж, хорошо.

Мы все еще мялись в холле, поэтому Ито дипломатично отсрочил ответный удар:

– Коридор – не самое удачное место для беседы. Если вы не возражаете... – Он обошел меня и направился в гостиную. Я запоздало сделала приглашающий жест рукой, но его уже никто не оценил.

Я последовала за Ито. Тот уже облюбовал диван, где недавно сидел Дайс, и почему-то меня это покорило. Поморщившись, я выбрала высокое кресло, стоящее напротив, и медленно опустилась в него.

– Итак, Майя, что же вас не устраивает? – Ито закинул ногу на ногу. Его рука покоилась на подлокотнике, а сам он уверенно откинулся на мягкую спинку.

– В самую первую встречу вы сказали, что будете со мной откровенны, – я не стала тянуть и решила действовать прямо. – Так зачем же сейчас вы юлите?

– Я думал, мои намерения очевидны, – серьезно проговорил Ито. Он нахмурился. Маска беззаботного джентльмена слетела с его лица и обнажила легкое раздражение.

Я хмыкнула и заставила его озвучить то, о чем подозревала. Хотела быть уверенной, что не ошиблась.

– Чего вы добиваетесь, Ито?

– Брака с вами, конечно.

Так, теперь, главное, не сорваться. Майя, держи эмоции под контролем!

– Зачем? – сухо спросила я.

Ито протяжно вздохнул, и я вздрогнула: на секунду его реакция напомнила мне Алекса. Мне показалось, что братец сидит передо мной и разочарованно подпирает подбородок кончиками пальцев, сложенных домиком. Я моргнула, и наваждение исчезло.

– Мы с вашим братом оказались партнерами в одном деле... Наши интересы пересеклись, и мы смогли найти общий язык. Я надеюсь на долгосрочное сотрудничество. Обычно такие проекты для надежности скрепляют браком.

Я не удержалась и скрипнула зубами. Братец тоже считает меня «проектом», или это определение выбрал Ито?

– Вот и отлично, – саркастично бросила я и скрестила руки на груди. – Женитесь друг на друге, кто ж мешает?

Ито сменил позу. Теперь лодыжка его правой ноги покоилась на коленке левой, а сам он немного подался вперед.

– На Цинфе весьма неодобрительно относятся к нетрадиционной ориентации. Однополые браки запрещены, – педантично ответил он.

– Видно, что вы рассматривали этот вариант, – едко прокомментировала я и насупилась.

– Я рассматривал все возможные варианты, – серьезно заверил Ито и ринулся в атаку: – На самом деле, если вы подумаете, Майя, то от этого брака мы все только выиграем. Например, вы получите

мою защиту.

– И от кого же меня надо защищать?

– Вы считаете, у вашего брата мало врагов?

Я промолчала. Крыть было нечем. Ито продолжил:

– Мне этот брак даст определенные гарантии. Ваш брат непредсказуем... Я хотел бы подстраховаться на тот случай, если он решит прервать наше сотрудничество. – Наверное, я изменилась в лице, потому что Ито тут же заверил: – Не волнуйтесь, вредить вам я не собираюсь. Вашей жизни ничто не угрожает.

Угу. Меня всего лишь собираются использовать в роли предмета шантажа. В случае необходимости, конечно, но это мало утешает.

– Знаете, как я себя чувствую? – зло проговорила я и с такой силой сдвинула браслет на запястье, что один из украшавших его камешков жалобно звякнул и покатился по полу. Ито проводил его полет внимательным взглядом. – Скажите, должен ли чувствовать обиду дом, который при договоре использовали в качестве обеспечения кредита?

– Майя, вы принимаете все слишком близко к сердцу...

– Мой брат согласился с этим... – Последнее слово я выплюнула: – Браком?

– В общих чертах. Он прекрасно понимает, что вы нуждаетесь в защите. Особенно сейчас, пока он на Эрии. Как вы знаете, ситуация...

– И что же, – перебила я, не слушая его. – Мы с вами поженимся, будем изображать счастливую пару, родим детей, к которым будем полностью равнодушны... Вы так себе это представляете?

До этого момента я не задумывалась о семейной жизни. Нет, где-то далеко на горизонте мелькала мысль о муже, детях, собственном доме, но она была расплывчата и отказывалась формироваться в четкую картинку. Сейчас же я яркой вспышкой увидела Дайса, себя в его объятиях, малыша в люльке рядом... Эти фантазии обожгли до слез, и я ногтями впиалась в тыльную сторону ладони.

Плевать на Дайса. Я просто не позволю превратить себя в пешку.

– Вы немного сгущаете краски, – попенял Ито. – На Цинфе часто заключаются договорные браки, поэтому если вы решите остаться, то все равно... – Он замолчал, поняв, что этот аргумент на меня не действует, и решил зайти с другой стороны: – Майя, этот брак никак не угрожает вашей свободе. Вы можете так же писать книги, снимать фильмы. С моей помощью у вас не будет ни одного неудачного проекта, обещаю.

Я вскинула голову и насмешливо посмотрела на него. Вкрадчивые интонации, обманчивая мягкость движений, внимательный, понимающий взгляд – наверное, именно так он действует на переговорах? Что ж, очаровывать и втираться в доверие он умеет.

– Вы думаете, меня интересует только это?

– Конечно, нет, – легко согласился Ито. – Брак не будет мешать вашей личной жизни. Естественно, ее придется скрывать, но в целом я не буду препятствовать: можете заводить любовников. Только кандидатуры лучше согласовать со мной, дабы избежать ошибок. Не представляете, как важна для политиков репутация и как легко ее испортить одним-единственным скандалом.

Я ошарашенно открыла рот и не сразу нашлась с ответом:

– Вы серьезно?

– Майя, мы взрослые люди. У нас есть свои потребности... Конечно, когда мы решим завести ребенка, придется о них забыть. Я хочу быть уверенным, что отцом ребенка не является кто-то другой.

Кажется, я покраснела, но в свете сложившегося разговора это было уже неважно. С каждым словом Ито мои глаза расширялись все больше, а под конец его монолога я серьезно опасалась, что они выкатятся из орбит.

– Так значит, – прокашлялась я, – вы еще и детей планируете?

– Конечно, – сверкнул улыбкой Ито. – Двоих. Но торопить с этим вопросом не буду. Вам потребуется время, чтобы ко мне привыкнуть.

Я покачала головой, слишком растерянная и сконфуженная, чтобы ответить сразу. Ладно Ито, но Алекс серьезно думал, что я соглашусь играть в этом фарсе? Или он просто не знал всего?

Алекс – и не знал чего-то?

Я сипло рассмеялась. Ито с тревогой покосился на меня и задумчиво постучал ногтями по подлокотнику. Видимо, так его деловые партнеры еще не реагировали.

– Простите, – после паузы проговорила я, – но мне такой вариант не подходит.

– Что-то смущает? – с готовностью пододвинулся поближе Ито. – Мы можем обсудить детали...

Я упреждающе подняла руку.

– Нет! – Мне представилось, что он сейчас достанет распечатанный контракт и начнет перелистывать странички, предлагая внести ту или иную правку. – Никакие обсуждения не помогут. Я просто против. Это окончательное решение.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Ито задумчиво коснулся языком уголка губ и предпринял еще одну попытку:

– Майя, подумайте еще раз. В вас говорят эмоции, и я вас понимаю. Но если рассуждать здраво...

– Никогда не умела этого делать. В этом деле спец мой брат, но не я. – Намекая, что разговор окончен, я решительно встала с кресла.

Ито еще пару мгновений колебался, но, видимо, решил, что спорить бесполезно. Сейчас, во всяком случае. Что-то мне подсказывало – он не умел быстро сдаваться.

– Хорошо, Майя, продолжим наш разговор в другой раз.

– Или никогда, – мстительно предложила я. Совершенно детский ответ, но душившая меня обида требовала выхода.

– Возможно, – галантно согласился Ито, проходя в холл. К нему вернулось хорошее настроение, и он снова натянул на себя маску безукоризненной учтивости. – Но вряд ли. «Никогда» – это слишком долго, Майя. Единицы выдерживают столь бесконечное ожидание.

– Буду иметь в виду, – заверила я и распахнула дверь.

Ито церемонно поклонился и перешагнул порог. Я со злостью захлопнула дверь и обессиленно прислонилась к ней спиной.

Меня волновал только один вопрос: Алекс действительно вознамерился выдать меня замуж на Цинфе? В этом состоит его план?

Ведь если да, то...

Страх сжал сердце, вытесняя обиду. Я никогда не играла против брата, и если он задумал нечто подобное... Хватит ли мне смелости и умений, чтобы ему противостоять?

Впрочем, это не означает, что я не буду пытаться.

Я тоже Данишевская. Нравится это Алексу или нет.

В лифте я едва не сломал электронную панель – с такой силой жал на сенсорные кнопки. Во мне клокотали противоречивые чувства, и я сдерживался изо всех сил, чтобы не взорваться.

Прощальный взгляд Майи вспорол грудную клетку, прошелся по телу и как будто вырвал позвоночник. Разочарование, обида, непонимание – каждая эмоция, что я увидел в ее глазах, была по больному. Как же я презирал себя за то, что сломался, дал себе волю. Я не жалел ни о танце, ни о поцелуе, но понимал, как глупо и жестоко это выглядело со стороны. Что может быть хуже, чем дать надежду, а затем ее отнять? Кто так поступает? Только слизняк вроде меня, не сумевший перебороть собственные желания и поддавшийся им.

И все же было кое-что, теплом наполняющее пустоту внутри, – Майя хотела этого не меньше меня. Теперь я знал это наверняка. Такое невозможно подделать, сыграть. Она действительно что-то ко мне испытывала.

Будь я благоразумнее, будь немного сильнее, я бы остановился на этом. Бережно хранил бы

воспоминания о ней, с благодарностью и благоговением воспринял бы ее отношение к себе. Но нет, дурная кровь есть дурная кровь. Конечно, мне мечталось о большем...

И все же я не настолько отвертителен, чтобы зайти слишком далеко. Я не мог позволить Майе упасть в грязь рядом со мной. Нет, она достойна большего, гораздо большего...

Именно эта мысль дала мне силы уйти. И пусть мне хотелось биться, как раненому зверю, угодившему в капкан, но я знал, что поступаю правильно. Пусть Майя презирает меня, пусть злится, но я не дам ей оступиться. Я обязан позаботиться о ней.

Я так задумался, что ничего не замечал вокруг. Очнулся, лишь услышав фальшивое удивление:

– Дайсаке Акано, вот так сюрприз!

Возле лифта, из которого я выходил, стоял Ито Кейтаро и наигранно улыбался.

На автомате я поклонился и, неразборчиво буркнув приветствие, хотел пройти мимо, но меня удержали за локоть.

– Кажется, я предупреждал тебя, что не стоит так близко общаться с Майей, – приблизив губы к моему уху, многозначительно напомнил он.

Я брезгливо вырвал руку из его захвата и неожиданно для себя отрезал:

– В твоих советах я не нуждаюсь. Пока Майя сама не попросит исчезнуть из ее жизни, я буду рядом.

Отряхнул рукав рубашки там, где касался ее Ито, и, не оглядываясь, направился к выходу.

– Не стоит вставать у меня на пути, Дайсаке Акано.

Это холодное напутствие я проигнорировал и, спрятав ладони в карманы, зашагал дальше.

Не знаю, зачем я нарвался на стычку с Ито Кейтаро. Я был полностью согласен с ним: мне надо держаться от Майи как можно дальше, но признаться в этом вслух, тем более сопернику, я не мог. Это бы сломало меня окончательно.

Впрочем, я и без того чувствовал себя выпотрошенным чучелом – трупом, который зачем-то прикидывался живым.

Глава 14

Этой ночью я практически не спала. Забывалась тревожным сном, чтобы через два часа распахнуть глаза и тупо уставиться на часы. Ворочалась, вставала, нервно цедила маленькими глотками воду, открывала и закрывала нетбук, но Алексу так и не позвонила.

Неудивительно, что за завтраком у меня было отвратительное настроение. Я меланхолично жевала еду, и протяни кто мне сейчас салфетку, безучастно сгрызла бы и ее. В голове тремя китами всплывали имена людей, подкинувших мне проблем: Алекс, Ито, Дайс. Их инициалы превращались в точки, от которых расходились линии, – получался треугольник. А вот равносторонний или остроугольный – этого я не знала. Я мысленно крутила эту фигуру так и сяк, когда расположившаяся за противоположным столом Айю испуганно охнула, а затем подлетела ко мне.

– Посмотрите. – Она протянула наладонник и, не дождавшись реакции, потрясла им перед моим носом. – Прочитайте!

Я неохотно забрала его у нее из рук и уткнулась в экран. Первые же строчки заставили проснуться и прекратить рефлексировать.

«По подозрению в изнасиловании некой К. (имя не указываем по просьбе жертвы) задержан актер Дайсакэ Акано. Слушание по делу состоится сегодня в шестнадцать часов в зале Верховного суда и будет проходить в открытом режиме».

Я перечитала заметку трижды. Медленно, почти по слогам спросила:

– Что это значит?

– Ну вы же сами понимаете...

– Ни черта я не понимаю! – отрезала я и спрятала дрожащие ладони под стол. – Дайс мог кого-нибудь убить – в это бы я еще поверила, но изнасиловать?! Уволь!

Я снова вспомнила хруст костей, когда Дайс душил эрийца, и отмахнулась от тошнотворной картины. Да, моего цинфийца нельзя назвать безобидным, но он не преступник.

Моего цинфийца?!

Айю стусевалась, растерянно пожевала губами, а затем неохотно намекнула:

– Вчера в Тхалли прошла акция протеста.

– И?

– Думаю, это связано, – вздохнув, пояснила она. – Наверное, таким скандалом правительство пытается отвлечь внимание общественности от других проблем.

Я ошарашенно заморгала, пытаюсь привести мысли в порядок:

– Ты так говоришь, как будто эта частая практика.

– Не такая уж и редкая, – понизив голос, подтвердила Айю. – Обычно выбирается какая-нибудь известная фигура, например актер (лучшая мишень для сплетен, между прочим), и вокруг него раздувается скандал.

– Скандал? Да на него завели уголовное дело! – вспылила я.

– Да, и это странно, – согласилась она. – Обычно журналистам подкидывают информацию о чьем-нибудь романе, и пресса вместе с общественностью в течение нескольких дней с удовольствием мусолит эту тему, смешивая несчастного с грязью.

– А затем изгоняют с Олимпа, – рассеянно добавила я.

– Что?

– Говорю, потом жертву слухов перестают снимать и лишают работы.

Айю кивнула, видимо, посчитав, что комментарии излишни.

Я сделала глубокий вдох и постаралась успокоиться. В голове царил полный сумбур, паника накатывала волнами и тут же отступала. Сглотнув, я задала самый страшный для себя вопрос:

– И какова же мера наказания за изнасилование?

Айю сочувственно посмотрела на меня и выдавила:

– Смертная казнь.

Комната закружилась перед глазами, пол поменялся местами с потолком, и я не сразу поняла, что падаю. Айю успела меня подхватить – повезло! Иначе бы я здорово приложилась макушкой о кафедру.

– Вам плохо?

– Мне вообще отлично! – язвительно заверила я и со злостью прикусила язык. Айю тут точно ни при чем. Срываться на ней – признак слабости и беспомощности.

Она неуверенно отпустила меня и отошла на пару шагов назад, виновато отводя взгляд.

– Прости, – быстро извинилась я и не стала миндальничать, перейдя сразу к сути: – Где он сейчас?

– Вероятно, в отделении правоохранительной системы. Больше нигде.

Я задумчиво прищурилась:

– Ну да, тюрем-то у вас, видимо, нет... За любое преступление – голову с плеч.

– Разве это не справедливо? – робко спросила Айю, но у меня не было времени на дискуссию.

– Собирайся. Мы едем навестить Дайса.

– Подождите! Мне нужно вас накрасить и... – Айю заткнулась, напоровшись на мое многозначительное молчание и не менее красноречивое выражение лица. – Можно обойтись и без этого, – покладисто согласилась она.

Я не стала тратить время на переодевания. Вместо домашних штанов натянула джинсы, а поверх свободной футболки накинула куртку. Спустя пять минут мы уже поднимались на стоянку, где нас ждала припаркованная машина.

Услышав обозначенный маршрут, водитель нахмурился, но ничего не сказал. А вот охрана попыталась воспротивиться, но быстро утихла, получив от Айю такой разнос, что даже я прониклась и отметила пару новых и весьма впечатляющих эпитетов.

– Ты отлично умеешь управлять подчиненными, – мимоходом заметила я.

– Меня этому учили, – пожала плечами она.

Я слишком нервничала, чтобы поддерживать разговор, а потому отвернулась к окну и принялась считать секунды. Постоянно сбивалась и начинала сначала. Думать о чем-то я не могла. Единственное, чего я в тот момент хотела, – увидеть Дайса.

Здание, где его держали, было новеньким, чистеньким, но каким-то безликим. Унылая высотка, отличающаяся от своих однотипных собратьев только огромной электронной вывеской: «Отделение правоохранительной системы». Думаю, так цинфийцы называли полицейские участки.

Нас остановили еще на входе. Молодой высокий парень с короткой стрижкой и ярко очерченными скулами поинтересовался причиной нашего визита и, получив лаконичный ответ, сурово постановил:

– К подозреваемому допускаются только члены семьи.

– Но...

– Это не обсуждается! – гаркнул он, отдавая честь одному из офицеров, проходящему мимо, а затем уже спокойнее добавил: – К сожалению, ничем не могу помочь.

Айю цапнула меня под локоток и насильно утащила от регистрационной стойки, за стеклом которой и расположился неумолимый цербер.

– Бесполезно. Вас не пустят.

– А если каким-то образом выбить разрешение? Твой отец может помочь? – Я цеплялась за соломинку. Меня трясло то ли от холода, то ли от перевозбуждения и страха. Пришлось скрестить руки на груди, спрятав ладони под мышками.

– Я могу спросить у него... – неуверенно протянула Айю. – Но вряд ли он согласится. Политики боятся скандалов и предпочитают в них не вмешиваться.

О чем-то подобном говорил вчера Ито. Лицемерные чистоплюи, которые скорее дадут человеку умереть, чем станут рисковать собственной репутацией...

Я тупо смотрела на улицу через стекло входной двери. Поднимался ветер, темнело небо. Кажется, собиралась гроза – первая за это лето, как сказала Айю. Наверное, в воздухе уже пахло озоном, но выходить и проверять не хотелось. Я была готова провести всю жизнь на этом пятачке – между стеклянной дверью и регистрационной стойкой с охранником.

– Может быть, пойдем? – Айю смотрела на меня с такой жалостью, что я собралась с силами и хрипло выдавила:

– Да, конечно.

В этот момент из коридора, который так рьяно охранял парень в форме, вылетела хрупкая женская фигурка и с яростью хлопнула каким-то жетоном о крышку стойки.

– Поставьте отметку! – потребовала девушка, и я узнала срывающийся голос Лиа.

– Лиа Акано, – негромко позвала я, и она обернулась.

При виде меня ее покрасневшие глаза с проступившими под ними синяками сузились.

– А вы что здесь делаете? – звонко спросила она. Кончик распухшего от слез носа гневно покраснел.

– Эй, не забывай правила этикета! – возмутилась Айю.

– Что мне эти правила, – горько хмыкнула Лиа, – они хоть раз помогли моей семье?

– Давай отойдем, – предложила я, не желая устраивать скандал на глазах у охранника. Тот уже наострил уши и внимал с таким видом, будто попал на середину акта какой-нибудь театральной пьесы.

– Мне с вами не о чем разговаривать. – Лиа была непреклонна. – Я была права, когда просила брата держаться от вас подальше. Вы принесли только беды!

– Прикуси язык, малявка! – осадил ее Айю, чьей сильной стороной едва ли было терпение. – При чем здесь госпожа Майя Данишевская?!

– Ей виднее, – мрачно ответила Лиа. – Ей и тому политику, что вечно возле нее кружит.

– Ито Кейтаро... – тихо подсказала я.

– Угу, – буркнула Лиа, убирая жетон и пряча руки в карманы так же, как это делал Дайс. – Только ваши с ним разборки задела моего брата.

– Что ты несешь! – горячилась Айю, в то время как я молчала. – Это же рулетка, задеть могло любого из актеров. – Она спохватилась, что сболтнула лишнего, и торопливо замолкла, опасливо косясь на охранника и выискивая взглядом камеры на стенах.

– А задело моего брата, – хмыкнула Лиа, и ее плечи обессиленно опустились. – Наигралась с ним землянка и пустила в расход.

Фразу оборвал звонкий звук пощечины. Айю стояла с растопыренной ладонью и гневно взирала на Лиа, на щеке которой уже расцветало красное пятно.

– Айю, зачем ты! – крикнула я и беспомощно добавила: – Перестаньте!

Лиа потеряла место удара, моргнула, чтобы скрыть злые слезы, и сорвалась с места. Ее подрагивающая спина мелькнула в дверях, затем на улице и исчезла из зоны видимости.

– Не делай так больше, – тихо попросила я.

– Но она же...

– Просто не делай, – с нажимом повторила я. – Пойдем, нам здесь ловить больше нечего.

Я шагнула к дверям, и они предупредительно разъехались в разные стороны. Над головой раздались отдаленные раскаты грома, и я поежилась: ветер сменил направление, и теперь его холодные порывы пробирали до костей.

– Что вы будете делать? – Айю подошла незаметно, и от звука ее голоса я вздрогнула.

– Сдаваться точно не собираюсь. – На лицо упали первые крупные капли, и это привело в чувство. –

Позвони Ито Кейтаро, предупреди о моем приезде.

Офис Ито располагался в самом центре мегаполиса, на просторной улице, полностью забитой конторами разной степени влиятельности и величины. Всюду, куда ни посмотри, сновали занятые мужчины в деловых костюмах и с печатью отчаянной сосредоточенности на лицах. Женщины почти не попадались, но и у тех вид был немного виноватый, как будто они забрели на чужую территорию и теперь опасались нападения.

– Ассори – политический центр Цинфа, – тихо пояснила Айю и кивком указала направление.

В прохладной и светлой приемной мы просидели недолго. Поначалу неприступный секретарь с таким идеально округлым лицом, что не заподозрить в нем творение хирургического скальпеля было бы кощунством, после короткого разговора с начальством мгновенно проникся к нам нужным пиететом. Поклоны стали еще ниже, а взгляды – более подобострастными.

С многочисленными реверансами он предложил следовать за ним. Айю хотела отправиться со мной, но я положила руку на ее плечо и заставила остаться на низеньком диване из натуральной кожи.

По короткому широкому коридору, заканчивающемуся высокой светло-серой дверью, я прошла вдвоем с приседающим от нервного возбуждения секретарем. Я невольно пожалела обильно потеющего (при работающих-то кондиционерах!) парнишку и задалась вопросом: что сказал ему Ито? Или парень, как всякий вышколенный секретарь, умел угадывать настроение начальства с полуслова?

Дверь бесшумно распахнулась, и я попала в черно-белое царство минимализма: однотонные стены с редкими картинами в узких рамках, огромные окна, залитые светом, и практически полное отсутствие мебели: письменный стол, два кресла для посетителей, одинокая кушетка в углу и что-то вроде каменного садика с фонтанчиком рядом с ней. Я моргнула; в журчащих струях воды прыгали солнечные зайчики, и после темноватого коридора их бликующая возня раздражала – захотелось прикрыть глаза рукой.

– Майя, какой приятный сюрприз! – Ито встал из-за лаконичного стола черного цвета, но шага навстречу не сделал.

Дверь за моей спиной плавно сомкнулась со стеной. Секретарь, склонившийся в поклоне, остался по ту сторону порога. Я почувствовала себя сбежавшим хорьком, которого аккуратно поймали в коробку и захлопнули крышку.

Передернув плечами, я прошла по белоснежному ковру с коротким ворсом и опустилась в темное кожаное кресло. Сложила руки на коленях, сцепила их в замок, чтобы не выдать волнения, и мрачно проговорила:

– Думаю, вы уже догадались, почему я решила вас навестить.

– Остаюсь в блаженном неведении, – заверил меня Ито и тоже присел.

Мы оказались друг напротив друга, только я была в более проигрышном положении: слишком низкое кресло для посетителей заставляло смотреть на собеседника снизу вверх. Это нервировало.

– Зачем вы это сделали?

– Простите, что именно?

Я со злостью цокнула языком:

– Не играйте со мной. Зачем вы подставили Дайсаке Аканю?

Ито поставил локти на матовую поверхность стола, подался вперед и оперся грудью на сложенные вместе ладони.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – ровно ответил он.

Я больно укусила внутреннюю сторону щеки. Появившийся металлический привкус во рту образумил, и я, меняя тактику, мягко, почти спокойно проговорила:

– Во время самой первой нашей встречи вы говорили, что будете со мной откровенны. Кажется, именно честность вы выделяли среди тех качеств, которые непременно заинтересуют меня.

– Возможно, – осторожно согласился Ито. Его изучающий взгляд не отрывался от моего лица. Казалось, он что-то прикидывает, взвешивает за и против.

– Вы были правы. Прямота – это то, что я больше всего ценю в людях. Без нее долгосрочные

отношения невозможны.

Ито одобрительно хмыкнул и откинулся на высокую спинку. На его губах появилась понимающая улыбка:

– Неплохой ход. Хорошая приманка. С вами, Майя, всегда интересно общаться. Чувствуется школа брата.

Я с трудом не поддалась панике. Сдаваться было еще рано.

Ито встал, задумчиво подошел к окну и оперся на раму плечом. Рассматривая потемневшее небо, где в тучах уже виделся просвет, он не спеша проговорил:

– Но вы правы: откровенность в отношениях, тем более в наших, – необходимое условие успеха. Хорошо. – Ито повернулся и деловито посмотрел на меня. – Я не подставлял Дайсаке Акано в полном смысле этого слова, но я поддержал его кандидатуру, когда речь зашла о мишени.

Я судорожно сглотнула:

– Говоря о мишени, вы имеете в виду выбранную кем-то жертву сплетен?

– О, вы уже успели разгадать схему? – с ноткой восхищения уточнил Ито и продолжил: – Обычно хватает лишь сплетен и легкого скандала. В этот раз ситуация потребовала более радикального способа отвлечь внимание общественности. Уголовное дело – это наше ноу-хау, и, кажется, оно работает.

На секунду маска слетела с его лица, и сквозь нее прорезалось смущение мастера, чье изобретение оказалось жизнеспособным. Для завершения образа Ито не хватало изящного фужера с игристым вином, которым бы он скромно салютовал. Меня замутило от отвращения, и, сдерживаясь, я спокойно сказала:

– Да, в новостях больше не мелькают упоминания об акции протеста. Пресса занята более горячими и безопасными для собственной головы вестями.

Ито улыбнулся:

– Вижу, мы поняли друг друга.

– Не совсем, – холодно заметила я. – Вы ошиблись, если посчитали, что, убрав с пути Дайсаке Акано, как-то приблизитесь к своей цели. Ведь брак со мной по-прежнему для вас в приоритете?

– Я не убирал с пути этого актера, – снова напомнил Ито. – Идея сделать жертвой Дайсаке Акано принадлежала не мне. Тем не менее я рад, что все так получилось. Простите, Майя, но я не терплю конкурентов и предпочитаю избавляться от них решительно и быстро. Правда, в этот раз ситуация разрешилась сама собой, – вновь вставил он. В самой глубине его глаз, если присмотреться, можно было увидеть опасно тлеющий огонек.

Ито не нравился оборот, который приняла наша беседа. И что-то в слегка посуровевших чертах лица внушало мне угрозу.

– Вы думаете, что теперь я соглашусь выйти за вас замуж?

– Возможно, не сразу, – рассеянно проговорил Ито, – но, надеюсь, согласитесь.

Я сжала кулаки, изо всех сил стараясь не выдать гнева:

– Вы можете помочь Дайсаке Акано? Остановить то, что начали?

– Нет.

– Даже если я пообещаю выполнить ваше требование и выйти за вас замуж? – слова дались нелегко, но, как только они сорвались с языка, стало легче. Вот и все, Майя, ты сделала то, ради чего пришла.

– К сожалению, я ничем не могу помочь этому парню, – сожаление действительно звучало в голосе, но едва ли оно относилось к судьбе Дайса. Скорее, Ито горевал, что не может так легко заполучить меня и нужную ему страховку. – Машина уже запущена, и лезть сейчас под ее колеса попросту опасно – перемелет. Остается только наблюдать за происходящим.

– Это ваш окончательный ответ?

– Да, – помедлив, кивнул Ито. – И заметьте, как и обещал, я с вами искренен. Мог бы обмануть,

заверить, что помогу, но не стану этого делать – слишком мелко. Да и вы потом меня возненавидите.

– Я уже вас ненавижу! Вас и ваши грязные политические игры! – бросила я, вставая с кресла и прожигая Ито полным презрения взглядом. – Если вы думаете, будто смерть Дайсаке Акано что-то изменит, вы идиот!

– Майя, не забываетесь...

– Это вы забылись! А я как раз вспомнила, кто я такая. И поверьте, увижу вас рядом с собой – пристрелю, как того эрийца.

Я, гордо выпрямив спину, стремительно направилась к двери. Уже у самого выхода меня нагнали слова, сказанные спокойно и даже доброжелательно:

– Майя, одной на Цинфе вам не выжить. Это понимаете и вы сами, и ваш брат. Вам придется кого-то выбрать. Здесь мужская помощь необходима, и раз вы лишились той, что принимали по зову сердца, почему бы не остановиться на той, что советует вам разум? Ведь сейчас противоречий нет, верно? В каком-то смысле вас лишили выбора, но, может быть, оно и к лучшему?

Я медленно обернулась и впилась взглядом в поблескивающие тревогой глаза Ито. Он определенно волновался, хотя и умело скрывал эмоции. Я отметила это со злорадностью смертника, обнаружившего у палача кровоточащую мозоль.

– Вы роботы. Вы и мой брат. Вам никогда не понять, что нельзя что-то отобрать, а затем, услышав крик, сунуть в руки нечто отдаленно похожее. Я не ребенок, а Дайсаке Акано не игрушка. И с нашими чувствами стоит считаться.

– В таком случае, Майя, мне жаль, что вам причинили боль. Я глубоко сопереживаю вашей утрате, поверьте, – он выдержал приличествующую ситуации паузу, покачал головой и добавил: – Надеюсь, когда эмоции улягутся, вы найдете в себе силы еще раз обдумать мое предложение.

Мои губы изогнулись в кривой усмешке. Я не знала, сказал Ито правду или преуменьшил свою роль в этой махинации. Это было уже неважно. В одном я была уверена: несмотря на показное сочувствие, Ито ни о чем не жалеет. Он играл и пока по-прежнему выигрывал.

– Даже не мечтайте, – выдохнула я и выскочила в коридор.

В приемной подбородком указала Айю на выход и сопровождаемая любопытным взглядом секретаря вышла вместе с ней через вертящиеся двери к стоянке.

– Не получилось, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказала Айю и нырнула внутрь машины.

Я промолчала и последовала ее примеру.

– Куда теперь? – робко спросила она, когда автомобиль взмыл ввысь.

– Сколько времени до начала слушания? – собираясь с мыслями, деловито уточнила я.

– Часа два.

– Хорошо, тогда летим в отель.

Айю чуть удивленно покосилась на меня, но покладисто дала нужные инструкции водителю.

– У вас есть план?

– Нет, не совсем...

Я обессиленно прикрыла глаза и уткнулась макушкой в мягкий подголовник. То, что я собиралась сделать, нельзя было назвать планом. Скорее – отчаянием утопающего, производящего бессмысленные телодвижения в воде.

В номере, не разуваясь, я бросилась в спальню. Схватила с тумбочки поблескивающий черным нетбук, прижала к груди и медленно опустилась на кровать. Какое-то время я бездействовала, прокручивая в голове предстоящий разговор и подбирая удачные фразы. Мысли путались, слова играли в прятки, и, в конце концов смирившись с невозможностью рассуждать здраво, я решительно ткнула указательным пальцем на кнопку соединения. На экране забегала то сжимающаяся, то разжимающаяся спираль синего цвета, и слышались гудки.

Я ждала долго. Очень долго. Затем попробовала снова. И еще. Алекс ответил с третьего или

четвертого раза, когда от накатившего смутения я уже не могла правильно сосчитать количество попыток дозвониться до него.

– Майя, я рад, что ты решила поговорить. – Алекс выглядел хмуро и собранно, волнение выдавали лишь глаза. Он внимательно изучал то меня, то что-то поверх крышки нетбука. – Но время ты выбрала неподходящее. Я несколько занят.

– Дайсаке Акано несправедливо осудили и собираются казнить, – вместо приветствия выпалила я. – Ты можешь помочь?

– Помочь осудить? – педантично уточнил он.

– Нет, наоборот: помочь оправдать, – раздраженно пояснила я и затаила дыхание. Мне хотелось верить, что брат, как добрый волшебник, одним мановением руки решит все проблемы. Ради этого я была готова забыть наши размолвки.

Алекс покосился вниз, на панель с часами, и нервно поправил куцую косичку с тремя разноцветными резинками на конце.

– Дайсаке Акано... Знакомое имя.

– Актер. Из моей группы, – я сглотнула и задышала чаще.

Повисла недолгая пауза, в течение которой Алекс всматривался в меня, что-то прикидывая или вспоминая.

– У меня нет власти на Цинфе, Майя, – наконец сказал братец. – Попроси об одолжении Ито Кейтаро. Он не откажет.

– Уже отказал, – стиснув зубы, ответила я.

Алекс чуть приподнял бровь, затем сложил ладони домиком и задумчиво постучал кончиками пальцев друг о друга.

– Значит, он уверен, что дело того не стоит...

– Алекс, так ты поможешь?

Кто-то окликнул братца, и тот, обернувшись, кивнул. Я поняла это по быстрому движению затылка.

– Прости, Майя, но я должен идти, – спустя секунду хладнокровно проговорил Алекс. Он явно куда-то торопился, потому что в камеру попал его торс – брат вставал и собирался выключить нетбук.

– Но... – Я не могла поверить, что все закончилось, и отчаянно взирала на черную обтягивающую борцовку Алекса, надетую под военный китель или пиджак – никогда не разбиралась в деталях армейской формы. Тем более что эта была и вовсе какой-то незнакомой: ни эрийская, ни земная (если я правильно помню ее).

– Мне жаль. Я не могу помочь.

– Алекс!

– До связи, Майя.

– Алекс, послушай!

Раздались короткие гудки, экран мигнул черным, а затем отобразил пустое диалоговое окно. Собеседник вышел из Сети. Я потрясенно уставилась на нетбук. По щекам катились злые слезы, но я поняла это, только когда соленые капли коснулись губ.

Я тряхнула головой, на автомате вытерла мокрые щеки ладонью и громко, со вкусом выругалась.

Дверь сразу же приоткрылась, и в щель протиснулась Айю.

– Вы меня звали? – деликатно спросила она.

– Поедем на слушание, – глухо сказала я, отшвыривая от себя нетбук и вставая с кровати.

Земля под ногами качнулась, но лишь однажды – дальше я шла вполне уверенно.

Пусть Алекс и Ито не хотят помочь, но я все равно не прекращу искать выход. Наверняка есть какое-то решение, просто я его пока не вижу.

Мы едва не опоздали. Как оказалось, слишком многие боялись пропустить такое яркое событие, как суд над насильником, а потому добираться пришлось в пробках. Выглянув из окна, я покосилась на полностью забитую стоянку и близлежащие дворы, уставленные машинами, и напряженно закусила губу – казалось, весь город собрался в Здании Правосудия – месте, где и должна будет решиться судьба Дайса.

В длинном широком холле с высокой старомодной лестницей с массивной балюстрадой из белого камня уже нетерпеливо суетились журналисты. Они, как пираньи, почуявшие кровь, ринулись к нам с Айю, как только мы вошли внутрь. Со всех сторон с упругой прытью мячиков для игры в пинг-понг посыпались вопросы:

– Госпожа Майя Данишевская, как вы можете прокомментировать ситуацию?

– Что вы думаете о поступке Дайсаке Акано?

– Вы презираете Дайсаке Акано? Он разочаровал вас?

И отдающее эхом и не стихающее:

– Всего несколько слов, госпожа Майя Данишевская!!!

Мне хотелось зажать уши ладонями, но я мужественно держала руки опущенными и молчаливо следовала за охраной, прокладывающей мне путь в этом бушующем море. Я жалела, что не взяла темные солнцезащитные очки – опасалась, что под воздействием душившего гнева обрету мистические способности и начну убивать взглядом не хуже василиска. Признаться, сейчас я бы не отказалась от такого дара. Вместо этого пришлось опустить голову и мысленно считать высокие белые ступени, ведущие к залу заседания. Совершенно не было желания улыбаться или говорить фальшиво-правильные слова. Устраивать провокации я тоже не планировала: в такой ситуации действовать стоило только с холодной головой.

Стеклянные звуконепроницаемые двери сомкнулись за спиной, отгораживая от хаоса, царящего в холле. Я с облегчением перевела дух и ненадолго обернулась: журналисты намертво прилипли к дверям и напоминали мне любопытных рыбок в аквариуме. Хотя, наверное, рыбками были мы – те, кто спешил занять место в зрительном зале, а журналисты выступали в роли наблюдателей, готовых подкинуть прикорм в мутную воду.

Место напоминало театральную сцену с рядом кресел перед ней. На небольшом возвышении, в окаймлении четырех письменных столов, находился пятачок, где должны были выступать стороны защиты и обвинения. Прямо пустовали судейский стол и скромная трибуна для вызываемых свидетелей. Справа щуплый адвокат в странном черном одеянии, напоминающем не то мантию, не то балахон, раскладывал по столешнице какие-то бумаги. Стул обвиняемого был свободен. Слева прокурор в такой же одежде, но желтого цвета, остервенело вчитывался в экран планшета, при этом так низко водил носом, что, казалось, еще немного – и начнет выписывать им иероглифы прямо на крышке стола. Чуть поодаль секретарь скучающе разминал пальцы и любовно протирал клавиатуру нетбука. Четвертой стороной этого прямоугольника выступал длинный стол с семью деловитыми мужчинами. Кажется, это были заседатели. Прямо за ними тянулся ряд жестких кресел для зрителей, допущенных на этот концерт, посвященный торжеству справедливости или (что скорее) жизненного идиотизма.

– Нам сюда, – шепнула Айю и указала на два пустующих места рядом с мрачным Игибо Майсом и подавленной Айсан Моно.

Мы коротко кивнули друг другу. Ситуация не располагала к церемониям.

– И все-таки фильм мы запороли, – Игибо Майс обратился не то к Айсан, сочувственно кивнувшей при этих словах, не то к Айю, с опаской покосившейся на меня. Режиссер горько вздохнул и вытер вспотевший лоб ярким шелковым платком. На тонкой материи мгновенно проступили темные пятна. – После такого скандала никто не пойдет в кинотеатр. Мы провалимся в прокате.

Я, забывшись, чуть было не ответила что-то резкое на цинфийском, но, к счастью, не успела. Игибо Майс, уткнувшись взглядом в тощего, не внушающего доверия адвоката – на вид совсем студента, неожиданно добавил:

– Но рины с ним, с фильмом! А парня жалко...

Я вскинула глаза на Игибо Майса, и тот грустно качнул головой, как будто бы знал, что я поняла его фразу. Я не стала делать вид, что не заметила его жеста, и благодарно кивнула. Поддержка мне сейчас была необходима.

– Предначертанное не перепишешь, – тихо сказала Айсан. – Сначала скандал с его отцом, затем – с сестрой, а теперь вот это... Кажется, будто ему суждено быть осужденным обществом и законом.

Мне не понравилась такая постановка вопроса, но в этот момент через другую дверь, расположенную за трибуной, вошел судья. Его белоснежные одеяния царапнули неким пафосом, поэтому я не обратила внимания ни на внешность мужчины, ни на его возраст. Белая ряса так и стояла перед глазами и почему-то вызывала дурные предчувствия. Следом за судьей в зал ввели Дайса. У меня екнуло сердце. Одетый в униформу унылого серого цвета, он высоко держал голову. Его запястья были закованы в наручники, но не за спиной, а спереди, и он, устроившись рядом с адвокатом, как будто демонстративно выставил их на обозрение, положив руки поверх стола.

Звучный, хорошо поставленный голос судьи ворвался в мысли и заставил сконцентрироваться на происходящем.

– Слушание по делу Дайсаке Акано объявлено открытым! Слушание пройдет в два этапа, решение будет вынесено сразу же.

Я поморщилась. Ни дать ни взять конферансье, предупреждающий о том, что в пьесе планируется два акта с коротким антрактом. Не хватало лишь ненавязчивой рекламы буфета.

В центр пятачка не спеша вышел прокурор. Поклонился судье, адвокату и присяжным. Окинул оценивающим взглядом притихших зрителей и начал свое выступление:

– Для дачи показаний вызывается Мики Ясу – жертва изнасилования.

Я едва не подскочила на месте от столь скоропалительной формулировки, но Айю решительно сжала мою ладонь и удержала на месте. Покачав головой, она, не глядя на меня, шепнула:

– Держите себя в руках.

Я неохотно последовала совету, признавая ее правоту.

К невысокой трибуне вышла молоденькая девушка с некрасивым, не тронутым пластикой лицом. Заостренные черты лица вместе с непропорционально большими острыми ушами, которые она безуспешно прятала за распущенными волосами, спровоцировали шепот легкого осуждения среди присяжных, но он тут же стих, стоило жертве открыть рот.

– Меня зовут Мики Ясу, – неуверенно, даже робко начала она и традиционно низко поклонилась.

– Отлично, – ободрил ее прокурор. – Расскажите, из какой вы семьи? Чем занимаетесь?

– У меня пять младших сестер. Мать сейчас безработная, отец, к сожалению, погиб в автомобильной аварии пять лет назад. Мы живем в общежитии по улице...

– Это лишнее, – отрезал прокурор и вернул разговор к интересующей его теме: – А вы, чем занимаетесь вы?

– Я работаю в сфере обслуживания, – с гордостью сказала она. – Уборщицей в караоке-баре.

– Так-так. Это все?

– И еще я сдала экзамены в медицинский университет. Я прошла по баллам на отделение ветеринарии.

– Вы планируете учиться? – поощрительно уточнил прокурор и многозначительно посмотрел на присяжных. Те, благосклонно склонив головы, ждали ответа. На внешность девушки уже не обращали внимания, но и не забыли про нее.

– Да, если найду деньги... – смущенно призналась она и замолчала, словно испугалась, что сказала что-то не то.

– Ищущему путь дается дорога, – скороговоркой, словно озвучил какую-то присказку, заметил прокурор и, решив, что прелюдии окончены, перешел к сути дела: – Расскажите о вчерашнем вечере.

Та поежилась, покосилась на равнодушно взирающего на нее Дайса и начала свой рассказ. Слова лились гладко. Хорошо обтесанные, словно галька на реке, они были лишены всякой шероховатости. Складывалось ощущение, что девушка несколько раз репетировала речь, тщательно заучивая фразы.

– Вчера я, как обычно, вышла на работу к восьми вечера. Народу было много, и я слышала, что владелец даже сокрушался по этому поводу – камера видеонаблюдения сломалась, и в случае драки или другого инцидента мы бы не смогли предъявить нарушителю спокойствия весомых улик.

– А часто в вашем заведении случаются драки?

- На моей памяти ни разу. Но владелец всегда говорил, что лучше перестраховаться.
- Хорошая позиция, – одобрил прокурор и поторопил жертву: – Так что же случилось дальше?
- Все было спокойно. Я мыла полы в подсобных помещениях, почти не выходила в зал. Около десяти вечера управляющий попросил прибратся в туалете и...
- Да-да, – горячо поддержал прокурор. – Продолжайте!

Девушка вспыхнула, но, как мне показалось, не смущенно, а виновато. Нервно покосилась в сторону Дайса, затем протяжно и громко всхлипнула, как плохая актриса, и после этого продолжила:

- Возле женского туалета меня схватил за руку мужчина, одетый в черную водолазку и темные джинсы. Он затащил меня в кабинку и... – Она замолчала, закрыв рот ладонью. Ее глаза оставались сухими.

- Это был он? – Прокурор небрежно кивнул на Дайса.

Я вздрогнула и затаила дыхание, хотя знала ответ.

- Да, – не глядя, согласилась та.

- Хорошо, продолжим. После случившегося... Вы вернулись в зал?

- Нет, я была так потрясена, что осталась сидеть на кафельном полу в туалете. Меня нашел управляющий, и он же посоветовал не оставлять такой поступок безнаказанным, – она замолчала и, найдя поддержку в лице прокурора, продолжила уже более уверенно, с нотками облегчения (как если бы ее роль подходила к концу и оставалось прочитать лишь немного текста). – И несмотря на то, что случилось... Несмотря на позор, я хочу получить компенсацию. Хочу, чтобы преступник был наказан.

- Вполне объяснимое желание, – согласился прокурор и обернулся к присяжным. – Как вы видите, девушка смущена, отравлена чувством вины, но стремится поспособствовать правосудию. Разве это не достойно похвалы? Она готова разрушить собственную репутацию и навсегда остаться незамужней, но покарать преступника – решение, достойное настоящего гражданина!

Если бы раздались аплодисменты, я бы не удивилась, но до этого не дошло. Вместо оваций я услышала одобрение, высказанное вполголоса, но эхом прокатившееся по рядам. Молчала лишь наша четверка: я, Айю, Игибо Майс и Айсан.

В поисках единомышленников я завертела головой и среди прочих присутствующих разглядела Айлин и Лиан Акану.

Мать Дайса сидела ровно, с такой идеально прямой спиной, что казалось, будто на ее плечах высятся каменные глыбы, и если она покачнется хоть немного, то громоздкое сооружение рухнет, похоронив под собой окружающих. Взгляд Айлин был направлен на сына и лишь изредка обращался к Мики. Лиан, напротив, не отрываясь, смотрела на предполагаемую жертву и гневно подсказывала на месте, кусая губы и излучая вокруг волны бессильного раздражения, готового перейти в откровенную ненависть. Ее роскошная грива волос была собрана в растрепанный пучок и злобно качалась в такт подрагивающим движениям своей хозяйки.

Видимо, я слишком долго не отводила глаз, потому что Айлин обернулась, заметила меня и после небольшой паузы склонила голову; ее губы дрогнули в печальной улыбке. Я ответила тем же.

- Ну что ж, у обвинения больше нет вопросов, господин судья.

Прокурор вернулся на свое место, а в центр зала, неловко споткнувшись, вышел адвокат. Он нервно поправил длинные рукава балахона и приступил к допросу.

- Позвольте уточнить, в туалете кроме вас двоих никого не было? Совсем никаких свидетелей?

- У нас редко бывают посетители-женщины.

- Вы не пытались кричать, звать на помощь?

- Мне сразу же заткнули рот.

Вопрос – ответ. Как будто я на викторине, где ответы известны не только ведущему, но и участнику.

Адвокат растерянно потер переносицу, но не отступил:

- Кто может подтвердить ваши слова? Камера не работала, соответственно, нет никаких

доказательств, что преступником был именно Дайсаке Акано.

– Протестую! – возмутился прокурор. – Это явный намек на клевету! Позвольте напомнить, что за клевету полагается суровое наказание.

– Протест принят, – кивнул судья и обратился к вспотевшему адвокату: – Не давите на жертву. Продолжайте.

– Неужели никто в баре не запомнил Дайсаке Акано? – адвокат сформулировал вопрос немного иначе.

– Народу было много, – повторила девушка. – Вряд ли кто-то из посетителей обратил внимание на... на этого человека.

– Мой подзащитный обладает достаточно высоким ростом, – напомнил адвокат. – Едва ли его можно так легко с кем-то спутать.

Мики нервно сдула упавшую на слишком высокий лоб грязную челку и отбила подачу:

– Управляющий может подтвердить мои слова. Он видел, как Дайсаке Акано вышел из женского туалета, поправляя одежду.

Я задумчиво покрутила сережку в ухе. Получается, все обвинения строятся на словах девушки и управляющего? Но это же несерьезно!

Видимо, другие так не думали.

После Мики Ясу выступил управляющий, имени которого я не запомнила – что-то с обилием шипящих и почти полным отсутствием гласных. На голубом глазу он заявил, что хорошо рассмотрел лицо преступника, поскольку мужчина, выходящий из женского туалета, – это все же нонсенс. Сразу же после этого он заглянул в кабинки и увидел бедную растерзанную девочку...

Дальше я не слушала. Какая-то неоформившаяся догадка крутилась в голове, зудела, как обожженный крапивой палец, но я никак не могла ее поймать. Лишь мельком отметила, что адвокат дотошно указал на занятный факт – жертва отказалась от медицинского обследования. Но голос разума был тут же заглушен пафосной речью прокурора о том, что робость и воспитание не позволили жертве согласиться на взятие образцов. И побойтесь рин, ведь...

– Бла-бла-бла, – пробормотала я, прожигая прокурора взглядом. Если бы можно было убивать силой мысли, он бы уже давно валялся на полу мертвый и частично растерзанный.

– Согласна, – тихо ответила Айю и склонилась к моему уху. – Но вы посмотрите, его аргументы действуют. Присяжные и судья на стороне «жертвы».

Я заметила, что Айю выделила последнее слово и поняла: она тоже не поверила складно говорящей девушке.

– Сторона обвинения просит дать показания госпожу Айсан Моно.

Я вздрогнула и повернула голову. Айсан, побледнев, решительно встала и направилась к трибуне для свидетелей.

– До меня дошли слухи, что на съемках последней сцены у вас возникли трудности.

Айсан сжала кулаки, я рассмотрела, что костяшки побелели. Дайс по-прежнему смотрел отстраненно, но при виде коллеги смягчился, на его лице мелькнуло сочувствие.

– Да, у нас были некоторые... сложности, – осторожно призналась Айсан, еще не понимая, к чему ведет прокурор.

Тот победно улыбнулся и вкрадчиво продолжил:

– Проблема заключалась в том, что вам предстояла достаточно интимная сцена, верно?

– Да. Я смущалась и...

– Возможно, вы просто чувствовали исходящую от Дайсаке Акано опасность? Ведь говорят, что женская интуиция способна предсказывать невероятные вещи.

– Нет, вовсе нет! – замотала головой Айсан. – Дело не в этом.

– А в чем же? Расскажите нам. – В голосе прокурора прорезались кошачьи нотки – так мурчит кот,

прежде чем впиться когтями в оголенную кожу. – Что помешало вам, талантливой актрисе, сыграть нужные чувства?

– Мне... Я... – Айсан хватала ртом воздух и никак не могла найтись с ответом.

Я с напряжением следила за ней, но уже знала: она не признается в своей фобии. Это означало проститься с репутацией, с работой, столкнуться с осуждением. И как бы я ни хотела, но я не могла винить ее за это. На Цинфе правили на редкость патриархальные представления и традиции. Ито был прав: девушке здесь выжить сложно.

Бледных щек Айсан коснулся румянец, длинные ресницы беспомощно затрепетали. Я отвела взгляд и посмотрела на свои руки, сцепленные в замок, – быть свидетелем чужой слабости мне не хотелось. Достаточно того, что мне все равно пришлось услышать подрагивающий голос Айсан.

– Я... не могу объяснить, – выдавила наконец она.

– Что ж, вероятно, на то есть причины, – покладисто согласился прокурор и постановил: – У обвинения больше нет вопросов.

– Защита? – Судья вопросительно поднял бровь.

Адвокат встал, но Дайс покачал головой и что-то негромко сказал ему. Тот растерянно сел на место.

– У защиты нет вопросов, господин судья.

Того явно устроил такой поворот дела:

– Суд удаляется на перерыв. Слушание продолжится через сорок минут.

К Дайсу подошли два конвоира, и он лишь поморщился, когда тычком в спину его заставили подняться. Обернувшись, он впервые окинул взглядом зал – вероятно, искал мать или сестру, но увидел меня.

Мы оба замерли, безмолвно ведя диалог одними глазами. Несмотря на неудачное прощание, я не злилась на Дайса. Его смущенное, немного потерянное лицо, улыбка, наполненная светом и сожалением, сказали мне больше слов. А затем кто-то словно выключил лампочку. Дайс вспомнил, где он и что происходит, и резко отвернулся, наступив при этом на ногу охраннику. Тот буркнул что-то грубое. Я потрясенно моргнула.

Дайс не хочет со мной разговаривать? Он... стесняется меня? Или себя?

Ничего не понимаю.

В этот момент, когда я растерянно взидала на удаляющуюся спину Дайса, в голове что-то щелкнуло. Задача решилась так легко, что мне стало даже стыдно: надо же было настолько погрузиться в эмоции, чтобы не разглядеть очевидного!

Я сорвалась с места и подскочила к уныло изучающему документы адвокату. Про Айю я даже не вспомнила.

– Кого вы планируете вызвать в качестве свидетеля защиты? – не тратя время на церемонии, прямо спросила я. На чистом цинфийском, конечно.

– Э-э-э...

– Так кого?!

– Господина Игибо Майса – режиссера.

– Отлично, – одобрила я и ухватила адвоката за рукав, опасаясь, что тот сейчас убежит. Судя по испуганному и растерянному взгляду, такая мысль его посещала. – Кого еще?

– Он последний в списке...

Я чертыхнулась сквозь зубы. Рискованно...

– Допрашивайте его так долго, как сможете. Я сейчас отлучусь, но когда вернусь, вы сразу же вызовете меня. Понятно?

– Э-э-э...

– Понятно?!

– Как скажете, госпожа Майя Данишевская. Но я не понимаю...

Но я уже оставила его, чтобы нацелиться на новую жертву:

– Могу я попросить вас об одолжении?

Игибо Майс даже ухом не повел, услышав, как хорошо я говорю на его языке.

Айю же неодобрительно цокнула языком и заозиралась, стараясь запомнить в лицо свидетелей нашего разговора. Мне было не до таких мелочей.

– Я слушаю, – сказал режиссер.

– Потяните время до моего прихода. Несите всякую чушь, но не дайте им дойти до оглашения приговора. Я вернусь так быстро, как только смогу.

Игибо Майс, не размениваясь на слова, согласно опустил ресницы. Этого было достаточно.

Я выскочила в холл со скоростью ракеты, сбила с ног пару особо ретивых журналистов и, не извинившись, ринулась к выходу. Айю и охрана, все это время дожидавшиеся меня за дверью, едва успевали следом.

В машине я нервно покачивала ногой и то и дело посматривала в окно, прикидывая расстояние до цели. Как непоседливый ребенок, я готова была теревить водителя каждые пять минут надоедливым нытьем: «Долго еще? А сейчас?» Заметив мое возбуждение, Айю не задавала вопросов, хотя я видела по ее лицу: их скопилось достаточно.

В отеле, к удивлению своих спутников, я направилась не в номер, а на поиски администратора. Стремясь сэкономить время, разговаривала с ним сама, без помощи Айю, чем ввела его в легкое замешательство. Своего я добилась – крошечная тонкая флешка с одной-единственной записью перекочевала из будки технического персонала в мои руки. Я жадно сжала находку и уже не выпускала ее из вспотевшей ладони. Несмотря на всю оперативность, мы все равно немного опоздали. Когда я вместе с Айю вернулась в зал заседания, у трибуны стоял Игибо Майс, и, судя по тому, как он нервно обмахивался шейным платком, допрашивали его уже достаточно давно.

– Так как вы, говорите, познакомились с обвиняемым?

– Протестую! – искренне возмутился прокурор. – Свидетель уже отвечал на этот вопрос пять минут назад!

– Возможно, он вспомнил еще что-то, – упрямо заметил адвокат. – Что-нибудь важное.

Судья тяжело вздохнул. Выглядел он уставшим.

– Протест отклонен. Господин адвокат, продолжайте...

Мне показалось, что еще немного – и судья добавит какое-нибудь нецензурное слово, но этого не произошло.

В этот момент Игибо Майс увидел меня и радостно ответил:

– Познакомились мы на пробах. Ничего интересного.

– И это все, что вы можете сказать? – разочарованно протянул адвокат, но поймав многозначительный кивок в мою сторону, обернулся. По его лицу пробежала улыбка облегчения. – У защиты больше нет вопросов, – резво постановил он.

Прокурор театрально закатил глаза, судья перевел дух, а Дайс впился в меня взглядом. С таким опасливым вниманием наблюдают за маленькими детьми на площадках, опасаясь, что они могут причинить себе вред.

Я едва успела занять свое место среди слушателей, когда адвокат, откашлявшись, провозгласил:

– В качестве свидетеля защиты вызывается госпожа Майя Данишевская.

По залу прокатился рокот удивления. С каждым моим шагом к трибуне он лишь усиливался, а затем резко стих. От многочисленных шепотков – любопытных, изумленных, растерянных – становилось не по себе. Кажется, теперь я знаю, как чувствовала себя Жанна д'Арк, взойдя на костер.

– Позвольте, но ее нет в списке свидетелей! – Прокурор нервничал и даже не пытался это скрыть. Он расстегнул стойку воротника, словно она его душила, и обнажил тощую цыплячью шею, удивительным образом гармонировавшую с желтым цветом его наряда.

Неожиданно мне стало смешно. Я опустила голову, чтобы скрыть улыбку. И чтобы не встречаться глазами с побледневшим, кусающим губы Дайсом.

– Протест отклонен, – после паузы сказал судья. Его голос звучал гораздо менее уверенно, чем всего несколько минут назад. – Приступайте к допросу свидетеля.

Адвокат благодарно склонил голову и повернулся ко мне. Его лицо стало сосредоточенным, ушла детская неловкость. Кажется, он наконец-то преодолел собственное смущение и начал работать.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Майя Данишевская, – с готовностью произнесла я. – Землянка. На Цинфе я в качестве гостыи.

– Вашего знания языка хватит, чтобы ответить на вопросы, или вы нуждаетесь в услугах переводчика.

– Я справлюсь сама.

И снова перешептывания – прекрасный аккомпанемент для срыва масок.

– Откуда вы знаете обвиняемого?

– Он снимается в моем фильме. Вернее, снимался. Съемки подошли к концу.

– Что вы можете сказать о Дайсаке Акано?

Я медленно оглядела зал, чуть задерживаясь на знакомых лицах. Айю сжимала ладонями горящие щеки, ее глаза были распахнуты. Игибо Майс, чуть склонив голову, наблюдал за происходящим с отстраненным интересом зрителя. Мне казалось, еще немного, и он достанет наладонник, чтобы делать пометки по ходу. Я его понимала – сама бы поступила так же: когда еще доведется стать участником такого спектакля? Нельзя упустить ни одной детали – потом пригодится для сценария какого-нибудь фильма. Айсан в ужасе взирала на меня, ее рот был приоткрыт, но она, наверное, не отдавала себе в этом отчета. Лиан изучала меня исподлобья, с подозрительностью нищего, которому вместо мелочи сунули золотой слиток. Лишь Айлин смотрела спокойно, будто знала, что так оно все и будет. Ее сцепленные в замок пальцы лежали на коленях, и только легкое подергивание ладоней выдавало волнение. Я ободряюще улыбнулась ей.

– Могу сказать о нем лишь хорошее. Он прекрасный человек и замечательный актер.

Взгляда Дайса я по-прежнему избегала, зато с удовольствием покосилась в сторону Мики. Девушка выглядела растерянной. Видимо, о том, что сюжет может поменяться в разгаре пьесы, ее не предупредили.

– Что вы думаете по поводу предъявленных ему обвинений?

– Чушь! – отрезала я.

– Вы в этом уверены?

– Я это знаю абсолютно точно. – Я посмотрела на адвоката в упор. – В тот вечер я была с ним.

Понадобилось несколько минут, чтобы унять поднявшийся гвалт.

– Вы были с ним в баре? – уточнил адвокат, как только появилась возможность задать вопрос, не перебивая толпу. – Любите петь?

– Нет, – лаконично ответила я и чуть насмешливо улыбнулась. Дразнить заостривших в своих убеждениях цинфийцев оказалось даже приятно. – Он был со мной. В номере отеля.

Дайс вскочил так резко, что опрокинул стул.

– Господин судья! Такого не было!

Адвокат раздосадованно цокнул языком. Судья мрачно осведомился:

– То есть вы утверждаете, что госпожа Майя Данишевская сейчас нарушает закон и дает заведомо ложные показания?

– Нет, – Дайс смешался. – Я вовсе не это хотел сказать.

– Тогда садьтесь! – рявкнул судья и обреченно обратился к адвокату: – Продолжайте.

– Благодарю. – Тот откашлялся. – Значит, вы можете предоставить обвиняемому алиби?

- Да, - спокойно согласилась я.

- Очень хорошо! - по-детски обрадовался адвокат. - Кто-нибудь может подтвердить, что вы... кхм... все это время обсуждали сценарий?

Я хмыкнула. В моих руках была граната, а вместе с ней выбор: выдернуть чеку и вызвать взрыв или же только припугнуть окружающих, бросив в них бутафорию.

Я никогда не считала себя смелой, не стремилась стать бойцом, но за время нахождения на Цинфе что-то во мне поменялось. Теперь я жаждала хорошей драки, хотела досадить Алексу, Ито и себе. И возможно, только возможно, надеялась что-то поменять в этом чуждом мне обществе.

- Кто сказал, что мы изучали сценарий? - не без сарказма спросила я.

- А-а-а... Кхм... О-о-о... - адвокат так и не нашел нужных звуков, чтобы внятно выразить свои чувства. Со словами у него тоже наблюдались проблемы.

Я обвела взглядом притихшую толпу. Это было похоже на дежавю: точно так же на меня взирали, когда я только прилетела на планету. Смотрели с такой же опаской, словно колебались и ждали первого шага. Тогда я смогла завоевать их благосклонность. Сейчас же передо мной стояла иная задача: оттолкнуть их от себя, чтобы защитить Дайса.

Я решительно выдохнула:

- Мы занимались более приятными вещами. - В памяти всплыло лицо Ито, и я с мрачной мстительностью и странным облегчением подумала, что теперь уж точно могу не опасаться его притязаний - девушка с такой репутацией ему будет не нужна. - Мы целовались.

На секунду повисла гробовая тишина. Я даже расслышала тихое, емкое ругательство, вырвавшееся у Игибо Майса и идеально характеризующее ситуацию, а затем начался хаос.

Присяжные гневно застучали кулаками по столу, слушатели повскакали со своих мест и стали тыкать в меня пальцами, прокурор неодобрительно поджал губы и откинулся в кресле, презрительно кривя губы. Сидящая рядом с ним «жертва изнасилования» дышала через раз и, кажется, вот-вот была готова сползти в обморок. Судья меланхолично потирал виски и взирал на меня с немим укором. Впрочем, едва ли он осуждал сам факт нашего тесного с Дайсом общения, скорее он был недоволен цирком, который я устроила.

- Господин судья! - голос Дайса разнесся по залу и ненадолго заставил всех притихнуть. - Я признаю себя виновным в изнасиловании.

- Какой именно из девушек? - едко уточнил очнувшийся прокурор.

- Мики Ясу, - не колеблясь, ответил Дайс. - Госпоже Майе Данишевской нехорошо. Она не понимает, что говорит. Не стоит принимать ее слова всерьез.

В зале снова поднялась волна возмущения. Судье пришлось неоднократно призвать всех к порядку, прежде чем удалось восстановить подобие тишины. Прилипшие к стеклянной двери журналисты плющили носы и прижимали уши к прозрачной поверхности в попытках получше рассмотреть происходящее и хоть что-то услышать.

Я смотрела на Дайса, и сердце заходило. Его удары отдавались в висках. Кровь бешено пульсировала по венам, разнося по телу жар. Я знала, что он делает: признает себя виновным, обрекает свою семью на позор, а себя - на смерть и все ради одного - моей репутации.

Никто и никогда прежде не ставил меня выше собственных интересов, выше... собственной жизни.

Я сглотнула тяжелый ком в горле и, откашлявшись, сказала:

- У меня есть доказательства. - Я разжала изрядно вспотевшую ладонь и показала зажатую между пальцами флешку. - Это запись с камер видеонаблюдения отеля. Здесь видно, как в десять часов вечера Дайсакэ Акано зашел в мой номер. Он провел в нем не меньше пятнадцати минут и никак не мог оказаться в баре на другом конце города в указанное стороной обвинения время.

Судья махнул рукой, и ко мне подошел секретарь. Молча забрал улику, вернулся к нетбуку, вывел трансляцию на большой экран на стене и включил запись.

Две минуты - столько понадобилось, чтобы убедиться: я не лгу. Две минуты - столько было отведено нам с Дайсом, чтобы беззвучно попрощаться: я знала, что больше его не увижу. Отныне мы принадлежали к слишком разным мирам.

Я нашла в себе силы улыбнуться. На его виске нервно билась синяя венка, на скулах ходили

желваки, а в глазах я разглядела отчаяние, затопившее, казалось, даже зрачки.

Глупый. Стоит ли так переживать? В конце концов, пострадала всего лишь моя репутация...

– Решение принято. – Голос судьи привел меня в чувство, и я, нахмурившись, сосредоточилась на происходящем. – Дайсаке Акано признан невиновным в предъявленном обвинении. Мики Ясу вынесено ответное обвинение в клевете. Слушание по этому делу назначено на завтра.

Я выдохнула с облегчением и на секунду крепко зажмурилась, вознося благодарность неизвестно кому: не то Господу, не то неизвестным мне ринам. С громким щелчком с Дайса сняли наручники и водрузили их на плачущую Мики. Среди рыдания я разобрала «мне говорили... мне обещали...» и от души посочувствовала девушке. Не знаю, кто втянул ее в эту игру, но едва ли он познакомил девушку со всеми правилами: пешки никогда не удостоиваются такой чести. К Дайсу подлетели мать и сестра и заключили в счастливые, суетливые объятия, он сказал что-то успокаивающее, но при этом не отрывал от меня взгляда. Я смущенно пожала плечами, мол, вот так получилось.

– Нам нужно уходить. – За спиной возникла Айю и торопливо потянула меня за рукав. – Сейчас удивление схлынет, и вас растерзают журналисты, а рядовые цинфийцы обольют таким ледяным презрением, что мало не покажется.

– Прости? – рассеянно спросила я. Дайс освободился из мертвой хватки сестры и сделал шаг мне навстречу. Неудачно. Теперь на нем повис сияющий от гордости адвокат.

– Бежим! – тихо, но эмоционально пояснила Айю и буквально вытолкнула меня в неприметную дверь, через которую под конвоем недавно проходил Дайс.

Мы оказались в узком, пахнущем затхлостью коридоре. Одна из многочисленных лампочек на стене тревожно мигала, и блики, бросаемые ею на каменный пол, совпадали с мечущимися в голове мыслями. Теперь, когда все оказалось позади, мне стало страшно. Что же будет со мной дальше?

– Мне позвонил ваш брат, – перескакивая через ступеньку, сказала Айю. – Вам нужно исчезнуть.

– Надеюсь, не навсегда? – почти на полном серьезе уточнила я. Мы практически бежали, поэтому дыхания не хватало, и некоторые гласные я в спешке попросту проглатывала.

– На время. – Айю ухватила за перила при новом резком повороте. Я едва не врезалась в нее. – Вам нужно место, чтобы переждать скандал. Такое место есть.

– Я согласна на любой вариант, кроме кладбища, – заверила я и, подумав, добавила: – И свадебного савана.

Айю странно покосилась на меня, но прокомментировать не успела – мы едва не налетели на дверь. Осторожно высунувшись наружу, Айю оценила обстановку и поманила меня рукой. Короткими перебежками мы добрались до какого-то неприметного автомобиля в одном из дворов. Даже здесь я слышала отголоски того шума, что царил сейчас возле главного входа. Представив, какая толпа ждала бы меня возле моей машины, я вздрогнула и нырнула в салон. Айю уверенно заняла место водителя.

– Ваш брат хочет поговорить с вами. – Айю перекинула мне наладонник, который я поймала в воздухе. Ее пальцы забегали по панели, приводя машину в движение.

– Слушаю, – неохотно сказала я, поднося к лицу экран наладонника.

– Это я слушаю, – хмуро, но с долей насмешки проговорил Алекс. Он выглядел более живым, чем несколько часов назад, когда я с ним разговаривала. Форму он успел сменить на костюм. – Ну и зачем ты все это учудила, Майя?

– Не нашла другого решения, – пожала плечами я.

– Майя, решения в нашей семье принимаю я.

– Больше нет, – отрезала я.

– Жаль, потому что у меня получается это делать более изящно.

Я скрипнула зубами. Самоуверенный индюк, вот он кто.

– Позвонил, чтобы отчитать?

– Я не привык тратить время на нотации. – Брат приподнял бровь, видимо, удивляясь моей недогадливости.

- Ну да, обычно ты выдаешь инструкции. - Я никак не могла избавиться от яда в голосе, но Алекс не обратил ни малейшего внимания на мои интонации.

- Верно, поэтому запоминай: Айю отвезет тебя в безопасное место - на дачу своего отца. Это тихое, безлюдное место, что большая редкость для Цинфа. Там побудешь какое-то время, пока я не разберусь со сложившейся ситуацией.

Я молчала. Мне хотелось отправить братца лесом, но беда в том, что плана как такового у меня не было. Защищая Дайса, я поддалась эмоциям, мало думая о последствиях. О сделанном выборе я не жалела, но совершенно не представляла, чем теперь буду заниматься. Очевидно, на Эрию возвращаться нельзя, на Цинфе же я только что перечеркнула все, над чем работала, и триумфально сожгла мосты.

- Хорошо, - наконец сказала я. - Сделаю, как ты скажешь.

- Раньше бы так, - пробормотал брат. - До связи, Майя.

- До связи.

Какое-то время я молча сжимала погасший наладонник, а затем, по-прежнему не выпуская его из рук, уткнулась в окно - по ту сторону стекла стремительно летели вниз крупные капли и, разбиваясь, стекали по прозрачной поверхности: гроза так толком и не разыгралась, но природа все же обрушилась на город мощным ливнем.

- Все хорошо? - спросила Айю, не оборачиваясь. Она всматривалась в лобовое стекло, пытаясь сориентироваться в темном небе, и опасалась отвлечься.

- Да. Или нет. Не знаю, - окончательно запутавшись, ответила я.

Жизнь сделала новый поворот, и каким он будет, я не представляла. Одно я понимала абсолютно ясно: с Дайсом мы больше не увидимся, и эта мысль причиняла такую сильную боль, что я предпочла бы свернуться калачиком и, уткнувшись подбородком в колени, скулить, как раненый зверек. Вместо этого я вслушивалась в шум дождя, считала удары капель и изо всех сил старалась выкинуть образ Дайса из головы. Забыть его запах, улыбку, ощущение света, которое он дарил. Стереть из памяти вкус поцелуя и теплоту прикосновений. Оставить в прошлом нашу короткую историю.

Получалось откровенно плохо. Стоило закрыть глаза, и передо мной возникало его серьезное, такое родное лицо, а губ касалось его дыхание. И я не знала, что с этим делать.

Глава 15

Дачей, или убежищем, как называла это место Айю, оказался небольшой одноэтажный дом, расположенный на самом краю заповедника и надежно укрытый от посторонних взглядов густой зеленью высокого леса. Домик напоминал сторожку охотника, и, вполне возможно, именно с этой целью он и строился. Удаленность от основной дороги и даже от мало-мальски приличных троп невольно подтверждала мою теорию, но по понятным причинам я не стала вдаваться в детали. Если отец Айю и нарушил закон, обустроив свое логово в заповедной зоне и изредка постреливая зверушек, мне до этого не было никакого дела: своих проблем хватало.

Айю навещала меня через день – привозила продукты и скупой рассказывала немногочисленные новости. Ито публично отрекся от всяких претензий на меня. Ему пришлось дать несколько интервью, чтобы убедить журналистов: его интерес к землянке расценили совершенно превратно. Прочитав несколько выдержек из его обращений, я лишь покачала головой. Хитрый лис так ловко играл словами, что, не зная я ситуации, поверила бы ему: он умел быть убедительным.

Игибо Майс безуспешно бился над разрешением для выпуска фильма в прокат. Чиновники проявили редкое единодушие и посчитали «нецелесообразной трансляцию столь спорной вещи».

Режиссер обивал пороги и не думал сдаваться. Признаться, перед ним мне было откровенно стыдно: испортила ему послушной список, создала трудности и исчезла в неизвестном направлении. Впрочем, по словам Айю, Игибо Майс не жаловался, восприняв случившееся как неизбежный риск своей профессии.

Айю ни разу не заговорила о Дайсе, а я и не спрашивала – боялась чего-то. Страх не мешал выходить на крыльцо и, опустившись на деревянные ступеньки, где Сеть ловила лучше, самой искать информацию. Пробираясь через ведра помоев, льющих на меня в прессе, я по крупинкам собирала драгоценные кусочки пазла. Дайс не сделал ни одного публичного заявления. Он с такой яростью и даже агрессией отбивался от журналистов, что заработал парочку нелестных определений в свой адрес. Пресса не отставала от него, Сеть кишела его фотографиями, украдкой сделанными папарацци. Кажется, чувствуя за собой вину, общественность всеми силами пыталась сгладить ситуацию. Сразу несколько режиссеров предложили Дайсу роли в своих фильмах, из чего я сделала вывод, что ни его карьере, ни его семье больше ничего не угрожало. Впрочем, это могли быть и слухи: никаких комментариев от Дайса не последовало. Он хранил молчание.

Судя по многочисленным постам, цинфийцы утвердились в мысли, что я распушенная девица, а Дайс – несчастная жертва обстоятельств (то есть моего пристального и навязчивого внимания). Признаться, меня это устроило, и я постаралась как можно реже читать новости. На четвертый день перестала открывать нетбук вовсе – не возникало желания окунуться в фальшивый, закорстевевший в своей патриархальности мир Цинфа.

В один из визитов Айю привезла файлы с электронными книгами, и я не без удовольствия погрузилась в чтение. Несмотря на пустоту дней, от скуки я не страдала – наедине с собой мне всегда было комфортно. А после того как, прогулявшись чуть дальше обычного, я вышла к скалистому пляжу, посчитала, что жаловаться в моей ситуации – грех. Еда, вода, океан и шум зеленых крон над головой – это даже больше того, на что я рассчитывала.

На десятый день своего не то заточения, не то отдыха я подумала, что Алексу пора бы уже объявиться, но волноваться на этот счет не спешила: я давно привыкла к отлучкам братца. Он мог надолго исчезнуть, а затем внезапно вернуться. Если бы с ним что-то случилось, мне бы уже сказали.

Я посмотрела вниз, на блики яркого летнего солнца на темно-зеленой воде с шапками белой пены, и блаженно зажмурилась, подставляя лицо соленому бризу. Нагретый за день огромный валун с проседью мха щекотал ладони. Я отставила их немного дальше за спину, полностью перенесла вес на них, и чуть улынулась: теперь я опиралась на шероховатую поверхность камня – на внутренних сторонах ладоней наверняка останутся отпечатки, похожие на песчаные дорожки, но такая мелочь не могла заставить меня изменить позу. Под ногами ленивыми волнами плескался океан. Одна половина валуна находилась на пляже, другая – в воде, поэтому достаточно было спустить ногу, чтобы пятку облизнули белые барашки пены. Я так и сделала. Разувшись, погрузила босые ступни в океан и вслушивалась в его рокот, напоминающий доброжелательное ворчание старика.

Когда на мое лицо упала тень, я подумала, что на небо, вероятно, выползла большая туча, и раздосадованно распахнула глаза. Увидев мужчину, загородившего собой солнце, я едва не рухнула в воду. Нога конвульсивно дернулась, тело дрогнуло, но я удержалась на камне. Замерев, я всматривалась в золотисто-карие глаза и не знала, что сказать.

– Привет, – негромко проговорил Дайс.

– Привет, – едва слышно ответила я.

Дайс привычно спрятал руки в карманы светлых, закатанных по колено брюк и, кивнув на место рядом со мной, серьезно спросил:

– Можно?

Я передернула плечами, что можно было трактовать как угодно. Дайс посчитал это согласием и мягко опустился на валун. Бросил на меня лукавый взгляд исподлобья, разулся и тоже подставил босые пятки ласковым набегам волн.

– Ты далеко забралась.

– Как ты нашел меня?

Дайс вздохнул и, перестав изучать мое лицо, посмотрел на полоску горизонта вдаль. Границы неба и воды были размыты и создавали иллюзию полного единства. Над нашими головами кричали голодные птицы.

– Уговорил Айю Вонг дать твои координаты. Признаться, это было нелегко, – он усмехнулся и тоже откинулся назад. Его ладонь легла рядом с моей, плечо легонько коснулось моего плеча. – Я не удивлюсь, если скоро мне предъявят новое обвинение – в преследовании.

– Да? – неопределенно откликнулась я. Близость Дайса путала мысли и подавляла контроль над телом: я ничего не могла поделать с мурашками, покрывшими спину, с сердцем, рвущимся в объятия к внезапному гостю, со ставшими вдруг сухими губами, которые приходилось облизывать.

– Да. Я буквально преследовал твою помощницу, то вызывая к ее великодушию, то переходя к угрозам. В какой-то момент она дрогнула, и вот я здесь. В домике тебя не оказалось, но я вспомнил, с каким трепетом ты относишься к океану, поэтому пошел на шум волн. И не прогадал.

– Не прогадал, – вынужденно согласилась я.

Какое-то время мы молчали. Меня сковало странное смущение, я боялась шелохнуться и испортить момент. Я не знала, зачем Дайс приехал, мне просто было хорошо рядом с ним.

Солнце наливалось багровым цветом и плавно двигалось к горизонту. Его красные лучи прорезали таинственно мерцающие дорожки на воде, в отблесках которых мне чудилась улыбка Дайса.

– Зачем ты это сделала?

Я вздрогнула и продолжила изучать узоры на воде.

– Сделала что?

– Зачем выступила в суде и подставила себя под удар?

– Не знаю. Не хотела, чтобы тебя казнили. – Я как можно равнодушнее пожала плечами.

Видимо, Дайс ждал несколько иного ответа. Его глаза разочарованно вспыхнули, но сам он потянулся ко мне. Его ладони опустились на мои щеки и замерли там.

– Это была моя проблема. Не твоя.

Я не стала вырываться из нежного захвата, но фыркнула:

– Интересная постановка вопроса.

Губы Дайса чуть дрогнули в улыбке, казалось, моя реакция его согрела, но он тут же посерьезнел.

– Майя, обещаю тебе: ты больше никогда не сделаешь ничего подобного. Это я должен защищать тебя, а не наоборот.

– Зачем же тебе защищать меня? – глухо спросила я. Прикосновение его пальцев опаляло.

– Ты знаешь зачем. – Дайс почти дословно повторил мои слова в тот вечер, когда мы остались в номере вдвоем.

Я сглотнула, открыла рот, но не успела возразить: Дайс притянул меня к себе. Одна ладонь скользнула на шею, чуть поглаживая чувствительную кожу, другая осталась на щеке. Его губы мягко захватили мои и не позволили проявить инициативу. Он целовал так, словно просил прощения, так, словно боялся, что его отвергнут.

Мне потребовалась вся сила воли, чтобы оттолкнуть его. Уязвленная женская гордость не могла оставить все как есть.

– В прошлый раз ты говорил, что все это, – я мстительно очертила указательным пальцем небольшой круг, намекая на нас, – неправильно и невозможно.

– Я был трусливым идиотом, – горячо признался Дайс.

И я поддакнула:

– И эгоистичным идиотом. Ты совсем не подумал обо мне. Не спросил, чего я хочу.

– Прости, – виновато шепнул Дайс и снова коснулся моих губ коротким жарким поцелуем. – Ты дашь мне второй шанс? Обещаю, теперь я всегда буду прислушиваться к тебе.

– М-м-м... Мне нравятся твои аргументы, – выдохнула я. Его дыхание на моих губах будоражило кровь и возбуждало фантазию.

Секунду Дайс озадаченно смотрел на меня, видимо, пытался сообразить, какие именно аргументы я имею в виду, а затем счастливо рассмеялся и поцеловал меня уже по-настоящему. Мир покачнулся и рассыпался фейерверком красок. На меня обрушились лучи света, и, ступая по утопающей в солнечных бликах дорожке, я не боялась ослепнуть. Я тянулась к теплу, втягивала трепещущим носом весенний ветер, наполненный шумом зеленых крон, и смело открывалась в ответ. Я знала, после косого летнего дождя где-то за спиной расцветает радуга.

Утреннее солнце щекотало глаза, и, по-прежнему не открывая их, я перевернулась на другой бок и пошарила ладонью, ища Дайса. Простыня еще хранила тепло его тела, так же, как и подушка – едва уловимый запах, но рука ощутила лишь пустоту. Я мгновенно проснулась, села и подтянула ноги к груди. С напряжением осмотрела пустую комнату, потянулась к халату и накинула его, лихорадочно путаясь в завязках. И все же полноценно испугаться я не успела: порог перешагнул Дайс. Поднос в его руках мелодично позвякивал, босые ноги шлепали по деревянному полу как-то абсолютно по-домашнему. Из одежды на нем были лишь узкие штаны, поэтому я немного подвисла, с жадностью рассматривая обнаженный торс, – мысль, что теперь могу заявлять права на его тело, а не краснеть, смущенно пряча взгляд, бодрила лучше кружки кофе.

– Доброе утро! – хрипловато поздоровалась я и улыбнулась, поймав легкий, почти невесомый поцелуй в висок.

– Доброе, – откликнулся Дайс. Приземлившись на разобранную постель, он сложил ноги по-турецки, поставил на колени поднос и спросил: – Майя, ты позавтракаешь со мной?

– Конечно! – с ноткой возмущения согласилась я. – Знаешь, какая я голодная? Я сейчас съем даже ту ужасную бурду коричневатого-желтого цвета, которую вечно таскает мне Айю.

– Ты не поняла. – Дайс покачал головой и, закусив губу, повторил вопрос: – Майя, ты поделишься со мной завтраком?

После бессонной ночи соображала я медленно, очень медленно, но даже до меня дошел истинный смысл этого предложения. Ошеломленно обмякнув всем телом, я удивленно взидала на Дайса. Я не думала о том, какими будут наши отношения. Вероятно, подсознательно считала, что их придется скрывать и не сильно горевала по этому поводу. Честно говоря, общественное мнение никогда не заботило меня, и ради Дайса, его карьеры я готова была смириться с некоторым дискомфортом. Далеко я не загадывала. Наверное, поэтому я застыла при виде расставленной по подносу снеди с невысокой керамической вазочкой посередине, в которой робко алел цветок. Его красные лепестки были полукруглыми и источали тонкий аромат.

– Я не знаю, как это делается на Земле, – Дайс не скрывал волнения, в голосе прорезалась несвойственная ему хрипотца, – поэтому прошу тебя стать моей семьей по правилам Цинфа. Ты примешь этот цветок и поделишься со мной трапезу?

– Ты предлагаешь... Предлагаешь... – я начала заикаться и никак не могла закончить фразу.

– Стать моей женой, – поймав мой взгляд, подсказал Дайс. – Я хочу, чтобы ты стала моей семьей. Хочу прожить с тобой всю жизнь, родить детей и воспитать их. Я мечтаю о двоих, но не откажусь и от троих. Я немного могу дать тебе, но обещаю, в нашем доме всегда будут царить любовь и уважение. Я никогда не обижу тебя и защищу от любой опасности. Ценой жизни, если потребуется. К сожалению, – он вздохнул, – это все, что пока я могу предложить.

У меня закружилась голова. Дайс предлагал так много, но в его глазах плескалась горечь. Он думал, что я достойна большего и желал подарить мне то, что я заслуживаю. Глупый... Боже, как же я его люблю...

Я сморгнула выступившие слезы.

– Не могу, прости, – выдохнула я, и Дайс вздрогнул, как от неожиданного удара. – Ты разрушишь свою карьеру. Твои соотечественники никогда не простят союза с запятнавшей себя позором землянкой.

– Дело только в этом? – тихо спросил он.

– Что?

– Есть еще другие причины, почему ты мне отказываешь? – Дайс смотрел в упор, не отрываясь, и я неловко повела плечами.

– Это важная причина. Ее нельзя игнорировать.

– Хорошо, – задумчиво сказал он. – Я обещал прислушиваться к тебе и, если ты в чем-то колеблешься, я попытаюсь тебя убедить, но не буду давить.

От его слов у меня задрожали коленки, и я порадовалась, что сижу, иначе бы упала. В его позе, интонациях было столько мужской силы, которая не душила, но оберегала, что вся женская суть во мне закричала, требуя подчиниться. В конце концов, разве я мечтаю не о том же: о семье, детях, надежном плече рядом? Разве я не хочу каждое утро просыпаться с Дайсом и видеть его сонную улыбку?

Дайс поднялся с кровати, ненадолго вышел из комнаты, а затем вернулся, держа в руках тонкую книгу в твердой обложке, в которой я не сразу опознала записную книжку.

– Возможно, тебе кажется, что я не испытываю тех чувств, на которые ты вправе рассчитывать. Я не очень хорошо выражаю эмоции, мне сложно открыться. – Я вспомнила нашу полную нежной страсти ночь и пробормотала что-то невнятное. – Поэтому, – он протянул мне обернутый кожей, шуршащий листами прямоугольник, – я прошу прочитать вот это.

– Что здесь?

– Мой дневник. Я веду его давно, никому не показываю, только на его страницах я искренен. И... сделай мне одолжение, прочитай его. Хотя бы ту часть, где описаны встречи с тобой.

Я взирала на дневник с легкой паникой. Дайс предлагал соприкоснуться с частью его души, он протягивал мне настолько личную, даже исповедальную вещь, что инстинктивно захотелось шарахнуться в сторону. Я не была уверена, что готова к такой близости. В каком-то смысле это было даже интимнее секса.

– Я не претендую на какой-то ответный шаг с твоей стороны, – тихо сказал Дайс, видимо, заметив мои метания. – Я просто хочу, чтобы ты узнала меня, мои чувства и мысли. Прежде чем решишь дать окончательный ответ.

Голос отказал, и мне пришлось откашляться.

– Хорошо. Если ты считаешь, что так будет лучше...

– Я обязан попробовать. – Дайс улыбнулся, но по его лицу пробежала тень. – Я не отступлю, пока не испробую все способы. Но при этом буду честен с тобой.

Я нервно сглотнула и потянулась к дневнику. Дайс вложил его в мою ладонь и, нежно заправив мне выбившуюся прядь за ухо, быстро коснулся губами мочки. По телу пронесся разряд тока.

Я рассчитывала на продолжение, но Дайс лишь на мгновение зарылся носом в мои волосы, а затем резко встал и вышел из комнаты. Я осталась одна.

Я робко провела пальцами по обложке дневника, раздумывая, готова ли настолько погрузиться в чужую жизнь, а затем смело открыла первую страницу.

Святые рины, я последний идиот, кретин, трус! Я оттолкнул Майю, чтобы защитить ее, и был готов к любым последствиям, но никак не ожидал, что после того, как я отказался от нее, она сама протянет мне руку помощи. Нет, не так.

Она пожертвовала всем ради меня.

В суде, когда Майя стояла за трибуной для свидетелей, гордая, смелая, готовая защищаться до последнего – живое воплощение благородной птицы, пойманной в сети, я, потеряв дар речи, смотрел на нее с восхищением и страхом, огромной змеей заползающим в душу. Она не понимала, на что шла. Если же и понимала, я не мог принять такой бесценный дар. Я совершенно не боялся смерти, но мысль о том, что я разрушу жизнь этой синеокой девушки, ставшей для меня всем, приводила в священный ужас. Я бы лучше лично кликнул палача и

прекратил этот фарс, все больше переходящий в драму.

К сожалению, я не мог этого сделать, как и защитить Майю, храбро бросившую свою репутацию на растерзание толпе. Сказать, что она лжет, значило обвинить ее в клевете и тем самым подписать ей приговор: как и любое тяжкое преступление, клевета каралась смертью. У меня оказались связаны руки (и в буквальном, и в метафорическом смысле), и все, что я делал, – безмолвствовал, взывая к ринам. Я впервые просил их о помощи. Не для себя, для Майи.

А еще я злился. Злился на Майю, потому что она приняла важное решение, не посоветовавшись со мной, не посчитав нужным спросить мое мнение. В какой-то момент я понял, что она поступила так же, как и я в тот вечер, когда ушел, – решила все за нас двоих. Эта мысль больно царапнула и заставила кое о чем задуматься. Кажется, именно тогда, между лихорадочными мольбами к высшим силам, я в качестве ответного шага пообещал больше никогда не быть таким самоуверенным болваном. Клятва походила на заверенный нотариусом договор. Я до сих пор не верил, что рины существуют, но, если они где-то и были, я сомневался, что безвозмездно удостоюсь их внимания. Я принял бы любое наказание, принес какую угодно жертву, лишь бы Майя не пострадала.

Всматриваясь в бледное лицо, на котором после оглашения решения суда расцвело облегчение, я твердо решил, что не отпущу ее. Никогда. Только если она сама не попросит об этом.

И сразу в душе поселилось умиротворение, как будто миновал шторм и на прояснившемся небе возшло солнце.

Я не успел поговорить с Майей. Стоило мне только отвернуться, как ее и след простыл. Я чуть с ума не сошел от тревоги! Конечно, я надеялся, что она в безопасности (брат не мог оставить ее), но не был в этом уверен. Мысль, что ей не поздоровится, наполняла меня злостью и отчаянием.

Я навестил Ито Кейтаро, пытаюсь выяснить, куда она исчезла, но все впустую. Этот сукин сын тоже оставался в неведении относительно судьбы Майи.

Я хотел быть рядом с ней. Я нуждался в ней, как рыба в воде, и стремился к ней с отчаянием заплутавшего в ночи корабля, капитан которого рассмотрел неясный свет маяка среди гулкой темноты.

Мама и сестра, видя мое состояние (подозреваю, я выглядел как сумасшедший), сочувственно вздыхали по углам, и это тоже нервировало. Лиа, впервые назвав Майю по имени, а не бросив пренебрежительное «землянка», призналась, что была не права, и пообещала попросить прощения при личной встрече. Ее слова не вызвали отклика: в любой другой момент я бы порадовался, что сестра образумилась, но сейчас я был как смерзшийся кусок снега – не чувствовал вообще ничего.

Мама тоже внесла свою лепту. Она вытащила из шкафа семейную реликвию – керамическую цветочную вазу, и протянула мне. Это молчаливое согласие на наш брак действовало, как удар тока по телу. Я стал действовать еще наглее. Наверное, просто понял, что терять мне уже нечего.

Как оказалось, абсолютно все утрачивает смысл, если любимого человека нет рядом.

Я еще раз пролистала записи от начала и до конца. Самые первые я деликатно не стала читать, открыв ту часть, где Дайс делился впечатлениями о встречах со мной. С каждой перевернутой страницей сердце трепетало все сильнее, дыхание то учащалось, то замедлялось, а уголки глаз периодически пощипывало от непролитых слез.

Дайс оказался передо мной как на ладони – честный, искренний, отзывчивый, по-своему упрямый и принципиальный, безрассудно смелый, удивительно мужественный и... беззаветно любящий.

Его чувства, с трудом облаченные в слова, разбудили во мне что-то светлое, какую-то незнакомую часть меня, готовую не только дарить любовь, но и принимать ее.

Он как будто сделал меня взрослее, мудрее.

Я поняла, что не откажусь от Дайса. Пусть это принесет нам обоим лишь беды – все равно. Я нашла свое солнце и больше не желала плутать в ночи. Он был нужен мне, а я – ему.

А с условностями, придуманными глупой человеческой моралью, мы как-нибудь справимся.

Я бережно отложила дневник, спустила ноги на пол и неслышно прокралась на кухню. Дайс стоял возле распахнутого окна, спиной ко мне. Его лопатки были напряженно сведены.

Я обхватила его за пояс и уткнулась носом в плечо. Он едва уловимо вздрогнул и повернулся в моих объятиях.

– Это был рискованный ход, – попыталась пошутить я. – Я имею в виду дневник. Но он сработал.

Дайс расслабился, из его глаз медленно ушла отчужденность.

– Это значит «да»?

Я кивнула.

– Да. Теперь я знаю, что ты женишься на мне не из чувства долга или вины.

Дайс ошарашенно заморгал.

– А что, были такие мысли?

– Ну, всякое бывает... – неопределенно протянула я и чуть не добавила: «Кто вас, мужчин, разберет?» – но вовремя передумала. Съязвить я еще успею, а вот испортить такой страстный поцелуй подколками было бы чистой воды кошунством.

– Глупая... – выдохнул Дайс, отстраняясь от меня и разрывая объятие. – Я не настолько благороден, чтобы связывать свою судьбу с кем-то из жалости. Даже с тобой.

В его глазах лукаво вспыхнули золотистые искры, и я рассмеялась. Взъерошив ему волосы, я прижалась к его груди, спрятала на ней лицо, ощущая губами жесткость и теплоту его кожи, и почувствовала себя совершенно счастливой.

– Кажется, я вовремя.

От звука знакомого голоса я подпрыгнула и дернулась, пытаюсь освободиться из плена рук Дайса, но тот меня не пустил. Чуть задвинул за спину, шагнул вперед и теперь, склонив голову, с интересом изучал незваного гостя.

В дверях стоял Алекс и, расстегнув тонкое серое пальто, взирал на нас с легкой насмешкой. Заметив мой взгляд, подозреваю, полностью лишенный смущения, зато наполненный ярим неудовольствием от столь наглого визита, братец шутливо поднял руки вверх.

– Ладно-ладно, я все понял. Майя, почему бы нам не поговорить?

Я чуть склонила голову, задумчиво куснула губу и кивнула. Необходимость в разговоре давно назрела. Так почему бы не сейчас? Да, это было неожиданно, но, зная Алекса, я давно перестала удивляться его необъяснимым, как иногда казалось, лишенным логики поступкам.

Губ Алекса коснулась мимолетная улыбка. Он, скинув пальто, вошел на кухню и заговорил на цинфийском. Достаточно бегло, хоть и с некоторыми огрехами в произношении.

– Позвольте представиться: Алекс Данишевский – брат Майи. А вы, полагаю, Дайсаке Акано?

Дайс согласно качнул головой и склонился в привычном приветствии, на которое Алекс ответил весьма изящным поклоном. Я же не смогла удержаться и фыркнула. Именем моего друга Алекс интересовался для галочки. Не думаю, что он упустил возможность ознакомиться с материалами дела Дайса (а такое наверняка имелось), так что теперь просто отдавал дань вежливости, не выставляя свою осведомленность напоказ.

Стоп. Я моргнула и ошарашенно воззрилась на Алекса:

– Ты говоришь на цинфийском?

– Разве я когда-нибудь утверждал обратное? – пожал плечами братец.

– Нет, – раздосадованно ответила я. – Но и свои способности к языкам тоже ни разу не афишировал.

– Это потому, что они ниже твоих. – Алекс остановился на середине небольшой кухни и теперь с сомнением глядел на два грубых табурета, задвинутых под стол. – Не люблю чувствовать себя проигравшим.

Я так и застыла с открытым ртом: братец нечасто делал мне комплименты. Дайс молча перевел взгляд с меня на Алекса, оценивая ситуацию и примеряясь к ней.

Алекс определился и, великодушно указав рукой на, очевидно, не внушающую ему доверия мебель, гостеприимно предложил:

- Присаживайтесь.

Сам же он, деликатно подвинув нас, оперся на подоконник. Постоял так немного и, подумав, уселся на него. Чуть подавшись вперед, он скрестил ноги в лодыжках и руки на груди и терпеливо покосился на нас, дожидаясь, пока мы тоже устроимся поудобнее.

Дайс выдвинул табуреты, и я оседлала один из них, скрывая за резкими движениями собственную нерешительность. Я старалась выглядеть независимой и немного равнодушной, но все равно невольно жалась к Дайсу. Ничего не могла поделать: в присутствии брата у меня никогда не получалось скрывать эмоции.

Дайс, уловивший исходящее от меня волнение, нашел мою ладонь и крепко сжал ее, сплетая наши пальцы. Стало легче.

- Ты без приглашения, так что извиняться за внешний вид не буду, - провокационно начала я и все равно рефлекторно поправила халат на груди.

Алекс сделал вид, что не заметил этого жеста.

- Думаю, вполне обоснованное заявление, - согласился он.

- И у меня для тебя две новости: я выхожу замуж за Дайса, а потому он останется и станет свидетелем нашего разговора. От любимого человека у меня не будет секретов.

Пальцы Дайса чуть дрогнули, а затем его большой палец легонько и нежно погладил тыльную сторону моей ладони. Сердце словно обласкали теплые солнечные лучи, и я поспешила спрятать улыбку.

- Прекрасная новость, - одобрил братец, и пока я, сделав вдох, но забыв о выдохе, ошеломленно изучала его лицо, уточнил: - А вторая новость?

- Кофе нет, - отмерла я и даже впустила в голос нотки злорадства. - И не было.

Алекс грустно кивнул и принялся закатывать рукава темной-синей рубашки. Одет он был не по погоде. Видимо, сорвался сюда сразу после прилета с Эрии. Я ощутила укол вины и вместе с тем холодок страха в желудке: если брат так торопился меня увидеть, значит, у него были на то причины. И вовсе не обязательно личные.

- Что ж, тогда обойдемся без прелюдий, - решил Алекс. - Я хотел поговорить о...

- Возможно, мне стоит начать первым, - перебил Дайс. Он смотрел спокойно и сосредоточенно. - Дело в том, что в случившемся с Майей виноват я. И разговаривать вам стоит со мной, потому что теперь я несу за нее ответственность.

Я едва не уронила челюсть на пол. С одной стороны, мне, конечно, было приятно, что Дайс готов взять всю ответственность на себя, с другой - я сама привыкла решать возникающие проблемы.

Я что-то протестующе промычала, и оба мужчины с интересом покосились на меня.

- Вообще-то... - начала я, но возмутиться мне не дали.

- Да, Айю переслала мне письмо. Я ознакомился с твоей точкой зрения, - проговорил Алекс, обращаясь к Дайсу. - Весьма любопытная трактовка событий.

- Ты писал моему брату? - пискнула я.

- Пытался разыскать тебя, - не стал отпираться Дайс и снова посмотрел на Алекса. - Это же вы разрешили ее помощнице дать мне координаты этого места?

Алекс чуть улыбнулся.

- Я подумал, что время пришло.

- Ну все, с меня хватит! - Я взорвалась. Кажется, впервые за всю жизнь. Грозно наставив указательный палец на братца, я прошипела: - Либо ты нормально объясняешь, зачем приехал и чего хочешь, либо...

Табурет за моей спиной с громким стуком опрокинулся - я вскочила слишком резко. Дайс тоже встал и успокаивающе положил свою руку мне на плечо. Алекс задумчиво постучал указательным пальцем по губам и перевел взгляд на окно. За стеклом шумела листва и пели птицы.

- Хорошо, Майя, давай начистоту. В этот раз я буду говорить максимально откровенно. Такой

подход тебя устроит?

– Более чем, – смущенно буркнула я, а затем, сдвув упавшие на лоб прядки волос, подняла табурет и опустилась на него. Приступ гнева прошел, и теперь мне было неловко. Дайс осторожно присел рядом.

Братец засунул руку в карман черных брюк (он всегда предпочитал темные и мрачные оттенки одежды) и вытащил монетку. Задумчиво покрутил ее в пальцах и, не выпуская, проговорил:

– Прошу прощения, Дайсаке Акано, но говорить я буду с сестрой. Раз она желает, чтобы вы присутствовали, ради бога, так даже в каком-то смысле легче. Но мои слова все равно будут адресованы ей. У нас с вами не получится мужского разговора, на который вы, вероятно, рассчитываете.

– Я понимаю, – медленно сказал Дайс. – Майя выросла на Земле, ваши традиции отличаются от наших... Я не буду пытаться управлять ее жизнью, как это принято у моего народа, но постараюсь защищать и оберегать от любой опасности.

Я судорожно вздохнула: в глазах защипало, и это была попытка успокоиться. Получилось. Но в горле все равно стоял ком.

Боже, чем я заслужила Дайса? Или это твой подарок мне?

Алекс с уважением (кажется, я едва ли не впервые рассмотрела эту эмоцию на его лице) поглядел на Дайса и продолжил:

– Рад, что мы поняли друг друга. Итак, возвращаясь к теме нашего разговора... Здесь не обойтись без небольшой прелюдии. Майя, ты же никогда не интересовалась политикой, верно? Ты избегала ее со священным ужасом черта, перед которым размахивают ладаном.

Я поморщилась:

– Ты преувеличиваешь.

– Возможно. И все же я сделаю небольшой экскурс в историю, если вы не возражаете.

Мы не возражали, и монетка в руках Алекса замелькала еще быстрее. Она то появлялась, то исчезала, притом что сам Алекс едва ли отслеживал ее движения.

– В две тысячи сорок пятом году, как вы знаете, на Земле произошла техногенная катастрофа, полностью уничтожившая все живое. Но случилось это не за одну минуту, поэтому у нас было время отправить сигнал о помощи в космос и задействовать для эвакуации наши немногочисленные корабли: признаться, даже для новичков в освоении Вселенной наш транспорт не отличался многочисленностью. – Я переглянула с Дайсом. Братец начал издали и говорил очевидные вещи. Это было... странно. – Экстренную просьбу о помощи слышали эрийцы и хвараны. Их техника поймала сигнал первой.

– А затем эрийцы протянули нам руку помощи, развернув свои корабли, – вклинилась я. – Не понимаю, зачем ты сейчас вспомнил об этом?

– Интересный факт, – Алекс никак не отреагировал на то, что я его перебила. Он был погружен в себя, но в то же время чутко реагировал на малейшее изменение извне. Вот и сейчас его бровь насмешливо изогнулась, но он никак не прокомментировал мои слова. – Сигнал был также запротоколирован Организацией Объединенных Планет, и, согласно правилам, те, кто был ближе других, просто не могли проигнорировать сигнал о помощи. Они обязаны были вмешаться, если не хотели потерять репутацию и парочку важных пунктов в торговых соглашениях между планетами, которые курирует Организация. Хорошая вещь – протокол, верно?

Я подавленно молчала, обдумывая новую информацию. Одновременно с этим вспомнила, как Алекс однажды назвал наши кофейные посиделки протоколом. Совпадение?

– Я не буду утверждать, что эрийцы руководствовались исключительно меркантильными соображениями, вполне вероятно, их действия носили альтруистический характер, но... – Алекс выдержал паузу и подкинул монетку в воздух. – Корабли были направлены спустя час. Такая задержка существенно уменьшила число беженцев: из миллиона бежавших от огня выжило всего десять тысяч. Именно их и привезли на свою планету эрийцы.

– И все равно они не обязаны были нам помогать, – упрямо сказала я.

– Верно, – согласился Алекс и продолжил: – Мы оказались гостями на чужой планете, где не знали, что с нами делать. Работать с беженцами, адаптировать их к новым условиям – дело хлопотное,

затратное и, с точки зрения правительства Эрии, бесполезное. Допускаю вероятность, что нас бы загнали в резервации и огородили от местных жителей высоким забором с колючей проволокой, но этого делать было нельзя: вряд ли бы такое понравилось Организации, а связываться с ней тогдашние большие боссы не решались. В этот сложный момент президенту Эрии (ты вряд ли его помнишь, Майя, хотя он был весьма занятой личностью) пришла в голову гениальная идея – создать новое общество сверхлюдей на основе смешения генов землян и эрийцев. Как ты знаешь, Майя, численность эрийцев от поколения к поколению медленно, но неуклонно снижается, а потому несколько спорную затею встретили на ура. По какой-то причине эта задумка не понравилась отцу. Видимо, он опасался, что нас превратят в материал для работы, сведут нашу роль к функционалу дойной коровы. Возможно, он рассмотрел подводные камни, не знаю... Как бы там ни было, но его убрали.

– Что? – В хрипе, вырвавшемся из горла, я не узнала свой голос. Я покачнулась, но Дайс бережно поддержал меня за спину.

– Это было заказное убийство, – спокойно, но глухо пояснил Алекс. – Исполнителя я нашел, вычислить заказчика сложнее. Однако рано или поздно я сделаю и это.

– Обещаешь? – пересохшими губами спросила я.

– Обещаю, – серьезно ответил Алекс.

На мгновение повисла тишина, и, казалось, в это время порванные ранее родственные нити снова соединяются, крепнут и образуют новую сильную связь. Несмотря на разногласия, в нас с Алексом текла одна кровь. В некоторых вопросах мы проявляли пугающее единодушие.

– С идеей создания новой нации носились несколько лет – до тех пор, пока не сменилась верхушка власти. Новое правительство признало, что многочисленные неудачные эксперименты – пустая трата бюджета, и прикрыло лавочку. Начался новый виток мытарств. Мы не были нужны эрийцам, и они понятия не имели, что с нами делать. Тогда же условия нашего проживания постепенно стали ухудшаться, но на кардинальные меры притеснения они не шли. Опасались санкций Организации.

– Подождите. – Дайс нахмурился. – Вы говорите об ООП, которая распалась пять лет назад?

– Именно о ней, – с удовлетворением кивнул Алекс. – Вижу, ты следила за политическими новостями. – Дайс пожал плечами, а я задумчиво потерла указательным пальцем по левому запястью – месту, где обычно носила браслет. – Несмотря на неуклонное снижение качества жизни, еще несколько лет прошли относительно спокойно. Нам разрешали вылетать за пределы планеты, получать образование, участвовать в выборах. Вместе с этим, конечно, росли налоги, количество вакансий для наших соотечественников снижалось, но в целом все было не так плохо.

– Для незваных гостей, оставшихся на чужой планете, – напомнила я.

– Да, пожалуй. – Алекс наигрался с монеткой и снова спрятал ее в карман. Оперся спиной на откос окна, вытянул одну ногу по всей длине подоконника, а другую согнул в колене. – Семь лет назад одна из лабораторий Эрии сделала сенсационное открытие: техногенная катастрофа задела лишь внешнюю оболочку Земли, не причинив вреда ее недрам. Залежи полезных ископаемых, весьма редких, к слову, оказались нетронутыми.

Дайс бросил на меня полный тревоги взгляд – я почувствовала его затылком, но не отреагировала. Я таращилась на Алекса и молча открывала рот, как рыба, выброшенная на берег.

– Естественно, было принято решение воспользоваться этими сведениями, – игнорируя меня, продолжил Алекс. Говорил он по-прежнему хорошо поставленным голосом и с отстранением рассказчика, повествующего о том, чему стал свидетелем, но о чем за давностью лет уже успел позабыть. – На Землю была направлена соответствующая техника, благо на тот момент Организация начала сдавать свои позиции и не могла повлиять на эрийцев. Тогда же землянам запретили покидать планету. И все же, опасаясь санкций, на более существенные меры воздействия эрийцы снова не решились.

– Они научились добывать полезные ископаемые Земли?

Я вздрогнула и посмотрела на Дайса. Вот странно, Алекс вроде разговаривал со мной, но Дайс зачастую реагировал быстрее.

– И добывать, и продавать, – кивнул Алекс. – И проворачивали это достаточно ловко, не привлекая внимания общественности. Действовать открыто они тогда побоялись, но...

– Тогда? – взволнованно спросила я.

– Тогда. – Казалось, Алекс обрадовался моему неожиданному интересу. – Как только Организация

канула в Лету, они развернулись во всю мощь. Конечно, о своих делишках на нашей планете они не трубили по местным телеканалам и тщательно блокировали чужие ресурсы с подобной информацией, но стали гораздо смелее. В какой-то момент они решили сделать из Земли полноценную колонию, вот только переселять нас обратно и не подумали. Даже в качестве рабочей силы.

– Почему? – не удержалась от вопроса я, хотя догадывалась об ответе.

– Возник бы риск, что мы попросим покровительства у другой расы. Например, у тех же хваран. Цена за сотрудничество была бы сопоставимой. Все же планета наша, а значит, мы можем выбирать себе хозяев. И даже срамливать их между собой.

Я поморщилась. Хозяева, рабство... Все эти определения вызывали тошноту и омерзение.

– И как давно ты все это знаешь? – Я надеялась, что голос не дрогнет. Зря.

– Достаточно, – лаконично ответил Алекс, не думая отводить взгляд.

«Почему не поделился со мной раньше?» – хотелось закричать мне, но вместо этого я спросила иное:

– Почему ничего не предпринимал?

– Не видел смысла. Поднимать мятеж, чтобы сменить одни кандалы на другие? Слишком опрометчиво.

– Что же изменилось? – Дайс опередил меня, и я была ему благодарна. В голове царил такой сумбур, что я с трудом могла собраться с мыслями.

– Ситуация, – равнодушно пояснил Алекс и снова выглянул в окно. – Как выяснилось, нашей планете есть что предложить, кроме полезных ископаемых. – Мы молчали, а братец не торопился продолжать. Какое-то время он изучал пейзаж, а затем обернулся и негромко сказал: – Майя, Земля оживает. Последствия катастрофы ликвидируются естественным путем.

– Что? – Губы двигались беззвучно, но Алекс меня понял.

– Конечно, она все еще непригодна для жизни, но на ней уже можно строить полностью закрытые города с кислородным куполом. А пройдет лет сто... И мы сможем выйти наружу, не боясь задохнуться.

– Кислород... Там будет кислород? – Я не верила своим ушам.

– И вода, а мы привезем растения и животных. – Я впервые видела Алекса таким одухотворенным. Жесткие, хищные черты его лица сгладились, и теперь сквозь них проступил бунтарь-мальчишка: обаятельный, смелый и, как и все мечтатели, немного пафосный. – Мы заново возродим Землю. На это потребуется не одно поколение, но мы справимся. Майя, мы справимся!

– Так вот зачем вам союз с цинфийцами, – негромко прокомментировал Дайс, и я обернулась к нему. На моих губах играла счастливая улыбка, и я никак не могла вновь стать серьезной. Земля будет жить!

– Вы не глупы, Дайсак, – не без удивления признал Алекс, и мне захотелось ему врезать. Самоуверенность – это то, что я ненавидела в братце. – Цинф перенаселен и давно нуждается в новой планете, но проблема в том, что колонизация – дело затратное. Все пригодные для жизни планеты расположены в слишком далеких от нас системах. Земля в этом плане – весьма выгодное решение наболевшего вопроса: добыча и продажа полезных ископаемых позволят окупить затраты на строительство закрытых городов. Когда же планета восстановится полностью, в руках колонизаторов окажется целый мир.

– Звучит очень заманчиво, особенно учитывая совместимость наших генов, – пробормотала я и наконец прозрела: – Так ты отправил меня на Цинф как первую ласточку?! Чтобы я вышла здесь замуж и доказала, что представители двух рас могут жить долго и счастливо?!

Если бы мы пили кофе, то пузатая кружка непременно полетела бы в голову Алекса. Вместо этого мне пришлось испепелять брата взглядом. К сожалению, тот не торопился оседать кучкой пепла.

– Ты рассуждаешь слишком поверхностно, – хладнокровно попенял братец. – Пробежалась по верхушкам и сделала выводы – это на тебя похоже.

– Скажешь, я не права?

– В общих чертах, – неохотно согласился Алекс. – Я действительно хотел спрятать тебя и надеялся,

что за это время ты найдешь себе пару на Цинфе. Между нашими расами слишком много недопонимания. Нужен живой пример, чтобы навести мосты.

– Что же ты не выставил на брачный рынок себя? – сквозь зубы прошипела я.

– Кто-то же должен был возглавить мятеж, – пожал плечами Алекс. – И потом, ты отлично справилась.

– Зачем ты вообще его поднял? Мятеж, я имею в виду.

Алекс посмотрел на меня с сочувствием, как на несмышленного ребенка.

– Когда ты улетела на Цинф, наши намерения стали очевидны. Естественно, эрийцы не пришли в восторг от столь противоречащих их интересам действий. Последовали... санкции.

– Репрессии? – полувопросительно-полуутвердительно сказала я.

– Да, можно назвать это и так. – Алекс явно не стремился развивать неприятную тему. – Нам пришлось ответить на агрессию агрессией. На полноценную войну нас бы не хватило: силы неравны, но организовать беспорядки и партизанские набеги мы смогли. К слову, это лишь сплотило нас.

Мы помолчали, думая каждый о своем.

– Погоди-ка, – припомнила я. – А как же все эти разговоры, что тебе нужен свой человек на Цинфе и ты не можешь объективно оценить ситуацию?

– Основные пункты соглашения мы обсудили с отцом Айю, но были моменты, требующие уточнения. Поэтому Ито показывал тебе некоторые закрытые объекты, мне требовалось чуть больше деталей, но существенно на план они не влияли. Я просто хотел присмотреться к Ито.

Я пропустила последнюю фразу мимо ушей, слишком увлекшись своими переживаниями.

– А ген, дающий способность воздействовать на обоняние, из-за чего мы видим в цинфийцах врагов?

Алекс закатал рукав еще выше и обнажил плечо. На бледной коже алела маленькая точка – след от недавнего укола.

– Мы решили эту проблему. Одна-единственная сыворотка, и о подобном недоразумении можно забыть.

– Как она действует? – с интересом спросил Дайс и даже приблизился к Алексу, разглядывая красную точку.

– Вколотаая землянину, она подавляет обоняние (не критично, жить можно). В крови цинфийца она работает иначе: угнетает действие уникального гена. При втором варианте эффект более ярко выражен, поэтому при совместном проживании на Земле прививка будет делаться именно цинфийцам. Это абсолютно безболезненная процедура, не волнуйтесь.

– Понятно, – пробормотал Дайс. – Значит, вы основательно нацелены на союз с моими соотечественниками?

– Это взаимовыгодное сотрудничество. Вам нужна новая планета, нам – защита. Благодаря совместимости генов, у наших рас есть возможность общего будущего. Согласитесь, такое решение проблемы устроит всех.

– Угу, – буркнула я, – и на алтарь этого прекрасного светлого будущего ты положил меня. Что ты пообещал Ито?

Брови Алекса взлетели вверх.

– Ничего особенного. Он был одним из кандидатов на роль твоего супруга. Фаворитом, я бы сказал, но не более. Признаться, он нуждается во мне больше, чем я в нем, хотя в ближайшие несколько лет я бы хотел видеть в нем делового партнера – для подстраховки. Его семья очень влиятельна.

– Значит, ты выбрал для меня Ито? – снова закипая, процедила я. Дайс напрягся, видно, ему не нравилась эта тема, но он пока не вмешивался.

– Да, – откровенно сознался братец, не до конца понимая, чем ему это грозит. – Я ставил на него, но ты все переиграла. Зря он пытался на тебя давить. Ты же как пружина: чем сильнее тебя сжать, тем больше отдача. Я тоже понял это слишком поздно... – Алекс потер кончик носа, словно эта самая пружина, распрямившись, ударила его.

– Ты понимаешь, что чуть не натворил? – мрачно поинтересовалась я. По телу пробежала неприятная, липкая дрожь, когда я представила Ито рядом с собой. Почти сразу почувствовала ладонь Дайса на ключице и услышала его частое, гневное сопение.

– Майя, это был всего лишь один из вариантов, – терпеливо повторил братец. – Не спорю, самый предпочтительный для меня, но я не стал бы тебя к нему принуждать.

– Но кого-нибудь мне пришлось бы выбрать, верно?

– Верно, – не стал спорить Алекс. Он поймал мой взгляд и неожиданно вспыхнул: – У каждого из нас есть свои обязательства, Майя! И ты не можешь игнорировать этот факт. Думаешь, мне нравится быть Алексом Данишевским?! Наша фамилия накладывает определенные ограничения.

– Ненавижу ее... – почти искренне прошептала я.

– Скоро ты возьмешь мою, – негромко сказал Дайс и потянулся, заключая меня в объятия. Его пальцы быстро смахнули с моих щек злые слезы и, скользя на плечи, замерли там.

Прикрыв глаза, я уткнулась ему в грудь и с ужасом подумала, что бы случилось, не встреть я его. Как бы сложилась моя судьба? Мне бы пришлось выйти замуж за нелюбимого, чужого человека и всю жизнь играть навязанную роль? Такую судьбу выбрал мне Алекс?

Наверное, последнее я произнесла вслух или, возможно, братец научился читать мои мысли, потому что я услышала тяжелый, протяжный вдох и уставший голос Алекса:

– Мы Данишевские, Майя. И с этим ничего не поделаешь...

Я выглянула из своего укрытия вовремя: как раз чтобы увидеть сгорбившуюся, поникшую фигуру брата. Его бледное лицо со следами недосыпа и волнений вызвало у меня болезненный укол в сердце. Наверное, прежде я никогда не видела его таким: опустошенным, замученным собственными демонами, раздираемым противоречиями... Это был мой брат. Тот, которого я всегда интуитивно угадывала, но никогда не знала.

Наши глаза встретились, и я ненадолго отвела взгляд, а когда снова посмотрела на Алекса, то он уже снова выглядел холодным, отчужденным и немного ироничным.

Обида отступила. Я любила брата и, как бы ни хотела, не могла вырвать эту любовь с корнем, а значит, придется его простить. Тем более что, кажется, выиграла-то я!

Последняя мысль заставила весело фыркнуть. Я перехитрила Алекса. Выбрала того человека, на которого он даже подумать не мог. Забавно.

– И все же не пойму, как я буду играть роль моста между двумя расами. – Я отстранилась от Дайса и напомнила: – Цинфийцы меня ненавидят.

Алекс растянул губы в самодовольной улыбке. Наверное, я выдаю желаемое за действительное, но в этом жесте демонстративного превосходства я разглядела толику облегчения: он был рад, что я закрыла скользкую тему и вернулась к сути проблемы.

– Общественное мнение как монетка – им легко манипулировать, так и смя подбрасывая на ладони до тех пор, пока не выпадет нужная комбинация.

– Что вы задумали? – осторожно спросил Дайс.

– Ничего серьезного, – отмахнулся Алекс. – Признаться, вышло даже лучше, чем если бы это дело спланировал я сам. Брак между сестрой политика и политиком никогда бы не вызвал яркого эмоционального отклика у народа. Каждый второй подозревал бы подвох и фальсификацию. Нет, это было бы ненадежным вариантом, – он цокнул языком, и его синие глаза сверкнули от предвкушения. Так он обычно смотрел на шахматную доску перед началом партии. – А вот скоропалительная женитьба сестры политика и актера... Здесь чувствуется накал страстей, из этого можно состряпать такую историю любви, что всплакнут и старики, и дети.

– Польщен, что вы так высоко оценили наши с Майей отношения, – холодно заметил Дайс. Я уже успела узнать его, поэтому расслышала в голосе угрозу. Пришлось положить ладонь ему на колено и легонько сжать.

Дайс посмотрел на меня, и я покачала головой: мол, да, мой брат такой, но что с ним сделаешь?

Дайс выдохнул через ноздри, как сноровистый жеребец, и перестал буравить Алекса взглядом.

– Что ты намерен предпринять? – спокойно спросила я, повернув голову в сторону братца.

- Немного встряхнуть общественность, - с готовностью откликнулся тот. - Айю уже запустила целую акцию протеста в Сеть: режиссер рассказывает о трогательной истории вашей любви, коллеги по цеху вспоминают какие-то милые, способные растопить лед моменты знакомства землянки и цинфийца. Ну а журналисты, получив госзаказ, пересмотрели свои моральные ценности и теперь осторожно и последовательно закладывают в головы своих соотечественников мысль, что, возможно, не стоило так сурово осуждать твое, Майя, поведение. В конце концов, только по-настоящему влюбленные люди способны творить такие глупости.

- Прекрасно, - протянула я. - Теперь мы современные Ромео и Джульетта?

- Нет, те умерли молодыми, - занудно напомнил Алекс и неодобрительно покосился на меня, недоумевая, что я могла забыть такую важную деталь. - Вам же предстоит прожить долгую и счастливую жизнь. На глазах у общественности. Чтобы та точно не сомневалась в совместимости наших рас.

- Вы не учли одного, - напряженно проговорил Дайс. - Как только репутация Майи восстановится, наш брак снова посчитают мезальянсом: на этот раз из-за меня. Из-за моей фамилии, - с трудом выговорил он.

- Да, преступление вашего отца... - протянул Алекс и, помолчав, сказал: - Я знаю, ваш отец невиновен. Мне известно и имя настоящего преступника.

- У вас есть доказательства? - Дайс так сильно подался вперед, что едва не соскользнул с табурета.

- Есть, - признался Алекс, - но, видите ли, в чем загвоздка... Я не готов раскрыть его личность прямо сейчас. Он мне нужен. В ближайшие два-три года мне пригодится его помощь.

- То есть, - мрачно начал Дайс, - вы предлагаете...

- Выждать, - продолжил Алекс. - Через три года я лично укажу на преступника, и мы осветим этот скандал в прессе, но до тех пор... Пусть ваш брак считают мезальянсом. В конце концов, все любят сказки про Золушек.

- Да, но в роли Золушки будет Дайс, - негромко заметила я. - И потом, ты требуешь слишком многого...

Алекс даже не посмотрел в мою сторону, он целиком сосредоточился на собеседнике:

- Дайсаке, мне действительно нужен этот человек. Я не могу убрать его прямо сейчас.

Дайс какое-то время рассматривал свои раскрытые ладони, а затем поднял голову. Мы с Алексом замерли.

- Хорошо, - кивнул он. - Не только Майя становится частью моей семьи, но и я - вашей. Значит, я должен учитывать интересы родственников.

Алекс ошеломленно заморгал. Кажется, он ожидал услышать какой угодно аргумент, но не этот.

- Достаточно благородно с вашей стороны, - с достоинством ответил он, но я видела: Алекс растерян. Он только что встретил соперника, который обезоружил его своей логикой.

Я нервно захихикала и тут же прикрыла рот ладонью. Мой жест был встречен неодобрительным взглядом сразу двух мужчин моей жизни.

- Мы вернем вам фамилию, Дайсаке, - отвернувшись от меня, снова продолжил разговор Алекс. - Обещаю.

- А какая, кстати, у тебя фамилия? - проснулась я. Прежде никогда не задавалась этим вопросом, но тут стало любопытно.

- Я все ждал, когда ты спросишь, - мягко улыбнулся Дайс и не без гордости произнес: - Миура.

- Миура... - повторила я. - Майя Миура. Хорошо звучит!

Дайс зарделся, как двоечник, получивший вдруг похвалу, и смущенно пояснил:

- На староецифийском это означает «воин».

- Тебе подходит, - тихо сказала я.

- Тебе тоже, - сделал ответный комплимент Дайс.

Алекс занервничал и быстро вскочил на ноги.

– Ну что ж, пожалуй, мне пора. Не хватало еще, чтобы вы начали целоваться при мне. В общем, вам лучше отсидеться здесь еще пару дней, затем запущенный спектакль наберет обороты, и вам придется выйти из подполья. Более детальные инструкции получите позже. Так, ну я бы попросил! Майя, напоминаю, ты моя сестра, и мне неприятно наблюдать за столь откровенными проявлениями твоих чувств!

Мы не слушали возмущения Алекса. Целовались настолько самозабвенно, что очнулись, лишь услышав гневный хлопок дверью. Мысли прояснились, я шепнула, что сейчас вернусь и выскочила на крыльцо. Машина Алекса как раз собиралась взмыть в небо.

– Эй! – крикнула я, и братец опустил стекло окна и посмотрел на меня, удивленно вскинув брови. – Я тебя еще не простила. За Лиди.

– Я знаю, – серьезно сказал он. – Мне жаль, Майя.

Я не стала отвечать, лишь бессильно развела руками.

Машина бесшумно рванула ввысь, меня обдало струей холодного воздуха, и я зябко поежилась. Обхватив себя за плечи, я впиалась взглядом в небо, где среди туч черной точкой исчезала машина Алекса. Наши отношения перешли на новый виток. Я не знала, какими они будут, но чувствовала: мы оба изменились, и пройдет какое-то время, прежде чем мы заново привыкнем друг к другу. А возможно, и познакомимся. Впервые познакомимся по-настоящему.

– Все в порядке?

Я вздрогнула от прикосновения Дайса и откинулась назад, прижавшись спиной к его груди. Поднесла к глазам раскрытую ладонь, чтобы спрятаться от палящего солнца, и улыбнулась:

– Все обязательно будет в порядке. Ведь теперь мы вместе.

Дайс громко выдохнул, а затем зарылся носом в мои волосы и ласково коснулся губами макушки.

Эпилог

Свадьба была назначена через две недели – столько времени дали общественности, чтобы она успела изменить свое мнение о нашем союзе. Не могу сказать, что Алекс добился ошеломляющего успеха – на руках меня больше не носили и с трепетом в мою сторону не косились, но градус осуждения существенно снизился, миновав отметку «тихое презрение» и подбираясь к отрезку «снисходительное любопытство».

Впрочем, правительство Цинфа и не думало сворачивать пиар-акцию, а потому наша с Дайсом миссия зазывной вывески только начиналась.

Я вновь осторожно отдернула плотную штору и выглянула в окно. Количество журналистов за прошедшую четверть часа увеличилось вдвое. Самые смелые не только оккупировали ступеньки храма (изрядно потеснив зевак), но и крыши близлежащих домов. Храм располагался в старом центре города, где постройки не достигли размеров небоскребов, а потому я с легкостью рассмотрела бликующие на солнце объективы камер и фотоаппаратов, выглядывающие из темнеющих проемов чердаков. Я цокнула языком и повела плечами: шумиха изрядно нервировала, день и без того был наполнен суматохой, но поделаться я ничего не могла. Более того, по словам Алекса, я должна была привыкнуть к такому вниманию. Ну, братец! Спасибо, поддержал.

– Ой! – раздался треск ткани, а затем испуганная Лиа попросила: – Вы не могли бы не шевелиться? Вы чуть не порвали подол!

– Это ты чуть не порвала подол! – не смогла промолчать Айю. Оттолкнув Лиа, она присела возле моих ног и, держа булавки в зубах, недовольно прошамкала: – Вот ведь помощ-щ-щница...

Вновь началась тихая перепалка, вечно возникающая между этими двумя. Даже после того, как Лиа попросила прощения, Айю не сменила гнев на милость и не упускала случая подколоть сестру Дайса. Та тоже не оставалась в долгу, поэтому общаться с ними я предпочитала по отдельности. К сожалению, на свадьбе это было невозможно.

– Хватит вам, – шикнула я на них. – Все же в порядке.

Лиа посмотрела на меня с благодарностью. В ее взгляде плескалась преданность волчонка, с упоением гонящего чужих, но никогда не скалящего зубы на своих. Я лишь покачала головой. Порывистость Лиа меня иногда пугала, но в целом я относилась к ней тепло, как к своенравной младшей сестре.

Айю снова что-то недовольно буркнула и принялась поправлять творение своих рук, вырывая нежную ткань из пальцев Лиа и оттесняя ту подальше от произведения искусства. Назвать платье иначе у меня язык не поворачивался. Сшитое лично Айю в рекордно короткий срок из того материала, что мы приглядели в неприметной лавочке торговца редкостями, оно завораживало своей хрупкой, но соблазнительной красотой.

Приспущенный верх, выполненный из тончайшего белоснежного кружева, оголял плечи и выставлял на обозрение тонкие ключицы, заманчиво обрисовывая впадинку между ними. По спине, затянутой в полупрозрачный корсет, похожий своими удивительными узорами на переплетения паутинки, бежала цепочка крошечных пуговиц, обрывающихся вместе с кружевом у начала юбки. Поначалу обтягивающая, таинственно мерцающая капельками настоящего жемчуга и пленяющая нежным цветом айвори, она плавно расширялась у колен и заканчивалась пеной воздушных оборок и воланов, создавая эффект хвоста русалки. Когда Айю преподнесла мне это платье в качестве свадебного подарка, я лишилась дара речи и некоторое время изумленно открывала и закрывала рот, не в силах поверить, что этот роскошный и в то же время изысканный наряд теперь мой.

Макияж Айю сделала максимально естественным, лишь слегка подчеркнула мои глаза. Волосы и вовсе скрутила в жесткие кудри, а затем позволила им мягко рассыпаться по плечам свободными волнами. И, признаться, такая ненавязчивость в акцентах мне импонировала. В отражении я снова узнавала себя, элегантно одетую, но себя, а не пугающую незнакомку.

– Потрясающе выглядишь, – прошептала за спиной Айлин. Встретившись со мной взглядом в зеркале, она смущенно промокнула уголки глаз платочком и тут же встряхнулась, отворачиваясь и доставая что-то из сумки, брошенной на диван в комнатухе, где мы ожидали начала церемонии. – У меня кое-что есть для тебя, – проговорила Айлин и выпрямилась, держа в руках очаровательный в своем лаконичном изяществе ободок из белых цветов. Их полураскрытые бутоны распространяли утонченный аромат.

– Какая красота! – искренне выдохнула я и благодарно посмотрела на дарительницу. – Спасибо, Айлин!

Та с несвойственной ей робостью трепетно вдела ободок мне в волосы, а затем горячо, совсем по-

матерински коснулась моего лба сухими губами:

– Я рада, что мой сын выбрал тебя, Майя.

– Спасибо, – снова прошептала я и сделала над собой усилие, чтобы не расплакаться. Правда все же тихонько всхлипнула, и Айю настороженно вскинула голову и с угрозой посмотрела на меня, вопрошая, мол, не собираюсь ли я слезами смыть результаты ее кропотливого труда.

Айлин отошла к двери, проверить, не пора ли нам собираться, и Айю, улучив минутку, шепнула:

– Белый цвет символизирует начало чего-то нового. Это означает, семья мужа полностью принимает вас.

Я лишь округлила губы, беззвучно выражая свое удивление. С традициями и обрядами Цинфа я все еще была плохо знакома.

Лиа, разгладив свое синее платье свободного покроя, лишь фыркнула:

– Конечно, принимаем. Как может быть иначе?

– Вежливые люди делают вид, что не расслышали, если собеседник обращается не к ним, – вновь пустила шпильку в ее адрес Айю.

– Ну да, но при чем здесь я? – снова показала зубки Лиа, но под моим умоляющим взглядом притихла и виновато улыбнулась.

– Пора, – твердо сказала Айлин, оценив обстановку через маленькую щель в приоткрытой двери. – Нас ждут.

Я взглянула в ее глаза, полные спокойной радости, на синее платье, которое та оправляла с умиротворяющей неспешностью, и испуганно клацнула челюстью. На меня с огромным опозданием напал мандраж, и теперь мне хотелось потянуть время, но не выходить к толпе незнакомых людей.

– Хорош-ш-шо, – чуть заикаясь, сказала я. – Тогда еще немного посидим здесь, да?

Айю хмыкнула. Теперь, когда из моих познаний цинфийского не делали тайны, она перестала играть роль переводчика и стала той, кого я безошибочно почувствовала в ней почти сразу по прилете на эту странную планету, – моей подругой.

– Можно и подождать, – покладисто согласилась она. – Жених никуда не убежит, но вот ваш брат едва ли выдержит пытку временем.

– Алекс здесь?!

– Ну он же не мог пропустить такое событие, – пробормотала сбитая с толку Айю.

Вообще-то мог, но я не стала об этом распространяться. Еще раз взглянула на Айю, оценила ее терракотовое платье в пол, кокетливо обнажающее одно плечо и туго обтягивающее тонкую девичью фигуру, и энергично выдохнула, отменяя все колебания.

– Не будем томить гостей. Вперед!

Я медленно ступала босыми пятками по усыпанному рисом (или чем-то на него похожим) полу. В храме не разрешалось находиться в обуви, поэтому абсолютно все гости, рядом сидящие на коленках, сверкали голыми лодыжками. В руках каждого из них, поблескивая красочной оберточной бумагой, покоились коробки с подарками, которые они должны были вручить по окончании церемонии. Как пояснил вчера Дайс, прийти на свадьбу без такой вот коробочки означало нанести оскорбление паре, поэтому даже отвоевавшие себе задние ряды журналисты радостно выставляли вперед презент как иллюстрацию добрых намерений.

Я увидела среди гостей Ито и нахмурилась, но сразу же разглядела рядом с ним братца и едва не фыркнула: того и стоило ожидать. Ито чуть поклонился мне и чуть встряхнул увесистую коробку, обтянутую в тончайшую, мерцающую всеми цветами радуги обертку.

Я покачала головой и заметила Игибо Майса, обряженного в честь праздника в костюм настолько эпатажного оттенка, что даже тропические попугаи попадали бы с веток от зависти и расписались в собственной некомпетентности. Темно-сиреневые разводы брюк плавно переходили на бирюзовую, топорщащуюся на животике ткань пиджака и немного терялись на фоне алой рубашки и ярко-желтого платка. В руках он держал презент, скрытый от глаз оптимистично-зеленой бумагой.

Я едва не рассмеялась, но удержала серьезное выражение лица, хотя, думаю, мои губы все же подрагивали, но ровно до того момента, как я встретила глазами с Дайсом. Костюм приглушенно-

синего цвета (в тон платьям его сестры и матери) ладно сидел на его крепкой, подтянутой фигуре, выгодно подчеркивая широкие плечи и узкий стан. Темные волосы были уложены на одну сторону и полностью открывали высокий лоб, не скрывая заостренных черт лица. Чуть ссутулившись, как и всегда, он прятал руки в карманах и смотрел на меня с затаенной гордостью и нескрываемой любовью.

Его взгляд заставил меня ускориться, я даже не поняла, как преодолела разделяющее нас расстояние. Лиа и Айю за моей спиной недовольно запыхтели, переходя со степенного шага на суетный, торопливый бег. Лепестки красных цветов, которые они разбрасывали по узкому проходу между гостями, взметались ввысь и оседали мягкой дорожкой позади нас.

Гости слегка оторопели от такой прыти невесты – об этом я догадалась по перешептываниям, но мне было все равно. Я вложила свою ладонь в ладонь Дайса и улыбнулась, услышав теплое: «Привет».

– Привет, – шепнула я в ответ и покосилась на представителя храма, терпеливо взирающего на нас с легкой усталостью.

По привычке я называла служителя церкви священником, хотя, кажется, на Цинфе их величали иначе.

Облаченный в кипенно-белый балахон служитель Бога строго оглядел гостей, и неясный гул стих. Под сводами храма, в звенящей от напряжения тишине, разнесся его твердый, уверенный голос:

– Сегодня мы соединим два звена в одно, накрепко свяжем судьбы этой пары. Скажите, – обратился он к нам, и лицо его смягчилось, – вы уверены в своем решении?

– Да, – откликнулись мы одновременно с Дайсом и улыбнулись друг другу.

Священник с удовлетворением кивнул, а затем рукой указал на неглубокое отверстие в полу округлой формы, заполненное водой. От нее исходил тонкий аромат благовоний, а молочно-белый цвет намекал на присутствие каких-то дополнительных ингредиентов.

Мы, крепко держась за руки, шагнули в этот круг. Мне пришлось чуть придержать платье, чтобы не намочить подол. Дайс же и не подумал поднять штанины – они тут же потемнели и покрылись мокрыми пятнами, но, кажется, никого это не смутило.

– Вода смое с вас все старые связи, чтобы вы смогли начать новую жизнь без оглядки на прошлое, – голос священника стал тише, но торжественнее. Он гипнотизировал, но я почти не обращала на него внимания (ни на голос, ни на его владельца). Все мое внимание поглотил Дайс. Его расширенные от волнения зрачки притягивали взгляд, и я тонула в его глазах, где сверкали золотисто-карие сполохи. – Эти браслеты станут символом нерушимости вашего союза. Обменяйтесь ими в знак искренности и серьезности ваших намерений.

Один из служителей храма, чья желтая ряса напомнила мне наряд прокурора, приблизился к нам и протянул два золотых браслета с тонкими литыми ободками и крошечными, почти незаметными застежками.

Дайс сориентировался первым. Вытянув кисть вперед, он обхватил ее браслетом и, придерживая за замок, выжидающе посмотрел на меня. Я дрожащими пальцами дернула застежку. Раздался едва слышный щелчок, и браслет плотно сел на запястье Дайса.

Затем я потянулась за своим браслетом – более изящным, выполненным из белого золота, и подставила руку с надетым на нее украшением. Дайс, не колеблясь, повторил мои действия.

– Что ж, – радостно возвестил священник, – теперь ваша семья воссоединилась, и да хранят ее рины!

Дайс одарил меня широкой, открытой улыбкой и целомудренно поцеловал в лоб. Гости взорвались овациями, но я, встав на цыпочки, счастливо прислонилась лбом к плечу Дайса и почти ничего вокруг не замечала.

– Вот и все, – успокаивающе шепнул он мне, лаская дыханием ухо. – Осталось выдержать церемонию вручения подарков, и мы свободны.

Я тихонько застонала, и Дайс рассмеялся:

– Впервые вижу такую равнодушную к подношениям невесту.

– Ладно, давай посмотрим на эти «дары волхвов». Вдруг там есть что-нибудь интересное, – вздохнув, согласилась я.

Мы вышли из воды, обтерли ноги и встали чуть дальше от места, где происходил обряд. К нам тут

же выстроилась очередь из гостей. Первой на меня налетела Лиа. Совершенно бесцеремонно опередив мать, она повисла на моей шее и, роня горячие слезы, искренне пробормотала:

– Я так рада за вас! Прости, что не сразу приняла тебя.

– Все в порядке, – я неуклюже похлопала сестру Дайса по спине. – Я все понимаю, правда.

Я действительно все понимала и давно забыла об ее некорректном поведении. Кто старое помянет – тому глаз вон.

Следующей меня обняла Айлин. Сжала на несколько секунд в крепком объятии и, отстранившись, ласково коснулась щеки ладонью.

– Я счастлива, что ты стала частью семьи. Берегите друг друга, – искренне, тепло пожелала она, и я едва успела сглотнуть ком в горле.

Как раз вовремя. Плакать при Алексе было бы ошибкой.

– Примите мои поздравления! – благодушно сказал он и наклонился, чтобы (в соответствии с земными традициями) пожать руку Дайсу. Затем он приобнял меня и проговорил, понизив голос: – Не тяните с детьми. Чем раньше, тем лучше!

– Ну спасибо, братец, – фыркнула я. – Ты, как всегда, печешься о собственных интересах.

– Если можно назвать межпланетные интересы собственными, то... – Алекс хотел продолжить, но Дайс его прервал.

Оглянувшись на вереницу гостей, он быстро спросил:

– Когда вы планируете объявить о союзе между нашими расами?

– Через неделю, – тоже покосившись на очередь, тихо ответил Алекс. – Сейчас нужно доработать детали. Впрочем, эвакуацию землян с Эрии мы уже начали.

– Маму вывезли? – встрепелась я.

– Да, я передам через Айю адрес больницы, чтобы ты смогла ее навестить.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Алекс передернул плечами, мол, пустое, и неожиданно проговорил, не отрывая взгляда от моего запястья с украшением:

– Ты так похожа на нее. Даже привычка та же.

– Что? – непонимающе переспросила я.

– Мама так же теребила часы, – криво усмехнувшись, пояснил Алекс и, словно очнувшись, быстро завершил разговор: – Еще раз поздравляю! Надеюсь на скорое прибавление в семействе.

Алекс почти отошел, когда я ухватила его за лацкан пиджака и спросила то, о чем давно собиралась:

– Откуда у тебя монетка?

Тень неподдельного изумления скользнула по лицу братца, я и сама понимала, что время для такого вопроса выбрано неудачно, но упоминание мамы как будто заставило меня стать откровеннее.

– Ее нашли в кармане брюк отца, в ночь, когда его убили. Это...

– Напоминание, – закончила я.

Мы мгновение всматривались в глаза друг друга, а затем, кивнув, разошлись: я разжала пальцы, выпуская его из плена, а он бесследно растворился в толпе гостей.

– И все же у вас с братом много общего, – глубокомысленно заметил Дайс.

Я не успела возразить: пришлось отвечать на поздравление отца Айю, а затем собрать всю волю в кулак, чтобы не скрипнуть зубами при виде лучащегося вежливостью Ито.

– Примите мои самые теплые пожелания молодой семье, – проговорил он, вручая подарок Дайсу.

Тот неохотно принял подношение и промолчал, а я не удержалась:

- Надеюсь, в коробке не бомба?

Ито манерно рассмеялся:

- Рины с вами, Майя! Я умею проигрывать. И прошу прощения, если где-то перегнул палку. Я просто очень люблю приходить к финишной прямой первым – семейная черта, что поделаться.

Дайс скрипнул зубами, негромко, но Ито намек понял и, церемонно поклонившись, ретировался.

Я посмотрела на Дайса. По его лицу ходили желваки, и я успокаивающе коснулась его плеча. Он тут же расслабился и улыбнулся мне немного виновато.

- Примите мое почтение! – оглушил нас Игибо Майс. Обниматься он не лез, вместо этого склонился в традиционном поклоне, и мы уважительно ответили ему тем же. Презентовав огромную яркую коробку, он перешел на заговорщицкие интонации: – Я получил заказ сверху!

- Откуда сверху? – Я вздрогнула.

- С самого верха, – заверил меня Игибо Майс, покосившись на высокий купольный потолок храма, расписанный изображениями птиц.

- На что? – уточнил Дайс, хмурясь.

- На художественный фильм о вашей любви, конечно! – словно это было очевидно, возмутился режиссер. – Бюджет уже заложен, спонсоры нашлись... Госпожа Майя Данишевская, может быть, вы напишете сценарий?

- Нет! – открестилась я от столь лестного предложения, в красках представив себе этот ужас.

- Подумайте, – принялся уговаривать Игибо Майс. – Кто лучше вас напишет эту историю? И учитывая успех нашего с вами совместного фильма...

- Едва ли в кассовых сборах есть моя заслуга, – деликатно напомнила я, но Игибо Майс напирал, как танк:

- В общем, вы подумайте... А то ведь я расскажу историю так, как вижу сам.

- Угрожаете? – сощурившись, уточнила я, а Дайс подавился смешком.

- Это как посмотреть, – хитро улыбнулся режиссер и снова ринулся в атаку: – В конце концов, мы с вами многому научились друг у друга за время съемок. Почему бы не продолжить обмен опытом?

Я вспомнила, что действительно узнала много нового, да и Игибо Майс тоже что-то для себя вынес, иначе бы никогда не попросил переписать финал, выкинув из него шаблонные фразы и поступки.

А еще в памяти всплыло, как Игибо Майс, не раздумывая, согласился помочь мне в суде.

- Я подумаю, – серьезно пообещала я.

- Буду с нетерпением ждать вашего решения, – подмигнул он и, еще раз поклонившись, отошел к другим гостям.

- Ты правда хочешь это сделать? – с сомнением спросил Дайс.

- Даже не знаю... – задумчиво протянула я. – Но ты представляешь, что там про нас насочиняют, если не проконтролировать процесс?!

Дайс фыркнул, выражая свое мнение по этому вопросу, и равнодушно пожал плечами. Он чмокнул меня в лоб, смягчая ответ и эпатируя тем самым гостей.

- Ой, ну не здесь же! – К нам подлетела Айю. Она недовольно вручила подарок Дайсу и быстро обняла меня. – Вы же только-только отмылись от скандала! Ведите себя прилично.

Мы хитро переглянулись с Дайсом и приняли напыщенно-серьезный вид. Айю закатила глаза.

- Я не буду вам мешать, отойду ненадолго, – сказал Дайс и направился в сторону выхода.

- Эй! А как же та толпа гостей, которая еще вас не поздравила? – возмущенно крикнула ему в спину Айю, но ответа не дождалась. – Безобразие! Вы вышли замуж за ужасно бесцеремонного типа. Хуже только его сестра.

- Айю, – я почти смеялась, но старалась держаться. – Когда ты уже начнешь называть меня на ты?

- М-м-м... - смешалась та. - Может быть, немного попозже...

- Это когда же? - сурово сдвинула брови я и воззрилась на нее.

Айю покраснела и мазнула взглядом по гостям, ища спасение или способ меня отвлечь. Ее внимание кто-то привлек, в глазах закружил уже знакомый мне мечтательный туман.

- Возможно, когда породнюсь с вами, - рассеянно ответила она, и я обернулась, чтобы понять, на кого же она смотрит. - Ваш брат так красив...

Я испуганно дернулась и в ужасе уставилась на нее:

- Нет, Айю, нет! Только не Алекс!

- Почему? - обиделась она. - Не хотите видеть меня сестрой?

- Ты же была влюблена в Ито! - с надеждой вспомнила я.

- У, это давно было! - отмахнулась Айю. - Я уже сто раз успела остыть. А ваш брат - хорошая партия: статный, умный, образованный и весь такой таинственный... И дети у нас будут красивые! Ему все равно скоро придется жениться на цинфийке, чтобы скрепить союз и показать пример своим соотечественникам, так почему бы не на мне?

Айю рассуждала со знанием дела. Она цепко рассматривала Алекса, прощупывая его. Я увидела, как брат нервно вздрогнул и обернулся, ища источник столь навязчивого внимания. Заметив Айю, он расслабился и кивнул ей. Та расцвела улыбкой, полной женского превосходства.

У меня по спине замаршировали мурашки.

- Айю. Ты не понимаешь, - я попыталась воззвать к ее разуму. - Алекс... я не уверена, что он вообще умеет любить... Он...

- Конечно, умеет, - упрямо покачала головой Айю. - И доказательство тому - его отношение к вам. Он предоставил вам выбор, в то время как мой отец просто бы озвучил свое решение.

- Мы говорим о разных вещах...

- Нет, об одном и том же. Я знаю, вы не простили ему смерти подруги, но это не причина думать о нем плохо.

- Нет? - усмехнулась я.

- Нет, - серьезно ответила она. - Вы уверены, будто знаете его, но это не так. Он так долго играл на публику, что даже с близкими не снимает маски. Он устал. Ему нужен человек, который разделит груз его ответственности.

Я молчала, кусая губы. Айю говорила так, словно видела Алекса не в первый раз и имела о нем представление. Мне подумалось, что братец, конечно, интересуется ее как мужчина, но дело не только в этом. Я никогда не понимала Алекса. Наверное, я просто другая. Возможно, Айю сделана из того же теста, что и он?

- Будь осторожна, - все же предупредила я, и Айю вздохнула, соглашаясь с просьбой.

Я еще раз взглянула на брата. Он стоял, прислонившись к одной из балок храма, и деловито беседовал о чем-то с Ито.

Я прищурилась. Скоротечная, едва уловимая мысль мелькнула в голове, распугав все остальные, и в гулкой тишине замолчавшего разума я попыталась сформулировать свое предчувствие.

Алекс сказал, что знает преступника, оклеветавшего отца Дайса. Брат подчеркнул, что ему нужен этот человек в ближайшие несколько лет.

Ито - его компаньон, партнер, от которого тот пока не торопится избавляться. Неужели...

Я чуть не задыхнулась от обжигающей догадки. Если я права, а не выдаю фантазии за реальность, то отца Дайса подставила семья Ито.

Это значит...

- Все в порядке? - На мою талию мягко опустилась ладонь Дайса. Сам он безмятежно смотрел на меня, и лишь в самой глубине глаз притаилась хитринка: он что-то задумал.

Нет, глупости. Я не буду об этом думать. Мне просто показалось.

Я с трудом отвела взгляд от брата, параллельно думая о том, что, возможно, года через три Ито сменит фамилию с Кейтаро на Акано, и через силу улыбнулась:

– Конечно, в порядке. Где ты был?

– Готовил побег, – торжественным шепотом признался он.

– Что-о-о?! – одновременно выдохнули мы с Айю: я с восторгом, а она с ужасом.

– Поздравления родственников, важных шишек и друзей мы приняли. Остались незнакомцы и журналисты, которые, думаю, простят нас, если мы растворимся в толпе, – хладнокровно пояснил Дайс, а затем не удержался и подмигнул мне совершенно по-мальчишески.

– Мне нравится эта идея! – с энтузиазмом одобрила я.

– Вы сумасшедшие, – припечатала Айю. – И определенно стоите друг друга.

– Отвлечешь ненадолго гостей? – попросила я и, не дожидаясь ответа, чмокнула ее в щеку. – Спасибо!

– Что с вами сделаешь... – буркнула та и, отойдя от нас на несколько шагов, захлопала в ладоши, призывая присутствующих к вниманию.

Что она говорила, мы уже не слышали. Так и не обувшись, со всех ног неслись в сторону черного хода, ведущего на стоянку. Мы, как хороший таран, сбили парочку дежуривших там журналистов и, сдерживая смех, запрыгнули в салон машины Дайса.

Тот ударил по кнопкам сенсорной панели, лихорадочно включая систему управления, и мы взмыли в воздух под разочарованные крики журналистов. Догнать нас не пытались, впрочем, возможно, Дайс оторвался от погони, а я и не заметила. Мое внимание поглотило нечто другое.

– Не может быть! – воскликнула я, поводя носом, как хорошая ищейка. – Это что, кофе и булочки?

– Айю Вонг рассказала мне про жену того владельца магазинчика с тканями. Я зашел к ним, и по моей просьбе эта женщина напекла каких-то, как она заверила, вкусностей. Я хотел тебя порадовать.

– Тефе удафось! – прочавкала я, и Дайс, отрываясь от чистого неба с редкими пушистыми облаками, довольно улыбнулся.

Я почти полностью разорила корзину, восхищенно озвучивая названия каждого деликатеса: булочка, пирожное, пирожок, когда Дайс, одной рукой управляя машиной, другой нежно вытер кусочек сладкого крема с уголка моих губ и заметил:

– Тебе необязательно давиться нашей едой. Я догадался, что ты ее терпеть не можешь. Возможно, со временем ты найдешь ее вкус вполне приемлемым, а до тех пор мы найдем тебе повара, чтобы ты питалась так, как привыкла.

Такая простая идея не приходила мне в голову.

– Правда? – искренне обрадовалась я и выпалила: – Я говорила, что люблю тебя?

Дайс посерьезнел:

– Нет, не говорила, но я и так это знаю.

Я неловко пихнула его локтем в бок:

– Это потому, что ты тоже мне не говорил таких слов.

Дайс замер, будто пораженный, а затем хлопнул себя по лбу:

– Я идиот! А ведь правда ни разу не признался тебе в любви, как полагается. Думал, это настолько очевидно, что не нуждается в подтверждении.

– Еще как нуждается, – упрямо пробормотала я, вытягивая ноги и поднимая подол до колен, чтобы не измять его. За окном количество облачков резко уменьшилось: мы пошли на снижение. – А куда мы направляемся? – запоздало спросила я.

– К нашему месту. Туда, где ты впервые увидела океан, а мы едва не поцеловались, – пояснил Дайс, и я покраснела от удовольствия, что он помнит такие детали и придает им значение. – Майя, я люб...

Я заткнула ему рот ладонью и гневно воззрилась на него.

– Нет, не сейчас. Скажешь внизу, у океана. Я хочу запомнить этот момент.

– Хорошо, – кивнул Дайс. Его губы улыбались, но глаза оставались серьезными. – Я тебя не подведу.

Шины зашуршали по асфальту: автомобиль продолжил путь по земле. Дайс щелкнул по панели, и в салон полилась мягкая, обволакивающая мелодия. Я открыла окно и выставила раскрытую ладонь, ловя пальцами теплый воздух, как и тогда, во время ночной поездки, положившей начало нашим отношениям.

Воздух не пах дождем и свежестью, он был густой, тягучий, наполненный жаром летнего дня, но так мне нравилось даже больше. Моя ладонь покоилась в ладони Дайса, голова лежала на его плече, и, всматриваясь в бегущую дорогу, я задыхалась от головокружительного счастья. Я не знала, что будет через день, неделю или месяц. Не представляла, что нас ждет, когда о союзе двух рас объявят по всем новостям, когда скрытое противостояние перейдет в открытую войну, – я не хотела даже думать об этом. Имело значение только то, что происходило сейчас.

Я жаждала запомнить этот миг каждой частичкой своей души. Миг, когда чужой незнакомый мир стал родным и понятным. Миг, когда я обрела то, что, не зная сама, искала так долго. Я получила драгоценный дар, о котором не смела и мечтать, от мужчины, сжимавшего мою руку так крепко, словно боявшегося отпустить.

Дом – это не место. Теперь я знала это абсолютно точно.